

ST. PETERSBURG SCANDINAVIAN CENTRE
Санкт-Петербургский государственный университет
Русский христианский гуманитарный институт
Институт Финляндии в Санкт-Петербурге

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы

*Материалы четвертой ежегодной международной науч-
ной конференции*

Санкт-Петербург
2003

Редакционная коллегия: докт. ист. наук, профессор В. Н. Барышников (ответственный редактор), канд. ист. наук К. Е. Нетужилов, канд. филол. наук С. Ю. Трохачев, Е. А. Акимова

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной научной конференции (24-25 апреля 2002 г.). Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2003.

© В.Н. Барышников, С. Ю. Трохачев, сост., 2002

©Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ.....	
Трохачев С. Ю. Густав Орреус – первый доктор с российским дипломом.....	
Стерликова А. А. Мирный план Г. Герца и русская дипломатия (1716- нач.1718 гг.).....	
Терюков А. И. Граф Н. П. Румянцев и финляндские ученые.....	
Цоффка В.В., Нилиц А.В. Усадьба княгинии Н. П. Голицыной в Выборгской губернии.....	
Рейман А. Л. Шведские садовые мастера в Санкт-Петербурге.....	
Высочков Л. В. «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское...	
Яковлев О. А. Финляндия глазами русских путешественников (XIX- нач. XX вв.).....	
аф Форселлес-Риска С. Как из офицера и руководителя промышленности Карла Энкеля получился знаток российских дел и последний статс-секретарь Финляндии в Петербурге	
Пааскоски Ю. Александра Коллонтай и усадьба Куусаа под Муолаа.....	
Барышников В. Н. Роль А. А. Жданова в создании и деятельности т.н. «терийокского правительства» (1939-1940 гг.).....	
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА.....	
Иванов М. В. Русская торговля в Стокгольме в XVII в.	

- Дунаева Ю.Г.
Швеция как участница административных союзов XIX века.....
- Усыскин Г. С.
Военно-революционная организация Народной воли в Гельсингфорсе.....
- Дубровская Е.Ю.
Армейская повседневность: российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918).....
- Шрадер Т.А.
Шведско-русское сотрудничество в изучении Шпицбергена (конец XIX – начало XX вв.).....
- Репневский А. В.
Экономические претензии Норвегии к Советской России и торговые переговоры 1920-1921 гг.....
- Журавлев Д. А.
Здравоохранение Ленинграда накануне советско-финляндской войны.....
- Барышников Н. И.
Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда (1941 г.).....
- БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ.....
- Кротов П. А.
Российский флот как фактор противостояния шведскому великодержавию на Балтике (1703-1721 гг.).....
- Дуров И.Г.
Пищевые рационы нижних чинов русского и флотов западноевропейских стран в Северную войну (1700-1721 гг.).....
- Лукошков А. В.
Санкт-Петербург как звено в истории северо-западного торгового пути (по данным историко-архивных и подводно-археологических исследований).....
- Смирнов В. Г.
Международная хронометрическая экспедиция в Балтийское море (1833 г.).....
- Портала М. А.
Первая постоянная радиостанция на территории Финляндии.....
- Кобчиков Е. Ю.
О планах уничтожения и прорыва кораблей КБФ из блокадного Ленинграда в 1941-1942 гг.....

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.....

Бурков В.Г.

Российские фалеристические памятники Великого княжества Финляндского...

Кушеверский И. А.

Русско-шведская война в дневниках и воспоминаниях участников.....

Пересадило Р. В.

Донесения российских консулов из Шведско-Норвежского королевства в Петербург, как источник по изучению экономической истории Норвегии (кон. XIX – нач. XX вв.).....

Михалкова Т. К.

Работа А.М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения» (1865) и статья А.В. Луначарского «Торвальдсен» (1910).....

Петров П.В.

РККА глазами финского командования: уроки советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Акимова Е.А.

Освещение в ленинградской печати суда по делу организаторов тайных складов оружия в Финляндии.....

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....

Куропятник А.И.

Локальные мультикультуральные сообщества Северо-Запада России как социокультурный феномен.....

Кононенко В., Межевич Н.М.

Региональная самоидентификации Финляндии: поиск пространственных основ....

Куропятник М.С.

«Запоздалые нации» Серной Европы: проблема конструирования идентичности....

Балашов Е. А.

Русские усадьбы на Карельском перешейке.....

Садова Л. А.

Российская публицистика о норвежском характере (конец XIX-начало XX в.в.)....

Мусаев В.И.

Советские беженцы в Швеции в годы второй мировой войны.....

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ И РЕЛИГИЯ.....

Кривдина О.А.

Скульпторы - выпускники Королевской Академии художеств в Копенгагене и их работы в Санкт-Петербурге (вторая половина XVIII – начало XIX вв.).....

Кащенко Е. С.

История коллекции А. Андерссона (Национальный музей, Стокгольм): к вопросу о собраниях русского фарфора XVIII-XIX вв. в Скандинавии

Ивлева С.Е.

Иллюстрированные издания типографии Георгия Гогенфельдена. 1860-е гг...

Семенцов С. В.

Градостроительная и архитектурно-строительная история «Механического завода «Людвиг Нобель» в Санкт-Петербурге (1870-1917 гг.).....

Галкин А. К., Бовкало А. А.

Экскурсия самарских семинаристов по Восточной Финляндии в 1903 г.....

Фокин В.И.

Театральные связи Скандинавских стран и Ленинграда в 20 – 30-е гг.....

Белкина Н. В.

К вопросу практики изучения финского языка на современном этапе с использованием мультимедийных учебников.....

Кириленко И. В., Папаскари Т. В.

Некоторые современные направления в дизайне и искусстве Финляндии.....

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит статьи, основанные на материалах докладов четвертой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», организованной Русским христианским гуманитарным институтом (РХГИ) и Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге в творческом содружестве с историческим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета.

Конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», состоялось 24-25 апреля 2001 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, социологов и культурологов, которые ведут исследование в рамках изучения Петербурга и северо-западного региона. Предшествующие материалы были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98-99», а также в отдельных изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».¹ На конференции принимали активное участия ученые РХГИ, а также профессорско-преподавательский состав исторического, социологического факультетов и факультета международных отношений СПбГУ. Кроме того, на конференции с докладами выступали ученые других известных вузов, научных и музейных центров Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Петрозаводска и Нижнего Новгорода. На конференции участвовали специалисты и научные работники из Хельсинки и Турку.

В отличие от предыдущих конференций на ней была образована отдельная секция, рассматривавшая вопросы, связанные с раскрытием роли Балтийского моря в истории стран северного региона. Работа этой секции получила затем конкретное освещение в периодической печати.²

Впервые конференция проходила под эгидой созданного в декабре 2001 г. в Санкт-Петербурге Скадинавского центра, который рассматривает проведение данных конференций как одно из важнейших направлений своей деятельности. Наряду с Русским христианским гуманитарным институтом и Институтом Финляндии, на базе которых проводилась данная научная конференция, указанный Центр ставят перед собой одну из важных задач, активное изучение истории, языка и культуры Скандинавских стран и Финляндии. В этом видится необходимость усиления тесных культурных и научных связей северо-запада России со странами Северной Европы и возрождения Санкт-Петербурга, как одного наиболее крупных и известных центров России по исследованию Североевропейских государств.

Прошедшая конференция, как и предшествовавшие ей, а также издаваемые на их основе сборники научных материалов, способствуют достижению единства скандинавистов России и стран Северной Европы в изучении отношений Петербурга со Скандинавией и Финляндией.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Трохачев С. Ю.

Густав Орреус – первый доктор с российским дипломом

Орреус (транскрипция в российских документах разнится — Ogtoeus или Ogtaeus)³ родился в семье пастора в Финляндии близ Вильманстранда (Кюменегорский уезд, ныне — г. Лаппеенранта) 20 августа 1738 г. В истории отечественной медицины он запомнился как Густав Максимович. И он же — "первый в России врач, получивший степень доктора медицины, не ездивши за границу".⁴ В 16 лет Орреус добился права посещать лекции в университете города Або. Через год, в 17 лет (начиная с 26 мая 1755 г.) он становится вольнослушателем Санкт-Петербургского генерального сухопутного госпиталя. Данные о его карьере указывают на фантастическую стремительность последней. Уже 30 сентября 1755 г. он получает чин подлекаря, успешно сдав надлежащий экзамен, а 27 февраля 1757 г. — лекаря, то есть, по принятой тогда номенклатуре, полноправного врача, но без университетского диплома.

Докторские дипломы в XVIII веке зарабатывались за границей. Но даже наличие этого документа не освобождало от специального экзамена в Медицинской коллегии. Орреус пробыл за границей всего лишь месяца два, так как зафиксировано, что с мая 1757 г. он — врач Пятого Мушкетерского полка обсервационного корпуса. В этой должности он прослужил два года. Затем корпус был расформирован и Орреус поступил в Бутырский полк.

26 июня 1762 г., отслужив уже пять лет, Орреус был причислен к так называемому "физикату", собственно, к Медицинской коллегии, "в помощь физическим делам".⁵ С 13 марта 1763 г. он уже выступает в качестве оператора Петербургского генерального адмиралтейского госпиталя. Это была серьезная должность с относительно неплохим жалованье в 300 руб. в год. Орреус преподавал хирургию и практическую анатомию в госпитальной школе. Чуть позднее к этому прибавился и знаменитый предмет под названием *materia medica* — "распознавание трав и кореньев".⁶

9 июня 1764 г. был обнародован указ Екатерины II, в соответствии с которым отныне в самой России позволялось вручать докторские дипломы. Историки медицины еще должным образом не оценили этот сильнейший шаг вперед в деле становления отечественного здравоохранения. "Указ нашей Коллегии Медицинской. По установлению новому медицинскому факультета, каковое состоит теперь в государстве нашем под правлением Медицинской нашей

Коллегии, ни малая более нужда не настоит, чтобы кандидаты медицины производимы были через экзамены в университетах чужестранных в докторы сего факультета. И сего ради повелеваем нашей Коллегии Медицинской, по собственным ее экзаменам, всех обучившихся сей науке производить в доктора медицины и давать на то каждому патент на пергаменте за рукой Президента Коллегии с приложением нашей печати".⁷ Это был переворот. В российской медицине XVIII века самые прочные позиции занимала "немецкая партия". Самый авторитетный историк отечественной медицины Я.А. Чистович насчитывает до 120 немецких врачей, практиковавших в России в этом столетии.⁸ И это — не исчерпывающие данные.

Какие центры подготовки врачей на данный момент существовали в России ? Конечно, госпитальные школы. Но они в принципе не были вузами. Петербургский университет при Академии наук в этом направлении не работал. Медицинский факультет Московского университета открылся в 1765 г. Состояние дел там было крайне слабым. До 1791 г. факультет не имел права выдачи дипломов.⁹ С этими дипломами вообще все было непросто. Первая такая бумага, или "грамота на докторский чин" была выдана всего лишь бакалавру медицины Стефану Даниилу фон Гадену в 1669 г. Указ Петра Великого от 31 августа 1721 г. о создании Медицинской коллегии на деле не был реализован из-за простейшей детали: докторов медицины (дипломированных) насчитывалось тогда в России не более семи.¹⁰ Формально коллегия была создана, и ее возглавил Иоганн-Деодат Блюментрост (немец), брат Лаврентия Блюментроста, лейб-медика Петра и первого президента Академии наук. Но директор Московского госпиталя, основанного еще в 1706 г., голландец Николай Бидлоо открыто издевался над самим фактом, что коллегия состоит из одного человека.

Само слово "врач" было введено в русский язык греком Павлом Захаровичем Кондоиди, который был директором Медицинской коллегии до 1760 г. Это был синоним к латинскому *medicus*, что стабильно означало доктора с университетским дипломом. Новый термин быстро привился на русской почве. Многие стали называть себя врачами. В итоге последовал указ Медицинской коллегии от 11 мая 1762 г. о запрещении вольного употребления слова "врач" с угрозой штрафа в 100 руб.¹¹

Вернемся к Орреусу. В полном соответствии с указом Екатерины, в 1765 г. он подал прошение о допуске его к докторскому экзамену в Медицинской канцелярии (с 1763 г. — коллегии). Еще при архиатре (главном враче) Иоганне Бернгарде Фишере (1735–1741) экзаменационная коллегия, которая всего лишь подтверждала (или не подтверждала) уже полученный на Западе докторский диплом, состояла из сотрудников Медицинской канцелярии — штатд-физика, оператора, лекаря, а также главных докторов госпиталей: Московского, Петер-

бургского, Кронштадтского, Ревельского, Казанского, Астраханского и др.¹² Экзамен был достаточно легким, и вскоре в ряде случаев превратился в формальность. Например, глава всего "медицинского факультета" России Герман Лесток был всего лишь лекарем, но не доктором, однако без всякого экзамена получил степень доктора медицины в России по императорскому указу 18 декабря 1741 г. за "особливо оказанные верные и давние услуги".¹³

В случае с Орреусом комиссия, состоявшая из членов Медицинской коллегии, приняла следующее, весьма остроумное решение. Именно: с Орреуса удерживалось 40 руб. в пользу казны, если он не выдержит экзамен (сумма немалая с учетом его жалования в 300 руб. в год). Если же выдержит, то указанная сумма ему должна быть возвращена. Экзамен состоялся 27 октября 1765 г. и прошел успешно. Но далее начались проволочки с выдачей диплома. В августе 1766 г. Орреус подал жалобу на Медицинскую коллегию в кабинет императрицы. Управляющий делами Иван Елагин потребовал надлежащих сведений от директора коллегии барона А.И. Черкасова, пребывавшего в этой должности с 1763 по 1775 г. Тот, соответственно, запросил членов коллегии — экзаменаторов. Последние, в частности, указали, что, во-первых, Орреус показал посредственные знания, а во-вторых, коллегия, мол, вообще не считает своим делом ни экзамен, ни выдачу дипломов. В этом ответе буквально все проникнуто ложью. По пункту первому, Орреусу были возвращены 40 руб., то есть он как бы выдержал экзамен. По второму пункту коллегия сослалась на инструкцию о необходимости сотрудничества с Московским университетом в организации и проведении экзамена. Однако, медицинский факультет Московского университета в это время находился еще в стадии формирования, как указывалось выше.¹⁴ Что же касается пресловутой инструкции, то в ней нечто прямо противоположное утверждению членов Медицинской коллегии: "Та же коллегия должна изобресть способы через сношение с Московским университетом, чтобы из *подданных российских* (курсив наш — С.Т.) воспитывать и обучать как в теории, так и в практике докторской".¹⁵ Комментируя этот фрагмент, Я.А. Чистович замечает: коллегия "все мерещилось, что, вот, за дипломами придут к ней русские "кандидаты медицины" и, получив их, сбросят с себя чужеземное ярмо и выживут из России иностранных паразитов".¹⁶

К "паразитам" мы еще вернемся. В отношении же Орреуса события далее развивались следующим образом. 6 ноября 1766 г. от И. Елагина пришел замысловатый ответ в том смысле, что коллегия будто бы права и что челобитная отдается Орреусу. Наш доктор, однако, не успокоился. Он добился личного приема у Елагина и Черкасова. Результатом стала новая жалоба на имя Екатерины. 2 августа 1768 г. последовал высочайший указ, в соответствии с которым Орреусу был выдан диплом. "Это, — пишет Я.А. Чистович, — был первый докторский

диплом, выданный по экзамену в России, а последствия показали, что этот диплом попал в самые достойные руки".¹⁷

Далее Г. Орреус служил генерал-штаб-доктором во 2-й, а затем в 1-й армии графа П.А. Румянцева, причем с 25 декабря 1769 г. состоял медиком в свите графа.¹⁸ 24 февраля 1771 г. он подал прошение о переводе на более спокойное место службы. На первый взгляд это выглядит странным: финскому доктору было всего лишь 33 года. Но в превосходной характеристике, выданной Румянцевым, отмечалась активная деятельность Орреуса во время эпидемии чумы в Молдавии, что требовало немалых знаний и немалого же мужества. Орреус, писал Румянцев, "во врачевании одержимых натуральными болезнями и раненых военных чинов крайнюю прилежность и усердие оказывал". И далее: "При самом сильнейшем распространении заразительной болезни в Молдавии..., презирая все опасности, с толиким радением и неуныпностью в том трудился, что как в излечении великого множества зараженных, так и в принятии им способов к конечному от сего зла освобождению в короткое время ощущено быть стало превосходное его искусство..."¹⁹ Императрица явно благоволила к Орреусу: 31 марта 1771 г. последовал указ о переводе его в ведение генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. Далее, по указу от 15 октября 1772 г., Орреус был переведен штатт-физиком в Москву, где он вновь проявил себя самым выдающимся образом во время очередной эпидемии чумы. 10 июля 1775 г. Орреус получил чин коллежского советника — "чин, который в ту пору редко давался врачам, не состоявшим членами Медицинской коллегии", а 18 июля следующего года вышел в отставку "по состоянию здоровья" и поселился в небольшом имении близ Петербурга. Медицину он не бросил: занимался частной практикой. Из его ученых сочинений, написанных в России известно, в частности, описание эпидемии чумы в Яссах 1770 г. и в Москве 1771 г. (*Descriptio pestis, quae anno MDCCLXX in Jassia, MDCCLXXI in Moscua grassata est. Petropoli, MDCCLXXIV*), а также небольшое сочинение о катарральных горячках (СПб., 1807). Кроме того Орреус увлекался сельским хозяйством и опубликовал на эту тему ряд статей в "Трудах Вольного Экономического общества". С 1806 г. он стал членом Медицинского совета, пришедшего на смену Медицинской коллегии, а с 1808 г. — непременным членом Медико-Хирургической (будущей Военно-медицинской) академии. Умер Густав Орреус 1 сентября 1811 г.²⁰

Возвратимся теперь к вопросу: а что же произошло с дипломом, который Орреус, несомненно, заслужил. Точнее: "а судьи кто?" Известно, что экзаменаторами Орреуса были: барон Георг Аш (Asch, 1727–1807), немец, родившийся в Петербурге; Христиан Пеккен (Pekken, ? — 1779), венгр из Розенау и Андрей Линдеман (Linemann), немец из Ревеля.

В этом ряду Г. Аш, пожалуй, самый колоритный, в кавычках, персонаж. Он учился в Геттингене под руководством самого великого Альбрехта фон Галлера и там же защитил диссертацию. На русскую службу он был принят из Голландии 18 августа 1750 г. с жалованьем 300 руб. в год. Первым же его заданием стала закупка минеральных вод в Германии, Франции и Англии. "Эта странная должность, — замечает Я.А. Чистович, — вызвана была тем, что Медицинская канцелярия... исходатайствовала себе привилегию ввоза заграничных минеральных вод и продажи их из своих аптек русской публике" (Сенатский указ от 24 июля 1750 г.).²¹ В процессе "командировки" Аш благополучно растратил почти 300 руб. и ничего не приобрел. Тем не менее свои деньги он получил, а в октябре 1752 г. был прикреплен к Медицинской канцелярии "для поручений". Затем некоторое время он служил дивизионным доктором в дивизии графа А.И. Шувалова, расквартированной в Финляндии. Уже 22 марта 1755 г., по собственной просьбе он получил новое назначение — старшим доктором в шляхетный морской кадетский корпус. В 1760–1761 гг. он служил в должности генерал-штаб-доктора при фельдмаршале А.Б. Бутурлине.

В 1763 г., с учреждением Медицинской коллегии, Г. Аш сделался ее первым членом. Я.А. Чистович приводит по крайней мере три неллицеприятных историй об Аше. Так, однажды старший доктор Рижского полевого госпиталя, некто Рейхарт, "желая выжить из этого госпиталя лекаря Афанасия Михайловича Самойловича за то только, что он русский, сделал на него ложный донос", каковой донос Аш от имени Медицинской коллегии подтвердил. Новое следствие по инициативе Сената показало всю вздорность обвинений. Рейхарта со службы уволили, Аш же отделался выговором, хотя бы и публичным.²²

Следующий поступок Аша непосредственно связан с Орреусом. Как-то в Эрмитаже Екатерина II неожиданно обнаружила новенькую серебряную медаль, на одной стороне которой помещался портрет Аша, а на другой фигура бога врачевания Асклепия с надписью "Liberator a peste, 1770" ("освободитель от чумы"). Оказалось, что это — частный заказ, всего 8 экземпляров (6 медных и 2 серебряных), выполненный по инициативе директора Монетного двора Шлаттера в июле 1780 г. Две медали, серебряная и медная, были даже присланы в Академию наук. Одновременно поступило донесение от Орреуса, который отмечал, что именно он боролся с чумой в Яссах и в Москве и что Аша там и вовсе не было. Указом Сената от 8 декабря 1787 г. Ашу было предписано сдать медали в Медицинскую коллегию, что и было сделано, правда, всего 4 медных. Орреус, между прочим, попытался воспользоваться случаем, чтобы испросить себе вознаграждение, но ничего не получил.²³

Наконец, в 1797 г. в Медицинской коллегии состоялось обсуждение нового и крайне полезного периодического издания "Записки российских врачей". Предложены были две части — русская и латинская. Г. Аш категорически выступил против русской части, и в итоге вышел лишь один первый том по-латыни. "В московском училище, — пишет по этому поводу Я.А. Чистович, — сильно оберегали этот язык, а все-таки многие нелегко владели им. В Санкт-Петербургских же училищах ни один немец не знал ни слова ни по-русски, ни по-латыни..."²⁴

Иными словами, в деятельности Аша явно просматривается антирусская направленность. Более того, мы даже можем констатировать несомненное господство "немецкой партии" в отечественном здравоохранении XVIII в. И это несмотря на то, что первым российским архиатром стал шотландец Роберт Эрскин (1677–1718), руководитель Аптекарской канцелярии, до 1707 г. именовавшейся Аптекарским приказом. Его карьера в России была поистине головокружительной. Он стал другом и личным врачом Петра Великого. Он фактически создал или, по крайней мере, заложил основы системы здравоохранения в России. Он же стал вестить и дальнейшими приглашениями врачей.²⁵ Но даже Эрскин не смог изменить сложившуюся ситуацию. Позиции немцев в русской, главным образом, придворной медицине были невероятно сильны еще с XVII в. Шотландская (эдинбургская) медицинская школа по настоящему сложилась лишь ко второй половине XVIII в. Даже приблизительная статистика, основанная на данных, биографического словаря Я.А. Чистовича показывает, что в XVIII в. в России фиксируется 511 иностранных врачей. Больше всего в списке, конечно, немцев — 120 чел., далее следуют поляки (20), австрийцы (15), выходцы из Пруссии (14), греки и итальянцы (по 11), голландцы (10), швейцарцы и шотландцы (по 7) и далее, по убывающей.²⁶

Не лучше выглядит и Андрей Линдеман из Ревеля. Как и Аш, он учился в Геттингене, где защитил диссертацию по акушерству. В 1756 г. подал прошение о русской службе. Был экзаменован тем же Ашем, Пеккеном, а также неким Шрейбером и получил в 1757 г. право практики. По инициативе П.З. Кондоиди, придававшего огромное значение акушерству и гинекологии, Линдеман был определен профессором по этим направлениям с жалованьем 600 руб. в год, но с обязательством чтения лекций по-русски (сам Кондоиди, будучи греком по происхождению, превосходно знал русский, о чем свидетельствуют многочисленные материалы, написанные его рукой). Линдеман, однако, русского не знал и до конца жизни так и не выучил. Некто Якоб фон Меллен взялся было переводить, но выяснилось, и сам он очень плохо знал русский. Между тем, все это не помешало Линдеману стать членом Медицинской коллегии 27 ноября 1763 г.! После этого он и вовсе прекратил свои никчемные лекции, но

при этом, как член коллегии по акушерской части, остался единственным на всю страну высшим экзаменатором акушеров, поступающих на службу! А следовательно, замечает Я.А. Чистович, он "личными видами мог прикрывать всякое невежество и спасти свою преподавательскую несостоятельность". Линдеман, как и Аш, умудрился дослужиться до чина статского советника в 1781 г., хотя одновременно был уволен из Медицинской коллегии.²⁷

Наиболее привлекательной из вышеназванной троицы выглядит фигура Христиана Пеккена. Он учился математике и медицине в Виттенберге, а затем в Галле, где и защитил диссертацию. В Петербург прибыл в 1755 г. и занял пост дивизионного доктора расквартированной в городе дивизии. Далее, в 1759 г., он уже старший доктор генерального сухопутного госпиталя. Здесь требуется справка. По сути медицинское образование в России началось с училищ при госпиталях. Оба петербургских госпиталя — Сухопутный и Адмиралтейский — были заложены в 1715 г. на Выборгской стороне по приказу Петра Великого. Строительство первого из них завершилось лишь в 1723 г., а второго — в 1726 г. В 1733 г. в обоих госпиталях открылись школы, а сами госпитали стали называться "генеральными", то есть учебными.²⁸ П.З. Кондоиди очень рассчитывал на преподавательские способности Пеккена в области общей патологии и врачебной практики, но надежды не оправдались. В 1760 г. Пеккен был определен старшим доктором в кадетский корпус, а в 1763 г. стал членом Медицинской коллегии с обязанностями ученого секретаря. Х. Пеккен по крайней мере внес определенный вклад в развитие медицинской науки: известен его "Домашний лечебник", переведенный с немецкого академиком А.П. Протасовым (СПб., 1765); при его участии была издана "Российская фармакопея" (*Pharmacopoea Rossica*) за год до его смерти (СПб., 1778).²⁹

Итак, чем же не понравился "высокой тройке" скромный финский доктор? Во-первых Густав Орреус не был немцем, что уже выглядело подозрительным. Во-вторых, скорее всего, его восприняли как российского подданного. Последнее в формальном аспекте было правдой. После русско-шведской войны 1741–1743 гг. и по условиям Абоского мирного договора, Швеция потеряла часть юго-восточных земель вместе с родным городом Орреуса — Вильманстрандом.³⁰ В любом случае Орреус — швед или финн, а может быть даже и русский (вряд ли члены коллегии были столь подкованы в географии или этнографии) — был "не свой". Отметим также, что все трое стали членами коллегии почти немедленно после ее учреждения. Кроме них в коллегии состояли еще три немца: штаб-хирург Иоганн Вольф, хирург Иоганн Блок и аптекарь Иоганн Модель.³¹ То есть создавалась своеобразная внутренняя корпорация, преследующая почти исключительно собственные интересы, как это часто бывало в истории медицины.³² Любопытно, что аналогичный случай имел место позднее по отноше-

нию теперь уже к русскому доктору Николаю Петровичу Соколову. Тот факт, что он учился в Лейдене, а затем в Страсбурге, где защитил диссертацию, никак не повлиял на решение коллегии. На его прошение об экзамене от 22 марта 1781 г. последовал совершенно откровенный отказ под диким предлогом, что, якобы, требуется согласие Академии наук! И лишь после жалобы на имя императрицы 7 сентября 1781 г. вышел высочайший указ, по которому Соколов все же получил диплом, причем в указе было подчеркнуто пренебрежительное отношение Медицинской коллегии к русским докторам.³³

Таким образом, хоть и не без труда, выходец из Финляндии Густав Орреус стал первым врачом с российским дипломом. Нельзя сказать, что после этого прецедента все пошло далее гладко. Но первый важнейший шаг был сделан. Именно поэтому, как справедливо указывает М.Б. Мирский, первым российским доктором медицины должен считаться Г.М. Орреус.³⁴

Мирный план Г.И. Герца и русская дипломатия (1716-нач.1718 гг.)

История внешней политики эпохи Петра I всегда привлекала внимание историков. Спор о цене победы в Северной войне не прекращается до сих пор. Многие зарубежные историки (начиная с XVIII века) видели и продолжают видеть в Петре Великом грозного завоевателя Европы, который мечтал расширить владения России не только за счет Прибалтики, Ингерманландии и Карелии, но и за счет немецких княжеств. Подобные идеи не раз встречаются и в отечественной историографии. И хотя вряд ли кто может отрицать существовавшую в то время необходимость выхода России к Балтийскому морю, однако, часто ставится вопрос: а так ли уж было нужно вести столь изнурительную для страны войну с Карлом XII более 20 лет? Некоторые историки (В.Нечаев, М.Андерсон и др.) считают, что растущая мощь России угрожала Европейским государствам (в частности, северогерманским княжествам).

Однако такое мнение является, по крайней мере, ошибочным. Но чтобы доказать это в полной мере, необходимо внимательно изучить переговоры о мире, которые русская дипломатия начала в 1716 (за 5 лет до Ништадтского мира). Самого большого внимания заслуживает тот факт, что Петр I с 1714 г. предпринимает целенаправленные действия для заключения мира с Карлом XII. Тогда русский царь связывал свои надежды с предстоящей генеральной баталией на море, однако, несмотря на морскую победу, тогда Петру I не удалось осуществить свое намерение. Вновь к идее мирных переговоров со Швецией Петр I вернулся в 1716 г. На этот год у русского царя были большие планы: с помощью высадки русско-датского десанта на шведскую территорию (в Сконию) принудить Карла XII подписать мир. Однако уже летом было очевидно, что союзники затягивают подготовку к десанту, а в сентябре стало ясно, что время ушло. Идея русского царя принудить Карла XII к миру с помощью военной угрозы непосредственно территории Швеции потерпела неудачу. Поэтому, русская дипломатия в тайне начинает нащупывать возможные каналы для прямых переговоров со шведами.

Надо отметить, что в это время в Швеции уже осознали бесперспективность ведения войны против России. Некоторые шведские министры и приближенные Карла XII понимали, что невозможно будет вернуть завоеванные Петром I прибалтийские земли. Одним из таких сподвижников шведского короля был знаменитый в ту пору в Европе барон Г.И.Герц. Известен он был своею ловкостью и хитростью в плетениях дипломатических интриг и неразборчивостью в методах.¹ Одним словом, Г.И.Герц являлся колоритнейшей личностью своей

эпохи, который хорошо осознавал плачевное положение Швеции и старался найти пути выхода из войны, сохранив хоть какие-то территории, завоеванные Северными союзниками. Свои надежды на приемлемые условия выхода Швеции из войны барон Г.И.Герц связывал с двумя планами: поддержкой Якова Стюарта, который претендовал на английский престол и сепаратными переговорами с русской стороной. Хотя была у шведов и возможность договориться и с Англией, так как Лондон явно опасался все возрастающего влияния Петра I на Балтике и не желал полного разгрома Карла XII, но шведский король сам отверг эту возможность. Во-первых, в Швеции нашли приют сторонники Якова Стюарта, многие из которых даже служили в шведской армии. Во-вторых, Карл XII не ответил на меморандум английского адмирала Д.Норриса (с требованием прекратить каперство на Балтике) в июне 1716 г.² Все это не могло не вызывать возмущение английского правительства, которое явно желало руководить мирным процессом на Севере.

Что касается мирных переговоров с Петром I, то здесь Г.И.Герц, чье влияние все возрастало при дворе Карла XII, разработал ловкий план. Он намеревался отставить за русским царем его прибалтийские завоевания, которые невозможно было вернуть военным путем Швеции, в обмен на владения в империи. Г.И.Герц считал, что вести войну имеет смысл только с союзниками России, но не с Петром I.³ Наоборот, заключив мир с царем, шведы надеялись сохранить какие-то немецкие земли. Барон Герц полагал, что Петр I готов отдать Финляндию и Ливонию, но желает оставить Эстляндию с Ревелем. Шведский дипломат хотел найти компромисс: отдать Петру I Ревель в обмен на немецкий Висмар для Швеции.⁴ Эти планы не согласовывались с желаниями Петра I, который намеревался присоединить к России Ингрию, часть Карелии с Выборгом, Лифляндию и Эстляндию с Ревелем.⁵ Ещё во время русско-английских переговоров 1714-1716 гг. князь Б.И. Куракин разработал совместно с английской стороной несколько планов мира на Севере, в которых подробно рассматривались условия русской стороны. Любопытно сравнить намерения царя и шведского министра.

Итак, согласно русскому плану, за Россией должны были остаться Ингрия с Нарвой, Карелия с Выборгом, Эстляндия с Ревелем. Лифляндию же с Ригой и Финляндию предполагалось вернуть Швеции. В крайнем случае, русская сторона соглашалась сделать Ревель вольным городом (наподобие Гданьска), но тогда Лифляндию отдать Польше.⁶ В 1714 г. Петр ещё был готов уступить Лифляндию, но потом его планы изменились. Финляндию же царь не намеревался присоединять к России, тем более не интересовали его немецкие княжества. Г.И.Герц разработал два проекта относительно уступок России в случае мира на рубеже 1716-1717 гг., которые не отвечали интересам Петра I. За Россией предполагалось оставить Эсто-

нию (или даже один Ревель) в одном случае и Карелию с Ингрией, но без Нарвы и Выборга, в другом.⁷ Однако эти планы Г.И.Герца сохранить так много за Швецией были нереальны, ведь все же хозяином положения, несмотря на все внешнеполитические осложнения, был Петр I. Но пока для русской дипломатии главной целью было договориться о начале мирных переговоров между царем и Карлом XII, а вопрос о территориях должен был рассматриваться на мирном конгрессе.

Имелись у барона Г.И.Герца и другие обширные планы с участием России. К примеру, союз России и Швеции, к которому примкнули бы Франция, Испания и Польша. Этот союз мог быть направлен при случае против австрийского императора, Англии и Дании.⁸ Таким образом, встав на путь переговоров со Швецией, Россия могла приобрести новых союзников. К сожалению, и Франция, и Испания не являлись стратегически выгодными партнерами. Но контакты были завязаны и с ними, что было все же полезно, так как Россия все более втягивалась в европейские дела. А столь смелые планы шведской дипломатии только подтверждали её намерение заключить мир с Россией. Таким образом, уже летом 1716 г. появилась возможность начала русско-шведских переговоров о мире. Вероятно, Петр I желал уже тогда договориться с Карлом XII и закончить войну, однако большие надежды он возлагал на союзный десант, который планировался на июнь-август 1716 г. Но, несмотря на активную подготовку военной операции против Швеции, русская дипломатия пыталась нащупать дипломатические каналы для достижения столь желаемого мира. Петр I будто бы предчувствовал, что десант на шведскую территорию не состоится. Переговоры со шведскими представителями, в том числе и с Г.И.Герцем, продолжались и осенью 1716 г., и в 1717 г. Следует отметить, что ход переговоров все более усложнялся, а планы шведов становились все изобретательнее. Представители Карла XII пытались вовлечь русскую сторону в свои интриги.

В начале 1717 г. разгорелся дипломатический скандал между Англией и Швецией, затронувший и Россию. В Англии был раскрыт яковитский заговор, направленный против Георга I, целью которого являлось свержения представителя ганноверской династии на британском престоле и провозглашение королем Якова III Стюарта. Карл XII открыто помогал яковитам, его посол в Лондоне К. Гилленборг был арестован, в Европе ожидали, что Георг I начнет войну со Швецией.⁹ Неожиданно пришло известие, что в бумагах К. Гилленборга упоминалось о русском дворе и о связях яковитов с личным врачом царя Р.К.Арескиным.¹⁰ Переписка шведского посла была опубликована, что вызвало возмущение русской стороны, которая отрицала существование каких-либо контактов со сторонниками Якова Стюарта (или Претендента, как нередко именуют последнего в зарубежной литературе).¹¹ Этому сюжету в

отечественной историографии уделили незначительное внимание. В большинстве работ отрицается существование связи между заговором в Англии и русской дипломатией.¹² Однако следует подробнее разобраться в данном вопросе, так как обращение к фактам позволяет утверждать, что подобные контакты имели место. Представляется важным выяснить, какие цели преследовала каждая из сторон в данной ситуации. Неудивительно и то, что именно шведские дипломаты, в том числе и Г.И.Герц, принимали деятельное участие в попытках вовлечения русского царя и его сподвижников в яковитскую интригу.

Рассмотрим свидетельства, которыми мы располагаем. Доктор Р.К. Арескин, лейб-медик Петра I, которого и подозревали в участии в заговоре, происходил из аристократической шотландской семьи, состоящей в родстве с лордом Маром, одним из сподвижников Якова Стюарта. Родной брат лейб-медика Дж. Эрскин также был сторонником Претендента. В письмах К. Гилленборга (опубликованных в Англии) подробно выяснялись пути и способы, которыми нужно было привлечь русского царя на сторону заговорщиков. Р.К.Арескин якобы пытался нащупать пути для устранения ганноверских притязаний на шведские владения в Империи. В письме к К.Гилленборгу от его брата Густава в ноябре 1716 г. говорилось о возможности вовлечения тайной русской дипломатии в яковитскую интригу.¹³

В Российском государственном архиве древних актов хранятся копии переписки шведских дипломатов, изданной в Англии. Действительно, в одном из писем К.Гилленборга к Г.И.Гёрцу в ноябре 1716г. упоминается о кузене графа Мара Эрескине (Арескине). Также в письме говорилось о том, что русский царь больше не настроен против шведского короля, что Северный союз вот-вот распадется, что Петр I ненавидит Георга I, и его симпатии находятся на стороне Претендента. В другом письме, написанном уже Г.И.Гёрцем к барону Э.Спарре (шведский представитель во Франции) говорилось о необходимости заключить мир с русским царем в течение трех месяцев. Гёрц указывал на то, что корреспонденция через графа Мара слишком неудобна, требует много времени и может прерваться в любой момент. Намек на связь с Петром I через его врача Р.К.Арескина в этом письме совершенно ясен.¹⁴ Опубликованная переписка шведских дипломатов не единственное свидетельство русско-яковитских связей. С.А. Фейгина писала, что несмотря на то, что тайные связи русской дипломатии не были реализованы, яковитские деятели направляли свои усилия в сторону посредничества между Карлом XII и Петром I.¹⁵ Остались сведения о встречах и самого Петра I, и его представителей с деятелями партии претендента. К примеру, 1 марта 1717 г. русский царь принял видного яковита Г. Стерлинга.¹⁶ Один из сторонников Претендента герцог Ормонд некоторое время скрывался в Курляндском герцогстве, при дворе племянницы Петра I Анны Иоаннов-

ны. Ходили слухи, что Яков III намеревался жениться на одной из дочерей царя, или на Анне Иоанновне.¹⁷ Об этом упоминает и сам герцог Ормонд в своих записках.¹⁸ Утверждали, что герцог писал об этом деле Мару.

Во время своего пребывания во Франции в мае-июне 1717 г. Петр I и его дипломаты продолжили серию встреч с представителями Карла XII, вопрос о мире со Швецией продолжал оставаться самым актуальным для русской внешней политики. Остались свидетельства и о контактах русской стороны со сторонниками Якова Стюарта, которые пребывали тогда во Франции. Историк К.Ж.Норманн пишет, что в Париже доктор Р.К. Арескин встречался с яковитами (к примеру, с Маром 9 мая) и они обсуждали вопрос обоюдной поддержки. Р.К.Арескин настаивал на отъезде уже упоминавшегося графа Ормонда к Карлу XII, чтобы склонить того к миру с Россией. Мар одобрил это требование. Р.К.Арескин писал Мару, что поездка Ормонда в Швецию будет выгодна для всех. Также французский историк пишет, что Ормонд приехал в Париж для свидания с Петром, но регент Филипп Орлеанский просил царя не встречаться с ним. Однако Р.Арескин продолжал тайные переговоры со сторонниками Претендента.¹⁹ Видимо, Р.Арескин все же был связан со своими родственниками в Шотландии, иначе бы его имя не упоминалось так часто в связи с яковитами.

Желал в Париже встретиться с царем и лорд Мар. А.Г. Брикнер был уверен, что Петр I встречался с Маром, ссылаясь при этом на немецкий источник. Приводит А.Г.Брикнер выдержку из письма дипломата Робетона ганноверскому резиденту в Петербурге Ф.Х.Веберу, в котором указывалось, что царь получал в Париже письма от самого Претендента, а Р.К.Арескин и его брат были душой всей интриги.²⁰ Надо отметить, что А.Г. Брикнер довольно подробно исследовал второе заграничное путешествие Петра I и его данным вполне можно доверять. Хотя, если сведения о контактах русского царя с герцогом Ормондом, а Арескина с яковитами подтверждаются другими источниками, то версия о встрече Петра I с Маром остается недоказанной, и представляется менее правдоподобной.

Таким образом, если считать, что все вышеприведенные данные свидетельствуют в пользу существования русско-яковитских связей, то перед нами встает вопрос: для чего нужны были русскому царю подобные контакты? Вряд ли Петр I действительно поддерживал интригу в пользу Якова Стюарта, так как она являлась большой авантюрой. Но русская дипломатия могла использовать сторонников Претендента как один из каналов для переговоров о мире с Карлом XII. Ведь все контакты петровских представителей с яковитами, свидетельства о которых дошли до нас, сводились к вопросу о содействии последних в мирном процессе на Севере и давлению на шведского короля. С другой стороны, каковы бы ни были планы

Г.И.Гёрца, в основном, они были направлены на переговоры с Россией. Шведскому барону, в конечном счете, удалось уговорить Карла XII начать мирную конференцию на Аландских островах в 1718 г. Однако, Аландский конгресс был прерван из-за внезапной смерти шведского короля, а Г.И.Гёрц, сторонник окончания войны с Россией, казнен весной 1719 г. в Швеции как государственный преступник.

Граф Н. П. Румянцев и финляндские ученые.

Рассматривая многогранную деятельность графа Николая Петровича Румянцева, в ней можно выделить целый ряд аспектов, к многим из которых уже неоднократно обращались различные исследователи. Румянцев Н. П. (1754-1826) сын выдающегося русского полководца екатерининского времени Петра Александровича Румянцева-Задунайского, в 1807-1814 гг. являлся министром иностранных дел. Дипломатическую службу начал в качестве полномочного министра (посла) во Франкфурте-на-Майне при сейме Священной Римской империи и курфюртском округе Нижнего Рейна. Во время Великой Французской революции был посредником между Екатериной II и Бурбонами. При Павле I был в опале. С 1802 по 1808 г. занимал должности директора водных коммуникаций и министра коммерции. Назначение его министром после заключения Тильзитского мира должно было продемонстрировать Наполеону благожелательное отношение к Франции. Стремясь найти точки взаимных интересов двух стран, Румянцев в 1808 г. вел переговоры с послом Франции Коленкур об условиях раздела Турции между двумя странами. Был сторонником сближения с Францией даже в условиях нового обострения с ней отношений. В 1809 г. вел переговоры о заключении Фридрихсгамского мира, за что был удостоен звания канцлера. С началом Отечественной войны просил об отставке, но получил ее лишь после разгрома Франции.

Но есть вопрос, который чаще всего как бы выпадал из поля зрения ученых. Это – Н. П. Румянцев и Финляндия. Вообще, семья Румянцевых, как показывают исторические материалы, несколько раз оказывалась в гуще русско-финляндских и русско-шведских отношений. Так, Александр Иванович Румянцев принимал непосредственное участие в русско-шведской войне 1741-1743 гг. и заключении Абосского (Абовского) мира.³⁵ А. И Румянцев – дед Н.П. Румянцева, государственный деятель, сподвижник Петра I. Начинал свою службу в качестве денщика Петра I. При императрице Анне Иоанновне некоторое время находился в опале, затем с 1735 г. последовательно служил астраханским, казанским губернатором, правителем Малороссии. С 1740 – чрезвычайный и полномочный посол в Царьграде. Участник русско-шведской войны 1712-1743 гг. От имени России подписал Абосский в г. Або (Турку), которая увеличила присоединенную к России территорию собственно Финляндии, завершив формирование так называемой Старой Финляндии. Брат - Сергей Петрович Румянцев в 1793-

1795 гг. был послом в Швеции. Сам же Николай Петрович Румянцев, будучи министром иностранных дел, был прямо причастен к русско-шведской войне 1808-1809 гг.. Именно он уговорил императора воспользоваться международной ситуацией и решить в пользу России финляндский вопрос. На это у него были основания, ибо через него шли предварительные переговоры с представителями шведско-финской знати, недовольных внешней и внутренней политикой короля Густава IV. Их духовным лидером Георг Магнус Спренгтпортен, который ещё в 1786 г. обращался к Екатерине Великой с просьбой принять Финляндию под покровительство России. Поднятый в 1788 году группой финских офицеров мятеж не увенчался успехом и остаток жизни он был вынужден жить то в Петербурге, то в Европе. Но ему удалось добиться претворения в жизнь своей идеи и стать первым генерал-губернатором Великого княжества Финляндского. В особняке Н.П. Румянцева на Английской набережной, дом 44, в здании Министерства иностранных дел, которое находилось на этой же набережной, и происходили встречи министра со шведским опальным генералом и его единомышленниками, которые периодически навещались в Петербург. Здесь активно обсуждались условия, на которых можно было осуществить отторжение Финляндии от Швеции. Многие идеи Спренгтпортен позднее были реализованы на съезде в Борго и в условиях Фридрихсгамского мира, подписанного от имени России Н.П. Румянцевым 17 сентября того же 1809 г. в городе Фридрихсгам (Хамина). То есть, как тогда казалось, он поставил последнюю точку в длившемся почти восемьсот лет споре между Швецией и Россией за Прибалтику и Финляндию. Недаром позднее Н.П. Румянцев позднее заказал знаменитому итальянскому скульптору Антонио Канова мраморную статую «Мир» в виде крылатой богини. Она находилась на парадной лестнице его особняка в напоминание о заслугах семьи Румянцевых перед отечеством и имела 3 памятные надписи: Або, 1743; Кючук-Кайнарджи, 1774; Фридрихсгам, 1809. в честь «3-х важных исторических событий, связанных с именем Румянцевых». Кючук-кайнарджи напоминает о Кючук-кайнарджийский мир, в 1774 г. завершивший очередную русско-турецкую войну. Эта скульптура позднее была перевезена в Москву, где на основе частного собрания Н.П. Румянцева был образован Румянцевский музей. В настоящее время этот исторический памятник, прославляющий вклад семьи Румянцевых в российскую историю, находится в Киеве, в Музее западноевропейского искусства, куда был передан в советское время.

И хотя Н.П. Румянцев, был противником предоставления Финляндии прав автономии, его контакты с представителями финской элиты сделали его имя достаточно известным в стране Суоми и позволили познакомиться и близко сойтись с некоторыми из них. Именно в эти годы Н. П. Румянцев познакомился со многими деятелями политической и культурной

элиты Швеции и Финляндии, некоторые из которых позднее, после присоединения Финляндии в качестве великого княжества, были так или иначе связаны с ним,

Из их числа наиболее значимыми фигурами были Я. Тенгстрем и барон, позднее граф Р. Г. Ребиндер.

Якоб Тенгстрем (1755-1832) , писатель, историк, философ, теолог, политический деятель, епископ, а позднее, с 1817 г. архиепископ Турку (Або), сыграл важнейшую роль в присоединении Финляндии к России и был 1810-1820 гг. фактически главным политическим лидером вновь присоединенного края, совмещая это с должностью главы финской лютеранской церковью. Я. Тенгстрем много сделал для интеграции Финляндии в состав Российской империи. Он неоднократно встречался с Н. П. Румянцевым как в Финляндии, так и Петербурге, они так же и переписывались между собой. Я. Тенгстрем обычно рекомендовал Н. П. Румянцеву своих земляков, которые направлялись в поисках лучшей доли в России. Так, с его легкой руки в доме Н. П. Румянцева появились А. И. Гиппинг и А. И. Шегрен, ставшие его библиотекарями. Был момент, когда Я. Тенгстрем напрямую предлагал Н. П. Румянцеву связать свою судьбу с Турку (Або). После смерти в августе 1814 г. графа Г. М. Армфельта консистория университета Або обратилась к Н. П. Румянцеву с просьбой занять освободившийся пост канцлера этого университета ³⁶ Его кандидатуру выдвинул как раз Я. Тенгстрем, который в личном письме пытался уговорить графа. Архиепископ писал: «Мы хорошо знаем, что Ваше превосходительство, по окончании блестящего поприща государственного деятеля, просили и, наконец, получили достойный отдых от официальных дел, чтобы спокойно наслаждаться как милостями монарха, так и благодарностью сограждан. Но мы, тем не менее, надеемся, что литература и искусства, которые Вы всегда любили и которым оказывали покровительства, не перестанут окружать Вас, доставляя удовольствие и приятное препровождение времени, как отцу, посвящая свои нежные заботы любимым детям».³⁷ Но Н. П. Румянцев не принял этого достаточно лестного приглашения, отговорившись возрастом. Но по своей широкой привычке мецената преподнес Университету щедрый подарок – мраморные бюсты королевы Швеции Христины и императора Александра I работы Ивана Мартоса.³⁸ В настоящее время эти бюсты находятся в Хельсинки, в актовом зале Хельсинского университета, куда были перенесены позднее в связи с переводом этого учебного заведения из Турку. В конце концов, в 1816 г. канцлером был назначен великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I. Вступив в должность, Николай Павлович прислал Н. П. Румянцеву благодарственное письмо, в котором поблагодарил за его заботы об Университете. Он особо отмечал, что «сочлены Университета, будучи подвинуты единодушными чув-

ствами благодарности за оказанные Вашим Сиятельством их сословию во многих случаях доказательства любви и щедростями на пользу просвещения, всегда Вас, милостливый государь, отличавшие, сочли долгом своим изъяснить это в представлении ко мне»³⁹. Кстати, после этого пост канцлера Александровского университета а Гельсингфорсе вплоть до 1917 г. занимали наследники русского престола.

В 1816 г. Н. П. Румянцев обратился к Я. Тенгстрему с просьбой рекомендовать ему двух ученых для научного путешествия по Европейскому северу на ассигнованные для этого графом средства.⁴⁰ Последний рекомендовал графу Густава Ренвалла и Эрика Густава Эрстрема. Г. Ренвалл (1781-1841), религиозный деятель, писатель, пионер исследования финского языка. В 1811 г. защитил и опубликовал диссертацию о произношении и орфографии финского языка, позднее совершил специальную поездку по южным провинциям Финляндии и Карелии для сбора словарного материала. Э. Г. Эрстрем (1791-1855), доцент русской истории и литературы в Академии Або был к этому моменту известен так же как знаток финского языка и знал русский. Но этот проект не был осуществлен, так как Эрстрем получил срочный заказ на составление словаря русско-шведского языка и не смог покинуть Або (Турку).⁴¹ Но эта идея не пропала и через несколько лет в 1819 г. Ренвалл через датского лингвиста Расмуса Раска рекомендовал Н. П. Румянцеву «некого Андреаса Йоханеса Шегрена, молодого человека, достаточно образованного и интересующегося историей Севера, в особенности Финляндии России», как готового к исполнению большого исследовательского проекта графа.⁴² Но на этом отношения Ренвалла и Н. П. Румянцева не закончились. Когда первый обратился к графу с просьбой оказать содействие в издании на латинском языке словаря финского языка Г. Ренвалла, то граф выделил на это 6, 5 тыс. рублей. Н. П. Румянцев надеялся найти в «этом исследовании много древних слов, которые вкрались в наш язык».⁴³

Среди постоянных корреспондентов и гостей Н. П. Румянцева был Роберт Хенрик Рехбиндер (1777-1841). Они познакомились в период подготовки текста Фридрихсгамского мирного договора. Позднее, с 1809 г. он, будучи помощником статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского Михаила Сперанского, он переезжает в Петербург и после отставки Сперанского сам занимает пост статс-секретаря. Роберт Рехбиндер внес значительный вклад в создание новой государственной и административной системы автономной Финляндии, а так же в поддержку деятелей финляндской культуры.

В числе финских знакомых Н.П. Румянцева следует ещё отметить прадедушку маршала и президента Финляндии Карла Густава Маннергейма – Карла Эрика Маннергейма. Он возглавлял первую официальную делегацию всех финских сословий в Петербург в 1808 г.

для обсуждения условий перехода Финляндии от Швеции к России. Его заслуга в том, что финны получили статус автономии и сословный парламент. Являлся одним из наиболее значительных фигур на сейме в Борго. В 1809 г. назначается членом Правительственного сената в Гельсингфорсе, который был создан при генерал-губернаторе в качестве исполнительного органа власти.

Именно эти лица знакомили Н. П. Румянцева с финляндскими учеными, которые искали покровительства и денежной помощи для своих исследований у знаменитого русского мецената. Эта помощь была самой разной – от простой разовой акции, как в случае с Г. Ренвалом, и до поддержки крупного исследовательского проекта А. И. Шегрена. Все они были или учениками, или идейными последователями Х. Г. Портана. Хенрик Габриель Портан (1739-1804) занимает особое место в истории культуры Финляндии. Выдающийся представитель Финляндского просвещения, историк, филолог, этнограф, философ, писатель и публицист, он вырастил целую плеяду государственных деятелей и ученых. Его деятельность была связана с Академией Або (Университет Турку), где он сначала учился, а позднее преподавал.⁴⁴ Хотя он с 1777 г. числился профессором риторики и латинского языка, но его считают «отцом финляндской историографии», ибо именно он начал по-настоящему заниматься историей Скандинавии, а заодно и Русского Севера. Портан впервые в скандинавских странах подготовил и читал в Академии Або систематическое изложение России с древнейших времен до начала Северной войны, озаглавленное им как «Основные черты русской истории». В ней автор сумел верно оценить и критически использовать достижения русской академической науки XVIII.⁴⁵ С некоторыми членами Императорской Петербургской Академии наук он поддерживал личную переписку и получал оттуда многие научные издания. Некоторые переводы и материалы Портана были в распоряжении Н. П. Румянцева. Например, по данным В. С. Иконникова, со ссылкой на описание рукописей Румянцевского музея А. Х. Востокова, у него был перевод рассуждений Портана о Биармии, а так же описание шведского посольства епископа Юстена в Москву при Иване IV.⁴⁶ Вообще, в библиотеке у Н. П. Румянцева было около 3000 книг на иностранных языках о Севере, в том числе о России – 1584, Швеции – 380 и т.д.⁴⁷

Учеником Портана был А. И. Гиппинг (1788-1862), библиотекарь Н. П. Румянцева в 1820-1823 гг. Андреас Йоханес (Андрей Иоганн) Гиппинг происходил из семьи пасторов. Родился он в приходе Перно, где его предки много лет занимали место пастора. Сначала он учился в гимназии г. Борго (Поорво), позднее – в Академии Або (Университете Турку) у Портана. Но на первом этапе своей жизни его все же больше притягивали музыка и театр, и

в 1807 г. он отправляется в Петербург и становится музыкантом Дирекции императорских театров. Но в 1812 г. по просьбе отца возвращается домой и занимает место адъюнкта – помощника пастора, а позднее и сам становится пастором. Затем Гиппинг назначается законоучителем для финнов-лютеран в петербургской гимназии. Этому способствовало то, что еще в 1810 г. он издает «Опыт шведско-русского разговорника», который весьма благосклонно был принят публикой и удостоен золотой табакерки от императора Александра I.⁴⁸ Здесь он начинает активно заниматься историей Севера, публикуя небольшие статьи, чем привлек к себе внимание историка, академика Ф. Круга. После издания на русском и немецком языке в 1820 г. брошюры «Замечания об одном, упоминаемом в русских летописях походе руссов в Финляндию» с посвящением Н. П. Румянцеву, последний принимает его к себе на работу библиотекарем.⁴⁹ За время работы библиотекарем он приводит в порядок огромное собрание книг и манускриптов, составляет первый рабочий каталог. Здесь же он черпает материалы для своих будущих сочинений, работая в первую очередь с русскими летописями. Сотрудником Н. П. Румянцева он оставался до 27 февраля 1823 г, когда по высочайшему повелению был назначен пастором в Вихтис, а позднее, с 1847 г. был пастором в Новой Кирхе. Уже после смерти Н. П. Румянцева в 1836 г. выходит главное сочинение Гиппинга «Нева и Ниеншанц», посвященное периоду шведского владения устьем Невы и Ингерманландии. Сначала она была опубликована в Гельсингфорсе на шведском языке.⁵⁰ Позднее, в 1853 г. эта фундаментальная монография была удостоена Демидовской премии, от денежного эквивалента которой автор отказался, попросив вместо этого издать его труд на русском языке. И хотя решение об этом было принято, книга вышла только в 1909 г.⁵¹

Перед тем, как покинуть службу у Н. П. Румянцева, Гиппинг рекомендовал на это место своего молодого земляка А. Й. Шегрена. К моменту окончания в 1819 году Академии Або он был известен уже в университетских кругах как страстный начинающий исследователь и последователь идей Портана о финно-угорском родстве. Особенно много он об этом говорил после проведенных в 1816 и 1817 гг. каникул под Петербургом среди ингерманландских финнов, ижоры и води. В это же время Шегрен знакомится с Гиппингом, который поддержал его стремления и советовал приехать в Петербург. Эту идею поддержали и финские друзья Шегрена, которые так же считали необходимым обратиться к графу Н. П. Румянцеву. Последовав этим советам, Шегрен в конечном счете добился признания Румянцева и в 1824 г. получил от него субсидию для двухлетнего путешествия по северу. Впереди А. Й. Шегрена ждала блестящая карьера и мировое признание.⁵²

Следует отметить еще сторону деятельности Н. П. Румянцева, в ходе которой он обращался к финляндским ученым. Это предпринятая им попытка поиска, копирования и издания документов, связанных с историей Руси (России) и находящихся в зарубежных архивохранилищах. Все собранные материалы предполагалось опубликовать в большой серии книг, объединенных одним названием «*Corpus auctororum Rerum moscovitarum*», состоявший из 60-70 выпусков, но не был осуществлен.⁵³ С подобной целью в 1814 г. он обращался к доценту русской истории Академии Або (Турку) с просьбой прислать копии документов середины XVIII в., вывезенных из России шведом, советником Линдгеймом, находившимся в русском плену и находящимся в архиве Академии Або. Впервые они были опубликованы Хенриком Габриелем Портаном, крупнейшим шведско-финским просветителем конца XVIII в.. Это было сделано и эти документы хранятся в Российской государственной библиотеке.⁵⁴ В 1819-1820 гг. по просьбе Н. П. Румянцева в Швеции были скопированы славянские материалы шведского дипломата и филолога, лингвиста Юхана Габриеля Спарвенфельда (1655-1727), который в 1684-1687 гг. проживал в Москве и вывез ряд русских документов с собой. В частности, у него находилась подлинная рукопись Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».⁵⁵

Усадьба княгини Н.П. Голицыной в Выборгской губернии

Известно, что граф Павел Александрович Строганов (1772 – 1817), ближайший сподвижник и советник Александра I, был женат на дочери княгини Натальи Петровны Голицыной*, княжне Софье Владимировне Голицыной (1774 – 1845), женщине незаурядной, «необыкновенных качеств ума и сердца», как отмечали современники. Таким образом, граф П.А. Строганов приходился зятем княгине Н.П. Голицыной.

В феврале 1817 г. граф Строганов, будучи уже безнадежно больным, вместе с женой и племянником, бароном А.Г. Строгановым, отправился на корабле из Кронштадта в Англию на лечение. При приближении к Копенгагену ему стало плохо, и, предчувствуя близкую кончину, он пожелал, чтобы жена его сошла на берег. Покинув Копенгаген, он умер спустя два дня в море на пути в Великобританию. Единственным свидетелем его смерти был племянник (не считая камердинера). Это событие произошло 10 июня 1817 г.

В письме Николая Михайловича Логинова (1775-1853), статс-секретаря по учреждениям императрицы Марии, впоследствии сенатора и члена Государственного Совета, из С.-Петербурга в Лондон российскому послу С.Р. Воронцову от 7 июля 1817 г. читаем (письмо на французском языке):

«Графиня (графиня С.В. Строганова – Авт.) была встречена своей семьей под Выборгом на земле, принадлежащей княгине Голицыной, её матери». ⁵⁶

Просматривая дореволюционные карты северо-западной части Российской Империи, маршруты железных дорог конца XIX – начала XX вв. мы обнаружили станцию Голицыно на участке железной дороги С.-Петербург – Выборг – Хельсинки. Это четвертая станция, если считать от Выборга (Выборг – Сяйние – Кямья – Голицыно) или шестнадцатая от С.-Петербурга (С.-Петербург, Ланская, Удельная, Озерки, Шувалово, Парголово, Новоселки, Левашово, Белоостров, Куоккала, Териоки, Райвола, Мустамяки, Новая Кирка, Перкъярви, Голицыно)*.

Название «Голицыно» или, как тогда писали, «Galitzina», появилось на картах около 1870 г. и просуществовало примерно до 1919-1920 гг. На сборной картограмме к «Suomen Kartaa» 1920 г., выпущенной в виде атласа, станция все еще называлась «Galitzina», но на самой карте это название заменено на финское «Äygaräa». Впоследствии станция получила

новое название, данное финнами и сохранившееся до сего времени, - «Лейпясуо», что значит «хлебное болото».

На запрос относительно названия станции «Голицыно» Институт Финляндии (С.-Петербург) дал такую справку: «Владелец большого поместья на Карельском перешейке, принадлежащий к княжескому роду Голицыных, подарил для финской железной дороги безвозмездно полосу земли длиной в 30 верст. На стене построенного железнодорожного вокзала красовалось имя княжеского рода. В расписаниях название изменялось Голицыно или Голицына. Позднее, во времена независимости, в 1920 г. вокзал переименовали в Äugärä, а в 1927 г. в Leiräsuo. Последнее название русские используют и в настоящее время».

Попытаемся восстановить цепь событий. 2 января 1868 г. последовал Высочайший указ об отчуждении земель и других имуществ в пределах Российской Империи. Князь Голицын, владелец фрельзового имения в Муольском (или Мольском) приходе, подарил Финляндской Правительственной железной дороге 8 верст вблизи станции Голицыно (теперь Лейпясуо) и 23 версты в волости Кивинаппа. Заметим, что железная дорога, строившаяся по линии С.-Петербург – Выборг – Риихимяки, стала образцовой для российских железных дорог. Из числа владельцев, по чьим землям прошла железная дорога, только Голицыны удостоились чести дать свое имя одной из станций на территории Финляндии. Вероятно, так была выражена признательность за безвозмездный дар.

Возникает вопрос, кто именно из князей Голицыных подарил свои земли железной дороге (ни имени его, ни инициалов мы пока не смогли найти в документах как Выборгского, так и Хельсинского архивов). Вообще, когда, каким образом княжеский род Голицыных обосновался в этих краях? Можно предположить, что князь Голицын, о котором идет речь, - это внук Н.П. Голицыной, старший сын Московского генерал-губернатора светлейшего князя Д.В. Голицына, Владимир Дмитриевич Голицын (1815-1888). Вот небольшая биографическая справка. Князь служил в гвардии, был флигель-адъютантом, а потом генерал-адъютантом, состоял начальником 1-ой кавалерийской дивизии, членом совета главного управления коннозаводства и числился в лейб-гвардии конном полку. Был президентом придворной конюшенной конторы, обер-шталмейстером и генералом от кавалерии. В 1872 г. С.-Петербургское общество охотников конского бега заказало в его честь медаль, на которой было по-латыни написано: «Fac Quid fas. Sit. Fiat Quid passit» (с орфографической ошибкой в последнем слове: passit вместо possit) («Делай то, что велит долг, и пусть случится, что случится»). На обратной стороне: «С.-Петербургское общество охотников конского бега». В поле под пяти-

угольной звездой написано: «Вице-президенту Его светлости Генерал-адъютанту Князю Владимиру Дмитриевичу Голицыну 1872».

По свидетельству современников князь отличался редкой добротой, честностью и прямою, к низшим чинам относился гуманно.

В своих поисках усадеб и земель кн. Н.П. Голицыной на Карельском перешейке, мы исходили из предположения, что они должны были находиться вблизи станции Голицыно. Наиболее значимый географический объект в этой местности – большое озеро, получившее в советское время название «Глубокое», а прежде называвшееся «Muolaanjärvi». На основании дореволюционных энциклопедических изданий можно было установить, что существовал приход «Муолаа», который в русских изданиях мог называться «Моула», «Моло», «Муло» и т.п. В настоящее время центр этого прихода, селение Muolaа, это село, носящее название «Правдино». В том приходе имелось несколько деревень, а именно: Kuurgölä, Kangaspelto, Parkkila, Sudenoja и ряд других были населены русскими⁵⁷. Может быть, эти деревни принадлежали князьям Голицыным?

Как известно, в 1710 г. территория будущей Выборгской губернии была завоевана войсками Петра I, и в числе тех, кому были пожалованы земли в этом крае, был первый комендант Выборга, полковник Григорий Петрович Чернышёв. Земли были пожалованы 21 июля 1710 г. - «впредь до указа». В 1731 г. последовал указ, согласно которому имения и земли Г.П. Чернышёва были признаны аллодиальными*; ему, его жене и детям, а также потомству обеспечивалось «вечное право» владения этими землями. Эти земельные владения были расположены в Мотовском округе; к ним первоначально было приписано 92 двора⁵⁸. Административным центром волости Муолаа было село Муолаа, располагавшееся на северном берегу озера Yskjärvi. (Ныне это озеро называется «Вишневское», а село, как уже было сказано, «Правдино»).

По оброчной книге 1728 г. за генерал-лейтенантом Чернышёвым уже значилось 231 ⁵/₃₆ манталей земли и 432 геймата в Мола и Валькъярви, а также мызы в Пуннусниemi и Пилляля.

Надо заметить, что в Карелии тогда сохранялся древний порядок деления земель и оброков по новгородской (и московской) системе на сохи и обжи. Соха примерно соответствовала шведскому манталу, а обжа – геймату**. Это древнерусское обоброчение настолько укоренилось и широко распространилось в Карелии, что Швеция, вновь придя на эти земли (1611-1714), оставила его в неприкосновенности.

В своих опустевших после войны деревнях - Паркиля, Пярсиля и Кангаспельто, которые насчитывали 12 гейматов, расположенных на 5½ манталах, Чернышёв поселил вывезенных им из внутренней России (Московской, Ярославской, Костромской и Вологодской губерний) своих крепостных крестьян, которые и образовали православную общину***. В 1725 г. он построил для общины в Куугölä (русская часть Куугölä называлась тогда Красное Село, ныне это село Красносельское) деревянную церковь во имя Сретения Господня и приписал к ней двадцать крестьянских семейств. Впоследствии эта церковь перестраивалась, по крайней мере, дважды – в 1739 г. по «разрешению» (прямому указанию – А.Н.) императрицы Анны, а затем в первой половине XIX в. помещиком Богаевским⁵⁹.

Когда построили железную дорогу, Красное село (Куугölä) оказалось в 15-ти верстах от железнодорожной станции Perkjärvi (сейчас «Кирилловское»). Как отмечалось в книге Акиандера, изданной в 1864 г., «русские переселенцы сохранили все свои национальные черты и особенности, включая и владение русским языком, хотя к тому времени уже все говорили по-фински»⁶⁰.

В 1742 г. Г.П. Чернышёву был пожалован титул графа. В 1745 г. он завещал свое громадное имение старшему сыну, графу Петру Григорьевичу Чернышёву, впоследствии действительному статскому советнику, дипломату и сенатору, отцу будущей княгини Н.П. Голицыной.

В 1773 г. во владение имением вступила вдова графа П.Г. Чернышёва – Екатерина Андреевна (в девичестве Ушакова) и её дети. По завещанию матери Моловское имение отошло в 1780 г. к княгине Наталье Петровне Голицыной. То есть с 1780 г. земли в Муольской волости стали «голицынскими».

Затем имением владел некоторое время князь Борис Владимирович Голицын, на личности которого стоит остановиться. Он был старшим сыном Н.П. Голицыной. Родился в 1769 г., образование получил в Страсбургском университете и Парижской военной школе. В парижский период жизни очень увлекся литературой, которой посвящал все свое свободное время, печатался в лучших французских журналах того времени. Поначалу военная карьера его складывалась удачно, он довольно быстро достиг чина генерал-лейтенанта, был награжден высокими орденами, но затем был вынужден покинуть военную службу по состоянию здоровья и по домашним обстоятельствам. Борис Владимирович поселился в Москве, а в 1803 г. получил в наследство имение Вяземы. В 1812 г. он вновь в армии, принимал участие в Бородинском сражении, в котором получил легкое ранение. После выздоровления вернулся

в действующую армию. В 1813 г. в Вильно во время вахт-парада князь Б.В. Голицын простудился и вскоре умер.

28 сентября 1801 г. имение было им продано действительному статскому советнику Богаевскому, который перепродал его Артиллерийскому департаменту, а этот последний приписал его к Сестрорецкому оружейному заводу.

Что касается имения в волости Валкъярви, то оно было продано 5 марта 1802 г. советнику коммерции Михаилу Бландову, а потом из-за несостоятельности последнего было продано барону Борису Андреевичу Фредериксу⁶¹.

Несмотря на то, что почти всё Муольское имение оказалось в конце концов в руках Сестрорецкого оружейного завода, какая-то его часть и в 1817, и в 1868 гг. ещё оставалось во владении князей Голицыных. Так, «Ведомость Муольского Кирхшпиля (прихода – А.Н.) вотчины Её Сиятельства действительной Статс-дамы и кавалера княгини Натальи Петровны Голицыной, находящимся при Пеллиле и при Пуннунвской мызах при разных должностях дворовых и вольно служащих людей и живущим на мызенской земле торпалей^{*}, а именно: *(далее идет перечисление мужчин и женщин – всего 56 человек)*», свидетельствует о том, что в 1817 году у кн. Н.П. Голицыной оставались еще мызы Пялиля (Pällilä) и Пуннунсниemi (Punnusniemi)⁶² и, видимо, еще и земли в этом кирхшпиле, поскольку документ на бланке «Хозяйственного отделения Сестрорецкого Оружейного завода» говорил о том, что на станцию Памполово направляется «коллежский секретарь Лукин для присутствия при обходе границ и поставке дополнительных знакоположений между фрельзовым имением князя Голицына в Моальском приходе, с одной стороны, и подведомственном Сестрорецкому Оружейному заводу деревнями в Кивинетском и Моальском Кирхшпилях, с другой стороны...».⁶³

Как представляется, коллежский секретарь Лукин выезжал с целью размежевания земель.

Все эти подаренные самодержцами земли, находившиеся в Юго-Восточной Карелии, принято называть «донационными» (от латинского «donatio» - дарение, приношение в дар). Первым донатором, т.е. дарителем, был сам Петр I. Большинство донационных земель находилось в западных волостях Приладожья: Куркийоки, Хиитола, Пюхьярви, Саккола, а также на границах с С.-Петербургской губернией – в Рауту, Валкъярви, Кивинаппа; далее шла обширная волость Муолаа, где обосновались графы Чернышёвы – князья Голицыны; частично в районе Выборга; в волостях Иоутсено, Койвисто, Уусикирко и в некоторых других местах.

Испокон веков русские монархи раздавали завоеванные земли. Ещё не закончилась война России со Швецией, а Петр I уже подарил своим сподвижникам более двух с полови-

ной тысяч поместий. Именно так, в качестве подарка или, вернее, награды, земли в этом крае получили гофмаршал К.А. Нарышкин, генерал-фельдмаршал князь Н.И. Репнин, обер-комендант Выборга генерал-майор И. Шувалов, тайный советник И.А. Мусин-Пушкин, вице-адмирал П.И. Сиверс и многие другие.

После 1727-28 гг. была создана новая оброчная книга, одним из последствий составления которой было возвращение в казну некоторой части имений, розданных с 1710 г. частным владельцам; более точно были определены повинности в зависимости от доходности господских имений и крестьянских угодий. Существовали различные типы дарения: срочные, временные и пожизненные донации. Срочные и временные дарения по истечении срока возвращались государству (казне). Дарения наследственные и предоставленные «навечно» являлись собой большую сложность, ибо российское и финское законодательства во многом не совпадали.

После 1765 г. донационные земли стали квалифицироваться как фрельсы* (например, императрица Елизавета Петровна (1709- 1762) подарила Михаилу Воронцову приходы в Куркйоки, Яккима и Париккала «в вечное и наследственное владение».

Таким образом, на территории Старой Финляндии** укоренился особый тип русского феодализма, который вошел в историю под названием донационной системы⁸⁾. Донационные земли Старой Финляндии не были единственным источником существования богатых русских аристократов, которые владели несравненно большими землями во внутренней России. Время шло, и одних владельцев сменяли другие – то ли в результате наследования, то ли в результате продажи земли. Некоторые новые землевладельцы начали строить свои усадьбы в тех местах, где уже с XVII-ого века (а иногда и ранее) существовали крестьянские хозяйства. Крестьяне вынуждены были уйти с обжитых мест и переселиться на необжитые. Кроме того, крестьяне не имели права самовольно покидать земли донационных владений. Этот запрет был закреплен юридически указом Екатерины II в 1785 г. На донационных землях появились фогты (управляющие), которые постепенно приобрели здесь те же права и полномочия, которыми они и ленсмань (представители полицейской и податной властей в сельских местностях и пригородах) обладали на казенных землях. Долгое время должности фогтов и ленсманов занимали шведы, но с начала 1770-х г. эти должности стали замещаться русскими или прибалтийскими приказчиками и управителями.

Если русские крестьяне были крепостными людьми, то финские (и карельские) крестьяне по закону оставались свободными гражданами. Фактически же и те, и другие оказывались под полной, безраздельной властью русских помещиков. Период крепостничества на

Карельском перешейке начался с первой четверти XVIII века и продлился до декабря 1811 г., когда Выборгская губерния по указу Александра I была воссоединена с Финляндией в составе России. Александр I дал торжественное обещание хранить в нерушимости собственные законы Финляндии.

К 1825 г. бóльшая часть донационных земель принадлежала русской знати, а именно: Апраксиным, Долгоруким, Трубецким, Воронцовым, Чернышёвым, Голицыным, Шуваловым, Салтыковым и другим фамилиям. Финское правительство стремилось вернуть эти земли Финляндии и выбрало для этого путь выкупа. По этому вопросу было принято решение сейма, и с 1870 по 1880 гг. финское правительство предоставило «выкупные займы» в размере 9,9 миллиона финских марок. Крестьяне смогли, наконец, стать собственниками земли.

В начале 1930 г. в приходах Метсяпиртти, Саккола, Пюхьярви, Валкъярви и Париккала были возведены памятники крестьянам донационных земель, ставшим жертвами российского крепостничества. Все они, по свидетельству очевидцев, целы и по сей день, кроме Валкъярвского.

Шведские садовые мастера в Санкт-Петербурге

Шведам, возможно, принадлежит особая роль в формировании культурного ландшафта Санкт-Петербурга, но эту роль еще предстоит исследовать.

По историческим картам и немногочисленным публикациям последнего времени на русском языке известно, что еще в середине XVII века на берегах реки Охты в районе города Ниеншанц, который был центром приневских шведских территорий, существовали огороды и Королевский сад⁶⁴. Кроме того в дельте Невы располагались усадьбы шведской знати, на месте одной из которых в устье Фонтанки Усадисса или Усадисс Хоф, принадлежавшей семье фон Коноу и имевшей сад, Петр позднее в 1704 г. устраивает свою летнюю резиденцию⁶⁵. Все это свидетельствует о том, что и до существования Петербурга как садоводство, так и садовое искусство уже было представлено на невых берегах. Вопрос насколько это могло в дальнейшем повлиять на развитие искусства садов в новой российской столице остается открытым, так как до настоящего времени мы не располагаем об этом какими-либо подробными историческими материалами.

В дальнейшем довольно своеобразные российско-шведские связи в области садово-паркового искусства формировались в двух направлениях. Ряд шведских специалистов попал в Россию в качестве пленных в результате побед русских войск в первой четверти XVIII века, другие приехали в Петербург для работы у Петра Великого по контрактам. Были и другие косвенные контакты, в области науки и культуры, которые также могли оказывать определенное влияние на развитие русского садово-паркового искусства.

Так в 1765 г. Медицинская коллегия назначает заведовать Медицинским садом (бывшим Аптекарским огородом) в Петербурге ученика Карла Линнея, шведского ботаника Иогана Фалька⁶⁶. Его соученик по Упсальскому университету Иоган Готлиб Георги, которого Фальк пригласил в Петербург, составил подробное описание города и его многочисленных садов⁶⁷. Русское издание этого труда вышло в 1794 г.

Одно из первых свидетельств об участии шведов в благоустройстве новой российской столицы принадлежит Фридриху-Вельгельму Берхгольцу, прибывшему в Петербург в 1721 г. Главная магистраль города Невский проспект произвела на него сильное впечатление: «С самого начала мы въехали в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем, и по справедливости, названную проспектом, потому что конца ей почти не видно. Она проложена только за несколько лет и исключительно руками пленных шведов. Несмотря на то, что дере-

вья, посаженные по обеим её сторонам в три или четыре ряда, ещё не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте, в которой её содержат (пленные шведы должны каждую субботу чистить её) и делает чудесный вид, какого я нигде не встречал»⁶⁸.

Сохранилось несколько документов связанных с непосредственным желанием Петра Великого пригласить в Петербург шведских специалистов, о которых упоминает И.И. Голиков в своих записках, «касающихся до садов»: «о найме в Швеции огородника» и о записке Ягужинскому «о садовнике упсальском»⁶⁹. В первом документе, дошедшем до нас в копии и не датированном, царь пишет: «Понеже климат шведской и здешний один, то гораздо и зело нужно доброго огородника нам, который потщится нанять, а жалованья от полутора ста до трехсот, а буде невозможно за сию цену, то хотя до четырехсот...»⁷⁰

Сегодня нам известны лишь несколько имен шведских садовых мастеров, которые работали в Санкт-Петербурге и его окрестностях в XVIII-XIX веках. Среди них:

- Грац Христофор (Gratz Christopher)*, уроженец Стокгольма, бывший ординарец генерал-майора А. Лагеркрона, взят в плен под Полтавой⁷¹. С 1709 по 1728 гг. служил при садах и оранжереях у А.Д. Меншикова⁷². В апреле 1717 г. числился садовым учеником и получал провиант как холостой⁷³. Один из исследователей предполагает, что именно он вместе с Ораниенбаумским садовым мастером Вицолом является создателем Нижнего сада у Меншиковского дворца⁷⁴. После отставки светлейшего князя по 18 августа 1728 г. Грац состоял садовником в ведомстве Канцелярии от строений при саде в Ораниенбауме «верно и честно»⁷⁵. По ведомости капитана Синявина он получал оплату в тридцать рублей, а также три четверти муки ржаной, один четверик круп, полпуда и двадцать четыре фунта соли⁷⁶.

19 июня по указу его императорского величества и по определению Канцелярии от строений на место «иноземца» Христофора Граца велено быть садовнику Степану Козмянчу⁷⁷.

22 июня все материалы, которые находились у Граца капитан Синявин принял по описи и передал русскому садовнику. В промемории, с которой швед был отправлен в дворцовую канцелярию, указывалось, что «в нем Граце в Аранимбоме нужды не имеется»⁷⁸.

18 августа 1728 г. Грац был уволен из службы его императорского величества и канцелярии от строений и отпущен в своё отечество. «Абшит» был им получен 31 августа 1728 г.

- Уделфельт Олаф (Oloff Udelfeltt), шведский садовый мастер. По указу Петра великого в 1722 году был нанят на службу российским резидентом в Стокгольме Бестужевым и отправлен на галере с поручиком Киселевым в Петербург⁷⁹. По распоряжению Канцелярии от строений «онный садовый мастер отослан для определения к садовым делам в Стрелину с ука-

зом к комиссару Басманову»⁸⁰. При Уделфельте был переводчик из шведских арестантов Эрик Дал. Для садового мастера, который не знал русского языка, это было насущной необходимостью. Поэтому, когда Далу задержали жалование, Уделфельт хлопотал за него. Он писал о переводчике в своем доношении: «занять ему не у кого, понеже занимал он у меня и у прочих многих, а заплатить ему нечем... а мне никоим образом без доброго толмача пробывать невозможно»⁸¹. 10 мая 1723 г. Олаф Уделфельта вместе с четырьмя русскими садовниками отправляют в Дубки⁸². В Дальних и Ближних Дубках по приезду он занимается садовыми работами и посадкой каштанов⁸³. Уже в июле садовый мастер привозит салат и редьку из Дубков в дом их величеств, на следующий год - огородные овощи, а в 1725 г. - фрукты⁸⁴.

Олаф Уделфельт считался знающим специалистом и поэтому его вместе с садовыми мастерами Яном Росеном из Летнего сада и Леонардом фон Хернихфелтом из Петергофа в 1723 г. вызывали в Стрельню на «консилию» в связи с массовой гибелью деревьев в Нижнем саду⁸⁵.

Осенью того же года Уделфельт докладывал в Канцелярию о строении о желании выписать в Дубки плодовые деревья: 200 яблонь, 50 груш и 50 вишен, а также 4000 штук ильмовых деревьев для садовых шпалер из Швеции⁸⁶. Такой выбор объяснялся дешевизной и качеством посадочного материала. Деньги для покупки необходимо было взять из Соляной конторы. Доставка предполагалась на судах русских купцов ладожан, если у них имелись суда в Швеции или на наемных шведских⁸⁷.

Весной 1724 г. Уделфельт высылает в канцелярию от строений ведомость семян потребных в Ближние и Дальние Дубки, в сады его императорского величества⁸⁸.

С 1727 г. Олаф Уделфельт числился садовым матером уже в Итальянском саду в Петербурге с окладом 300 рублей в год⁸⁹. В апреле 1728 г. его работа на этой должности продолжалась⁹⁰. Дальнейшая судьба садового мастера Олафа Уделфельта не известна.

- Канутус Лампертус / Лаврентий Ламберти (Canutus Lampertus), шведский садовый мастер⁹¹. В 1723 г. был вызван из Швеции для работы в Петербурге. 20 июля архитектурный гезель Михаил Земцов по указу Петра Великого выехал в Стокгольм для найма там мастеровых людей⁹². Среди восьми специалистов был и садовый мастер. В характеристике Канутуса Лампертуса сказано: «Садовник, который присмотрелся Стокгольмскому климату и какие плоды тамо находятся, вы то можете учинить здесь в Санкт-Петербурге». Направлен он был для работы в Стрельну⁹³. По указу Петра Великого жалование садовому мастеру полагалось 25 рублей в месяц, в два раза больше, чем каменщикам и столярам⁹⁴. Контракт с ним заключили 12 октября 1723 г. Жалование определялось по 300 рублей в год и свободная квартира.

Причем было оговорено, «буде по прошествию трех лет от королевского величества польского указ получит, чтоб в Дрезден возвратиться, то б ему позволение было, понеже не вовсе от службы его королевского величества уволен...»⁹⁵. Этот факт свидетельствует, что садового мастера ценили в Европе. В феврале 1724 г. Лампертуса посылают на полгода в Голландию для покупки каштановых деревьев⁹⁶. Согласно полученной инструкции он должен был явиться с указом от Петра Великого к его агенту в Амстердаме фон Дербурху, которому поручалось приобрести в разных местах тысячу «каштановых аквиновых дерев», погрузить их на корабль и скорее отправить все в Петербург⁹⁷. Необходимо было выбрать «триста пятьдесят дерев в Гарлеме, которые растут на песошной земле, другую триста пятьдесят в Утрехте, которые на иловатых местах; достальные триста в деревне называемой Альсмеер близ Амстердама, которые растут на болотистых местах»⁹⁸. Такие требования Петра к подбору деревьев объяснялись необходимостью иметь посадочный материал, способный выдерживать петербургский климат.

В 1725 г. Лампертус подносил вишни и огурцы её величеству в Стрельне, за что был награжден десятью червонцами⁹⁹.

В 1732 г. по именному указу Елизаветы Петровны Канутуса Лампертуса принимают садовым мастером в Царское Село на два года.

В 1737 г. он числился садовым мастером в Стрельне¹⁰⁰.

В 1746 г. Лампертуса, трудившегося в оранжереях Царского Села, «за старостью и болезнью» приказали сменить на садовника Фохта¹⁰¹. Лампертусу предложили, если он желает продолжать службу, место садовника в селе Покровском под Москвой, если его это не устроит, то императрица «повелевает дать ему абшит»¹⁰².

О дальнейшей судьбе садового мастера Лампертуса можно узнать из записок Екатерины II. Еще в 1755 году, когда она была великой княгиней, у неё родился замысел развести сад в Ораниенбауме. «Для посадки моего сада я начала пользоваться услугами ораниенбаумского садовника, Ламберти; он находился на службе императрицы, когда она была еще цесаревной, в её царскосельском имении, откуда она перевела его в Ораниенбаум» - пишет Екатерина II. «Он занимался предсказаниями, и, между прочим, предсказание, сделанное им императрице, сбылось. Он ей предрек, что она взойдет на престол. Этот же человек сказал мне... что я стану Российской самодержавной императрицей... он определил год моего восшествия на престол за шесть лет до того, как оно действительно произошло. Это был очень странный человек, говоривший с такою уверенностью, с которой невозможно было его сбить»¹⁰³.

Имя Канутуса Лампертуса в качестве садового инспектора встречается в делах Ораниенбаума до 1762 г¹⁰⁴.

В различных документах XVIII века периодически упоминаются шведские работники, которые трудились в садах и оранжереях Петербурга. Как правило, это безымянные списки, но иногда приводятся и имена.

Так, например, в первой четверти XVIII века в 1-м и 2-м садах у Корнелиуса Шрейдера числились в садовой команде тринадцать шведских работников¹⁰⁵.

- Керстен Данила Фок, шведский работник, был принят в 1736 г. Конторой от строений на два года с окладом 36 руб¹⁰⁶.

- Матис Ингерман и Андрис Эскелсон, шведские работники, в 1740-1741 гг. состояли при садовом подмастерье Фридрихе Шторхе, который в свою очередь подчинялся садовому мастеру императорских садов в Санкт-Петербурге итальянцу Михелю Ангело Массу¹⁰⁷.

- Фризе Александр Петрович, (ок.1817 - после 1879), садовый подмастерье, шведский подданный. Получал жалованье 143 руб. и столовых 86 руб. Имел пятерых детей: трех сыновей - Александра, Николая и Ивана и двух дочерей - Екатерину и Анну. В июне 1832 г. «вследствие прошения и согласия королевского Шведско-Нарвского посольства в Санкт-Петербурге» определен в Царскосельское дворцовое правление садовым учеником, а в марте 1841 г. произведен в садовые подмастерья¹⁰⁸. Это подтверждается и материалами Царскосельского дворцового правления, где по штату высочайше подтвержденному на 1 января 1843 г. кроме садовых мастеров состояло десять садовых подмастерьев, из которых девять было русских, а один шведский подданный¹⁰⁹. С 1877 г. до 1879 г. он оставался как вольнонаемный на той же должности¹¹⁰.

- Александр Александрович Фризе (ок.1844 - 15.01.1877, Царское Село), старший сын, продолжил семейную династию. В именном списке садовых служителей его имя писали, как Александр Фризе, 2-ой, чтобы отличать от отца - Александра Фризе, 1-ого¹¹¹. В феврале 1858 г. его определили садовником 3-ей статьи в ведомство Царскосельского дворцового правления. В апреле 1859 г. он был уволен от службы по прошению, а уже в декабре вновь попросился на службу, но был принят только работником. В 1862 г. его переводят в истопники и только в 1866 году по прошению переводят в садовники 2-ой статьи. В апреле 1874 г. Александра Фризе «за хорошее поведение и усердие к службе» производят в садовые подмастерья. На этой должности он проработал только три года, так как в 1877 г. скончался, «состоя на службе». На руках его вдовы Александры осталось трое сыновей: Александр, Петр и Алек-

сей, родившийся уже после смерти отца¹¹². Александр Александрович Фризе имел шведское подданство и сохранял лютеранскую веру, тогда как его дети были уже православные.

- Фелькер Карл (Voelcker Carl), садовый мастер. Родился в России, но оставался шведским подданным. Его мать Шарлотта Марианна Фелькер (Charlotta Marianna Voelcker), урожденная Groeger, умерла в Петербурге в апреле 1877 г.¹¹³.

С 1851 г. по 1872 г. Фелькер заведывал известным в Петербурге частным садовым заведением Альвардта на петроградской стороне¹¹⁴. В 1872 г. он пишет прошение А.П. Шувалову о своем назначении на место старшего садовника при императорских Елагинских оранжереях¹¹⁵. Первоначально он был определен по вольному найму и только два года спустя, за усердие и полное знание дела и в поощрение его деятельности, Фелькера зачисляют в действительную службу с жалованием в 572 руб. в год¹¹⁶.

Во время отъезда в отпуск в 1876 г. садового мастера Таврических оранжерей Зюсмайера, ему поручают наблюдение за оранжерейными растениями и всем казенным имуществом, а также за всеми работами. Это было достаточно ответственное поручение, так как оранжереи Таврического дворца не только обслуживали Зимний и Собственный дворцы во время высочайших присутствий, но растениями из этих оранжерей также убирали залы во время Больших Балов. По этому случаю садовым мастерам полагались даже особые порционные и разъездные деньги¹¹⁷.

Сохранились ведомости вновь разведенным Фелькером растениям для елагиноостровских оранжерей¹¹⁸.

В 1875 г. он получил задание оформить растениями из таврических и елагиноостровских оранжерей новый зимний сад, устроенный в Аничковом дворце¹¹⁹. В 1877 г. Фелькер определял характер работ в саду Собственной дачи на Каменном острове¹²⁰. В 1879 г. Карл за свою деятельность получил золотую медаль на Станиславской ленте для ношения на шее¹²¹. В 1880 г. он вместе с садовым мастером Ф.Зюсмайером участвовал в убранстве растениями, гирляндами, венками и цветами катафалков, гроба и могилы императрицы Марии Александровны. За особое усердие и вкус в оформлении был представлен к подарку¹²².

Портреты шведских садовых мастеров не дошли до нашего времени, не выявлено в архивах и паспортов со словесным описанием их внешности, но сохранился ряд документов с автографами - личными подписями. Существуют также и садовые композиции, которые они создавали на невских берегах, формируя неповторимые ландшафты Санкт-Петербурга.

Тексты под фотографиями:

1. План местности, занимаемой ныне С.-Петербургом, снятый в 1698 году до завоевания ее Петром Великим, с показанием существовавших на ней шведских укреплений. Арх. Р.Е.Шварц, 1872. КГИОП.
2. План ситуации Ближних Дубков. 1745. ГМИ СПб.
3. Фрагмент плана усадьбы «Ближние дубки»: Q - двор, где живет садовый мастер; R - огородничьи избы.
4. Фрагмент ведомости семян растений, требуемых для посадки в Дальние и Ближние Дубки. Садовый мастер О.Уделфелт, 1724. РГИА.
5. Автографы садовых мастеров. РГИА

«Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское

Со времени включения в 1809 г. в состав Российской империи шведской Финляндии, преобразованной в Великое княжество Финляндское, благодаря М.М. Сперанскому, утвердился взгляд, что Финляндия является не губернией, а отдельным государством со своими особенностями в управлении. Только Финляндия и Польша, имели своего статс-секретаря, обладавшего правом непосредственного доклада государю. Как отмечают финские историки, благодаря рескрипту Александра I генерал-губернатору Фабиану Штейнхелю (осень 1810 г.) у народа Финляндии «оказалось несравненно больше привилегий, чем во времена шведского великодержавия».¹²³ Численность населения Финляндии выросла в первой половине XIX века с 900 тыс. до полутора миллионов человек. Естественный прирост был примерно такой же, как и русских, удельный все в составе населения России составлял около 2 %. В Великом княжестве Финляндском финны составляли 86 % населения, в Петербургской губернии (савакот и эвремейсет) - около 8 % (в Шлиссельбургском уезде – около 40 %)¹²⁴.

«Николай Палкин», «коронованный барабанщик», «кровавый плач декабристов», «жандарм Европы» - эти и подобные им эпитеты в отношении «несимпатичного монарха», по выражению одного из историков, стереотипы, прочно довлеющие как в массовом сознании, так и в исторической науке, по отношению к императору Николаю I. Да, он с гордостью называл себя «государем-консерватором, но консерватор не синоним реакционер. На самом деле Николай I отнюдь не был абсолютным противником перемен, он ясно видел многочисленные проблемы, искал рецепты их решения. Другое дело, что после разрыва с частью российской элиты, последовавшим за событиями 14 декабря 1825 г., он не смог найти достаточной социальной опоры для широкой реформаторской деятельности, а усилия многочисленных келейных комитетов не всегда приводили к желаемым результатам. Но его деятельность не была бесплодной, она подготовила реформы Александра II.

Точно также весьма неполной будет характеристика национальной политики Николая I только как «золотого века русского национализма».¹²⁵ В конфиденциальном разговоре с начальником канцелярии кавказского наместника в сентябре 1846 г., когда императору не было нужды скрывать свои взгляды, он заявил: «Мы не ищем завоеваний, но прочного устройства там, где владеем и благосостояния присоединенных к России народов».¹²⁶ Как отмечают авторы «Политической истории Финляндии (1809 – 1995)» Осмо Юссилла, Сеппо Хентия и Юкка

Невакиви, при нем национальной государственной идеей была идея многонациональной династической унии. Это несколько отличалось от возобладавшего при Александре II подхода к Российской империи, как единому и неделимому государству, в которой финляндская автономия выглядела инородным телом. В то же время, идеальным государственным строем Николай I признавал или абсолютную монархию, или сильную республику, способную противостоять революционным движениям. Что касается конституционных монархий, то, за исключением консервативной Англии, император относился к ним весьма критически, считая конституционные формы правления в монархиях лживыми, слабыми и построенными на обмане избирателей.¹²⁷ В то же время, вступив на престол, он сам оказался в неожиданной для себя роли конституционного монарха. Конституционные формы правления в сочетании со значительной автономией существовали в Великом княжестве Финляндском (с 1809 г.) и Царстве Польском (1815 - 1830). В Бессарабской области (с 1812 г. до начала 30-х гг. XIX века) также существовали элементы самоуправления и учитывались национальные особенности. Не одобряя конституционные проекты, Николай I считал необходимым придерживаться законов, доставшихся ему в наследство от старшего брата. Он был человеком долга, верным своему слову. Выступая 16 (28) мая 1830 г. на сейме в Варшаве император в речи на французском языке призвал поляков «с умеренностью и благоразумием пользоваться правами, которые он (Александр I – Л.В.) даровал вам».¹²⁸ Восстание в Польше в ноябре 1830 г. явилось полной неожиданностью для Николая Павловича. Как отмечают финские историки, тогда Польша потеряла автономию, а Финляндия - ее упрочила.

Финляндская окраина России попадает в поле внимания Николая Павловича задолго до вступления на престол. Еще великим князем, по просьбе Абовского университета он 1 января 1816 г. был назначен его канцлером и вполне серьезно отнесся к своему назначению, тем более что не был избалован старшим братом почетными должностями. В июне 1819 г. великий князь Николай Павлович впервые побывал в Финляндии, где под его непосредственным руководством были сформированы три военных лагеря: в Тавастгусе (Тавастехусе, ныне Хямелинна), Ловисе и Гельсингфорсе (Хельсинки). Посетивший их Александр I был удовлетворен порядком и маневрами войск под началом великого князя.

За два дня до восстания декабристов 12 декабря 1825 г. в манифесте по случаю восшествия Николая I на престол подтверждались коренные законы, права и преимущества жителей княжества Финляндского, которое «по конституции их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии». Естественно и в Финляндии возникали различные трения, но они не выливались в какие-либо значительные конфлик-

ты. По мнению историка К.Е. Осмонсало, Николай I, благодаря позиции А.С. Меншикова, заморозил многие проекты русификации Финляндии», в том числе начатую, было, в 1835 г. кодификацию финско-шведского законодательства».¹²⁹

Через две недели после восшествия на престол, Николай Павлович рескриптом от 30 декабря 1825 г. назначает своего сына Александра Николаевича канцлером Александровского (в Гельсингфорсе) университета, куда после пожара был переведен университет из Або. Он преемственно передавал наследнику свою старую должность: «По определению судьбы Всевышним, после кончины Его Величества Государя Императора Александра I блаженной памяти, наследовав престол Российской Империи, первую из Наших забот при обращении Нашего попечения на Великое княжество Финляндское было заняться Абоским университетом, благосостояние которого составляло предмет Наших желаний в течение десяти лет, в кои Мы исполняли должность канцлера сего университета»¹³⁰. И в дальнейшем Николай Павлович проявлял детальное знание всех кадровых и хозяйственных вопросов университета в Финляндии. После пожара Абовского университета осенью 1827 г. он способствовал организации университета в Гельсингфорсе (в Або осталась гимназия), в том числе щедрыми книжными пожертвованиями из своих библиотек. В 1828 г. он разрешил передать в дар библиотеке университета собрание из 24 тысяч книг, принадлежавших ранее капитану кавалерии Павлу Константиновича Александрову (1808 – 1857), внебрачному сыну великого князя Константина Павловича, которые были доставлены из Мраморного дворца. Император и сам заботился о библиотеке университета, передав ему две небольшие, но ценные личные библиотеки научных книг: коллекции Иоганна Геннинса (около 3000 томов) и Жозефа фон Рейманна (около 2800 томов).¹³¹ Первоначально университет готовил специалистов для работы в пределах княжества, но 1 августа 1834 г. вышел указ о правах выпускников университета на гражданскую службу в самой России.

Сразу же после вступления на престол император обращает внимание на систему управления Финляндией; манифестом Николая I от 17 марта 1826 г. она была преобразована. Комиссия финляндских дел была упразднена (должность статс-секретаря сохранена), а генерал-губернатор и Сенат стали основными звеньями управления. Канцелярия статс-секретаря финляндского была преобразована в Его Императорского Величества Канцелярию финляндских дел. Одновременно в делопроизводстве перешли с французского языка на русский язык. С 6 сентября 1826 г. возглавлявший Канцелярию статс-секретарь стал именоваться министром статс-секретарем. В соответствии с регламентом по правовым вопросам российские

власти обращались к статс-секретарю, а по исполнительным – к генерал-губернатору. Финляндия была включена в Петербургский жандармский округ.

В то время генерал-губернатором Великого княжества Финляндского (с 1823 г.) был энергичный генерал Арсений Андреевич Закревский, оставивший по себе недобрую память среди финляндских подданных как «русификатор». Хороший администратор, неутомимый работник, но человек, не обладающий широким кругозором, не знающий ни одного иностранного языка, он явно был не на своем месте. Сохранивший на прежних постах людей, доставшихся ему в наследство от Александра I, Николай Павлович первое время явно благоволил ему. Вскоре он стал также министром внутренних дел (апрель 1828 – 1831), генералом от инфантерии (1829) и получил титул графа (1830). Однако 19 ноября 1831 г. он формально по собственной просьбе «получил полное увольнение» (только в мае 1848 г., в связи с новой волной революций в Европе стал московским генерал-губернатором). В декабре 1831 г. на должность финляндского генерал-губернатора был назначен начальник Главного морского штаба светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков. Большую помощь в управлении Финляндией оказывал и вице-ректор университета (1828 – 1830, 1832 – 1847), уроженец Выборга, изучавший астрономию и топографию в Петербурге под руководством Ф.Т. Шуберта, академик Петербургской Академии наук, генерал-лейтенант Александр Аматус Теслев (1778 - 1847). С 1833 г. он стал помощником генерал-губернатора. В 1848 – 1854 гг. его сменил генерал от инфантерии Платон Иванович Рокасовский, ставший генерал-губернатором в 1861 – 1866 гг. С 1854 исполняющим обязанности генерал-губернатора Финляндии был назначен Федор Федорович Берг (при Александре II генерал-губернатор). Поскольку А.С. Меншиков оставался в Петербурге, то при нем была учреждена особая Петербургская канцелярия генерал-губернатора, начальником которой стал выходец из Прибалтики Константин Иванович Фишер (1805 – 1868).

Позднее сенатор К.И. Фишер вспоминал: «Приняв дела, нашел в них целый архив шпионской системы Закревского. Князь Меншиков разрешил мне запечатать эти тюки, никогда не справляться с ними и забыть, что такая система существовала. Князь соблюдал конституцию с великим тщанием, устраняя даже наружные формы, которые могли бы показаться нарушением принятых образцов, и непроницаемостью своих видов и убеждений, умел держать все партии в равновесии, не убивая ни одной, но и не позволяя ни одной партии брать над другими верх. Этого не умел достичь ни Закревский своим шпионством, ни Берг – сладостью своего слова. С Финляндией довольно трудно управляться, если не считать в числе дозволенных средств – насилие».¹³² Выбор императора пал на А.С. Меншикова, возможно,

еще и потому, что он был начальником Главного Морского штаба (с 1836 г. с правами министра), а Финляндия была страной с протяженным морским побережьем. Как бы там ни было, А.С. Меншиков управлял Финляндией из Петербурга, а в Финляндии «являлся случайным гостем».¹³³ Пожалуй, впервые он побывал в Гельсингфорсе еще при А.А. Закревском в августе 1830 г., затем – уже в должности генерал-губернатора в январе 1832 года. В 1834 г. по пути в Стокгольм он прошел на корабле вдоль морского побережья Финляндии, не сходя с палубы, и снова побывал в своем генерал-губернаторстве также по пути в Швецию в 1847 году. В 1844 г. А.С. Меншикову был пожалован в Великом княжестве Финляндском майорат (наследственное не дробимое имение).

Столь редкие посещения великого княжества, конечно же, были объяснимы. Как отмечают авторы «Политической истории Финляндии», «высшие сословия и чиновничество Финляндии были настолько преданы императору, что Николай I не преминул заметить своим соотечественникам, которые хотели урезать привилегии, которыми пользовались финны: «Оставьте финнов в покое. Это единственная провинция моей державы, которая за все время моего правления не причинила мне ни минуты беспокойства или неудовольствия».¹³⁴ Беспокоиться, конечно же, приходилось. Посещения российскими императорами Финляндии были, прежде всего, высочайшими ревизиями края, но, в определенной мере, и пропагандистскими акциями, демонстрирующими связь между Петербургом и Гельсингфорсом. Александр I после Боргоского сейма 1809 г. только один раз в 1819 г. проехал по наиболее проблемным районам на севере Финляндии.

Став императором, Николай Павлович трижды посетил княжество: в 1830, 1833 и 1854 гг. тогда, когда степень лояльности финнов к России была наиболее важна во внешнеполитических расчетах. Первая императорская поездка Николая Павловича в Великое княжество Финляндское состоялась вскоре после получения известия об Июльской революции во Франции. 31 июля (11 августа) 1830 г. он вдвоем с А.Х. Бенкендорфом на дрожках выехал из Каменноостровского дворца в Выборг. В 9 часов утра на паперти перед православным собором Николая Павловича встретил выборгский губернатор. Как известно, в конце 1811 г. Александр I включил так называемую «Старую Финляндию», отвоеванную еще при Петре I в состав Великого княжества Финляндского. В Выборгской губернии тогда проживало около 10 % русских (точнее, православных). В Выборге этнический состав был более сложным: 30 % русских, 44 % финнов, 14 % - шведов, 12 % - немцев.¹³⁵ Многие русские патриоты были недовольны решением Александра I.. По показаниям арестованного после событий 14 декабря бывшего члена Союза благоденствия. Г.А. Перетца, будущие декабристы рассуждали о пре-

имуществах «завоеванных финляндцев» и «о причислении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому».¹³⁶ Тем не менее, при Николае I каких-либо принципиальных изменений в статусе губернии не произошло.

При посещении Выборга Николай Павлович по заведенному порядку осмотрел войска, госпиталь, казенные учреждения и отправился далее в «Новую Финляндию» через Фридрихсгам (Лаппенранта). Там он осмотрел войска и Финляндский кадетский корпус. По пути император посетил знаменитые Пюттерлакские ломки, где вырубался монумент для памятника Александру I (Александровская колонна). Через Ловизу и Борго 1 (13) августа вечером император прибыл в Гельсингфорс, где был встречен А.А. Закревским с представителями русской и финляндской администрации¹³⁷. Николай I осмотрел новую столицу Великого княжества Финляндского уже украшенную новыми зданиями. 3 (15) августа император на катере отправился осматривать «второй Гибралтар» - Свеаборг. Затем, он пообедал на линейном корабле «Кульм» у гельсингфорской набережной, на котором прибыл А.С. Меншиков.

А.Х. Бенкендорф свидетельствует о хорошем настроении императора и делает следующий вывод: «Сердечный прием, сделанный государю всеми классами населения, возрастание столицы, наконец общий вид довольства не оставляли сомнения в выгодах благого и отеческого устройства, данному этому краю. Прежние навыки, предания и семейные союзы не могли не поддерживать еще до некоторой степени симпатической связи его со Швецией; но материальные интересы и управление, столько же либеральное, сколько и национальное, уже производили свое действие, и все обещало России в финляндцах самых верных и усердных подданных»¹³⁸.

Во время визита 2 (14) августа было объявлено, что финляндский генерал-губернатор А.А. Закревский «возведен в графское Великого княжества Финляндского достоинство». В рескрипте говорилось, что государь «оказывает сей знак монаршего благоволения с тем большим удовольствием, что оный согласуется с желанием, изъявленным финляндским Сенатом; соединить его, Закревского, теснейшими узами с согражданами финляндской нации и считать его в числе его сочленов».¹³⁹ Трудно сказать, насколько верно утверждение К.И. Фишера относительно «шпионской системы» А.А. Закревского, но, несомненно, в представлении местных жителей именно он был виновен в некоторых непопулярных распоряжениях, хотя, некоторые из них и были продиктованы свыше. Именно при А.А. Закревском последовало высочайшее повеление принимать на службу только тех финляндцев, которые знают русский язык. Тогда шведы и финны, добровольно учившие русский язык, перестали ходить на занятия. Впрочем, через несколько лет в средних училищах были устроены параллельные

кафедры, русская и шведская, с правом учащихся выбирать, по какой кафедре они будут изучать язык, историю и географию. О финском языке речь тогда не шла. В ходе школьной реформы в программу начальных школ Финляндии финский язык был включен в 1843 г., но первая финская гимназия была открыта лишь в 1858 году.¹⁴⁰

Во время пребывания в Гельсингфорсе Николай I принял развод лейб-гвардии Финского стрелкового батальона. Для «человека в мундире», каковым до мозга костей являлся император, финский стрелковый батальон был любимым детищем. Во время маневров в Красном Селе в 1829 г. он вышел к нему в незнакомой окружающим новой форме. Это был мундир финского стрелкового батальона, ставшего гвардейским. А через полгода после смотра в Гельсингфорсе батальон принял участие в походе гвардии для подавления польского восстания 1830 – 1831 гг., причем, во время следования в самой Финляндии местные жители безвозмездно по собственной инициативе поставляли для него в зимнюю стужу подводы. В бумагах покойного историка Н.К. Шильдера М.М. Бородкин нашел черновой вариант статьи с правкой самого Николая I, рукой которого было написано: «Уже в многих делах сей прекрасный батальон доказал свою храбрость и отменное искусство в меткой стрельбе и ныне в последних делах гвардии батальоном командовал достойный полковник Рамзай и получил рану».¹⁴¹ Еще дважды батальон покидал пределы края: в 1835 г. для участия в маневрах в Калише и в 1849 г. во время подавления восстания в Венгрии, когда батальон дошел до Бреста, где нес караульную службу. Один из мемуаристов приводит следующую легенду, подтверждающую общее мнение о добром отношении Николая I к финским стрелкам: «Подъехав однажды к стрелкам, он сказал, что дает 10 р. каждому, кто попадет в яблоко мишени. Началась стрельба, и ни один не дал промаха. «Хорошо наказали», - заявил государь и приказал выдать 10 000 рублей» (в батальоне было 1 000 человек).¹⁴²

Второе высочайшее посещение состоялось в 1833 г. вместе с императрицей Александрой Федоровной. Место, где она ступила на землю в Гельсингфорсе, было отмечено «каменем императрицы». Вероятно, это был пик популярности Николая I в Финляндии. В июне этого года, в одном из писем к И.Ф. Паскевичу Николай Павлович с удовлетворением упомянул о Финляндии: «Посылаю тебе из любопытства письмо ко мне графа Ребиндера¹⁴³ и адрес мне врученный депутацией в Гельсингфорсе; как бы везде так хорошо думали, куды как бы нам легко было»¹⁴⁴. После этого визита особенно пышно было отпраздновано. 6 (18) декабря тезоименитство императора («Никола Зимний»). В новых помещениях гостиницы «Societe»

прошел устроенный по подписке бал. Был установлен бюст императора и все присутствующим розданы стихи в его честь, написанные И.Г. Линсенем.

Последующие годы николаевского царствования стали важными в плане постепенной переориентации экономических связей от Швеции к России. В 1840 г. был осуществлен переход от шведской денежной единицы к русскому рублю, а на следующий год повышены таможенные пошлины. В 1837 г. было открыто регулярное пароходное сообщение с Ревелем, а в 1845 – 1856 гг. построен Сайменский канал, соединивший Восточную Финляндию с Петербургом. Наиболее тесно была связана с Петербургом экономика Выборгской губернии. В то же время, Финляндия сохраняла свою политическую обособленность. В связи с систематизацией общероссийского законодательства (кодификацией), было решено подготовить отдельные своды законов для Западных национальных окраин: Финляндии, Остзейских губерний и Западного края. При обсуждении «Свода законов Великого княжества Финляндского» было решено дать три года для ознакомления с ним местного населения, ссылаясь в этот период одновременно на старую редакцию законов и на новый «Свод», чтобы это не выглядело посягательством на старинные права финляндцев. Впрочем, от введения «Свода» фактически пришлось отказаться.

«Мрачное семилетие» 1848 – 1855 гг. последовавшее за новой волной европейских революций, естественно сказалось на внутривнутриполитической жизни Финляндии, которая рассматривалась как зона проникновения революционных идей в Россию. В 1850 г. была запрещена издательская деятельность на финском языке за исключением религиозной и сельскохозяйственной литературы. Начавшаяся в 1853 г. Восточная (Крымская) война заставила императора вновь обратить внимание автономную окраину с точки зрения стратегической. Это была его третья и последняя поездка императора в Финляндию, состоявшаяся в марте 1854 г. буквально накануне официального вступления в войну Англии и Франции. Сопровождавший его будущий адмирал И.А. Шестаков пишет: «Усилия союзников склонить на свою сторону Швецию вынудили его удостовериться лично в чувствах подданных, помнивших еще шведское владычество. Государь был мрачен, не скрывал трудностей и обстоятельств, при всяком случае говорил воинственные речи и, кажется, остался убежден, что финляндцы будут действовать как подданные России».¹⁴⁵

Он прибыл в Гельсингфорс вместе с наследником цесаревичем Александром и многочисленной свитой в 4 часа утра. Газета «Helsingfors Tidningar» от 18 марта 1854 г. так передавала общие впечатления в самом благонамеренном духе: «Он пришел – и все сказали друг другу: Император все тот же. Пусть время лет, не щадящее и сильнейших, наложило свою пе-

чать на чело возлюбленного монарха, - высокий, могучий, как раньше, стоял он среди нас; все, что могли сделать годы и испытания, сводились к тому, что его лик стал еще более властным и вселяющим преклонение; точно новое трогательное сияние разливалось вокруг его благородного чела».¹⁴⁶ Встреча была пышной и, судя по всему искренней. Вечером Гельсингфорс, включая университет и казармы, был иллюминирован. Студенты встретили императора в Актовом зале пением гимна «Боже, царя храни». В 10 часов утра на Сенатской площади состоялся смотр лейб-гвардии финского батальона, собравший 8 – 9 тысяч зрителей. Профессор Эстландер в своих воспоминаниях, отметив несколько изменившийся облик императора, его похудевшее, но оставшееся волевым лицо, писал: «Государь смотрел на волнующуюся массу народа, которая по площади подвигалась к нему... Весьма вероятно, что императору Николаю не часто приходилось наблюдать такое непритворное приветствие от народной массы; но в его лице не заметно было ни волнения, ни улыбки, ни малейшего удовольствия».¹⁴⁷ Затем, несмотря на свежий мартовский ветер, без шинели, он вышел на балкон в мундире лейб-гвардии финского стрелкового батальона. Собственно в реакции Николая Павловича не было ничего особенного. Он и раньше во время поездок по России не спешил радоваться восторженным изъяснениям чувств.

После подавления нового польского восстания в 1863 г. император Александр II взял новый курс. Авторы «политической истории Финляндии» отмечают: «Если для николаевской системы была характерна централизация, при которой управление окраинами осуществлялась через наместников, наделенных широкими полномочиями, Александр II стремился унифицировать управление западными окраинами империи... Но на практике уступки, которые были сделаны в начальный период правления нового императора, подготовили почву для расширения финляндской автономии. Правда, одновременно были посеяны семена более позднего конфликта: с одной стороны, существовала унифицирующаяся Россия, с другой – отделяющаяся от нее Финляндия».¹⁴⁸

Финляндия глазами русских путешественников и туристов
(XIX – начало XX вв.)

Почти тридцать лет прошло со времени присоединения Финляндии к России, прежде чем русское общество открыло эту страну для путешествий и отдыха. В первую очередь это произошло благодаря организации Финляндским пароходством рейсов из Петербурга через Ревель в Гельсингфорс и далее в Стокгольм. Во-вторых, в 1838 г. в Гельсингфорсе были построены заведение минеральных вод и купальни. В связи с этим для российской знати стало модным проводить летнее время в столице Финляндии. Другим популярным местом в этой стране становится водопад Иматра. С этого времени сотни, а затем и тысячи путешественников устремились в Великое княжество Финляндское, которое привлекало их не только красотою суровой северной природы, но и своим особым положением в составе Российской империи.

Ряд русских путешественников и туристов, посетив Гельсингфорс, Иматру или другие места Финляндии, спешили поделиться своими впечатлениями на страницах газет, журналов и книг. Среди них журналист и прозаик, издатель Ф.В. Булгарин, академик, языковед, историк литературы Я.К. Грот, писатель В.И. Немирович-Данченко, публицисты Г.А. Джаншиев, В.Л. Дедлов, писатель А.И. Куприн. Разные по своему характеру, объему информации, политической пристрастности эти очерки, путевые зарисовки помогают увидеть Финляндию и ее народ глазами русских путешественников и туристов, воссоздают яркую картину жизни этой страны в XIX-ом и начале XX века, оценить достижения финского народа накануне Первой мировой войны.

Каким же предстает население Финляндии в описании русских путешественников и туристов? Что, в первую очередь, бросалось русским в глаза в характере финнов? Если в первых публикациях первой половины XIX в. выделяется мрачность, молчаливость, твердость, честность, медлительность финнов, то со временем появляются новые характеристики.

Посетивший крестьянскую палату Финляндского сейма Л. Полонский в 1872 г. опровергал распространенное мнение о медлительности финнов: „Быстрота, с какою говорят здесь ораторы, изумительна и может сравниться только с быстротою итальянского говора; французы, и те говорят медленнее. Некоторые ораторы употребляют жесты, конечно самого сдержанного свойства“¹⁴⁹.

Многие авторы отмечают необычайное трудолюбие финского народа. Публицист Г.А. Джаншиев, называя финнов „пасынками природы“, характеризовал их как „вечных труженников“, которые „шаг за шагом отвоевывают у природы каждую пядь земли“.¹⁵⁰ Наряду с этим русские авторы наделяли финнов сильно развитым чувством законности, подчеркивали их уважение к закону. Отмечали, что наиболее популярным факультетом в Гельсингфорском университете является юридический.¹⁵¹ Несмотря на то, что на улицах городов Финляндии путешественники редко встречали полицейских, порядок везде поддерживался образцовый. Да и сами полицейские выглядели джентльменами: постоянно вежливы, предупредительны, строго исполняют свои обязанности.

Говоря о практичности финского населения, русские авторы в 1890-х годах в качестве примера приводили широкое распространение телефона. Этот вид связи в России едва был доступен богачам, а в Финляндии в это же время он стал достоянием „почти всякой квартиры и лавчонки“.¹⁵² Вся Финляндия была покрыта телефонной сетью, и телефон для финнов являлся не роскошью, а необходимым элементом городского и сельского быта. Столь же широко в Финляндии распространилось и электрическое освещение улиц. Все это заставляло изумляться русских авторов: „...умение идти вровень с веком составляет в Финляндии явление поразительное“.¹⁵³

Среди черт характера финна русские путешественники отметили уважение к личности другого человека: „В Финляндии вошел в плоть и кровь принцип личной свободы и самостоятельности. Живи, как знаешь и как можешь, но не мешай также жить и другим“.¹⁵⁴ В конце XIX – начале XX века русским бросалось в глаза уважительное отношение к женщине. Финские женщины были повсеместно окружены заботой мужчин. В 1907 г. А.И. Куприн писал: „В Финляндии женщина может быть уверена, что ей уступят место в вагоне, в трамвае, в дилижансе“.¹⁵⁵ Но, может быть, более существенным для русских авторов было то, что женщина играла видную роль в жизни финского общества. Женское высшее образование стало распространяться в Финляндии с 1870 г., когда в университет в Гельсингфорсе поступила первая женщина. Поэтому в начале XX века в Финляндии было множество женщин-врачей, а также юристов.¹⁵⁶ Причем женский труд применялся очень широко. Русский турист отмечал: „Почта, телеграф, банки, школы по составу служащих скорее должны быть отнесены к числу женских“.¹⁵⁷ Женщины-служащие встречались русскими в магазинах, ресторанах, пансионах, курзалах, парикмахерских, банях. „При этом, – подчеркивал русский автор, – женщина не утрачивает женственного облика, а напротив, вносит мягкость, деликатность, предупредительность в те учреждения, где ей принадлежит служебная роль“.¹⁵⁸⁰ Наконец, Финляндия,

предоставив женщинам впервые в мире право голосования, в 1906 г. дала возможность финкам быть избранными в сейм, и А.И. Куприн отмечал, что „финны справедливо гордятся тем, что в этом деле им принадлежит почин“.¹⁵⁹ Русский писатель видел закономерность в том, что в 1907 г. в сейм было избрано четыре женщины. Это явилось результатом заботливого отношения к женщинам в этой стране и показателем высокого развития социального и культурного уровня финского общества.

Среди характеристик финнов нельзя не упомянуть о гостеприимстве, с которым на протяжении десятилетий сталкивались русские туристы. В то же время, в конце XIX века, когда генерал-губернатор Финляндии Н.И. Бобриков приступил к политике русификации, в России стали распространяться слухи о плохом отношении финнов к русским, но ряд авторов опровергал их, рассказывая о любезности и внимании к ним финского населения. Посетивший Финляндию с группой учащихся Тенишевского училища Н. Березин писал: „Что касается отношения к нам населения, то о какой-либо вражде, о каком-либо даже легком выражении неприязни нет и помину. Совсем обратное. Сплошь и рядом замечаешь, что путешествующая школа пользуется особым вниманием и покровительством“.¹⁶⁰ Правда, когда весной 1905 г., в период начавшейся революции, он с учащимися побывал в Гельсингфорсе, то они иногда ощущали на себе косые взгляды. Тем не менее, по словам Н. Березина, финны по отношению к ним „езде были любезны и предупредительны“.¹⁶¹ А.И. Куприн все же признавал, что финны „в эпоху крутых мер“ генерал-губернатора Н.И. Бобрикова при звуках русской речи „притворялись глухими, и немыми, и слепыми“¹⁶², но в 1907 г. ему и его друзьям в Гельсингфорсе, Выборге, на Иматре оказывался „самый радушный, любезный и предупредительный прием“.¹⁶³ Эти свидетельства писателя подтверждаются другим русским туристом – А. Генкелем, посетившим Финляндию незадолго до Первой мировой войны: „И несмотря на сильное обострение политических страстей, финны нисколько не переносят своих чувств на туриста, желающего изучить их страну и народ, и всегда ласковы, любезны и приветливы к нему“.¹⁶⁴

В конце XIX в. русские туристы, делясь своими впечатлениями о Финляндии, стали подчеркивать патриотизм финнов, который проявлялся даже в беднейших слоях населения. Горячая любовь к своей суровой родине вызывала стремление познать свою страну в ходе экскурсий, поездок, путешествий по Финляндии. В ней возник „Финский клуб туристов“, который имел много членов в разных концах страны. Клуб безвозмездно оказывал помощь всем желающим совершить поездку, составляя маршруты с указанием расписания движения транспорта.¹⁶⁵

Со временем у финнов, по словам русского автора, возникла „пламенная страсть“¹⁶⁶ к экскурсиям и путешествиям, и тысячи мужчин и женщин совершали познавательные поездки по стране. Чувство патриотизма проявлялось у финнов в их отношении к университету и студенчеству. Русский турист подчеркивал, что университет „в глазах финляндцев – это нравственная и умственная надежда, краса и гордость общества“, а студенчество виделось коллективным и лучшим детищем народа.¹⁶⁷ Наряду со студенчеством чувство патриотизма проявлялось финнами и по отношению к своей армии. В. Мошнин писал в своем очерке „Год в Финляндии“: „...не могу не упомянуть о том глубоком уважении, которым пользуется здесь солдат. В финских войсках не существует денщиков, во имя того, что войска назначены для обороны государства и не прилично, по произволу, назначать в должность лакея-защитника отечества.“¹⁶⁸ В этом проявлялась не только любовь и уважение к своим национальным воинским формированиям, но еще демократизм финского общества, который также был замечен русским туристам.

„Финляндия поистине демократична, – писал А.И. Куприн. – Демократична вовсе не тем, что в ней при выборах в сейм победили социал-демократы, а потому, что ее дети составляют один цельный, здоровый, работающий народ, а не как в России – несколько классов, из которых высший носит на себе самый утонченный цвет европейской полировки, а низший ведет жизнь пещерного человека.“¹⁶⁹

Таким образом, на протяжении десятилетий русские путешественники и туристы рисовали русскому читателю доброжелательно, а иногда с восторгом и удивлением образ финского народа: честного и твердого, трудолюбивого и гостеприимного, практичного и уважающего права другого человека, патриота и сторонника женского равноправия. И несмотря на то, что прошло более ста лет, по-прежнему в начале XXI века актуально звучат строки русского автора: „Финны – народ, склонный к дружбе, миру, народ мягкий, хотя и замкнутый, но относитесь к нему хорошо и сердечно, и он вам сторицей заплатит.“¹⁷⁰

аф Форселлес-Риска С.

Как из офицера и руководителя промышленности Карла Энкеля получился знаток российских дел и последний статс-секретарь Финляндии в Петербурге*

Лейтенант лейб-гвардии Измайловского полка и впоследствии руководитель крупной финской металлообрабатывающей фирмы Карл Энкель (1876-1959) относился к самым видным деятелям Финляндской республики, занимавшихся внешней политикой. В частности, он был министром иностранных дел во многих правительствах. Он был правой рукой маршала Финляндии, президента Маннергейма и президента Ю. К. Паасикиви, когда речь шла о внешнеполитических делах.¹⁷¹

Карл Энкель провел в Петербурге девять первых лет детства и вернулся туда позднее молодым гвардейским офицером, чтобы служить там в 1917 г. последним статс-секретарем Финляндии. В качестве офицера и одного из руководителей металлообрабатывающей промышленности Финляндии, он хорошо знал российское общество и экономику начала XX в.¹⁷²

В своей диссертации¹⁷³ я рассматриваю Карла Энкеля прежде всего как промышленника, в частности, одного из стратегов роста промышленного руководства, преемником которых он стал в десятых годах прошлого века. Я также отмечаю, как Энкель в качестве одного из руководителей промышленности, особенно военной, занял политически значимое положение в Финляндии, одновременно пользуясь репутацией знатока российской жизни. До назначения статс-секретарем Энкель часто ездил в Петербург на переговоры по торговым связям России и Финляндии. В Финляндии опубликовано лишь небольшое количество исследований, посвященных отдельным руководителям промышленности и их политическому положению, стратегии промышленного руководства или подробным сведениям о металлообрабатывающей промышленности начала XX в.

В данной статье рассматривается, как из-за родившегося в Петербурге и служившего там офицером¹⁷⁴ Карла Энкеля получился человек, руководивший торговыми переговорами между Россией и Финляндией в десятых годах прошлого века, и политический деятель, хорошо знакомый с российскими условиями. Детство и военная служба Энкеля в Петербурге, а также его техническое образование в Германии явно повлияли на предпосылки, благодаря которым Энкель мог свободно вращаться в разных кругах Петербурга. Финским руководителям промышленности удавалось под руководством Энкеля заводить хорошие связи с русскими промышленниками и чиновниками. При углублении российско-финского кризиса Энкелю

* Перевод с финского языка к.филол.н., С. Г. Халипова (РХГИ).

удавалось отстаивать интересы Финляндии указанием на то, что проводимая Россией финская политика не всегда бывала в интересах России.

Семья

Карл Энкель относился к тем финнам, которые родились в Петербурге и чьи родители зарекомендовали себя в российском обществе. Отец Энкеля служил в Петербурге офицером Главного штаба. Многие офицеры, приехавшие из Великого княжества Финляндского, успешно продвигались в своей военной карьере в российской императорской армии, в том числе, его отец с таким же именем, генерал Карл Энкель. Он стал профессиональным военным благодаря шансам продвинуться по службе, предоставляемым российской армией финнам. Когда Карлу Энкелю был год, его отец принимал участие, как и многие другие финские офицеры, в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.¹⁷⁵

Несмотря на высокий офицерский чин отца, блестящий стиль жизни зажиточных и аристократических кругов был не для этой семьи. Для этого ни один из родителей не располагал достаточными средствами. Семья жила скромно в буржуазном районе Петербурга на Васильевском острове, на четвертом этаже большого дома. Здесь Энкель еще в детстве познакомился с многонациональным Петербургом, ведь в этом районе города жило много иностранцев, прежде всего немцев или людей немецкого происхождения, а также финнов. У Карла Энкеля была немецкоязычная няня и шведскоязычная домашняя учительница, учившая и других детей финских офицеров в том же квартале.

Мать Карла Энкеля Хелене Брониковски была русской польского происхождения. Ее родным языком был русский, и Карл Энкель говорил с матерью по-русски. Был ли Карл Энкель финном или русским? В семейных и культурных традициях Карла Энкеля были несомненно черты быта русских чиновников и офицеров. Военная карьера отца, детство в родном городе матери Петербурге, а позднее собственная военная служба в Петербурге, оказали на него русское влияние.

По отцу Карл Энкель был финн, и его собственное отождествление себя с финскими культурными кругами усилилось, когда его отца командировали в Финляндию директором кадетского училища в городе Хамина, куда переехала семья. Карл Энкель и его трое братьев получили там свое военное образование. Типичным для семьи Энкеля было то, что они очень хорошо учились. Отец и сыновья окончили кадетское училище лучшими учениками класса. Как правило, это гарантировало должность гвардейского офицера.

Лейб-гвардии Измайловский полк

В качестве лучшего ученика Карл Энкель стал служить младшим лейтенантом в элитном подразделении, в шестнадцатой роте лейб-гвардии Измайловского полка, причем его основной задачей было обучение новобранцев. Жизнь гвардейских войск не очень отличалась от жизни обычных войск. Такие же военные маневры и упражнения заполняли будни гвардии, как и прочих войск. Близость ко двору и императору все же отличала гвардейские войска от прочих. Карл Энкель вел свойственный гвардейским офицерам блестящий образ жизни - быть гвардейским офицером было само по себе образом жизни.¹⁷⁶

В своих мемуарах Энкель рассказывает с теплотой, как он, подобно прочим офицерам полка, участвовал в светской жизни Петербурга. Он явно увлекался литературными и музыкальными вечерами, устраиваемыми полковым клубом. В мемуарах Энкель рассказывает, как его через товарищей также приглашали к друзьям последних на такие вечера. Энкель констатирует, что «другие метрополии Европы едва ли превосходили блеск и стиль петербургской светской и придворной жизни. На балах, особенно в среде космополитического биржевого мира, гвардейские униформы были очень популярны, а если их носители владели иностранными языками и умели танцевать котильоны, мазурки, кадрили и т.д., то они всегда были желанными гостями».¹⁷⁷ Большая часть времени Энкеля уходила, тем не менее, на службу в роту. В особые задачи входило, в частности, охранять императорские дворцы, выполнять представительские задания в различных случаях - таких как выставки, похороны и т.д.

В мемуарах Энкель отмечает, что кроме финнов офицерами полка были многие прибалты, поляки или литовцы, и русский национализм в общем не проявлялся. Наоборот, Энкель констатирует, что какой-нибудь урожденный русский бывало ко всеобщему удовольствию подсчитывал, какое нерусское большинство сидит за столом за завтраком. По мнению Энкеля, товарищеский дух офицерства был безупречен и почетные задания давали, невзирая на национальность.¹⁷⁸

Многие жившие в Петербурге финны относились к совершенно разным социальным и профессиональным группам, и у входивших в разные группы людей было мало контактов друг с другом.¹⁷⁹ Очевидно, что Энкель вращался прежде всего в офицерских и светских кругах, не сталкиваясь с прочими соотечественниками, не считая других офицеров и их семей.

Военная служба вблизи двора и императора была интересной, и Энкелю нравилось жить в Петербурге. Он чувствовал, что офицерские круги Петербурга принимают его, и считал, что к финнам, как правило, относятся сочувственно. В офицерские годы знание Энкелем

российской жизни углубилось, и он познакомился со многими русскими, ценившими финнов и Финляндию.

Длительное пребывание в российской среде решающим образом повлияло на представление о России, бытовавшее у Энкеля и у многих других финнов. Президент Ю.К. Паасикиви также рассказывал о том, что его опыт был таким же, когда он молодым человеком изучал языки в Новгороде.¹⁸⁰ Приветливость, испытанная в России такими финнами, как Энкель, Паасикиви и даже Маннергейм, имела следствием, что им часто было трудно соглашаться с представлениями о великом восточном соседе, основывавшимися на незнании и предрассудках.

Энkelю было нелегко уезжать из Петербурга изучать технику в Германии. Однако, большие расходы первых лет службы гвардейским офицером были нелегкими для семьи Энкеля. Энkelю, так же как и молодому гвардейскому офицеру Маннергейму, приходилось часто объяснять свои расходы непонимающим родственникам в Финляндии. Жалование, особенно младших офицеров гвардии, было очень скромное. Оно не покрывало даже самых необходимых издержек, не говоря уже о расходах на униформу, которую гвардейские офицеры должны были покупать сами.¹⁸¹

Из Петербурга в Дрезден

Материальные обстоятельства повлияли на смену карьеры Энкеля. Офицерское жалование не могло соперничать с заработной платой в торговле и промышленности. Поэтому-то Карл Энкель и стал одним из офицеров, которые предпочли эти сферы деятельности.¹⁸²

Однако настоящий массовый переход финских офицеров в сферу торговли и промышленности произошел лишь спустя несколько лет после отъезда Энкеля из Петербурга, когда разразился политический кризис между Россией и Финляндией в начале XX в. Тогда финские военные были распущены, а финское кадетское училище в Хамине закрыто. Одновременно в Финляндии и России происходили структурные перемены, и, по крайней мере, в Финляндии часть традиционной элиты обзаводилась новой работой, занимая руководящие посты в коммерции и промышленности. Энкель отправился в Дрезденский технический институт в 1899 г. По сравнению с Петербургом Дрезден не был метрополией. Вместе с Энкелем в технических учебных заведениях Германии учились в 1901 г. многие финны и почти 900 русских студентов. Восемь процентов студентов всех технических вузов Германии были русскими. Из всех иностранных студентов русские составляли добрую половину. Лишь в Дрезден ежегод-

но съезжались сотни русских студентов для изучения техники, составляя около двадцати процентов от общего количества студентов института.¹⁸³

Приехавший из Петербурга гвардейский офицер Энкель мог таким образом и в Дрездене говорить по-русски и знакомиться с будущими русскими руководителями промышленности. Причина массовой учебы в Германии заключалась в том, что подобное обучение на рубеже веков отсутствовало в Финляндии и России. Финны и русские изучали в Германии на рубеже веков одинаковую стратегию руководства.¹⁸⁴ В качестве примера интересно отметить предпочтение протекционистской торговой политики, поддержку отечественного рынка, стремление к долгосрочным инвестициям и корпоративное поведение. Крупная промышленность Германии служила, по крайней мере, частично, образцом и для российской, и для финской металлообрабатывающей промышленности. Знание немецкого языка и контакты с немецким промышленным миром также решительным образом расширяли мировоззрение юного Энкеля и, очевидно, и многих других приезжавших из Петербурга студентов. Процветающие капиталистические промышленность и торговля обуславливали усвоение международной перспективы и следование принципам развития мировой торговли.

Знаток финско-русских торговых связей

Выучившись на инженера, Энкель вернулся в Финляндию в 1903 г. Сначала он проработал несколько лет инженером в области бумагоделательной промышленности и кораблестроения, пока не стал исполнительным директором фирмы «Акционерное общество машино- и мостостроения». Эта фирма еще во время японской войны изготавливала, в частности, торпедные катера и эсминцы для российского флота. Под руководством Энкеля фирма стала во время первой мировой войны ведущей в Финляндии в области металлообработки, в основном в связи с крупными военными заказами для российской армии.¹⁸⁵ Таким образом, Энкель оказался одним из самых выдающихся руководителей финской военной промышленности. Он достиг своей цели и разбогател. В его заработок входил определенный процент от прибыли фирмы, которая благодаря огромным военным заказам выросла до невиданных величин.

Очевидно, получив техническое образование, Энкель мог бы сделать карьеру промышленника и в Петербурге. Ведь Петербург в экономическом отношении был важной многонациональной метрополией северной Европы, где сосредоточивались международная торговля, иностранный инвестиционный капитал и государственная администрация. Кроме

того, по сравнению с Хельсинки, Петербург являлся огромным центром металлообрабатывающей промышленности. Ведь металлообрабатывающая промышленность, особенно военная, существовала примерно в одинаковых условиях и в Петербурге, и в Хельсинки. При этом интересно отметить конъюнктурные колебания, «мобилизацию» промышленности во время мировой войны, определяемую военными обстоятельствами рыночную обстановку и роль военной администрации в качестве крупного клиента. Кроме того, Энкель и руководители металлообрабатывающей промышленности как в Петербурге, так и в Финляндии следовали частично той же упоминавшейся раньше стратегии роста и руководства предприятиями, как и на Западе, особенно в Германии. В этом отношении у Энкеля были бы хорошие предпосылки работать и в Петербурге.¹⁸⁶ Энкель хорошо понимал мировоззрение петербургских руководителей промышленности.

Почему Энкель отправился из Дрездена в Финляндию, а не сделал карьеры в Петербурге? Очевидно, обостряющийся политический кризис между Финляндией и Россией повлиял на выбор Энкеля. К тому же вначале Энkelю было нелегко найти работу. Растущая бумагоделательная промышленность в Финляндии привлекала получивших техническое образование молодых финнов, особенно знающих русский язык. Ведь большая часть бумагоделательной продукции из Финляндии экспортировалась в Россию. Очевидно, знание Энkelем русского языка и знакомство с российскими условиями повлияло на его карьерный рост в Финляндии.

Энкель стал видным деятелем хозяйственной и политической жизни Финляндии, в частности, политиком, представлявшим предпринимателей в десятых годах прошлого века. Его репутация знатока российских условий была также связана с тем, что он долго был председателем финского представительства Экспертной палаты России. Финская пресса регулярно сообщала о переговорах финского представительства в Петербурге. Оно готовило и вело переговоры по развитию русско-финских торговых связей. В качестве председателя представительства Энкель неоднократно бывал в Петербурге на переговорах с русскими промышленниками и представителями властей. Тем самым он имел возможность знакомиться с русской промышленностью, ее руководителями и представителями властей, ведающими торговыми связями.

Энкель также участвовал в качестве представителя финской промышленности в переговорах по объединению таможенной и денежной систем Финляндии и России. На переговорах он стремился подвергать сомнению пользу для России от попыток к объединению - он научился подходить к делам «с российской точки зрения». В связи с переговорами Энкель

представил, в частности, исследование, в котором утверждал, что объединение таможенных систем повысило бы импортные таможенные сборы Финляндии. Со своей стороны, это отразилось бы на ценах военной продукции, что, разумеется, было не в интересах России.¹⁸⁷

Военные интересы России оказали решающее влияние на переговоры. Стремление способствовать политическому миру и умерить оппозиционные проявления финнов в Великом княжестве повлияли на то, что намерения объединиться были отложены во время мировой войны. Среди русских властей в Финляндии, финских общественных деятелей и руководителей военной промышленности возникло взаимопонимание относительно того, что наилучший для Финляндии способ участвовать в мировой войне с ее трудностями заключался именно в поставках военной продукции для российской армии.¹⁸⁸

Успешная деятельность Энкеля как финского промышленника и политика основывалась во многом на умении добывать нужную информацию и использовать ее на международном уровне в Финляндии и России. Это касалось не только технической квалификации или требуемых от промышленного руководителя знаний и навыков. Он стал руководить, в частности, торговыми переговорами между Россией и Финляндией именно для того, чтобы получать информацию о планировавшейся в Петербурге торговой политике и чтобы создать сеть контактов с русскими промышленными кругами и представителями властей.¹⁸⁹ Так, он мог прогнозировать последствия экономической политики России с точки зрения металлообрабатывающей промышленности и приспосабливаться, в частности, к диктуемым военными интересами колебаниям конъюнктуры. Ознакомившись с социально-политическими условиями России, он был способен выполнять задания финских политических кругов и информировать их как специалист по России.

Благодаря переговорам по таможене и деньгам Энкель приобрел хорошую репутацию в политических и хозяйственных кругах Финляндии. Эти переговоры, и особенно торговые переговоры, сделали Энкеля известным человеком в промышленных кругах и среди представителей власти в России. У Энкеля были хорошие отношения, особенно с русскими либералами, входившими в конституционно-демократическую партию кадетов. Это частично объясняет, почему он был назначен на высокий пост статс-секретаря в 1917 г. после Февральской революции. Ведь либералы были хорошо представлены в первом русском Временном правительстве 1917 г.

Последний статс-секретарь Финляндии в Петрограде

Посты генерал-губернатора и статс-секретаря являлись самыми высокими постами в Великом княжестве Финляндском. Пользовавшиеся доверием императора финны традиционно являлись главными кандидатами на пост статс-секретаря. Финский статс-секретарь докладывал непосредственно императору касающиеся Финляндии дела. После отречения императора в 1917 г. Энкель докладывал касающиеся Финляндии дела Временному правительству России.

Очевидно, Энкель свободно вращался и в политических, и в военных кругах Петрограда в 1917 г. Пребывая в Петрограде в качестве статс-секретаря, он хорошо знал не только русских промышленников и представителей властей, но и некоторых офицеров, знакомых ему еще со времен лейб-гвардии Измайловского полка. Энкеля также знали в находившемся в Петрограде военном министерстве, по просьбе которого он после нескольких переговоров начал производство военной продукции на своем промышленном предприятии для русской армии.

Весной 1917 г. Энкель переехал в Петроград и стал жить в квартире, предоставленной статс-секретариатом. Многие важные для финнов дела оставались втуне во время финско-русского политического кризиса, накануне Февральской революции. По сравнению со своими предшественниками, Энкель действовал в Петрограде энергично и стремился ускорить рассмотрение вопросов, не считаясь со сложившимися в этой области традициями. Одно за другим он представлял Временному правительству изменения к законам и прочие дела. Это получалось частично потому, что Энкелю удалось заручиться доверием обоих временных правительств, и он часто мог вести переговоры напрямую с премьер-министрами Львовым и Керенским.

На переговорах, которые финны вели с Временными правительствами, Энкель играл главную роль. Он часто ездил из Петрограда в Хельсинки в своем салон-вагоне для того, чтобы представить отчет и провести переговоры с финским сенатом о взглядах временного правительства. В статс-секретариате Энкель выполнял самые разные задания. В частности, он был связным лицом финских деловых людей в Петрограде и помогал им во многих вопросах.¹⁹⁰

Хорошее знание Энкелем русского языка, его петербургские связи и его знакомство с административной культурой Петербурга оченьгодились в 1917 г., когда для политической жизни Финляндии и России были характерны беспорядки и быстрые перемены. В качестве статс-секретаря Финляндии Энкель участвовал в переговорах с временным правительством по расширению самоуправления Финляндии. Энкель в отличие от сторонников полно-

го самоуправления Финляндии принадлежал к т.н. лоялистам. В принципе, лоялисты были довольны ситуацией, сложившейся после Февральской революции, то есть возвращением Финляндии прав на автономию.

Однако Энкелю довелось почувствовать, что в Финляндии идея независимости получала все больше поддержки осенью 1917 г. Когда Энкель незадолго до Октябрьской революции заметил, каким шатким было положение Временного правительства и как оно теряло контроль над находившимися в Финляндии войсками, он тоже примкнул к сторонникам полной независимости. После этого он активно выступал за принятие Советским правительством Декларации о независимости Финляндии. В канун нового 1917 г. Энкелю довелось в Петрограде вместе с председателем правительства Финляндии Свинхувудом добиться утверждения независимости Финляндии Советом Народных Комиссаров и лично поблагодарить В.И. Ленина за это. После этого Энкель оказался ключевым лицом в формировании и укреплении внешнеполитического и международного положения Финляндской республики.

Александра Коллонтай и усадьба Куусаа под Муолаа*

Madame Александра Коллонтай (1872-1952) - имя, известное всем, изучающим финско-русские общественно-политические отношения. Прежде всего, ее помнят как посла Советского Союза в Стокгольме, через которого финны искали первые контакты со Сталиным в конце войны 1941-1944 гг. Александра Коллонтай была также писателем, большевиком-революционером, отстаивавшим права женщин, близким коллегой Ленина и комиссаром. Ее мемуары переведены, в частности на финский, шведский, норвежский и немецкий языки, и о ней написаны несколько разных биографий, из которых последние - в США, Франции и Германии.

Исследования о Коллонтай на Западе особенно мотивированы международным женским движением и феминизмом начиная с 1970-х гг. прошлого века. Интерес к адаптации свободного секса к революционной тематике революции и солидарности с рабочим движением заставил многих историков-феминисток размышлять о Коллонтай и ее взглядах. В ряде биографий умело излагаются взгляды, которые высказывала Коллонтай.¹⁹¹ В самых же популярных биографиях о Коллонтай, создан образ независимой и волевой героини в вихрях революции.¹⁹²

У Александры Коллонтай были тесные связи с Финляндией. В детстве она проводила лето на Карельском перешейке в наследном поместье своей матери в Куусаа под Муолаа. В начале прошлого века Коллонтай на месте изучала финское рабочее движение и финских крестьян и даже написала на эту тему исследование (1902). Во время 1-й мировой войны она агитировала в Хельсинки матросов Балтийского флота за революцию и сотрудничала с представителями финского рабочего движения. Она также познакомилась со своим вторым мужем председателем Центробалта Павлом Ефимовичем Дыбенко (1889-1938), во время просветительно-пропагандистской поездки в Хельсинки в 1918 г. Эти обстоятельства известны, так что на них не стоит останавливаться. Зато нас в этой связи интересуют годы юности Александры Коллонтай, обстоятельства, при которых она обратила внимание на социальные недостатки, а также вопрос о том, какую роль в этих переменах играли унаследованная ее матерью усадьба Куусаа под Муолаа и знакомство с жизнью крестьян.

Впервые Куусаа была документально зарегистрирована еще в 1560 г., а когда Выборгская губерния перешла к России по Ништадтскому миру в 1721 г., период дарения Куусаа

* Перевод с финского языка к.филол.н., С. Г. Халипова (РХГИ).

продолжался. В конце XVIII в. главное здание усадьбы пришло в большой упадок и попытки нового владельца дарованной земли петербургского торгового советника Александра Ольхина (1771-1815) спасти здание не принесли результата. Торговый советник купил усадьбу в 1803 г., и после его смерти комиссия по наследованию продавала имение небольшими частями.

В 1837 г. Куусаа перешла к финну по происхождению, коллежскому советнику Александру Масалину (1809-1859), работавшему в Санкт-Петербурге в геральдическом департаменте Сената. Свое крупное состояние он скопил продажей леса, доходы от которой помещал во владение землей. В Куусаа он построил красивое двухэтажное здание, фасад которого украшали башня с фронтоном на четырех коринфских колоннах.

После смерти коллежского советника Масалина Куусаа унаследовала его дочь Александра Александровна, умершая в 1900 г., которая сначала вышла замуж за польского инженера Мравинского, а затем за генерала Михаила Алексеевича Домонтовича (1830-1901). От последнего брака родилась дочь Александра, позднее Коллонтай. При генерале Домонтовиче усадьба в Куусаа пережила расцвет новой дворянской усадебной культуры. Зимой Домонтовичи жили в Петербурге, но весной переезжали в Куусаа, откуда возвращались в столицу только осенью. Юная Шура (так тогда называли Александру Коллонтай) очень любила Куусаа, согласно мемуарам и зимой скучала по парку и саду усадьбы. На втором этаже здания находилась большая библиотека, собранная родителями Шуры, с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева, а также Гете, Шиллера, Мольера и Шекспира. Там также было много русских и европейских газет и журналов, которые Коллонтай часто листала, по собственному признанию.

Путь Александры Коллонтай в революцию был типичным во многом для русских аристократических семей в 90-е гг. XIX в. Детство и юность Александры пришлись на бурные 70-е и 80-е гг. XIX в., начало которых ознаменовалось разделением народников на «просветителей» и «террористов». В то же время, обретшее личную свободу, крестьянство устремилось в города в поисках работы. Это проявилось в пролетаризации городского населения и в росте социальных проблем. Материализм, нигилизм, научный позитивизм и дарвинизм подрывали основы русского общества, которое зиждилось на самодержавии и религии. Требования свободы слова, более демократического общества, отмены самодержавия и упразднения привилегий высших слоев были главной темой разговоров, которые велись в четырех стенах во многих семьях. В это бурное время произошло потрясшее всех убийство Александра II в марте 1881 г. Оно коснулось и семьи Домонтовича, хотя и косвенно.

Дело в том, что первого мужа матери Александры Коллонтай, инженера Мравинского, подозревали в причастности к «Народной Воле» и к участию в убийстве императора. Мравинский, специальностью которого было строительство водопровода и канализации, ранее получил задание исследовать канализацию, в которой, как предполагали, находились взрывчатые вещества и около которой пролегал маршрут императора. Однако в исследованиях под руководством Мравинского не обнаружилось ничего указывающего на это, но, после убийства, жандармы получили такую информацию, и инженера Мравинского задержали по подозрению в участии в деятельности террористов. Мать Александры Коллонтай старалась всячески спасти жизнь своему бывшему мужу, и, очевидно, именно благодаря связям и уговорам генерала Домонтовича приговор Мравинскому изменили на лишение имущества и должности и сослали в Сибирь. Вследствие этого положение Домонтовичей в обществе изменилось в худшую сторону, так как старые друзья и знакомые не хотели иметь с ними дела. Карьера генерала приостановилась, и ему стали давать второстепенные поручения. Чтобы избавиться от петербургской атмосферы Домонтовичи фактически бежали в усадьбу в Куусаа на Карельском перешейке.

У 9-летней Шуры это событие вызвало гнетущее чувство. Неужели первый муж матери, отец ее сводных сестер Адели и Женни, был настоящим террористом, соратником Софьи Перовской? Согласно мемуарам Александры Коллонтай, родители тогда оживленно обсуждали самодержавие, «Народную Волю», а также декабристов. Шура считала Мравинского мучеником, похожим на декабристов, а данные события - подвигами. Хотя в мемуарах Коллонтай явно просматривается печать созревания революционного большевика, к которой позднее добавилось обожание Софьи Перовской, возведенной в ранг мученицы интеллигентками, убийство Александра II повлекло за собой неожиданные последствия в жизни невинной девочки-аристократки и ее семьи. Добровольное бегство в Куусаа и пребывание там дольше обычного вызывало вопросы, на которые дочь не получала ответов.

В Куусаа поехала также домашняя учительница Шуры Мария Страхова, современная независимая и свободомыслящая женщина с радикальными взглядами. Во время уроков в библиотеке на втором этаже усадьбы Страхова, кроме математики и языков, обучала Шуру основам русской истории и рассказывала о больших переменах в недавнем прошлом, причем события, связанные с убийством царя, сильно повлияли на направление обучения. На фоне крупных социальных реформ отмена крепостного права и его последствия занимали видное место.

В это время Шура с крыльца усадьбы и сама познакомилась с жизнью крестьян Куусаа. По приказанию Александры Домонтович крестьянских детей собирали один раз в течение лета в парке усадьбы, где им устраивали шуточные соревнования и угощали сладостями. В 1830-е гг. прошлого века в Куусаа была собрана информация путем интервью и один из стариков вспоминал эти праздники, на которых Домонтовичи стояли на крыльце усадьбы в белом, а крестьянские дети прыгали в мешках перед хозяевами, затем дети водили хоровод и пели хозяевам песни.

В своих мемуарах Александра Коллонтай упоминала особо тяжелые условия жизни крестьян в Куусаа, вследствие чего проснулось ее общественное сознание. К данной части мемуаров следует относиться критически, но, учитывая вышеупомянутую информацию, эта часть важна. По всей видимости, более поздние исследования Коллонтай финских хуторян конца 90-х гг. XIX в. повлияли на это. По-видимому, большее значение для формирования личности Коллонтай в детском возрасте имел задний двор барака, на который выходило окно спальни ее петербургской квартиры, на котором происходила беспокойная жизнь - внимательно наблюдавшаяся Шурой.

В начале 90-х гг. XIX в. Александра энергично восстала против мира ценностей родителей. Это показало заключение в 1893 г. брака с бедным, по меркам Домонтовичей, военным инженером Владимиром Людвиговичем Коллонтай, умершим в 1918 г. Он был родственником генерала Домонтовича, и молодые оказались дальними родственниками. Отец Владимира Коллонтай был поляк и участвовал в восстании 1863 г. Брак был потрясением для родителей Александры, но дочь настояла на своем и вышла замуж за Коллонтай. Будни брачной жизни Александра переживала с трудом, несмотря на поддержку родителей.

До замужества Александра Коллонтай была обычной петербургской дворянской девушкой. Брак был неравным и мешал Александре вести свойственный ей аристократический образ жизни. Одновременно Александра через свою бывшую домашнюю учительницу Марию Страхову познакомилась с молодыми марксистами Петербурга. Участие в марксистских кружках, доставка секретной информации и листовок вовлекли Коллонтай в самую активную революционную деятельность. Молодая жена и мать, искавшая оживления своих будней, вдруг заметила, что она заговорщица, такая, как и герои ее детства, добивавшиеся реформ декабристы.

Однако лишь посещение Кренгольмской мануфактуры в Нарве в 1886 г. стало ее личным контактом с повседневной жизнью рабочих. Владимиру Коллонтай было поручено наладить вентиляцию в цехах Кренгольмской мануфактуры и в рабочих бараках, чтобы снизить

смертность от туберкулеза. Александра вместе с мужем ходила по цехам, дышала плохим воздухом, выплевывала волокна, недоумевая как можно было вообще проработать больше дня в таких условиях. Однако настоящее потрясение ожидало ее в рабочих бараках. В спальном помещении люди дремали на плохих кроватях в давящей духоте. На одной из кроватей лежал маленький мальчик, не шевельнувшийся несмотря на попытку Александры разбудить его. Мальчик умер. Потрясенная Александра Коллонтай проклинала царя, капитализм, все!

После этого модернизация вентиляции уже не помогла бы, а общество нужно было перевернуть вверх дном раз и навсегда!

Конечно, описание посещения мануфактуры в мемуарах записано задним числом и драматично. Но у нас нет оснований сомневаться в его достоверности. Зато нельзя забывать, что революционеры стремились показать в мемуарах путь собственного пробуждения и те события, на основании которых зародилось недоверие к царящим условиям, углубилось убеждение, ставшее наконец определенным мировоззрением.

В случае Александры Коллонтай изменение дворянской среды, убийство Александра II, хуторяне Куусаа и их дети, жизнь заднего двора барака, наблюдаемая из окна собственной комнаты и, возможно, многие прочие, неупомянутые обстоятельства стали факторами, повлиявшими на созревание ее сознания. Однако лишь заключение неравного брака вытолкнуло Александру Коллонтай из прежних аристократических кругов. Знакомство с новыми людьми повлияло на становление социально-критических взглядов, а учеба в марксистских кружках помогала сформироваться теории без личного опыта. Испытанное Коллонтай потрясение в Кренгольмской мануфактуре укрепило представление о верности идеи и превратило революцию в ее личную миссию. Отражением этого было решение бросить семью и уехать в Цюрих изучать теорию марксизма в 1898 г.

В мемуарах Коллонтай усадьба в Куусаа и финские крестьяне занимают в данном контексте неожиданно большое место. Почему? Крестьяне не находились в таком жалком состоянии, в каком их описывает Коллонтай в мемуарах, однако, может быть, было важно показать потомству, что в ее революционном прошлом не только пролетариат городов и теоретические занятия, но и крестьяне сыграли значительную роль в формировании ее мировоззрения.

Барышников В. Н.

Роль А. А. Жданова в создании и деятельности т.н. «терийокского правительства» (1939-1940 гг.).

Проблема изучения истории создания и деятельности «правительства» О.В. Куусинена заключается в том, что долгое время существовали лишь официальные документы этого «правительства», в которых фактически излагалась версия СССР относительно его образования и деятельности. Однако этих материалов было далеко недостаточно для того, чтобы понять истинное назначение провозглашенного правительства и определить истинных его творцов.

Поскольку все документы относительно образования этого «правительства» хранились «за семью печатями» в архивах Советского Союза, то становится понятным, что объективный анализ деятельности «кабинета» О.В. Куусинена в научном плане можно было осуществить лишь только после получения доступа к этим материалам.

Поэтому в течение не одного десятилетия с момента окончания второй мировой войны изучение истории т.н. «народного правительства Финляндии» носило весьма поверхностный характер. Исследователь в данном случае мог позволить себе лишь приблизительную реконструкцию прошлого по этому вопросу. Так в частности одним из первых, уже в 50-е гг., кто в научном плане коснулся данной проблемы, был финский историк и дипломат Макс Якобсон.¹⁹³ Он достаточно подробно остановился на деятельности «правительства» Куусинена и выдвинул ряд важных положений. Однако, ввиду крайней узости источниковой базы все они были основаны исключительно на личных представлениях самого автора.

В частности, М. Якобсон стремился определить конкретно тех, кто, по его мнению, нес груз ответственности за принятие решения о создании «народного правительства». При этом чуть ли не центральную роль в этом Якобсон отвел руководителю Ленинградского обкома и горкома партии, секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову. Характеризуя его, как «агрессивного, высокомерного и фанатичного молодого коммунистического лидера», М. Якобсон представил его «наиболее решительным из сторонников жесткой политики» СССР в отношении Финляндии.¹⁹⁴ При этом Жданов, по мнению автора, имел в данном вопросе «восторженную поддержку» Куусинена, который, как указано в работе, «был в значительной степени ответственным в убеждении советских лидеров в гнилости капитализма в Финляндии».¹⁹⁵ В результате следовало заключение: именно эти два человека сумели «убедить более осторожно-

го Сталина, что непокорные финны могут оказаться быстро и безболезненно под каблуком» СССР.¹⁹⁶

Это мнение затем дружно подхватили другие исследователи и оно практически в априори стало доминировать во взглядах на проблему, связанную с образованием данного «правительства». Кроме того, некоторые из лиц, наблюдавших за происходившими в то время в Кремле событиями, также считали, что тогда «Жданов – это второй Куусинен».¹⁹⁷ Другие же начали утверждать, что само решение Сталина об образовании «правительства» вообще было чудь ли не основано «на совете Жданова», который квалифицировался, как «отец идеи образования Народного правительства Финляндии и ее проводник».¹⁹⁸ Тем не менее именно представление о том, что Жданов нес наиболее серьезный груз ответственности за принятие решения в Советском Союзе об образовании «народного правительства» Куусинена представляется однако в достаточной степени дискуссионным.

Открытые недавно в России ранее секретные советские документы позволяют более четко установить конкретный вклад того или иного высшего государственного и политического деятеля Советского Союза в создание «правительства» Куусинена накануне т. н. «зимней войны». При этом, признавая весьма активную роль, которую Жданов играл в процессе организации «народного правительства», все же пока нет прямых доказательств того, что именно он являлся автором самой идеи. Скорее всего, А. А. Жданов продумывал определенные детали, связанные с провозглашением и дальнейшей деятельностью этого «правительства», но взгляды Сталина, а также Молотова по этому вопросу были не менее «смелыми» и они самостоятельно сами могли выдвигать подобного рода предложения. В этом отношении, по всей видимости, идея с созданием «народного правительства» являлась плодом прежде всего коллективного творчества советского руководства. Причем главным в этом процессе все же являлся сам И. В. Сталин.

Об этом можно судить по тому с кем и с какой регулярностью Сталин в то время встречался. Поскольку, безусловно, именно от его взглядов, объективно, зависело принятие того или иного решения. Анализ же регистрации лиц, которые посещали кремлевский кабинет И. В. Сталина, в этом смысле, может многое рассказать. Из записей лиц, вызванных в Кремль в октябре-ноябре 1939 г., создается достаточно ясная картина того, как тогда развивался процесс выработки и принятия решения относительно начала войны против Финляндии.

В то время на приеме у Сталина Жданов был 12 раз. Столько же раз там бывал и Куусинен, но вместе они у Сталина практически не встречались. Это произошло только два раза

- 15 и 27 ноября. Молотов же, например, в то время бывал в рабочем кабинете Сталина 55 раз и всегда находился там, когда у Сталина был и Куусинен. Таким образом Жданов оказывался несколько в стороне при обсуждении конкретных дел, связанных с образованием «народного правительства». Более того, интенсивность встреч Куусинена со Сталиным постоянно нарастала по мере того, как приближалось время начала войны, тогда как Жданов же в это время практически в Москве уже не бывал. Из этого можно сделать вывод, что Жданов был тогда занят несколько другими делами.

Если учесть, что в это время шла активная подготовка войск Ленинградского военного округа к началу войны, то становится ясным, что Жданов должен был в Ленинграде заниматься прежде всего именно этим. Неподготовленность театра военных действий на северо-западе требовала от него, как руководителя ленинградской городской и областной партийной организацией, также как и от командующего ленинградским военным округом К. А. Мерецкова весьма энергичных действий в этом направлении, о чем свидетельствует, по крайней мере, то, что Жданов и Мерецков тогда усиленно «объезжали войска, проверяя их боевую готовность».¹⁹⁹

Таким образом у Жданова забот хватало в Ленинграде, в то время, как другой видный советский государственный деятель - Молотов регулярно тогда проводил с Куусиненом в сталинском кабинете встречи, что уже, очевидно, указывает на то, он в значительно большей степени был посвящен во все нюансы подготовки и создания правительства О. В. Куусинена чем Жданов. В результате из этих косвенных данных становится понятно, что именно он, а не Жданов являлся одним из активнейших участников организации марионеточного правительства.

Тем не менее, очевидно, что Жданову в советском руководстве отводилась все же одна из ведущих ролей, но он был в данном случае скорее исполнителем, нежели чем активным участником этого процесса. Так, в частности, уже до начала войны продумывался сценарий деятельности «народного правительства», причем одним из центральных положений являлось заключение СССР с правительством Куусинена договора о взаимопомощи и дружбе в начале войны. При этом первоначально предполагалось, что с советской стороны его подпишет именно Жданов. Но реально, на практике его все же документ подписал Молотов, что явно указывает на то, что Жданова даже в этом случае решили уже не привлекать.²⁰⁰

Какие же все-таки задачи тем не менее могли выполняться тогда Ждановым?

Из архивных источников становится ясно, что он, прежде всего, вынужден был решать текущие вопросы, которые были связаны с образованием «народного правительства»,

поскольку в самый канун войны будущие его члены уже собрались в Ленинграде. Из черновых записей, которые делал Жданов в своей рабочей записной книжке, видно, что он очень внимательно относился к тому, чтобы доставить будущих членов «правительства» на занятую советскими войсками территорию Финляндии в поселок Терийоки. Как отметил в своей записной книжке по этому поводу А. А. Жданов: «Терийоки заняли утром. Деревья с проволокой... Железная дорога разобрана на 1 1/2 километра».²⁰¹ Иными словами Жданов указал на те препятствия, которые были созданы отступающими войсками для того, чтобы можно было быстро добраться до поселка. При этом очевидно, что Жданов пытался это сделать как можно скрытно, создав видимость того, что это «правительство» образуется не по воле советского руководства. Поэтому, когда во второй половине дня 1 декабря членов «кабинета» Куусинена доставили на машинах из Ленинграда в Терийоки и они затем там самопровозгласились именно Жданов отработывал ту информацию, которая вскоре пошла в советскую печать. Тогда в органах массовой информации СССР давалось пояснение, что Декларация об образовании «народного правительства» является «радиоперехватом» и «переводом с финского». Как выяснилось позднее, эта заведомая неправда являлась именно изобретением Жданова. В делах его личного архива сохранился черновой текст этой Декларации, где он собственноручно написал эти две фразы.²⁰² Ждановым была также подготовлена и информация для ТАСС об образовании «народного правительства». Карандашный ее набросок²⁰³ является свидетельством того, в какой спешке сообщение рождалось.

Тем не менее сами эти «мероприятия» Ждановым, конечно, до этого уже глубоко продумывались. В его черновиках, хранящихся в архиве, также существуют записи для памяти, в которых он особо выделял необходимость указать, что первые документы, которые будут опубликованы советской печатью относительно «народного правительства» являются «радиоперехватом». Также продумывались заранее и в целом все пропагандистские действия, которые должны были быть связаны с началом войны.²⁰⁴

Из этого также видно, что наибольший круг вопросов, за которые Жданов, судя по документам, отвечал, имели политический и идеологический характера. В частности, большое внимание он уделял пропагандистской поддержке мероприятиям, которые осуществляло «народное правительство». Жданов, например, требовал активизировать издательскую деятельность направленную на это ленинградского обкома и горкома партии, а также привлечь для оказания помощи «правительству» Куусинена политотдел 7-й армии.²⁰⁵

Было обращено также большое внимание на выпуск листовок для населения и солдат Финляндии. Лично сам Жданов написал тексты ряда листовок.^{206 207} Однако, как оказалась

эта работа не достигала все же ожидавшегося результата. Так же как и организованные тогда радиопередачи для населения и армии Финляндии. Они велись через широкопередатную радиостанцию Ленинграда с использованием материалов, которые готовились преимущественно в редакции газеты «народного правительства» «Кансан Валта». Председатель Ленинградского радиокомитета в своей докладной записке Жданову и другим руководителям Ленинградской партийной организации признавал в январе 1940 г., что ведущееся на Финляндию «специальное вещание крайне неэффективно и непродуктивно», оно «дает материал общего характера, мало доступный для финского радиослушателя».²⁰⁸

Другим вопросом, которым занимался Жданов, как накануне войны, так и в ее ходе был процесс создания и комплектования частей «финской народной армии». Так, уже в конце ноября нарком обороны К. Е. Ворошилов прямо информировал непосредственно Сталина, Молотова и Жданова о тех сложностях, с которыми советское командование сталкивалось в момент образования «финских частей».²⁰⁹ В свою очередь Ленинградский обком партии производил персональный отбор коммунистов, владеющих финским языком, для направления их в спешном порядке на политическую работу в части формирующейся части «народной армии». Всего в сводном списке лиц, проходивших соответствующий отбор, насчитывалось тогда 346 человек.²¹⁰

В дальнейшем по мере начала и продолжения войны Жданов не прекращал отслеживать процессы комплектования «народной армии». Так, в частности, 7 января 1940 г. Жданов, а также члены «правительства» Куусинен и Анттила обратились к Сталину и Ворошилову в просьбой ускорить процесс развертывания еще двух дивизий «народной армии».²¹¹ Эта была весьма сложная задача и поэтому у высшего советского руководства просили начать новый призыв в эту «армию» из районов с финно-угорским населением.²¹² Эта просьба была поддержана Сталиным²¹³ и начался новый этап наращивания численности войск финской «народной армии».

Параллельно Жданов готовил и ряд весьма важных, основополагающих документов, связанных с «финской народной армией». В частности, еще в конце ноября вместе с начальником Главного политического управления Красной Армии Л. З. Мехлисом он занимался подготовкой текста военной присяги для этой «армии». Будучи тогда в Ленинграде, Мехлис прямо докладывал в Москву, что «посоветовался со Ждановым» и «он согласен, что к нашей присяге (то есть присяги Красной Армии. – В.Б.) приводить не следует».²¹⁴

Впоследствии, в декабре 1939 г. эта работа приобрела уже более конкретный характер. За основу было взято Ждановым содержание «Военной присяги РККА» и в ней были за-

менены лишь отдельные фразы. Вместо «СССР» и «РККА» указывались соответственно «Финляндская Демократическая Республика» и «Финская Народная армия», а слово «трудящиеся» заменялось другим - «народом».²¹⁵ В таком виде проект присяги был направлен Сталину и Ворошилову за подписью членов «народного правительства» Куусинена и Анттилы, также Жданова. В сопроводительном письме говорилось: «Приведение к присяге считаем целесообразным провести в самое ближайшее время. Просим вашего согласия».²¹⁶ Действительно на этой основе присяга была утверждена в Москве, а затем ее уже приняли бойцы и командиры «финской народной армии».

Объективно тогда, в начале «зимней войны» деятельность Жданова, связанная с мероприятиями, проводившимися по поводу образованного «правительства» в Терийоки и дальнейшего комплектования «народной армии», приобрела особую активность. Все нити при решении практических (в ряде случаев чисто пропагандистских) вопросов в этой области тянулись именно к нему. Он пытался даже выяснять «с какой радиации говорит финкорпус», каково «движение корпуса» его «обмундирование» и т.д.²¹⁷ Даже первые встречи бойцов и командиров «народной армии» находились «под контролем» у Жданова. 16 декабря в Терийоки эта встреча произошла. В этой связи, А. А. Жданов в своей записной книжке в перечне первоочередных пропагандистских мероприятий, которые необходимо было тогда осуществить, удовлетворенно отметил: «С корпусом познакомились. Командный состав собрали»,²¹⁸ мероприятие провели.

О какой же в данном случае самостоятельности «правительства» Куусинена могла идти речь? Тогда буквально почти каждый из решавшихся этим «правительством» вопросов требовал санкции советского руководства и курировал эту проблему непосредственно Жданов, который объективно теперь повседневно играл направляющую роль в действиях «терийокского правительства».

Это также можно было отметить и относительно того внимания, которое Жданов уделял финскому населению, которое осталось на занятой советскими войсками территории Финляндии. Больше всего финских граждан оказалось на территории севернее Ладожского озера. Там в некоторых районах жители не были эвакуированы, о чем сразу же было сообщено в Жданову. Уже 2 декабря из Карельского обкома партии была отправлена срочная телеграмма: «Москва. ЦК Парт. тов. Жданову А.А. На всех участках наших частей противник при отступлении силой оружия эвакуирует гражданское население», однако затем сообщалось, что в ряде мест население все же осталось и оно «приветливо встретила наши части», но пока «сообщение об образовании Народного правительства Финляндии в занятых районах

еще не доведено».²¹⁹ Иными словами создавался фронт работ для деятельности «правительства» Куусинена.

В архивных материалах Куусинена существует документ, который был разработан еще до начала боевых действий. Это была инструкция: «С чего начать политическую и организационную работу на территории, освобожденной от власти белых».²²⁰ Текст данной инструкции был подготовлен «министром просвещения» Инкери Лехтинен,²²¹ но затем, судя по поправке, содержащейся на ее страницах, при ее дальнейшей доработке активное участие принимали сам Куусинен, а также Жданов.²²² В данном случае, Жданов не только играл роль в подготовке соответствующих инструкций, но и курировал в этом вопросе Карельский обком партии. Его первый секретарь Г. Н. Куприянов в докладной записке адресованной А. А. Жданову прямо заверил, что представители партийной организации Карельской республики будут всячески помогать в работе среди финского населения «народному правительству» и уже планировалось этих представителей «посылать по мере продвижения частей Красной Армии в глубь Финляндии».²²³

В целом все мероприятия, проводившиеся на занятой советскими войсками финской территории с населением, осуществлялись по единой программе. Причем о ходе этой работы регулярно информировался Жданов, продолжая играть в данном случае весьма активную роль. Судя по документам, в наркомате обороны внимательно следили за тем, чтобы обо всех вопросах, связанных с проблемами взаимодействия с финским населением, непосредственно информировался именно Жданов. Когда, например, Ворошилов получил донесение от командования 8-й армии о передаче финского имущества на занятой частями Красной Армии территории Финляндии т.н. «комитетам народного правительства», то обратил на это особое внимание и написал резолюцию: «Знает ли т. Жданов, выяснить».²²⁴

Однако по мере того, как деятельность «правительства» Куусинена становилась все более мало эффективной, внимание к нему со стороны Жданова начинает уже ослабевать. По своей видимости, в советском руководстве так и не была выработана достойное решение связанное с официальным провозглашением о самороспуске «народного правительства». Тем не менее работа в этом направлении определенная все же велась. Так 8 марта в разгар переговоров с финляндской правительственной делегацией в Москве Куусинен был опять приглашен в кремлевский кабинет к Сталину, где более двух часов шло совещание с участием Молотова, Жданова и Ворошилова.²²⁵ Именно этот круг лиц непосредственно и занимался проблемами «народного правительства». Но официально возвещения о роспуске правительства так и не последовало.

Однако поскольку официально о самороспуске «правительства» Куусинена не было объявлено, сразу же после подписания мирного договора между СССР и Финляндией в различных кругах советской общественности стали возникать недоуменные вопросы относительно происшедшего. В информационной справке, подготовленной для Жданова в Ленинградском горкоме партии, отмечалось целая серия задававшихся тогда вопросов жителей города. В частности спрашивалось: «Что будет теперь с Народным правительством Финляндии? Где находится сейчас Куусинен?.. Где сейчас 1-й корпус Народного правительства Финляндии и что он теперь будет делать?» и так далее.²²⁶

Тем не менее 21 марта 1940 г. Куусинен, а также бывшие члены его «правительства» Анттила и Проконен были приглашены к Сталину в Кремль. Здесь состоялось их совещание, на котором также присутствовали представители партийных и советских органов Карелии, а также Молотов, Жданов и Ворошилов.²²⁷ Видимо тогда и была решена окончательная судьба этого «правительства». Часть бывших его членов вошли в руководство образовывавшейся тогда Карело-Финской Союзной республики, а «армия» переформировывалась и на ее базе образовывалась стрелковая дивизия. Так заканчивалась непродолжительная история связанная с «правительством» Куусинена.

Что же касается роли в создании и деятельности этого «правительства» Жданова, то она, несомненно, представлялась весьма фундаментальной, по масштабам ее можно даже сравнить с работой, которую тогда осуществлял сам Куусинен. Но, тем не менее, эта роль была скорее исполнителя общих решений чем идеолога и автора самой концепции.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Иванов М. В.

Русская торговля со Стокгольмом в XVII веке.

Изучение истории русской торговли на территории коренной Швеции является сегодня весьма актуальной прежде всего по причине того, что оно проводилось, преимущественно, в направлении прибалтийских шведских колоний, городов Рига, Ревель, Дерпт и Нарва. При этом изучению истории русской торговли в шведской столице уделялось внимание явно недостаточное. Исключение составляет огромная исследовательская работа, проведённая выдающимся советским учёным Игорем Павловичем Шаскольским. Он первый кто выделил стокгольмское направление из общего контекста русско-шведской торговли в XVII в.²²⁸ Между тем, в этом вопросе остаётся ещё много неизученного.

Основы русско-шведской торговли в целом в XVII в. были заложены Столбовским мирным договором, заключённым между Россией и Швецией в 1617 г. По его условиям единственным городом на собственной шведской территории, в котором могли торговать русские купцы являлась шведская столица, Стокгольм²²⁹. Таким образом, этот город становился торговым посредником между Россией и Западной Европой. Начиная с первой трети XVII столетия стокгольмский торг оформляется в отдельную ветвь общей русско-шведской торговли. Складывается определённый круг русских городов и купеческих фамилий, которые в своей торговле ориентируются именно на этом направлении. Оформляется также и товарный состав со своей особой спецификой.

Первое место среди русских городов, торговавших со Стокгольмом, занимали крупные торговые центры северо-запада России, прежде всего – Новгород и Тихвинский посад (Тихвин). Новгород, являясь крупным торгово-ремесленным центром географически располагался на чрезвычайно выгодном для заморской торговли пространстве. Этот и ряд других факторов, в частности, определили активное участие этого города в стокгольмской торговле. К середине XVII столетия в шведской столице регулярно торговали представители по меньшей мере 15 торговых фамилий Новгорода. К 1663г. число их увеличилось до 22. Среди них особой активностью выделялись Шорины, Харламовы, одни из первых посетившие Стокгольм в начале века, крупные купцы Кошкины, Прокофьевы, Пуриковы, Селивёрстовы, Стоя-

новы и др²³⁰. Исследователь С.В. Бахрушин в документах за время с 1649 по 1699 гг. обнаружил более 70 имён новгородцев, торговавших самостоятельно или через посредство своих агентов в Стокгольме²³¹. Активное участие Тихвина в торговле со Стокгольмом объясняется тем, что этот город также как и Новгород, располагался на весьма выгодном торговом пространстве. Кроме того, за весь XVII в. Тихвинский посад не посетил не один купец из Стокгольма, при том что Тихвин обладал почти таким же как и Новгород торговым потенциалом²³². Таким образом, шведские товары доходили до Тихвина через руки новгородских или прибалтийских купцов, что естественным образом увеличивало их стоимость. Вероятно, дороговизна шведских и западно-европейских товаров, а также желание видеть в Стокгольме выгодный рынок сбыта русских товаров и явились для Тихвина решающим фактором к установлению прямых торговых связей между этими городами. К середине XVII в. вся торговля Тихвина на стокгольмском направлении была сконцентрирована в руках 11 крупных торговых фамилий этого города таких как Калачники, Канчанины, Бельские, Анисимовы, Самсоновы, Шпилины и др²³³.

Менее активное участие в такой торговле принимали города Олонец, Ладога, Корела, Кексгольм, Устюжна, Рыбинск, Москва, Ярославль, Переславль и др.

Товарный состав на данном направлении имел устойчивый прочно сложившийся характер и почти не менялся на протяжении всего столетия. Россия была заинтересована прежде всего в высококачественных шведских металлах, а шведский рынок, нуждался, в свою очередь, в сравнительно недорогих русских мехах, изделиях ремесленного производства, некоторых продовольственных товарах, в частности, хлебе. Таким образом, основными статьями русского экспорта в Швецию были меха, лён, пенька, поташ, кожи, различные крупы, мясо, рыба, мёд, мука пшеничная и ржаная и пр²³⁴. Наиболее крупные поставки в Стокгольм касались пеньки и хлеба. Средний объём одной партии ржи составлял 80-100 бочек²³⁵.

Русский импорт, как уже было сказано, был строго ориентирован на шведские металлы и изделия из них²³⁶. Медь и железо составляли почти весь товарный груз русских торговых людей при возвращении в Россию²³⁷. Особой популярностью у русских купцов пользовались шведские деньги «плоты» (от швед. platar), изготавливавшиеся в виде небольших досок с вычеканенными на них государственным гербом Швеции²³⁸. Изготавливавшиеся из высококачественной меди «плоты», вывозились на Русь и затем переплавлялись для изготовления различных ремесленных изделий. Кроме «плот» вывозились на Русь так называемые «шкилевые деньги» (от швед. skiliemyt), служившие мелкой разменной монетой и измерявшиеся не по нарицательной стоимости, а по весу – пудами²³⁹. Вывоз в Россию шведских денег вскоре

приобрёл угрожающе массовый характер, и едва не подорвал денежный оборот Швеции. Об объёме вывозимых русскими купцами шведских денег говорят следующие цифры. По шведским данным в 1644 г. было вывезено только «шкилевых» денег приблизительно 23 280 кг., а в 1646 г. – 110 080 кг.²⁴⁰. В результате вывоз «плот» и «шкилей» за пределы Швеции был запрещён²⁴¹. Тем не менее, упоминание о них встречается в русских документах на протяжении всего XVII столетия²⁴². Кроме того, шведские металлы вывозились в виде проволоки, а также в котлах, металлическом ломе, которые также предназначались для их последующей переплавки или изготовления из иных ремесленных изделий²⁴³. Почти незначительный процент в русском товарном вывозе занимали так называемые предметы роскоши, - различные украшения, утварь, предметы быта пр²⁴⁴.

Довольно быстро сложился механизм продвижения товара. Русские торговые люди закупали товар, главным образом, у его непосредственных производителей, - крестьян или ремесленников. К примеру, крупные новгородские купцы Кошкины, имели сеть своих торговых агентов, которые совершали так называемые коммерческие рейды с целью закупки товара²⁴⁵. Затем с началом навигации (май-июнь) товар переправлялся по морю на небольших судах, - карбасах, - в Стокгольм, где и реализовывался в течение одного или нескольких торговых сезонов (июнь-сентябрь). На вырученные средства в Стокгольме закупались новые партии товара, которые затем таким же образом вывозились на Русь. В рамках такой торговли сложились несколько форм коммерческих операций: товар под заказ, продажа товара с лавки, с карбаса (с судна), сдача товара на реализацию, подряд, а также бартер²⁴⁶. Кроме того можно говорить о существовании в XVII в. практики паевых вложений, когда несколько торговых людей объединяли свои денежные или товарные средства (паи) в один крупный капитал с целью получения большей выгоды. Полученная в результате такой операции прибыль делилась затем между пайщиками соразмерно вложенному капиталу²⁴⁷. Однако, наиболее популярной формой торговли являлась продажа с лавки. Это было связано с регламентацией иностранной торговли в целом. По шведским законам иностранные купцы имели право торговать в Стокгольме только на территории своего гостиного двора²⁴⁸. Построенный в 1637 г. для этой цели русский гостиный двор, состоял сначала из деревянных, а затем из каменных лавок, которые на первых порах одновременно служили торговым, складским и жилым помещением²⁴⁹. Кроме того, все торговые операции можно было производить только оптом и только с местным стокгольмским купечеством, которое, являясь посредником между иностранным купцом и рядовым шведским потребителем, устанавливало свои «выгодные» цены и приобретало на этом крупную прибыль²⁵⁰.

Торговая деятельность русских купцов в Стокгольме встречала на своём пути множество трудностей и в целом была небезопасна. Отправившийся с торговыми целями в Швецию, торговый человек рисковал лишиться не только всего своего товара, но и собственной свободы, а нередко и жизни. Так в 1680 г. на русском гостином дворе вспыхнул крупный пожар. Его виновниками были признаны тихвинские торговые люди Василий Андреев и Илья Бельский. Шведским судом они были приговорены к смертной казни, но по прошествии двух лет тюремного заключения и тяжёлых бесплатных работ были выпущены на свободу²⁵¹. При возникновении пожаров на гостином дворе его постояльцы теряли весь или большую часть своего товара, что в большинстве случаев означало одно – разорение. Нередко в русских документах можно встретить сообщения примерно одного и того же содержания: «... поезжая, я бедной, в Стекольно, и имал у посадских людей товары в долг и давал на себя в том заемные кабалы. И будучи, государь, в Стекольне, ради грех наших русской гостин двор горел, и у меня, бедного, свои и должные товары все згорело, от того я, бедной, вконец разорился...»²⁵² В подобной ситуации нередко в прошлом крупный купец вынужден был наниматься (приказчиком или выполнял иные обязанности) к другому торговому человеку. Немало опасностей подстерегало торговых людей в пути, где легко можно было стать жертвой бандитского разбоя или кораблекрушения²⁵³. В годы военных конфликтов между Россией и Швецией всё русское население Стокгольма автоматически приобретало статус военнопленных и использовалось на тяжёлых работах. Такая ситуация возникала за весь XVII в. по меньшей мере дважды: во время войны 1659-61 гг. и в начале Северной войны.²⁵⁴ Однако большим «злом», по свидетельству самих купцов, таможенный контроль при выезде из Швеции на Русь. Желая покинуть Стокгольм купец должен был выполнить на первый взгляд простые требования властей – предоставить опись вывозимых товаров, оплатить пошлину и получить «пас», разрешение на выезд²⁵⁵. Однако на практике сделать это было не так легко. Главная проблема состояла в том, что стокгольмская таможня в XVII в. представляла собой огромный бюрократический механизм, в котором присутствовали и откровенный грабёж, и коррупция и обыкновенная чиновничья волокита. Шведские таможенники нередко намеренно затягивали выдачу «паса», вынуждая таким образом купцов давать взятку. Так крупный новгородский купец Никита Кошкин был задержан вместе с грузом в стокгольмской таможне сроком всего на пять дней, в результате чего вышел в море, в неблагоприятную для плавания штормовую погоду. Ещё в стокгольмском заливе его судно потерпело крушение, и хотя сам Кошкин благополучно спасся, весь его товар утонул в море²⁵⁶. И примеров тому – множество.

Общий взгляд на русскую торговлю на территории коренной Швеции в XVII в. выявляет больше минусов, нежели плюсов. Однако, менее чем за одно столетие стокгольмская торговля приобрела весьма устойчивую самостоятельность и продолжала развиваться несмотря на все существующие преграды вплоть до с начала в 1700 г. Северной войны, когда русско-шведская торговля в целом была прервана почти на два десятилетия. Русская торговля была более активной, чем шведская. Об этом, в частности, свидетельствует, тот факт, что русский экспорт был более широк и разнообразен, чем импорт. Однако в целом вся торговля России на северо-западном направлении в XVII в. определялась посреднической ролью Швеции, что в значительной степени тормозило развитие самостоятельной торговли России с Западной Европой. Необходимо было разрушить так называемый «Прибалтийский барьер». Эта задача была решена Северной войной, которая изменила весь ход русско-шведской торговли в целом.

Швеция как участница административных союзов XIX века

К оценке степени участия страны в мировой политике можно подходить с разных сторон. Обычно, основным критерием в этом вопросе служит внешний, количественный фактор - как часто в изучаемый период данная держава являлась «возмутителем» мирового порядка, как часто ее политика становилась предметом обсуждения всего мирового сообщества. Если рассматривать внешнюю политику Швеции в XIX в. исходя из указанного критерия, то можно согласиться с выводом, сделанным Н.И. Кареевым (1850-1930 гг.) еще в начале XX в.: Швеция не играла сколько-нибудь видной роли в международной политике.²⁵⁷ Эта точка зрения утвердилась в научной литературе.

Но можно взглянуть на поставленный вопрос и с несколько иной позиции, поставив во главу угла внутренний, прагматический фактор. В этом случае главным критерием будет являться ответ на вопрос: как внешняя политика, проводимая тем или иным государством, способствовала реализации внутренних национальных интересов? Как она способствовала выходу из кризиса и смягчению социальных противоречий? При таком подходе, в центре внимания оказываются конкретные показатели, отражающие поступательное развитие державы: повышение благосостояния жителей, степени реализации прав ее граждан, рост ее валового национального продукта и экономической мощи. Последний подход, как правило, используется для оценки современных событий, его применение в исторических исследованиях встречается редко.

Применив этот метод к оценке участия Швеции в системе международных отношений, мы придем к противоположному результату: внешняя политика Швеции XIX в. была чрезвычайно активной и эффективной, выражаясь современным языком, носила прагматический характер.

Поражение Швеции в третьей Северной войне (1808-1809 гг.) серьезно подорвало ее престиж в мировой политике XIX в. Страна лишилась своего международного авторитета, с ее мнением «ведущие державы» не считались. Экономика страны была подорвана, социальные отношения находились в затяжном кризисе. Стране грозило повторить участь одной из своих давних соперниц

Речи Посполитой: пережить раздел между более сильными державами.

В этой обстановке 21 августа 1810 г. наследником престола избирается маршал наполеоновской Франции Жан Батист Бернадот. От бывшего военного министра ждали не только демократизации общества и внедрения принципов свободы в экономические и административные отношения, но и восстановления славы шведского оружия. От «соперника Наполеона в доблести и военном искусстве»,²⁵⁸ героя Киборна, Галле и Ваграма, громившего русских в Польше и при Аустерлице, ждали реванша - возвращения Финляндии и «похода мести» на Петербург.

Но, вопреки всем ожиданиям, воинственный «сын Франции» избрал основой своей внешней политики - политику мира и согласия. Принимая присягу на верность законам Швеции, определяя основные направления политики своего правительства, он сказал: «Мир - вот единственная достойная цель, к которой должно стремиться просвещенное правительство. Сила и самостоятельность государства зависит не столько от пространства его владений, сколько от твердых законов торговли, духа промышленной деятельности и, главным образом, от степени развития национального самосознания».²⁵⁹

Прагматизм, твердый расчет, следование национальным интересам, отсутствие «вечных» друзей и «заклятых» врагов - вот основа всей политики Швеции XIX в. Неотступное следование этим принципам дало возможность Бернадоту, подводя итоги своего правления в 1840 г., сказать: «Политика мира обеспечила полуострову 25 лет мира и благоденствия.. Я оставляю Вам памятник моей деятельности: погашение внешнего и почти всей суммы внутреннего долга, повышение доходности банковских операций..., сооружение каналов, очищение рек, постройку новых дорог, крепостей, гаваней, запасных магазинов и арсеналов, организацию армии в 1000000 человек, состоящей не из дряхлых стариков и детей, а из ветеранов, постройку шхерного флота из 250 канонерских лодок, увеличение большого флота, благодаря постройке новых фрегатов, постоянное развитие земледелия, развитие фабричной и ремесленной промышленности, рост таможенных поступлений, постоянный рост населения».²⁶⁰

Три кита составляли основу шведской внешней политики XIX в.: прагматизм, нейтралитет и «скандинавизм». Следование этим трем принципам четко прослеживается на протяжении всего века. Ни один из перечисленных принципов не требует отказа от активности на международной арене.

Анализ исторического материала позволяет опровергнуть приведенное ранее мнение Н.И. Кареева. На всем протяжении XIX в. шведское правительство принимало активное участие в мировой политике, действуя последовательно и достаточно жестко в соответствии с

собственными национальными интересами, умея извлекать выгоду из, казалось бы, «проигранных партий». Играя незаметную, но чрезвычайно важную роль в «европейском оркестре», она заставляла прислушиваться к своей точке зрения его «первые скрипки»: Россию, Францию, Англию, Пруссию.

Преследуя национальные интересы, Швеция избрала основой своего внешнеполитического курса укрепление внешнеэкономических связей и создание новых рынков сбыта для национальных производителей. Стремясь использовать ослабление Испании в начале XIX в., шведское правительство предпринимает ряд шагов для проникновения на перспективный южноамериканский рынок.

Уже в 1817 г. правительство Швеции поручает С. И. Густаву-Вольфу изучить возможности непосредственных торговых сношений с бывшими испанскими колониями. Благодаря его активной деятельности, в 1824 г. в Колумбию были отправлены корабли со шведским металлом, предназначенным для продажи в Южной Америке.

Густав-Вольф выступил и в качестве инициатора авантюры, имевшей серьезные внешнеполитические последствия. Ознакомившись с потребностями стран, ведущих борьбу за свою независимость с Испанией, шведский посланник предложил продать американцам на выгодных условиях несколько военных кораблей, ранее предназначавшихся Испании. В качестве посредника Швеция избрала английский торговый дом Михельсона и Бенедикс. Сделка осуществилась в обстановке глубокой секретности на сумму 610 тыс. риксталеров. Успех «операции» стимулировал весной 1825 года новую торговую сделку с английской фирмой Barelays, Herring, Richardes & Co. Речь шла о продаже в Мексику уже 3-х кораблей общей стоимостью 1 млн. 18 тыс. 600 риксталеров.

Но сохранить в тайне эту сделку не удалось. В июне 1825 г. сведения о ней получает русский посланник в Стокгольме П. К. Сухтелен, который 9(21) июня 1817 г. информирует о ней российское правительство²⁶¹ и в соответствии с полученными рекомендациями организует дипломатический демарш с участием посланников Испании, Австрии, Пруссии и Франции.²⁶² Правительству Швеции в лице министра Веттерстада пришлось давать объяснения. Ссылки на то, что корабли «старые» и не могут быть использованы в военных действиях, не удовлетворили дипломатов. В результате, под нажимом перечисленных стран, Карл XIV был вынужден подписать протокол о расторжении сделки, возврате денег покупателям и компенсации затрат посредников.

Несмотря на то, что последствия были крайне негативными, шведское правительство сумело извлечь прибыль, добившись в качестве компенсации потерь от сделки «выгодные

торговые условия» с Россией. Они были закреплены русско-шведской торговой Конвенцией 1828 г. Стремясь «сгладить» отношения со Стокгольмом, Петербург был вынужден без проволочек ратифицировать Договор об урегулировании российско-норвежских границ 1826 г.

«Мирная» направленность являлась лейтмотивом внешней политики Шведского государства XIX в., заложила основу социального и экономического благополучия страны в XX в., создает предпосылки дальнейшего устойчивого развития страны в XXI столетии. С другой стороны, прагматизм Карла XIV и его последователей позволил Швеции, обладающей достаточно ограниченным военно-стратегическим потенциалом, сохранить свою полную политическую самостоятельность и в эпоху «передела мира» и в «эпоху конфронтации биполярного мира».

Слова внешнеполитического завещания Карла XIV, произнесенные им в 1840 г. остаются актуальными и в наши дни: «Нарушить мир, значит, предоставить судьбу отечества на произвол судьбы и случайности войны. Шведы! Не выступайте никогда за пределы ваших границ, данных природой и ее материальными силами. Возвращайтесь немедленно в пределы границ, если вы были принуждены переступить их дабы добить врага, посягавшего на вас. Ваша страна остров на 9/10 своего протяжения. Ее географическое положение предопределяет Вашу политику. Пусть ваши флаги показываются на всех морях, но пусть сохраняются мирные сношения со всеми государствами. Это ваше признание! Помните, что внутреннее благосостояние и внешняя безопасность поддерживаются только любовью к миру, справедливостью и подчинением законам".²⁶³

Весь XIX в. Швеция демонстрировала прагматизм своей внешней политики. Данная тенденция развивалась на основе массовых антирусских настроений. В народных песнях прославлялись геройские подвиги шведов и финнов против ненавистных «Мозсоуйег». Поэты не упускали случая, чтобы не высказать презрения «грубой силе России», в памфлетной литературе портреты «русских государей украшали всеми пороками Нерона и Гелиокабала. В 1830-х гг. по Швеции прокатилась волна выступлений в поддержку польского восстания 1830 г. Однако проагматичные шведы понимали, что с Россией не выгодно воевать, и поэтому официальный кабинет избегал конфликтов с Петербургом. Это давало сильный козырь шведскому правительству во внешнеполитической игре с Россией, не заинтересованной в обострении положения на своих Северо-западных рубежах.

Наряду с нейтралитетом и прагматизмом одним из ключевых направлений внешнеполитической доктрины Швеции являлся скандинавизм.

Идея объединения скандинавских народов стимулировала создание в Швеции различных проектов международных организаций. Необычайно популярна стала идея возрождения Кальмарской унии, но не в феодальных, олигархических и абсолютистских формах XVI-XV вв., а в конституционных формах нового времени. Шведы считали, что их ослабленная страна, войдя в сильную Скандинавию, могла бы возродить могущество королевства Густава Вазы.

Идея укрепления связей между скандинавскими государствами была реализована в международных административных союзах. В XIX в. из девяти влиятельных административных союзов Швеция была членом шести из них. При этом Швеция играла не пассивную, а активную роль. Шведский представитель предложил реорганизацию Всемирного телеграфного союза. На конференции в 1865 г. он обосновал неэффективность частого созыва громоздких представительных конференций и настоял на создании постоянно действующего административного органа из 6 человек от 47 стран-участников. Данный орган получил название Международное бюро телеграфного управления.²⁶⁴

В середине XIX в. Швеция стала одним из инициаторов Международного союза мер и весов. В стране была введена десятичная система измерения. Но и здесь Швеция возражала против создания специальных административных постоянно работающих комитетов. По ее мнению, контроль за системой мер и весов и сохранностью этапов должна проводить комиссия Парижского дипломатического корпуса. Конвенция союза включила предложения Швеции отдельной статьей.

В 1874 г. Швеция вступила в Международный почтовый союз. Подписав общую конвенцию, Швеция и здесь проявила самостоятельность: она отказалась участвовать в дополнительных соглашениях о почтовых поручениях и почтовых удостоверениях личности.

Большой интерес Швеция проявляла к деятельности Международного союза по охране промышленной собственности.

Данный союз разрабатывал унифицированные нормы патентного права и защищал права изобретателей. Образец унифицированных патентных соглашений был разработан при участии Швеции в 1873 г. на конгрессе во время Всемирной промышленной выставки в Вене и в 1878 г. во время Всемирной Парижской выставки. Более десяти лет шли бурные дебаты по поводу их утверждения. Только в 1891 г. Швеция подписывает патентные соглашения, но опять демонстрирует особую позицию: она отрицает участие в соглашении о международной регистрации товарных знаков. Свой отказ Швеция мотивирует тем, что международные соглашения требуют серьезных изменений во внутреннем законодательстве страны, к которым

правительство пока не готово. На самом же деле, за этим отказом стояли конкретные интересы шведских производителей, защита которых являлась основой внешнеэкономической политики страны.

Жаркие дебаты развернули при формировании Международного союза по защите авторских и артистических прав. Швеция и Норвегия участвовали в создании этой организации в 1884 г., но Норвегия присоединилась к конвенции, а Швеция подписать отказалась. По мнению шведских юристов, конвенция носила очень спорный характер (что подтверждает экспертиза современных международников), а Швеция жестко возражала против вмешательства в национальное законодательство.

1880-е гг. вошли в историю международных союзов еще одной интересной страницей: в 1885 г. был создан союз борьбы с работорговлей. Великие державы еще на Венском конгрессе в 1815 г. высказались против работорговли, теперь же речь шла о запрещении рабства внутри Африканского континента и в странах Востока. Швеция и Норвегия безоговорочно подписали данное соглашение, и на них распространилось право на досмотр всех подозрительных судов в открытом море и в гаванях. Церковь объявила «крестовый поход» за цивилизацию Африки, начался сбор пожертвований, книг, вещей для африканцев, формировались отряды волонтеров для поездки на черный континент. Швеция активно участвовала в этом движении, а шведские юристы вместе со своими коллегами из России, Франции, Пруссии и других стран подготовили в 1890 г. Всемирный договор о борьбе с рабством и работорговлей.

Показательным примером шведского прагматизма является неучастие страны в Международном союзе таможенных тарифов (1890 г.). Экономика Швеции в конце XIX в. переживала подъем. Внешнеторговый оборот достиг 863 млн. крон, причем экспорт превышал импорт на 220 млн. крон. Страна являлась крупнейшим экспортером леса (40 млн.), продуктов питания (48 млн.), железа (42 млн.) и масла (40 млн.).²⁶⁵ Таможенные ставки Швеции были одними из самых высоких в Европе в процентном отношении (10,6%). Вступление в международных союз в таких условиях помешало бы поддерживать собственного производителя проведением гибкой таможенной политики и могло негативно сказаться на доходной части государственного бюджета.

Вполне обоснован экономическими причинами отказ Швеции вступить в Международный железнодорожный союз. Строительство железных дорог началось в Швеции относительно поздно, так как дороги рассматривались как дополнение к системе водных каналов. Функции поездов сводились к доставке грузов в порты, а далее грузы переправлялись паромами. В 1854-1856 гг. шведское правительство пересмотрело свою транспортную политику,

взяло железнодорожное строительство под государственных контроль, и территория Швеции быстро и дешево за короткий срок покрылось развитой сетью современных для XIX в. магистралей. К концу века в Швеции была самая густая в Европе железнодорожная сеть (69 км на 100 жителей против 21 км в Европе и 7 км в России). Стоимость 1 км пути обходилась в 4 раза дешевле, чем в Европе, поскольку шведское правительство отдавало землю под дороги безвозмездно. Швеция не хотела терять своих преимуществ, не желала изменять порядок финансирования железных дорог и поэтому отказалась от международной интеграции.

В заключении приведем данные о вкладе Швеции в бюджеты международных организации (на 1895 гг.):

	Бюджет организации	Взнос Швеции (франки)
Международный союз для измерения земли	20 000	500
Всемирный телеграфный союз	45927	1275
Международный союз мер и весов	100000	2000
Всемирный Почтовый союз	93806	2250
Международный союз охраны промышленной собственности	60 000	2134
Международный противоневольничий союз	12 000	500

Продуманная внешняя политика, основанная на принципах нейтралитета, прагматизма и скандинавизма, несмотря на сложности внутригосударственного развития, позволила Швеции в XIX в. создать базу для процветания в XX столетии.

Военно-революционная организация «Народной воли» в Гельсингфорсе

Поздней осенью 1880 г. группа офицеров по предложению Желябова и Перовской создала военно-революционную организацию "Народной воли". Николай Рогачев вместе с морскими офицерами Сухановым и Штомбергом стал членом военно-революционного комитета. Используя командировку в Гельсинг-форс и Свеаборг, Рогачев должен был создать там новую революционную группу.

Желябов передал Рогачеву для связи в Гельсингфорсе адрес учителя физики и математики в гельсингфорской гимназии Павла Алексеевича Сикорского. Сразу сложилась смешанная группа, куда вошли офицеры гарнизона и преподаватели гимназии.

Недалеко от гауптвахты, что до дороге на остров Скатудден, в одном из небольших зданий поселились два офицера, братья Левицкие, Иван и Гавриил. В подвале этого дома и решили печатать на гектографе листовки и держать разные нелегальные издания «Народной воли».

1 марта 1881 г. выпало на воскресенье. Эхо взрыва на Екатерининском канале в Петербурге достигло Гельсингфорса с опозданием на сутки. В тот вечер столица Финляндии совсем замерла. Члены кружка собрались в квартире Левицких. Пришли Кашинский, Леонтьев, Вукотич, Лидия Книпович. Через несколько дней приехал из Петербурга Николай Рогачев. Он подробно рассказал о событиях в столице.

Официальная Финляндия всячески подчеркивала свою глубокую скорбь о безвременном погибшем Александре II. Суд Особого присутствия Сената был скорым. 29 марта вынесли приговор. Казнь зачинщикам!

Уже после казни поручик Кашинский привел в группу штабс-капитана Тарасова. Именно он привлек в группу мастера-оружейника Дмитрия Новоселова. Он должен был изготавливать шрифты, готовить оружие, составлять симпатические чернила. Сикорский требовал печатать и печатать листовки. Первой такой листовкой была прокламация исполнительного Комитета «Народной воли» «К офицерам русской армии».

В декабре 1881 г. на квартире к Левицким пожаловал переодетый жандармский ротмистр, приехавший из Петербурга. Он руководил обыском. Все в квартире перевернули вверх дном, но безрезультатно. «Ничего предосудительного обнаружено не было» - пришлось записать в протоколе.²⁶⁶

По настоянию начальства братья Левицкие подали в отставку, а по совету Сикорского уехали в Петербург. Подлинный провал организации произошел позже. Жена мастера-оружейника Ольга Новоселова передала в жандармское управление письмо, где указывала на существование в Гельсингфорсе тайного преступного общества, состоящего из офицеров и учителей местной гимназии. Она назвала подозрительных лиц, а ее муж Дмитрий Новоселов представил в управление сверток бумаг, оставленных ему на хранение Тарасовым. В свертке находилось двенадцать экземпляров копий, снятых Новоселовым по поручению штабс-капитана, с семи оригинальных карточек государственных преступников: Суханова, Перовской, Желябова, Михайлова, Тригони, Леодевой и французской коммунарки Луизы Мишель.

14 августа из Гельсингфорса в департамент полиции ушла секретная депеша, которая заканчивалась просьбой командировать на помощь агентов. Петербург обещал.²⁶⁷ 26 августа из Гельсингфорса отправили телеграмму, где начальник Финляндского жандармского управлений покорнейше просил «поспешить командированием чиновника». И только в первых числах сентября пожаловал в Гельсингфоре командированный офицер отдельного корпуса жандармов майор Страхов.²⁶⁸

2 сентября арестовали Сикорского, Леонтьева, Кашинского, Вукотича, Мощинского и Вейгерта. Тарасова задержали в Оренбурге, где он был в отпуске. В столице на Петербургской стороне, разыскивали братьев Левицких.

5 сентября на квартире доктора Книпович произвели, обыск. Известного в городе человека, действительного статского советника. Ничего не нашли. Об этом объявил майор Страхов.

6 сентября генерал-губернатор Великого княжества Финляндского граф Гейден поспешил уведомить в подробном рапорте его императорскому величеству о ликвидации антиправительственного кружка.

Всю первую десятидневку сентября в Гельсингфорсе продолжались обыски, аресты, допросы. У Павла Смкорского при обыске нашли восемь чугунные кастетов, два револьвера, типографский шрифт и две банки с кристаллическими соединениями калия. Через день после аресте его отправили в Петербург. Сопровождали его два жандарма. На полном ходу поезда он выпрыгнул возле станции Мустамяки. Ему удалось скрыться в лесу, и все-таки его быстро поймали.

При обыске у Леонтьева, Вукотича, Мощинского нашли листки «Народной воли», письмо «К Александру III», «Последнее слово народовольца Исаева» и другие нелегальные издания.

Держались на допросе все по разному. Вукотич и Кашинский упорствовали, отказывались от показании. Мощинский сослался на болезнь. Это была причина, по которой он не может отвечать на вопросы. И только учитель Леонтьев показал на допросе, что найденные у него преступного содержания газеты получены им от коллеги по гимназии Вукотича. Леонтьева пообещали вскоре освободить, тем более что за него хлопотали перед губернатором вполне заслуживавшие доверия люди.

24 сентября Лидию Книпович и еще несколько учительниц русской народной школы пригласили в жандармское управление как свидетелей по делу. Но в качестве свидетеля Книпович оставалась только шесть дней. Она не могла не знать, что Тарасов, доставленный из дальнего Оренбурга, признался во всем. Штабс-капитан рассказал, как учительница Книпович снабжала его преступными изданиями и что именно через нее он получил от Сикорского фотографические карточки государственных преступников.

30 сентября Лидии Книпович предъявили ордер на арест. Потом наступила пауза и только 9 ноября Книпович пригласили к следователю, попросили ознакомиться с протоколом и подписать его. Протокол гласил: «Лидии Книпович в принадлежности к революционной партии виновной себя не признала, на вопрос о сочувствии дала ответ уклончивый, объяснив, что всякие насилия с революционной целью она не оправдывает, но не может не сожалеть о гибели стольких молодых людей за свои убеждения. В получении от Сикорского и передаче Тарасову некоторых революционных сочинений созналась и объяснила, что в Финляндии подобным фактам никакого значения не придают. Лидия Книпович впредь до особого распоряжения отдана на поруки своему брату с денежной ответственностью 500 рублей».

Федор Книпович, молодой, но уже преуспевающий юрист, сумел взять сестру на поруки. Во вторую половину ноября Лидия Книпович вернулась домой.

В департаменте полиции продолжало созреть, пухнуть и расти дело «Об обнаружении тайного общества, существующего в городе Гельсингфорсе с преступной политической целью». Лидию Книпович вызвали на допрос вторично в апреле. Пытались выяснить степень участия в кружке и личные связи с Павлом Смкорским. Отвечала на вопросы односложно: «Да, знакома с семьей Сикорских. Бывала у них довольно часто, но разговоров политического характера не было. Их убеждений не знаю. Не получала и не передавала никаких преступных сочинений. Что касается переправленных Тарасову брошюр и фотографии, не придавала этому особого значения»²⁶⁹.

В дальнейшем ходе следствия Кашинский, Вейгерт и Мощинский показали, что политических убеждений Книпович не знают и об участии ее в кружке Сикорского им ничего не известно. Сикорский тоже отрицал причастность к сообществу.

19 мая 1833 г. по высочайшему повелению окончательно был подписан приговор. Он гласил: «Лидию Книпович отдать на поручение ее родителям на 2 года, с воспрещением ей в течение всего срока всяких отлучек из местожительства без разрешения губернаторского начальства», кроме того, за Лидией Книпович был установлен негласный надзор.

Павла Сикорского выслали на пять лет в Сибирь. Остальным дали возможность выбрать место пребывания под гласным надзором по своему желанию, исключая длинный список запрещенных местностей и городов. Только с Павлом Леонтьевым обошлись более чем мягко - сделали строгое внушение.

Николая Рогачева судили в сентябре. 10 октября приговор привели в исполнение. Его повесили в Шлиссельбургской крепости.

Так печально закончилась история народовольческой группы в Гельсингфорсе. Михаил Михайлович Книпович уговорил Лидию перебраться подальше от соглядтаев и поселиться в их маленьком имении на хуторе Финбю.

С конца 1886 г. у отца стало сдавать сердце. Скончался Михаил Михайлович в 1887 г. Брат Николай после похорон отца предложил ей и младшей сестре переехать к нему Петербург. Толчком к окончательному решению послужил арест Николай Книповича - по делу марксистской группы Димитра Благоева. Начинался новый период в ее жизни.

Армейская повседневность:
русские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны
(1914 – 1918)

Изучение аспектов армейской и флотской повседневности в период войны позволяет представить ту реальность, в которой оказались миллионы вчерашних гражданских людей, мобилизованных под ружье, и которая, начиная с августа 1914 г., на долгие годы предопределила образ жизни и образ мыслей самых различных слоев русского общества. Люди не просто привыкали к произволу и насилию, им давали понять, что единственным способом "смягчения" крайностей того и другого является казарменный вариант жизнедеятельности общества в целом.

Представляется целесообразным обратиться к проблеме поведения, нравов и морали офицеров, солдат и матросов применительно не только к взаимоотношениям с гражданским населением Финляндии, а внутри собственного сообщества людей военных.

Рукоприкладство начальства и придирки, особенно со стороны младших командиров, по причинам, подчас весьма далеким от дел службы, нередко становились причиной дезертирства нижних чинов. В частях, размещенных на русско-шведской границе, оно приняло форму бегства солдат в соседнюю Швецию.²⁷⁰

Показания дезертировавшего в январе 1917 г. рядового 1 Пограничного конного дивизиона Е.Артеева, вернувшегося из Швеции летом того же года, проливают свет на ту обстановку, в которой нередко проходила служба мобилизованных в армию, в большинстве своем, вчерашних крестьян. На допросе в контрразведывательном отделении 42-го армейского корпуса Артеев, призванный в 1914 г., рассказал, что сначала отношение к нему со стороны офицеров и унтер-офицеров было доброжелательным. Причиной резкого ухудшения их отношения стал конфликт с унтер-офицером Куракиным, вызванный сведением последним личных счетов из-за расположения к Артееву одной из жительниц г.Кеми.

"На этой почве у нас с Куракиным происходили стычки, в результате которых я был всегда наказан, то стоял под винтовкою, то нес наряды в неочередь через каждые два часа. На мое обращение к нему с просьбой, чтобы он изменил ко мне свое отношение, он грубо отвечал, что я тебя отдам под суд", - сообщил в своих показаниях Артеев. Поставив

рядового "под винтовку на 8 часов", через некоторое время унтер-офицер ещё продлил наказание в ответ на просьбу Артеева отменить его. "Постояв ещё несколько часов, я упал, - говорил на допросе вернувшийся дезертир, - Куракин же, видя это, сообщил командиру сотни, что я уклоняюсь от наказания".²⁷¹ Артеева отдали под суд и приговорили к 2 месяцам гауптвахты. Отбыв наказание, он просил о переводе в другую сотню, но был возвращен на прежнее место службы, где унтер-офицер снова посадил его в холодный карцер на 4 суток.

Добившись перевода в другую сотню, Артеев встретил и там, вероятно, из-за своей создавшейся репутации нерадивого нижнего чина, негативное отношение со стороны вахмистра и унтер-офицера. Это послужило причиной его решения о бегстве. Вместе с другим рядовым, к которому, по словам Артеева, относились так же плохо, он осуществил побег в Швецию. Проступок дезертиров усугублялся тем обстоятельством, что они бежали с поста во время несения службы, захватив с собой оружие и лошадей. Задержавшие их шведские пограничники сказали беглецам, что лошадей и оружие они передадут в Россию. Через две недели тюремного заключения дезертиры были отправлены в поместье в Мальме, где в течение полугода "зарабатывали" по две с половиной кроны в день. Перемены, происшедшие в России, позволили Артееву через русского консула получить разрешение вернуться на родину.

Вполне вероятно, что в показаниях дезертира на допросе в контрразведывательном отделении краски могли быть сгущены и толкнувшее рядового на нарушение воинского долга поведение чинов унтер-офицерского состава представлено преувеличенно предвзятым. Однако подробности реальных взаимоотношений между младшими начальниками и подчиненными армейских частей, находившихся в годы войны на северо-западном рубеже империи, выглядят вполне достоверно. Они перекликаются с деталями, изложенными в одном из матросских писем и говорящими о характере отношений между балтийскими матросами и флотским офицерством в первые годы войны.

Письмо матроса И.Барышникова с миноносца "Деятельный" было направлено в газету в мае 1917 в ответ на появившуюся в ней статью об издевательствах нижних чинов над арестованным капитаном 2 ранга Вещицким. Возмущившись протестом офицеров против "публичного глумления и попраания человеческой личности", автор письма призывал их вспомнить о происшедшем в 1915 г. на миноносце инциденте между капитаном 2 ранга Д.О.Дараганом и матросом В.Алехиным: "Может ли капитан 2 ранга Дараган протестовать против наказаний капитана 2 ранга Вещицкого, когда они сами позволили привязать матроса

В.Алехина к мачте на 4 часа подобно Иисуса Христа, а за что именно – за то, что он заболел и не стирал белье у унтер-офицера и прямо сказал ему ”шкура” ”.²⁷²

Рассказывая об этом же происшествии в письме к жене, Д.О.Дараган назвал случившееся ”неприятным делом” и привел заметно отличающуюся от изложенной матросом версию причин инцидента : ” Есть один дрянной человек, и я его отстранил от артельщиков, а тут пришла на него жалоба из Гельсингфорса. Я арестовал и говорю: ”Ставьте под ружье”. Заявляет, что болит спина. Я это дело знал хорошо, у нас плавал доктор, и характер всей этой истории был ясен. Я приказал становиться, он заявляет, что не может, тогда я приказал привязать к мачте, чтобы не упал...Через 3 минуты доложили, что все сделано. Я очень обрадовался, т.к. мне надо было идти до конца, а с этими дураками ничего не поймешь. Он отстоял свое на сегодня и я отпустил его. Надеюсь на три дня – срок ежедневного стояния... Он мог сегодня изобразить умирающего, но решил, что это не выйдет”.²⁷³

Необходимость добиваться поддержания дисциплины подобными экстраординарными мерами явно удручала командира эсминца ”Деятельный”. Он поделился с женой намерением доложить о происшедшем своему начальнику командиру 9-го дивизиона эсминцев А.В.Развозову, тем более, что привязанного к мачте матроса видела команда корабля, проходившего мимо ”Деятельного”: ”...картина была самая средневековая. Мне было даже смешно – костра не хватало”. Узнав из доклада о случившемся на эсминце, капитан 1 ранга А.В. Развозов вызвал матроса В.Алехина для беседы. ”Я не знаю, что из этого вышло,-писал Дараган через несколько дней, - Спрошу при случае, но это очень хорошо с его стороны”.²⁷⁴

Вне зависимости от того, чья версия происшествия на ”Деятельном” – матросская или офицерская – достовернее, возможность увидеть отношения субординации на корабле глазами той и другой стороны позволяет получить представление о предельно взрывоопасной обстановке, которая задолго до революционных событий 1917 г. складывалась на флоте. Ситуация, заставившая думать над её разрешением не только командира эсминца, который прибегнул к недопустимой мере поддержания дисциплины, но и его непосредственного начальника, в сознании рядовых матросов стала чуть ли не повседневным явлением и закрепила недобрую память о ”зверствах офицеров”. Через несколько лет этот опыт станет своего рода ”горючим материалом” матросского возмущения и послужит им самооправданием за жестокие расправы над офицерами в Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле. Пришедшее вслед за Февральской революцией время бесконтрольной «свободы» вовсе не стало главным ускорителем разложения в армии²⁷⁵.

В 1917 г. в Гельсингфорсе по карточкам отпускались хлеб, масло, сахар, обеспечение продуктами русских военнослужащих и их семей велось строго через интендантство соответствующих частей и подразделений. Как рассказывал один из жителей губернии Ваза, в местах расквартирования частей солдаты сами доставляли себе провизию, у них всегда были привозная пшеничная мука и сахар. В годы войны в Финляндии стал ощущаться дефицит сахара, но, «умея себя вести», местное население всегда могло приобрести его у русских.. Другой старожил вспоминал о том, как «однажды в пост русские дали ему пшеничную муку».²⁷⁶ По мере обострения продовольственных трудностей люди стали часто ездить по окрестностям с тем, чтобы обменять мыло на хлеб. Некоторые горожане везли с собой масло с целью поменять его на муку у военных из Лиллкюро. Житель этого села Э. Ханнунен «общался с русскими почти ежедневно», а в детстве часто бывал у них в казармах, располагавшихся в центре села. По его словам, «до революции к стоявшим здесь военным относились с пониманием, сохранялось естественное общение и никто не отзывался о них плохо», «никакой ненависти и скандалов никогда не было».²⁷⁷ К тому же здесь служили эстонцы и ингерманландцы, которые могли общаться с населением по-фински, а в Курикка размещался целый отряд велосипедистов, полностью состоявший из эстонцев.

По воспоминаниям, солдаты каждый день пекли хлеб и приглашали к столу тех, кто к ним заглядывал, обижаясь, если от приглашения отказывались. «Многие считали их еду хорошей и хвалили её».²⁷⁸

Эстонец по происхождению А. Валтари оставил воспоминания, в которых нашли отражение различные стороны повседневной жизни солдат 422-го пехотного полка, размещавшегося в начале 1916 г. в Тавастгусе (Хямеенлинна), и 424-го Чудского, стоявшего неподалеку в Сатакунта. На основе личных впечатлений от прохождения службы он рассказывал о том, что по утрам солдаты завтракали чаем с хлебом и солью, на обед кормили селедкой или салакой с картошкой, гречневой или просяной кашей. По вечерам им давали картофельный или гороховый суп, щи или свекольник и чай. На день по норме полагалось 10 кусочков сахара и порция топленого масла с гречневой кашей. Как отметил А. Валтари, такое питание считалось разнообразным. В полковой пекарне десять человек за день выпекали от восьмисот до тысячи караваев весом в 5 кг. Пекарня располагалась в специальном бараке посреди казарменного двора, там же находились 16 полевых кухонь полка для личного состава в 4 тысячи военнослужащих. Самовары с кипятком имелись в каждом батальоне.²⁷⁹

В действительности разнообразия в продуктах, поступающих на стол российского солдата, было крайне мало, хотя Главное интендантское управление предпринимало все воз-

можное для расширения наименования продуктов, входивших в солдатский рацион. По заключению исследователя, сама система продовольственного снабжения русской армии, несмотря на явные недостатки, все же справилась с поставленной перед ней в годы войны задачей обеспечения самым необходимым, и прежде всего, продуктами питания.²⁸⁰ Однако масштабы заготовок приводили к недостатку в разнообразии продуктов питания рядовых военнослужащих, и уже в ходе войны приходилось изыскивать новые пути решения этой задачи, в частности, проводились эксперименты по выработке новых вариантов консервов, сушению овощей и т.д. Условия размещения военнослужащих тоже оставляли желать лучшего. По свидетельству А. Валтари, казармы полка, где он служил, были тесными и душными, с нарами в три этажа, и на рядового приходилось лишь полметра жилого пространства.²⁸¹

В финской провинции, вдалеке от больших городов, где не было большого скопления военных, политические баталии, разворачивавшиеся в столичной прессе Великого княжества, не влияли на повседневную жизнь сельского населения и не сказывались на отношении к финнам и шведам со стороны военнослужащих. В годы войны нижние чины продолжали оставаться довольно изолированными от местного населения не столько из-за специфики военной службы, сколько из-за различий в культуре, языке и конфессиональной принадлежности.

Так, языковой барьер не позволял контактам между местными жителями губернии Ваза и находившимися в Эстерботнии военными выходить за рамки элементарных бытовых отношений, хотя сохранились свидетельства о том, что в некоторых коммунах русские обычно приглашали финнов и шведов на свои праздники «с песнями и музыкой».²⁸²

Между гарнизонами и финляндскими городами с окружавшими их коммунами продолжали существовать повседневные коммерческие отношения, было заключено несколько браков, но более многочисленными были кратковременные связи – явление, получившее название «русские невесты» и становившееся в коммунах серьезной проблемой. По воспоминаниям жителей Лиллкюро губернии Ваза, каждое воскресенье в деревне устраивали танцы, где «девушки весьма грубо обращались с русскими», в частности, и из-за того, что в Лиллкюро «после них осталось несколько младенцев».

В губернских городах армейские части нередко использовались при проведении мероприятий, призванных показать населению единство имперских и финляндских интересов. Парады, сопровождавшие подобные мероприятия, становились демонстрацией военной силы в целях как политических, так и укрепления обороны. Однако парады удовлетворяли

эстетическое чувство и оказывали положительное эмоциональное воздействие на основную массу финляндских подданных империи²⁸³.

Незнание русского языка населением глубинки вряд ли вызывало у обычного военнослужащего «чувство беспредельной национальной горечи и обиды», о котором часто писалось в официальной «Финляндской газете», в частности, «после многих и совершенно неудачных попыток» автора одной из публикаций «объясниться с туземным населением языком их метрополии».²⁸⁴ Однако в заметке упоминаются обращающие на себя внимание факты взаимной заинтересованности сторон в развитии контактов, выгодных как для военных, так и для жителей Великого княжества.

Как свидетельствует очевидец, многие крестьяне из коммуны Лиллкюро, занятые на строительстве укреплений в губернии Ваза, хвалили русских офицеров, считая их добродушными и порядочными людьми. Однако отношения здешнего населения к российским военным все же не стоит идеализировать: после вывода отдельных воинских частей из Эстерботнии на время вглубь Финляндии члены самоуправления коммуны высказывались против их возвращения.²⁸⁵

Такие настроения нельзя объяснить недовольством жителей края из-за падения дисциплины в войсках. По словам свидетеля событий, «у русских была суровая дисциплина»: провинившимся полагалось просить у остальных прощения на виду у всех, и «офицер бил их».²⁸⁶ Понятная для военнослужащих российских войск и признаваемая ими «отеческая» репрессивность традиционалистического общества²⁸⁷ в глазах финляндцев становилась фактом, из ряда вон выходящим и запоминающимся на всю жизнь.

Характерное для воюющей страны армейское восприятие чрезвычайных мер по отношению к населению как нормы именно в годы Первой мировой войны стало тенденцией, все более проявлявшейся в общественной жизни России. Одной из особенностей российских войск, остававшихся в автономном Великом княжестве Финляндском, стало их менее требовательное отношение к гражданскому населению по сравнению с настроениями в частях и подразделениях, действовавших на передовой и находившихся в прифронтовой полосе. На это повлияло как постоянное опасение возмущений и восстания «ненадежных» финляндцев, так и отсутствие необходимости крайними мерами добиваться поддержки со стороны жителей территорий, не оказавшихся театром военных действий.

Шведско-русское сотрудничество в изучении Шпицбергена
(конец XIX – начало XX вв)

Успехи географических наук к XIX в. позволили поставить перед учеными Европы актуальную задачу -уточнить форму и размеры Земного шара. Определение градусной сетки нашей планеты берет начало с XVIII в., когда в Перу и в Лапландии работали французские экспедиции, в XIX в. европейскими учеными проводились градусные измерения у мыса Доброй Надежды и в Северной Америке. В XIX в. работы продолжались исследователями Германии и Англии. Но измерение дуги меридиана в высоких широтах еще не проводились, что сдерживало развитие геофизики.

Среди работ по измерению дуги меридиана на территории России и за Полярным кругом, осуществленных в XIX в., заслуживают внимания два крупных научных мероприятия. В первую очередь, надо отметить градусное измерение дуги меридиана от Дуная (г. Измаил) до Ледовитого океана (Фугленес, Норвегия), выполненное учеными Пулковской обсерватории под руководством академика В.Я.Струве и специалистами скандинавских стран. Работы продолжались на протяжении более 30 лет (с 1816г. по 1854 г.). Результаты этого выдающегося многолетнего исследования печатались в академических изданиях России и Швеции, и были высоко оценены учеными всех стран.

Другим, не менее важным международным мероприятием, являлось русско-шведское измерение дуги меридиана на Шпицбергене. Результаты этой международной научной экспедиции значительны тем, что измерения проведены на высоких широтах Земного шара, в это позволило более точно вычислить величину сжатия Земли у полюсов. Вышеупомянутые работы проводились на рубеже XIX и XX вв. (1899-1900 гг.)

Какова предыстория этого шведского-русского научного сотрудничества?

К 40-м годам XIX века русскими учеными были измерена дуга меридиана на протяжении приблизительно 1300 км от берегов Дуная до Лапландских высот (до пункта Торнео). Работы могли бы быть продолжена русскими учеными на территории Лапландии до берегов Ледовитого океана. Но Академия наук России приняла решение, что продолжение работы на Скандинавской возвышенности надо передать скандинавским ученым. Директор Пулковской обсерватории академик В.Я.Струве по поручению Академии наук был направлен в Сток-

гольм с целью заручиться покровительством шведского при проведении совместного измерения дуги меридиана. Поездка увенчалась успехом. В Швеции была создана комиссия по подготовке этих работ. В нее вошли адъютант короля барон Фабиан Вреде и директор Стокгольмской обсерватории доктор Нильс Х.Зеландер. Со стороны Норвегии в разработке проекта принял участие директор норвежской обсерватории в г. Христианиа доктор Кристофер Ханстен. Проект измерения дуги меридиана на территории Скандинавии был утвержден шведским королем и были сделаны надлежащие распоряжения со стороны правительств обоих государств.

Совместные научные работы проводились при благосклонном отношении к этому мероприятию как русского, так и шведского правительств. Научная же ценность полученных результатов для стран участниц велика. В результате проведенных работ был решен вопрос о постепенном повышении Скандинавского материка над уровнем моря, и по данным нивелировки определена разность между уровнем Балтийского моря и Ледовитого океана. Русское правительство было заинтересовано в скорейшем завершении научных работ, так как Военно-топографическое депо при составлении точных карт Европейской части России нуждалось в определении формы и размеров Земного шара.

В начале 1850-х гг. работы по измерению дуги меридиана были закончены, а на совместном заседании в Стокгольме весной 1853 г., на котором присутствовали академик В.Я.Струве, Н.Х.Зеландер, и К.Ханстен, окончательно были определены результаты работ.

В середине столетия отношения между Россией и Швецией заметно ухудшились. Во время войны России с Турцией Швеция объявила о своем нейтралитете. 21 ноября 1855 г. был заключен договор между Швецией, Великобританией и Францией, который по своей сути был направлен против России. Но, несмотря на осложнение межгосударственных отношений, ученые обеих стран продолжали работать в области изучения географии высоких широт Земного шара. В 1864 г. на Шпицбергенском архипелаге проводила рекогносцировку шведская экспедиция, в состав которой входил А.Е.Норденшельд и проф. Н.Дунер. Было установлено, что градусное измерение на Шпицбергене возможно, все зависело от того, каким образом и когда будет снаряжена рабочая экспедиция. Шведская академия наук была не в состоянии проводить такие исследования одна, но предпочла пока не обращаться к России с предложением о совместных работах, считая неподходящей к этому сложившуюся политическую обстановку.

В 1860-е и 1870-е гг. в отношениях между европейскими государствами значительное место уделялось Шпицбергенскому вопросу. Суть его заключалась в том, что на посещаемый

промышленниками «ничейный» архипелаг стал предъявлять претензии ряд европейских государств. Для подкрепления прав на Шпицберген его посетило несколько научных экспедиций. Желание овладеть этим архипелагом усилилось при известии о находках там залежей каменного угля, необходимого для буксировки рыболовного и промыслового флота, ходившего в северных водах.

Весной 1870 г. в Стокгольме прошли совещания, на которых разрабатывались юридические обоснования для занятия Шпицбергена и в 1871 г. было решено от имени шведско-норвежского правительства направить заинтересованным державам ноту. В ноте излагалось предложение об организации колонии на территории Шпицбергена. Король Швеции выразил желание узнать, не имеются ли возражения у других европейских государств. Несмотря на острую полемику в русской печати, где высказывалось мнение русской промышленной общественности о том, что принадлежность островов Шпицбергена России является ее историческим правом, русское правительство в июле 1872 г. ответило Швеции, что территория Шпицбергена должна считаться «ничейной землей», доступной для использования всем странами. В ответной ноте королевское правительство уведомило Министерство иностранных дел России о том, что оно согласно с предложением русского императорского двора и снимает свое предложение о колонизации.²⁸⁸

Обмен нотами, однако, ни в коей мере не ослабил вопроса о Шпицбергене: ни в Норвегии, ни в Швеции, ни в Германии и ни в Англии не отказывались от своих старых претензий на арктические острова. На архипелаг Шпицберген посылались разнообразные экспедиции с целью обнаружения новых запасов угля и других полезных ископаемых. Научные планы по измерению дуги меридиана на Шпицбергене, предложенные шведскими учеными не состоялись.

Только в конце 1880-х гг. после подписания ряда соглашений между Россией и Швецией (Декларация по поводу развития торговых сношений между Швецией и Россией от 1886 г. и ряда конвенций по различным вопросам) и после того как Шпицберген был признан «ничейной землей», стало возможным поднять вопрос о действительно научном сотрудничестве. В конце 1890-х гг. шведская Академия наук предложила Русской Академии совместное участие в осуществлении крупной научной экспедиции по проведению градусных измерений на Шпицбергене. Русское правительство приняло это предложение благосклонно, так как опасалось, что Шпицберген и другие северные острова будут заняты какой-либо из европейских держав в нарушение международного статуса Шпицбергена. В марте 1898 г. при обсуждении вопроса о возможности принятия предложения шведской Академии наук, министр иностран-

ных дел граф О.А.Муравьев в секретном письме министру финансов С.Ю.Витте писал: «... всякое действие шведско-норвежского правительства, имеющее единоличный характер и могущее служить к упрочению исключительного влияния скандинавских королевств на Шпицберген, было бы совершенно несогласно с нашими политическими интересами на Крайнем Севере, на который ныне обращено особое внимание нашего правительства. Следствии сего, по моему мнению, представлялось бы необходимым принять настоящее предложение Шведской Академии наук, дабы отказ не был истолкован общественным мнением в смысле признания нами, что остров Шпицберген находится вне сферы наших интересов».²⁸⁹

Интерес русских ученых в этой экспедиции, без сомнения, носил совершенно иной характер, ибо предлагаемая совместная работа могла принести очень интересные результаты. Высказывая свое мнение о необходимости принять предложение шведов, президент Российской Академии наук в письме министру иностранных дел писал: «Измерения эти (градусные) составят продолжение самых крупных градусных уже исполняемых измерений России и Швеции, и несомненно как произведенные в больших широтах дадут весьма важный материал для точного суждения о фигуре Земли».²⁹⁰ Таким образом, как правительство, так и научные круги России были заинтересованы в организации этого крупного и важного для развития науки о Земле мероприятия.

Академиями наук двух стран в 1898 г. были созданы научные комиссии. В переписке между Императорской Академией наук и Министерством Народного Просвещения указывалось, что помимо градусного измерения российской стороной предусматривалось проведение магнитных, метеорологических, касания маятника, геологических наблюдений.²⁹¹ По плану начаться работы должны были в 1899 г. Расходы на проведение работ составляли около двухсот тысяч рублей для обоих государств. При этом министр иностранных дел России считал необходимым, чтобы члены русской экспедиции отправились на Шпицберген на российском военном судне. В состав российской комиссии вошли ведущие ученые Академии наук - академики О.А.Баклунд, Ф.А.Бредихин, А.П. Карпинский, М.А. Рыкачев, Ф.Н. Чернышев, князь Б.Б.Голицын, представители Военного и Морского ведомств. Во главе комиссии был утвержден Великий князь Константин Константинович.²⁹²

Не менее высокая по составу была комиссия и со шведской стороны, во главе которой шведский король Оскар утвердил кронпринца Густава.²⁹³ Членами ее был известный исследователь барон Норденшельд, шведские ученые - доктор Дунер, доктор Едерин, барон де-Геер, доктор Розен.

В октябре 1898 г. группа российских ученых прибыла в Стокгольм для обсуждения планов проведения экспедиционных работ. Встретили их Норденшельд, Дунер, Едерин и барон де-Геер. Была для них организована и аудиенция с кронпринцем и кронпринцессой. На совместных заседаниях обсуждали время начала работ, персоналии участников, количество необходимых судов, разделение работ между шведскими и российскими геодезистами. Единое мнение сложилось о сроках начала, количестве геодезистов в каждой из партий (4-5 человек), о числе рабочих в экспедициях (до 15 человек). Расхождения были в вопросе о научных задачах экспедиции. Шведы настаивали на проведении только геодезических работ, русская сторона ставила более широкие задачи. Шведские ученые отклоняли проведение зимовок, русские предлагали проводить наблюдения круглый год. В результате все же пришли к единому мнению, что шведы и русские будут проводить кроме геодезических работ физические и метеорологические наблюдения. Пришли к соглашению, что и шведская сторона будет проводить наблюдения зимой, причем шведская и русская станции будут отстоять друг от друга на расстоянии 20-40 километров.²⁹⁴ Надо сказать, что обе стороны обстоятельно готовились к проведению этой для того времени уникальной экспедиции. В процессе подготовки экспедиции большую помощь оказывали и русские консульства в Северной Норвегии, откуда зимовщикам должны были доставлять уголь. При подготовке русская и шведская стороны закупами различного рода инструменты в Германии, губернатор Архангельска прислал в Петербург необходимую для зимовки одежду, из Сибири доставили ездовых собак, специально для зимовщиков финская фирма построила домики с комплексом необходимых удобств для ученых. В течение всего времени работы на Шпицбергене шведские и русские ученые вели переписку, обменивались протоколами заседаний, совместно следили за точностью работы инструментов. Для доставки на Шпицберген ученых и многочисленных грузов обе стороны получили от своих правительств военные суда. В частности, русские ученые имели в своем распоряжении военное судно «Бакан» и «Ледокол 2», шведы направляли на архипелаг суда «Свенксунд» и «Рюрик».

Работа экспедиции продолжалась два года (1899-1901 гг.), но деятельность научных комиссий не прекращалась до 1918 г. Специалистам необходимо было обработать полученные результаты, опубликовать их, подготовить многочисленные карты и документы. Русское правительство безотказно предоставляло русской стороне финансовую поддержку в проведении как самой экспедиции, так и в обработке данных. С началом Первой мировой войны такая помощь была для страны чрезвычайно трудной. Ученым в этот сложный период оказал известный российский предприниматель Эмануил Людвигович Нобель, который на издание

трудов экспедиции в 1915 г. внес в кассу Академии наук 15000 рублей. Руководство Академии незамедлительно направило ему благодарственные письма.²⁹⁵

В программу совместных работ были включены сбор новых материалов геофизических наблюдений, данных о распределении силы тяжести, о влиянии масс пород, явлениях северного сияния и многое другое. В результате исследований была измерена дуга в 3,5 градусов, из которых на долю русских приходилось 2,5 градуса. Кроме того, ученые собрали огромный научный материал по магнитному полю земли, фауне и флоре архипелага. Условия работы на Шпицбергене были чрезвычайно трудными, но благодаря тщательной подготовке во время совместных предварительных совещаний, все сложные моменты преодолевались. Весь мир с напряжением следил за ходом беспрецедентной арктической экспедиции. Газеты, научные журналы того времени подробно освещали ее ход, успехи, трудности.²⁹⁶ В 1903 г. на XIУ-ом собрании Международного геофизического союза была единодушно выражена благодарность русскому правительству и русским ученым за большой вклад в развитие геофизической науки. Русское правительство и руководство Академии наук, в свою очередь, оценили заслуги российских ученых, специалистов, команды русских судов, наградив их высокими государственными орденами и медалями. Не менее высоко было отмечено участие шведских участников экспедиции. Так, например, шведский доктор философии Миттаг Леффнер, член-корреспондент Императорской Академии наук член корреспондент Академии наук в Швеции был награжден орденом Станислава 1-ой степени за предоставление средств на снаряжение рекогносцировочной русско-шведской экспедиции 1898 г., а также за оказание содействия экспедиции на протяжении трех лет. Лектор Политехнического института в Стокгольме, кандидат философии, проф. Едерин был одним из ведущих авторитетов в области геодезии и своими знаниями оказал ценное содействие русским ученым. Благодаря базисному прибору, изобретенному Едериним, многие полярные исследования были проведены удачно. Русское правительство наградило его орденом Св.Станислава II-ой степени. Секретарь шведской комиссии и член экспедиции доктор философии Карлнейм-Гюлленшельд оказывал содействие членам русской экспедиции во время их поездки по Швеции и Норвегии, облегчая таможенные препятствия на границах. Он был награжден орденом Св.Анны III-ей степени. Из членов экспедиции доктор философии Рубин и фон Цейпель в течение трех лет совместно с русскими учеными обрабатывали полученные научные результаты. Оба награждены орденами Св.Станислава III-ей степени. Члены шведской комиссии доктор Дунер и доктор Розен были удостоены орденами Св.Станислава II-ой степени, а доктор Кноррин - орденом Св.Анны III-ей степени.

Шведская сторона также удостоила русских ученых высокими правительственными наградами. Так академик Баклунд получил орден Полярной звезды и Большой крест 1-ой степени. Академики Карпинский, Рыкачев, Чернышев были удостоены орденами Полярной Звезды и командорскими крестами 1-ой степени, астроном Костинский орденом Полярной Звезды и Кавалерским крестом 1-ой степени., участники экспедиции Кондратьев и Васильев-награждены орденом Вазы и Кавалерским крестом 1-ой степени.²⁹⁷ Кроме того, изготовленный по специальному эскизу нагрудный знак в ознаменование успешного завершения градусного измерения Шпицбергена и одобренный российским императором в 1902 г., получил каждый участник экспедиции обеих стран, начиная с коронованных особ и кончая поморами, принимавших участие в экспедиции в качестве рабочих.

В завершение надо отметить, что обе русско-шведские экспедиции по измерению дуги меридиана, проходившие в XIX в., внесли большой вклад в изучение формы Земного шара.

Экономические претензии Норвегии к Советской России
и торговые переговоры 1920-1921 гг.

16 января 1920 г. Совет Антанты заявил о снятии блокады с РСФСР. Предполагалось, что теперь торговля с Россией возможна, но не с большевистским правительством, а с народом, например, с Центросоюзом как независимой кооперативной организацией. Государства, не принимавшие участия в интервенции в Россию (Норвегия, Швейцария, Швеция), имели больше шансов первыми установить контакты с ней и выступить в качестве посредника.

По всему миру развернулись дискуссии о политических условиях установления экономических связей с РСФСР. Норвежские общественные круги, пресса, буржуазия, рабочие организации активно включились в неё. Не остались в стороне Стортинг и Государственный Совет (таково официальное наименование норвежского правительства).

Архивные документы Департамента иностранных дел и Департамента торговли Норвегии наполнены информацией о том, как в той или иной стране реагируют на возможность вновь «открыть» Россию. Развернутые докладные на общую тему «Восстановление торговли с Россией» поступали от норвежских дипломатов и частных лиц не только из всех европейских государств, но даже из США и Китая.

Внимательнее всего зимой и весной 1920 г. относились в Осло к донесениям своего посланника в Англии Б.Фогта и его помощника – консультанта посольства в Лондоне по вопросам торговой политики Г.Конради. В аналитической записке от 25 февраля Конради писал: «Мир с Россией необходим, чтобы спасти Европу от катастрофы. Мир должен придти сейчас и, если это произойдет вовремя, то он должен придти из Англии»²⁹⁸. Таким образом, инициатива действий предоставлялась Великобритании.

Второй круг внимания Норвегии составляло выяснение мнения и намерений соседних Скандинавских стран Дании и Швеции. Докладные по "русскому вопросу" поступали оттуда с завидной регулярностью.

Христианиа предприняла и прямое зондирование. Одним из первых провел неофициальные встречи этого рода бывший дипломатический представитель Норвегии в Петрограде М.Хольмбо. Судя по его записям, 2 марта 1920 г. он случайно столкнулся в ресторане отеля «Король Фредерик» в Копенгагене с проживавшим там М.М.Литвиновым, а 4 марта между ними состоялась уже специальная беседа. На этих встречах обсуждалась возможность вести

торговлю через «Центросоюз», обеспечение сохранности имущества бывшего норвежского консула. Особенно занимала М.Хольмбо проблема возврата конфискованной советами норвежской собственности. Так за разговором он собрал предварительную информацию для своего правительства. Уже 5 марта Министру Н.Илену была направлена подробная докладная с изложением содержания этих бесед. К докладной была приложена собственноручная записка М.М.Литвинова с благодарностью в адрес М.Хольмбо за предложение приехать в Христианию для переговоров с норвежскими бизнесменами. Далее Литвинов с сожалением констатировал, что, по сведениям мистера О'Грэди, часть норвежского правительства еще не желает допускать никаких советских представителей в свою страну, поэтому пока такая поездка невозможна. Впрочем, записка заканчивалась на вполне оптимистической ноте. «Времена сейчас меняются быстро, - писал Максим Максимович, - и я надеюсь, что моя следующая попытка поехать в Норвегию будет успешнее»²⁹⁹. Так оно и случилось.

Весной 1920 г. коммунистическое крыло Норвежской рабочей партии (НРП) развернуло широкую политическую кампанию за восстановление отношений с Советской Россией. По всей стране собирались подписи под открытыми письмами-обращениями к правительству, образцы которых хранятся ныне в королевском архиве Осло. Левые очень просто отметили главный аргумент своих классовых противников о том, что советская власть сначала должна вернуть реквизированное добро. Они всецело поддерживали саму идею конфискации «буржуазной спекулятивной собственности» как собственности бесчестной и принадлежавшей незначительной кучке людей, которые теперь в своем эгоизме готовы погубить голодающих рыбаков Финмаркена.

Но наибольшее значение для Правительства Норвегии имело мнение тех влиятельных лиц, которым революция в России нанесла серьезный материальный ущерб. Интересы последних отражали как минимум две организации. Первая - *«Центральная контора (по защите) норвежских интересов в России»*. Вторая называлась *«Норвежско-русская торговая палата»*. Впрочем, в оба объединения входили почти одни и те же люди. В деятельности обществ принимали активное участие остававшиеся до конца 1920 г. в России консулы (в Архангельске Эйнар Анвик и Мурманске Людвиг Финстад), бывший консул Микаэл Хольмбо, владельцы, управляющие и концессионеры картонажной фабрики в Дубровке под Петроградом, лесоперерабатывающих фабрик на р.Онеге и Архангельске.

Фактическим организатором и вдохновителем деятельности «Центральной конторы по защите норвежских интересов в России» стал Прютц Антон Фредерик Винтер Якхельн (Ptytz A.F.W.J.). Ф.Прютц с 1911 г. числился вице-консулом в Архангельске, но реально 1917 - 1918

гг. провел в Петербурге в качестве поверенного в делах Норвегии в России. Иногда по долгу службы выезжал в Москву. Он имел точную информацию о размещении и стоимости норвежского имущества и активов в России накануне революции. Он сам был крупнейшим пайщиком и фактическим создателем международной фирмы «The Russian forest Industry Ltd.», владевшей лесами, складами и фабриками на р. Онеге. Он лично в 1913 г. вложил в это дело 395 тыс. крон.³⁰⁰ Совокупная же стоимость вкладов, заводской недвижимости, лесных участков и заготовленного леса в Онеге и Архангельске достигала 40 млн. крон. Свои личные интересы и интересы еще почти 600 вкладчиков этой фирмы капитан Ф.Прютц упорно защищал³⁰¹. Из Петрограда в течение 1918 г. он постоянно сносился с бывшим управляющим писчебумажной фабрикой в Дубровке, Торри Кияром. Фабрика до революции являлась собственностью норвежцев и он информировал владельцев о состоянии дел на ней, обсуждал возможности возвращения конфискованного производства.³⁰²

Вернувшись к началу 1919 г. в Христианию, Ф.Прютц развернул активную работу по организации бывших собственников в борьбе за капиталы и недвижимость, национализированные в революционной России. Этим он стал известен и в международном масштабе, координируя частные претензии к Советам с французами, англичанами, датчанами. С января 1919 г. вместе с Т.Кияром он возглавляет «Центральную контору по защите норвежских интересов в России». 14 января 1919 г. на собрании членов этой организации Ф.Прютц сделал большой доклад о финансовом положении и долгах России и о норвежской собственности на её территории.³⁰³

Эти организации подготовили для сведения правительства и общественности реестр убытков от социализации их имущества и капиталов, заставили Министерство иностранных дел Христиании всю весну и лето 1920 г. регулярно выступать с нотами протеста и требованиями к Москве вернуть реквизированную собственность. Они поддерживали официальный тезис о непринятии к оплате русского золота, пока не будут выплачены царские долги и компенсация за прочие потери.

В этих условиях единственным реальным средством оплаты для русских оставался лес Архангельска и Карелии. По данным консула Эйнара Анвика, заготовленных лесоматериалов старой (дореволюционной) вырубki только на Беломорье оставалось не менее 162 тысяч стандартов³⁰⁴. Чтобы не дать большевикам воспользоваться этими запасами вместо валюты, «Центральная контора норвежских интересов в России» совместно с англичанами организовала международный контроль за возможным вывозом из портов Белого моря и с Балтики (через Петроград) леса старой распиловки, маркированного как их собственность. Все круп-

ные мировые судовладельцы и потенциальные экспортеры были предупреждены об ожидающих их судебных неприятностях в случае покупки такого леса. В целом пропагандистская кампания собственников в прессе была не менее шумной, чем левых социалистов и рыбаков.

Прошедшее с конца января и до конца апреля 1920 г. время можно считать периодом сбора предварительной информации о том, стоит ли, и, если стоит, то на каких условиях, идти на переговоры с Москвой. Это был и период активного внешнеполитического зондажа и выяснения расстановки сил внутри страны по проблеме.

К лету нажим на правительство и парламент со стороны рыбаков еще усилился. Их недовольство медлительностью властей росло. Пренебрегать требованиями рыбаков далее было нельзя. Тем более, что левые и представители рыбацких союзов инициировали 23 апреля в стортинге дискуссию и осудили правительство за бездействие. 4 мая прения в стортинге были продолжены.

Можно считать, что с парламентских прений начался второй этап предварительного обсуждения проблемы об условиях вступления в торговые переговоры с Москвой. В ходе его вырабатывались принципиальные основы возможного соглашения с русскими. Правительство поспешило создать комиссию для изучения вопроса. В её состав были включены: Ассерсон, директор Бергенской конторы рыбного Департамента; Х.Л.Бродткорб, представлявший интересы торговцев Тромсё и Финмаркена; В.Иоганнессен, шеф отдела Департамента иностранных дел; А.Вогнес, рыбак, для защиты профессиональных интересов населения Северной Норвегии. Вошли в неё и представитель "Норвежско-русской торговой палаты" доктор Чарльз Кристиансен и член руководства "Центральной конторы норвежских интересов в России" управляющий Т.В.Шварц. Всего шесть человек. Седьмым стал секретарь Тор Иверсен. Членам назначенного комитета было предписано выехать для заседаний в столицу «сколь возможно скоро». Председателем был объявлен Ассерсон³⁰⁵. Первое собрание состоялось 10 мая. Изучив материалы, комиссия к 20 мая подготовила Департаменту торговли свои рекомендации виде семнадцатистраничного доклада подписанного пятью участниками и секретарем. Альфред Вогнес отказался поставить свою подпись под общим документом. Свое особое мнение он изложил на четырех страницах приложения³⁰⁶.

В чем состояли предложения комиссии и почему её члены разошлись во мнениях? Камнем преткновения стал вопрос о судьбе конфискованной большевиками норвежской собственности. Рекомендации большинства членов комиссии оказались весьма осторожны. В них говорилось о желательности восстановления отношений, но без спешки и на условии положительного решения вопроса о возвращении или компенсации прежней собственности на

сумму более чем в 200 млн. золотых крон плюс 15 миллионов золотых крон годовых процентов. В ином случае, считали 5 членов комиссии, невозможно говорить о восстановлении доверия к России. В целом в рекомендациях преобладали тезисы, аналогичные требованиям "Центральной конторы по защите норвежских интересов в России" и деятелей из "Норвежско-русской торговой палаты". Их подход более соответствовал тогдашним настроениям норвежского буржуазного общества, которое еще не верило в окончательное отторжение своих капиталов и недвижимости.

А.Вогнес в противовес мнению большинства комиссии на первое место ставил интересы рыбаков и предлагал план быстрого разрешения вопроса о закупке рыбы из четырех пунктов. Главными в них были требования срочного обмена взаимно признанными торговыми представителями, гарантия свободы судоходства для покупателей и продавцов из Мурманска и Архангельска и гарантия принятия в уплату за рыбу российской валюты или золота.

Учитывая напряженную экономическую и политическую ситуацию в стране, в июне 1920 г. Стортинг принял ответственное решение о вступлении в переговоры на основе рекомендаций большинства членов комиссии. Государственный Совет, имея на руках решение парламента о необходимости переговоров, готов был его исполнить.

Норвегия и с внешнеполитической точки зрения вполне могла позволить себе такой шаг, так как Англия его уже сделала. 27 мая делегация "Центросоюза" прибыла в Лондон. 31 мая состоялась первая встреча её лидера Л.Б.Красина с Ллойд-Джоржем в присутствии Керзона и некоторых других членов правительства. А мнение и поведение Великобритании традиционно было определяющим для Норвегии. Хотя формально речь шла о переговорах с российским кооперативным обществом "Центросоюз", всем было понятно, что к 1920 году эта кооперативная организация была лишь другой, более приемлемой для Запада ипостасью СНК и его наркоматов иностранных дел и торговли. Возглавил её Л.Б.Красин (тогда нарком торговли и промышленности). Символично, что само название «Центросоюз» быстро вышло из употребления. Его заменило другое, гораздо более государственное, - «Русская торговая делегация».

Перспектива заключения англо-советского торгового соглашения приветствовалась заинтересованными кругами Норвегии. Это был шанс получить большой контракт на грузовой фрахт для перевозки лесных и прочих грузов. Деловые люди не хотели упустить возможность дать работу своему застоявшемуся на приколе торговому флоту. Не хотели они отставать и от Дании со Швецией, где большевики уже имели несколько крупных контрактов. Ревниво следили в Христиании и за итало-русскими переговорами того же типа.

Советское правительство с нетерпением ожидало начала деловых дискуссий с норвежцами. Оно надеялось в качестве программы максимум заключить полноценный торговый договор и даже добиться восстановления дипломатических отношений. В конце июля Кремль уполномочил вести переговоры Максима (Макса) Максимовича Литвинова (Валлаха). В это время он решал в Копенгагене вопросы обмена военнопленными. С норвежской стороны соответствующие полномочия получил Министр торговли, судоходства, промышленности и рыболовства господин Герд Хенрик Мейер Бруун. Известно, что в ходе подготовки к переговорам последний затребовал и внимательно изучил также статистику русско-норвежских экономических связей за 1912 – 1919 гг.

Норвежцы сразу же остудили максималистские настроения Кремля. И дали понять, что речь может идти только об “установлении торговых отношений...” и ни о чем больше³⁰⁷.

2 сентября 1920 г. М.М.Литвинов прибыл в Христианию для переговоров. 7 сентября он представил норвежскому правительству советский проект договора на рассмотрение и для внесения поправок.³⁰⁸ Параллельно в тот же день правительству напомнила о своей позиции и "Центральная контора норвежских интересов в России". Её официальный председатель Кристиансен уже в который раз настаивал, чтобы во время переговоров не были забыты интересы норвежских собственников.³⁰⁹

Миссия Литвинова с самого начала натолкнулась на серьезное препятствие в виде “поправок” к проекту со стороны Мейера Брууна. Текст поправок датирован 11 сентября, но к адресату попал только 16 сентября. Содержание ответа было весьма огорчительным. Почти в ультимативной форме литвиновский проект был отвергнут. Бруун даже не стал вдаваться в детали его статей. Наибольшую неприязнь министра вызвали те пункты советских предложений, которые гарантировали признание принципа государственной монополии внешней торговли, а торговым представителям РСФСР обеспечивали бы почти дипломатический уровень неприкосновенности. Такое соглашение, по мнению Министра, “привело бы к фактическому признанию Советского Правительства”, а Норвегия этого не желала³¹⁰. Поэтому Бруун предложил даже не временное соглашение, а лишь некоторую “договоренность о том, чтобы оба государства в предварительном порядке и в виде опыта взаимно обменялись торговыми уполномоченными”³¹¹. Неплототворность этого предложения бросается в глаза. Уполномоченным такого рода ничего не гарантировалось. Любая их сделка могла быть легко оспорена и сорвана бывшими норвежскими владельцами имущества и капиталов в России.

Следующая серьезная поправка Брууна указывала, что любое возможное соглашение ни в чем не должно “ущемлять претензий к России в вопросе о компенсации ущерба, нанесенно-

го Норвежскому правительству и норвежским гражданам”³¹². В этом пункте чувствовалась твердая рука “Центральной конторы (по защите) норвежских интересов в России” и лично самого квалифицированного в политических и финансовых вопросах капитана Фредерика Прютца. Того же мнения придерживалось и Министерство юстиции и полиции во главе с консервативно настроенным Отто Хальворсеном.

Такой подход сразу обрекал переговоры на провал, так как уступить в вопросе о национализации М.М.Литвинов не мог по принципиальным идеологическим соображениям. Отрицательное воздействие на результат первых переговоров оказал и разрыв англо-российских торговых переговоров 10 сентября 1920 г., и поражение Красной Армии в Польше (как раз на сентябрь - начало октября пришлись наиболее успешные наступательные действия Пилсудского).³¹³ Ничего не добившись и возложив ответственность за неудачу переговоров на норвежскую сторону, Литвинов 6 октября покинул Христианию. Норвежское правительство в своем письменном отчете стортингу 26 ноября также утверждало, что приложило все старания для заключения соглашения, но требования советской стороны оказались неприемлемы. 14 декабря 1920 г. конституционная комиссия парламента, рассмотревшая отчет правительства, пришла к выводу, что до успеха в этом деле еще далеко, и рекомендовала стортингу отложить следующее обсуждение вопроса об отношениях с русскими на новый 1921 г.³¹⁴

Зондаж на предмет новых переговоров не заставил себя ждать. 10 марта 1921 г. Г.В.Чичерину пришла телеграмма из Берлина от находившегося там Л.Б.Красина. Последний информировал шефа о встрече в Берлине с группой норвежских промышленников, заинтересованных в торговле с Россией. Красина посетил и авторитетный норвежский посланник в Англии Пауль Бенжамин Фогт. “Он просил меня, - писал Леонид Борисович, - передать от имени Норвежского правительства Советскому правительству, что Норвегия желает возобновить торговые сношения и была бы готова вступить теперь же в переговоры по этому делу”.³¹⁵

Англия тоже вернулась за стол переговоров с РСФСР. Торговый договор между ними был подписан в Лондоне 16 марта 1921 г. министром торговли сэром Робертом Хорном и председателем советской торговой делегации Леонидом Красиным.

Норвежское правительство решило последовать примеру Англии. Подстегивали постоянные сообщения прессы и посланников об успешном развитии переговорного процесса русских с Берлином, Римом и Стокгольмом. Намерения Государственного Совета моментально стали известны в обществе и вновь активизировали полемику по «русскому вопросу». Если газета «Социал-Демократен» встретила новость с удовлетворением, то «Центральная контора норвежских интересов в России» и «Норвежско-Русская торговая палата» – с тревогой. С 31

марта и до самой осени 1921 г. они засыпали правительственные Департаменты своими меморандумами, которые повторяли друг друга почти дословно и быстро приелись. Новым в документах, пожалуй, было только то, что основной упор в них делался не на требование о возвращении утраченной собственности, а на «реституцию», то есть на «возмещение» потерь в какой-либо форме. Интересно отметить, что не только идеи, тексты, но и адреса обеих организаций совпадали. Это был дом в столице на Драмменсвейен, 6. Там же находилась и контора господина Прютца.³¹⁶

На официальное предложение Норвегии возобновить переговоры Кремль отреагировал быстро и доброжелательно. Совет Народных Комиссаров поручил вести переговоры Платону Михайловичу Керженцеву - полномочному представителю РСФСР в Стокгольме, где тот находился по торговым делам с 13 февраля 1921 г. 15 марта Г.В.Чичерин телеграфировал П.М.Керженцеву об этом поручении Совнаркома. Норвежское правительство согласилось провести переговоры в Стокгольме и 4 апреля назначило свою делегацию. Ее возглавил Директор торгового департамента Кристиан Гиверхольд Хансен. Первое совещание с Керженцевым началось 6 апреля. Параллельно 6 апреля в столице Норвегии состоялось заседание стортинга, на котором горячо обсуждались проблемы отношений с Россией. Все последующие заседания этого тура переговоров также проходили в столице Швеции. В первый же день П.М.Керженцев Г.Хансену советский проект соглашения из 14 пунктов³¹⁷. За основу текста был взят недавно заключенный англо-советский торговый договор.

В интересующей нас части принципиальное положение проекта было таково: русские настаивали на выведение за рамки торгового соглашения вопроса о материальных претензиях норвежцев, утративших собственность и вклады на территории бывшей царской России вследствие национализации и конфискации имущества в ходе революционных преобразований.

Между тем первоначальный норвежский вариант соглашения требовал от большевистского правительства “дать обязательство, что все принятые... меры национализации, конфискации и т.п. по отношению к Норвегии не имеют силы”.³¹⁸

Вопрос этот был исключительно серьезен по трем причинам: во-первых, это поломало бы основы основ коммунистической доктрины и революционных реформ в России; во-вторых, такого рода обязательство стало бы рассматриваться как прецедент при заключении договоров со всеми другими странами; в третьих, к концу 1921 г. в Норвегии уже был составлен реестр из 300 исков граждан этой страны на сумму приблизительно в 250.000.000 крон.

Определим эти иски более конкретно. 6 апреля 1921 г. в газете «Norges Handel og Sjøfartstidende» была напечатана статья под названием «Норвежские требования к России». Конечно, дата публикации не случайна, а приурочена к началу переговоров в Стокгольме и дискуссии в парламенте Христиании. На первом месте в статье жирным шрифтом были выделены «собственность и заводы», которые вместе с легко реализуемой продукцией оценивались примерно в 100 миллионов крон. К «легко реализуемой продукции» был отнесен подготовленный на экспорт лес стоимостью в 35 млн. крон в текущих ценах. Вторым пунктом в перечне называлась «норвежская продукция», экспортированная в Россию и впоследствии реквизированная советами. Общая стоимость её определялась в 12 миллионов крон. Третьим в списке шли «русские экспортные товары, помимо леса, стоимостью в 8 миллионов, закупленные и уже оплаченные норвежцами, но не доставленные». Еще 6 миллионов крон реституции осталось должно за норвежские суда Министерство военно-морского флота старой России. Правительственные, муниципальные и железнодорожные облигации (долговые обязательства) составляли 5 млн. крон. К этому добавлялись капиталы, вложенные норвежцами в отдельные русские компании, на сумму в 20 млн. крон. И наконец, до 3-х миллионов набралось долгов российских страховых компаний и банков и 7 миллионов разнообразных частных претензий граждан Норвегии.³¹⁹ Вопрос же о выплате займов прежних российских правительств занимал Норвегию много меньше. В отличие от Англии и особенно Франции заявлений о выплате русских долгов было подано всего на сумму около 5.000.000 крон³²⁰.

Та же газета в публикации от 5 апреля под заголовком «Шведские, датские и норвежские претензии к России» не забыла напомнить читателям и о долгах России соседней Швеции и Дании. По приведенным подсчетам претензии шведов составляли около 600 млн. шведских крон, а датчан 140 млн. датских крон, 25 млн. марок, 2 млн. шведских крон и 18,6 млн. франков.³²¹

Однако по опыту подобных переговоров РСФСР с Великобританией, Германией, Швецией делегатам норвежского правительства изначально было понятно, что советская делегация не уступит в названных принципиальных позициях. Потому на уступки пошли норвежцы. Сопоставив на первых заседаниях взаимные условия и интересы, делегации довольно быстро составили совместный проект договора. Таковой был готов к 9 апреля уже после четырех проходивших ежедневно совещаниях. От англо-русского соглашения текст отличался большими уступками в пользу Советской России. Настоял П.М.Керженцев и на устранении положения о признании Россией в принципе всех материальных претензий норвежцев.

На случай споров по имущественным вопросам советская дипломатия могла предъявить контртребования. На этом настаивал заведующий отделом производства одного из подразделений ВСНХ О.Томсон. 7 апреля он писал Г.В.Чичерину о том, что “нужно поставить как требование к норвежскому правительству... вернуть обратно в Россию” ряд материальных ценностей.³²² Автор письма приводил список заказов царского и временного правительств на машиностроительную продукцию: токарные, фрезерные, сверлильные станки, моторы, турбины, подъёмники, лесообрабатывающие машины. Он указывал, что “в большинстве случаев” особенно за казанные заказы деньги были уплачены сполна и “только некоторые русские фирмы не уплатили последнего срока”, т.е. 1/3 заказа.³²³ Далее в документе говорилось: “...в Норвегии имеется целый ряд застрявших транзитных грузов для России в портах Христианиа, Тронхейм, Берген, Ставангер и в других северных портах. Грузы эти шли главным образом из Америки и Англии”.³²⁴ О.Томсон опасался, что часть из них может быть скрыта от норвежского правительства или растащена частными лицами. Наконец, он считал возможным вернуть русские рыболовные суда, “находившиеся в Норвегии до переворота или удравшие из России после переворота и владельцы которых находятся в России”.³²⁵ По его мнению, в Норвегии были и оплаченные “Центросоюзом” и частными лицами, но не доставленные по месту назначения партии сушеной, соленой и консервированной рыбы, рыбных жиров. Он знал также, что “в Норвегии находятся большие количества товаров, вывезенных из Северной России, совершенно неоплаченных или лежащих на складах, как-то: строительный лес, доски, сырые шкуры и меха, также большое количество смолы” в Тронхейме и Тромсё.³²⁶ Томсон утверждал, что на все эти грузы он “имел формальные документы”, собранные им в Норвегии. Но летом 1918 года О.Томсон был арестован англичанами в Мурманске, и документы при этом были изъяты. Он считал, что их “можно восстановить”.³²⁷

Заявление этого чиновника, похоже, заслуживает доверия, так как англичане действительно вывезли со складов Севера России все ценное, что смогли захватить при неспешной и организованной эвакуации из Архангельска и Мурманска. Однако вряд ли общая сумма этих материальных ценностей могла компенсировать конфискованную и национализированную собственность и активы норвежцев в нашей стране. Кроме того, Советская Россия, отказавшись оплатить долги царского и временного правительств, автоматически теряла право и на оплаченные ими заграничные товары. Но вот использовать контрпретензии как аргумент на торговых переговорах было бы вполне логично. Однако нужды в этом не возникло.

Окончательная выработка договора несколько затянулась. Одной из причин было то, что выявились две не поддавшиеся компромиссному согласованию статьи второй норвеж-

ской редакции проекта. Это статья №12 относительно материальных претензии граждан, потерявших имущество и вклады в ходе российской революции, и статья №13, в которой норвежцы настаивали на предоставлении им права наибольшего благоприятствования.³²⁸ Москва требовала убрать их вовсе, Христиания столь же упорно не соглашалась снять свои требования³²⁹. На эти препирательства ушло 2 месяца.

Благополучному исходу переговоров помог правительственный кризис. Консервативное правительство (партия Хёйре) Отто Хальворсена 22 июня ушло в отставку. Новый либеральный кабинет (партия венстре) сформировал другой Отто - Отто Блер. В составе кабинета оказался влиятельный сторонник развития торгово-экономических связей с Россией 50-летний Иоган Людвиг Мувинкель. Он занял ключевой в этом отношении пост Министра торговли, сменив открытого идеологического противника Советов Мейера Брууна. Уже через несколько дней после вступления в должность в начале июля Л.Мувинкель в разговоре с сотрудником "Социалдемократен" сообщил, что новое правительство "стремится к возобновлению торговых сношений с Россией и что вопрос этот будет правительством обсуждаться в ближайшие дни". По инициативе Л.Мувинкеля переговоры делегаций двух стран активизировались. 22 июля Г.Хансен наконец пригласил П.М.Керженцева в Христианию. Но Платон Михайлович попросил норвежцев еще раз приехать в Стокгольм.³³⁰ Хансен выразил согласие, и 29 июля завершающая рабочая встреча делегаций состоялась. Она была успешной - основной текст договора был согласован.³³¹

По взаимной договоренности подписание соглашения состоялось в Христиании 2 сентября 1921 года.

"Временное соглашение между Россией и Норвегией" - так назывался этот документ.³³² С норвежской стороны он был подписан Министром торговли Л. Мувинкелем, с советской - полномочным представителем РСФСР П.М.Керженцевым. Требования реституции или возвращения норвежской собственности выносились за скобки этого соглашения. Чтобы как-то компенсировать убытки бывших иностранных владельцев советское правительство намеревалось предложить им участие в концессиях.

Соглашение необходимо было ратифицировать, ибо по всем международным нормам только после этого оно могло вступить в силу.

Как же развивались события в Норвегии связи с ратификацией? 9 сентября за подписью короля в Стортинг было внесено предложение Министра торговли о ратификации русско-норвежского временного торгового соглашения.³³³ Его текст был передан на рассмотрение Конституционной комиссии, которая вынесла свое решение только 28 сентября.³³⁴ По

мнению Наркоминдела, она чрезвычайно затянула изучение договора и этим дала возможность антисоветским кругам развернуть кампанию по его дискредитации. Такие влиятельные финансовые и промышленные объединения, вроде “Норвежского банковского общества” и “Норвежского индустриального объединения”, обратились к депутатам с требованием отказать договору в ратификации.³³⁵ Активизировалась консервативная печать и также повела “резкую агитацию против договора.”³³⁶ Типичным является заголовок одной из статей в “Хандель и Шёфартстиденде” от 22 сентября. Он звучал так: “Норвежско-русское соглашение прямо вредит норвежским интересам в России”.³³⁷ В статье правительство обвинялось в том, что оно, потакая русским, “практически сняло с повестки дня переговоров вопрос о норвежских интересах”, и теперь он “имеет больше моральную и политическую силу”, нежели юридическую.³³⁸ Либеральный Кабинет критиковался и за то, что “русским посланцам даны практически те же самые привилегии, как и дипломатическим представителям иных земель”.³³⁹ В том же духе выступила в своих ведущих публикациях 26 и 27 сентября “Моргенбладет”.³⁴⁰

Свое категорическое “против” ратификации договора высказал “Союз защиты норвежских интересов в России”.³⁴¹ Союз никак не мог принять статью 12 подлежащего вотированию договора, которая “не предreshала вопроса о существующих претензиях об уплате компенсаций или вопроса о восстановлении в правах той или другой стороны или её граждан”.³⁴²

У торгового соглашения с русскими сторонников оказалось никак не меньше, чем противников. Газета НРП “Социал-демократен” регулярно печатала статьи в пользу договора. Она вступила в жесткую полемику с правой прессой по этому вопросу. Характерными в смысле аргументации были статьи “Норвежско-русское торговое соглашение”³⁴³ и “Торговый трактат и компенсационные требования”.³⁴⁴ Консервативная пресса в них вновь обвинялась в защите эгоистических интересов узкой группки людей, потерявших собственность, нажитую спекуляциями на Севере России. Говорилось, что они противопоставляют себя народным массам Норвегии, особенно рыбакам, кровно заинтересованным в договоре. Называлась и сумма, которую, по мнению газеты, неформальный лидер бывших собственников капитан Прютц нажил в результате предвоенной “аферы” на Онеге - 4 млн. крон. Обвинения в спекуляциях были голословны, но типичны.³⁴⁵

Даже “Союз защиты норвежских интересов в России”, повел в конце сентября двойную игру. Публично выступая против договора, эта организация и фирмы, её поддерживающие, направляли в Министерство торговли одно письмо за другим, пытаясь протолкнуть выгодные себе кандидатуры в состав будущей норвежской торговой Миссии в Москве.

Позже Ф. Прютца как специалиста по русским долгам и норвежской собственности включили в качестве советника в правительственную делегацию Норвегии из 8 человек на конференцию в Геную 1922 г., рассматривавшую финансовые и экономические претензии к России уже на официальном уровне.

Как известно, 1 октября 1921 г. норвежский Стorting 69 голосами против 47 ратифицировал торговый договор с РСФСР, а король Хокон VII в тот же день утвердил ратификацию. Межгосударственное торговое соглашение вступило в силу. Через год с небольшим после этого события в своем донесении тогдашний глава советского торгпредства Я.З.Суриц написал: «Нашим договором... задеты жизненные интересы широких кругов норвежских рыбопромышленников и пароходчиков, а лояльное его выполнение сделало его популярным во всей Норвегии».³⁴⁶ А в информации № 11 от 1 декабря 1922 г. он же с удовлетворением отметил, что произошел «резкий поворот в нашу пользу со стороны всей прессы, в частности, консервативной».³⁴⁷ И далее делал важный вывод: «Заметная перемена фронта со стороны консервативной печати отражает перелом в настроениях главным образом деловых кругов».³⁴⁸ В ноябре 1922 г. самораспустился «Союз защиты норвежских интересов в России», по выражению полпреда, «главный застрельщик всякой антисоветской кампании в стране».³⁴⁹ Его видные деятели, в частности, капитан Ф.Прютц, окончательно потеряли надежды на реституцию своего имущества и сделали ставку на приобретение в РСФСР концессий на базе своих прежних владений.

Вовлечение гражданского здравоохранения в общий процесс оказания лечебной помощи раненым и больным военнослужащим Красной Армии в период советско-финляндской войны, являлось закономерным, и, в значительной степени, было призвано создать необходимый резерв, компенсирующий недостатки, возникавшие на различных этапах существования медицинской службы Ленинграда. Следовательно, чем выше был уровень лечебной помощи, оказываемой в городе, тем больше была эффективность работы и всей военно-санитарной службы Красной Армии в период боевых действий 1939-1940 гг. Наряду с различиями, обусловленными характером решаемых задач, гражданское и военное здравоохранение имели и точки соприкосновения. Формирование данных принципов взаимодействия было предпринято еще в предвоенный период и не было единовременным и осуществлялось на протяжении долгого времени, испытывая влияние как локальных, так и общегосударственных процессов.

В работах отечественных исследователей, по истории медицины в нашем городе, выдвигался основополагающий тезис о широких масштабах преобразований в социальной сфере, направленных на улучшение медицинского обслуживания населения Ленинграда в сравнении с дореволюционным периодом¹. Следует признать ряд выдвинутых положений достаточно обоснованными и аргументированными, однако в целом эта позиция является тенденциозной, интерпретирующей факты односторонне. Более корректным и объективным считается изучение данной проблемы, построенное на анализе конкретной обстановки, имевшей место в 1930-е гг., ее адекватности социально-экономическим условиям. Данный подход не ведет к дискредитации роли советского периода, так как предусматривает выявление тех закономерностей, которые были характерны для городского здравоохранения на протяжении долгого времени, и в определенной степени призван уточнить наши представления по данному вопросу.

Ленинград имел статус крупного медицинского центра, обладавшего богатыми традициями, формировавшимися на протяжении всего существования города с ранних лет его существования, что и отложило определенный отпечаток на структуру здравоохранения. В городе оказывалась квалифицированная медицинская помощь, как гражданскому населению, так и военнослужащим частей, расположенных на его территории.

В послеоктябрьский период была пересмотрена концепция развития городского здравоохранения, что диктовалось прежде всего демографической обстановкой в Ленинграде, а также изменением социальных условий. В петербургский период в городе был сделан акцент на организацию широкой сети стационаров, предназначенных для обслуживания большого числа пациентов. Указанные заведения тяготели к центральной части города. Впоследствии, ранее созданный больничный комплекс проявил себя весьма устойчивой системой, вследствие своей оптимальной организации, а также отсутствия в 1920-1930-е гг. необходимых материально-технических ресурсов для строительства новых медицинских центров.

Основное внимание городскими властями в советский период уделялось становлению и развитию сети лечебно-профилактических учреждений, которые были направлены на приближение медицинской помощи к горожанам. В это число входили районные поликлиники, закрытые амбулатории, а также медицинские участки на предприятиях Ленинграда. Данное обстоятельство имело положительное значение для городского здравоохранения и социальной инфраструктуры в целом, однако недостаточное внимание к крупным медицинским объектам привело к серьезным дефектам в сфере оказания квалифицированной лечебной помощи, а также стало причиной возникновения целого ряда проблем при организации медицинской службы Ленинграда в период советско-финляндской войны. Осложняло обстановку в данной сфере и общая неудовлетворительная деятельность городского руководства по разработке единой концепции функционирования системы здравоохранения.

К концу 1930-х гг. в коечной сети города наметилась диспропорция при размещении больных – в одних учреждениях отмечался простой, в других – перегрузка площадей, что вызывало в отдельные месяцы необходимость перегруппировки пациентов, и приводило к снижению уровня оказываемой медицинской помощи. Строительство новых лечебных учреждений в целом по стране проходило неудовлетворительно: план строительства на 1939 г. оказался невыполнен, это тем более вызывало тревогу, что при полном использовании существовавшего коечного фонда, советское здравоохранение имело возможность без строительства расширить свой объем лишь на 15 %³⁵⁰. Безусловно, данный показатель в Ленинграде данный показатель был гораздо выше, но поступление раненых и больных в период боевых действий 1939-1940 гг. значительно превосходило уровень мирного времени, что стало причиной неудовлетворительного положения при размещении эвакуированных военнослужащих, особенно в начале войны.

В марте 1939 г. одним из чиновников Ленгорздравотдела было отмечено негативное состояние в сфере строительных работ, проводимых в медицинских учреждениях, при этом

подчеркивалось, что «наша сеть разрушается ...и в 1941 и 1942 гг. (мы – Д.Ж.) не сумеем поднять ее до необходимого уровня»³⁵¹. Положение в городе оставалось в целом неблагоприятным, выявив отставание в развитии коечной сети, не удовлетворявшим потребностей города, обусловленное ростом численности населения. В отношении демографической обстановки в городе указанное обстоятельство служило причиной возникновения серьезных негативных явлений. Во-первых, наметился дисбаланс в области размещения больных в стационарах, новые районы испытывали вследствие этого большие трудности. Во-вторых, в условиях ограниченного фонда больничных площадей и увеличения числа пациентов, шел процесс уплотнения лечебных учреждений. С учетом вышеизложенных обстоятельств можно говорить о низких темпах улучшения медицинской помощи, оказываемой в Ленинграде, а также об отсутствии необходимого резерва, который мог быть реализован в чрезвычайной ситуации. Особенно острым было положение в сфере оказания педиатрической и психиатрической помощи.

На заседании четвертой сессии Ленгорсовета, проходившей в середине октября 1940 г., представителями ведущих лечебных центров города отмечалась неправильная специализация коек в больницах, наметившаяся еще в довоенное время. Ошибки в планировании оказали негативное влияние на развитие коечной сети, где размещались раненые и больные. Существовавшие принципы выявили несоответствие профилизации коек больничной сети в мирных условиях потребностям военного времени³⁵². В период боевых действий произошло увеличение числа хирургических коек, и свертывание большей части мест других специальностей – прежде всего терапевтических. Данный процесс потребовал перераспределения людских и материальных ресурсов, отрицательно повлияв на становление медицинской службы Ленинграда.

На октябрь 1939 г. в городе насчитывалось 97 крупных лечебных учреждений различного уровня и специализации (больницы, клиники, родильные дома) с общей численностью коек 30 тысяч единиц³⁵³. Подавляющая часть больниц, 82 %, относилась к постройкам старше 100 лет. По этой причине износ фонда был чрезвычайно высоким. Материально-техническое обслуживание лечебных учреждений также находился на низком уровне – износ имевшегося белья достигал в среднем 50 %³⁵⁴. Не отвечало реальным потребностям также снабжение спецодеждой, кухонным инвентарем, посудой, оловом для лужения и т.п. Особенно сложным было положение при обеспечении больниц авторезиной, горючим и даже бланками медицинской документации (истории болезней, амбулаторные карты).

Характерен в данной связи пример больницы имени Мечникова, чей крупный медицинский комплекс в период боевых действий приобретал большое значение. По данным на 31 августа 1939 г. состояние ее технической базы было признано аварийным, а составленный мобилизационный план – не имевшим материального обеспечения³⁵⁵. Остро ощущалась необходимость капитального ремонта, который не проводился в больнице долгое время. В той или иной степени вышеперечисленные трудности были характерны для всех крупных медицинских учреждений Ленинграда. Этот процесс объясняется уже отмеченными представлениями руководства Наркомздрава СССР и городских властей о приближении медицинской помощи к населению, созданию поликлинических комплексов в районах в ущерб развитию больничной сети.

В 1939 г. финансирование городского здравоохранения по сравнению с предшествующим периодом было увеличено, особенно в отношении стационарной помощи, санитарно-эпидемических мероприятий и внебольничной помощи. Указанный прирост был незначительным, в то время как ассигнования на капитальные вложения уменьшились на 73,8 %, сократились также отчисления на проведение капитального ремонта³⁵⁶. Негативное влияние оказывало также отсутствие четкой системы ведомственного финансирования. Больница имени Мечникова в счет намеченных на 1939 г. необходимых строительных работ на сумму 3 859 тысяч рублей получила от НКЗ РСФСР лишь 1 107 тысяч³⁵⁷. В этих условиях активизация мобилизационной работы, вызванная осложнением военно-политической обстановки осенью 1939 г., усугубила положение в сфере оказания медицинской помощи.

Организация военного здравоохранения Ленинграда была более стабильной и обладала эффективной системой подчинения, а также имела более действенные механизмы подчинения. В период боевых действий военно-медицинские центры сосредоточили в своих руках работу по формированию и развертыванию в городе разного рода лечебных учреждений, а также осуществляли координацию их деятельности. Высокое значение подобных структур в обороноспособности страны, и вследствие этого, наличие необходимых ресурсов, позволяло на этом уровне избегать тех проблем, которые испытывало гражданское здравоохранение, однако полностью ликвидировать негативные тенденции было не способно.

Базовыми военно-медицинскими учреждениями ленинградского гарнизона, а также округа в целом, являлись Ленинградский Красноармейский военный госпиталь имени З.П.Соловьева, Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова, Военно-морской госпиталь. Входя в число старейших лечебных учреждений подобного рода, они размещались в зданиях постройки прошлого века. Строительные работы, проводившиеся в них, обеспечивали опреде-

ленную защиту от разрушения, но необходимость более серьезного ремонта ощущалась очень остро.

В официальном документе, анализировавшем деятельность военных госпиталей в стране в 1939 г. указывалось, «что наряду с целым рядом достижений в работе имеется еще много серьезных недостатков, а качество лечебной работы еще очень низкое»³⁵⁸. Уровень ленинградских госпиталей был безусловно выше среднего показателя, но, при этом общие негативные тенденции характеризовали и их деятельность. Со стороны Наркомата Обороны отмечалось, что госпитальная сеть по сравнению с 1934 г. увеличилась лишь на 18 % и «ни в какой степени не соответствует росту Красной Армии»³⁵⁹.

Военно-медицинские учреждения находились в более благополучном, в сравнении с гражданскими и в вопросах комплектования личным составом. Городская система подготовки кадров а также их распределения, находилась на чрезвычайно низком уровне, не отвечавшем потребностям ленинградского здравоохранения. Изучение документов из фонда Ленгорздравотдела показывает, что практически во всех лечебных учреждениях Ленинграда наличие персонала было неполным, но так как частым явлением было совмещение, то его штатная численность формально оставалась высокой.

В 1939 г. в городе было зафиксировано 11 839 штатных должностей врачей, однако фактически этот показатель составлял 7 100 человек³⁶⁰. Сходная ситуация складывалась с младшим и средним персоналом – численность штатных должностей сестер характеризовалась цифрой 24 050 человек, а фактически было в распоряжении 16 403³⁶¹. Как свидетельствуют документы, совмещение различных должностей со стороны медицинского персонала проходило в рамках не только одного учреждения, а всей системы здравоохранения Ленинграда. Таким образом, процесс заполнения вакантных мест в лечебных учреждениях города шел экстенсивным путем. В целом, по всей сети Ленгорздравотдела, сложилась такая обстановка, при которой подавляющая часть заведений, входивших в ее состав, не были укомплектованы отдельными специалистами, такими как ларинголог, невропатолог и рентгенолог. На март 1939 г. в 95 рентгенологических кабинетах Ленинграда имелось 300 – 400 вакантных должностей³⁶².

Основной причиной создавшегося негативного положения была неудовлетворительная система подготовки кадров. Несмотря на то, что в городе располагались высшие учебные заведения медицинского профиля, курсы переподготовки и усовершенствования врачей, учебные заведения, готовившие средний медицинский персонал³⁶³, пополнение лечебных учреждений проходило крайне слабо.

Определяли подобную неблагоприятную обстановку в городе и социально-экономические факторы. Учащиеся и выпускники медицинских учебных заведений испытывали сложности с размещением в общежитиях, так как жилой фонд Ленинграда был ограниченным. Кроме того, по существовавшему на тот момент положению Наркомата здравоохранения СССР, лица, закончившие аспирантуру или ординатуру, должны были проработать определенный срок на периферии³⁶⁴. Негативное воздействие оказывало также отсутствие планирования и распределения медицинских кадров³⁶⁵.

Причины трудностей, выявившихся в период советско-финляндской войны, стоит искать также и в мобилизационной работе, проводимой накануне боевых действий 1939 – 1940 гг. О неадекватных представлениях руководства Ленгорздравотдела в отношении собственных возможностей и недостаточной эффективности по планированию мобилизационных мероприятий свидетельствует тот факт, что при разработке соответствующих нормативов, численность населения Ленинграда оценивалась равной 2 миллионам 700 тысячам человек, являя значительное расхождение с официальными данными, распространенными руководством города³⁶⁶.

В конце августа 1939 г. в Ленинград прибыл народный комиссар здравоохранения СССР Г.А.Митерев и в рамках его визита была проведена проверка городских лечебных учреждений. По-видимому, в задачи его визита входила вполне конкретная обязанность – оценить подготовленность города на случай обострения ситуации с приграничными государствами, провести консультации по вопросу работы медицинской службы не только в пределах города, но и области. Выступая с докладом на собрании актива здравоохранения Ленинграда в сентябре 1939 г., нарком акцентировал внимание на «развитии и укреплении сети медико-санитарных учреждений Ленинграда, имея в виду ее огромное значение в такой сложной международной обстановке, как сейчас»³⁶⁷. Отмечалось в данной связи также стратегическое положение города как пограничного и крупнейшего промышленного центра.

Особенно тщательной проверке были подвергнуты крупные медицинские учреждения, которые рассматривались в перспективе как основообразующие центры. Исходя из итоговых данных о проведенных мероприятиях, следует выделить основные проблемы, имевшие место в рассматриваемый период – низкий уровень травматологической помощи, отсутствие ресурсов у крупных медицинских центров, сложная эпидемическая обстановка в городе. Однако в целом, работа медицинских учреждений Ленинграда была оценена достаточно высоко.

Со стороны руководства города и Ленгорздравотдела были предприняты попытки исправить указанные недостатки, в результате чего в период боевых действий 1939-1940 гг.

удалось избежать отрицательных явлений в данной сфере. Вместе с тем, остались незатронутыми те проблемы, которые имели скрытый характер и были вызваны ходом советско-финляндской войны. При выделении основных проблем, сопровождавших формирование медицинской службы Ленинграда нельзя не отметить и сложную санитарно-эпидемическую обстановку в городе. Ленинград являлся эндемическим очагом брюшного и сыпного тифов, а также дизентерии. Усугублял положение и недостаточный уровень развития хозяйственной инфраструктуры города³⁶⁸. За исключением Васильевского острова, все районы Ленинграда использовали деревянную канализацию.

К началу боевых действий советско-финляндской войны ленинградское здравоохранение подошло в ослабленном состоянии, особенно неблагоприятное складывалось положение в сфере Ленгорздраводела. Больницы и клиники научно-исследовательских институтов, входившие в непосредственное подчинение Наркомата здравоохранения, а также других ведомств, вследствие более широких масштабов финансирования и четкой организации своей деятельности, в отдельных случаях сумели избежать тех трудностей, которые испытывали лечебные учреждения Ленгорздраводела. Вместе с тем, недостаточный уровень компетентности руководства городского здравоохранения не только в вопросах мобилизационной работы, но и в общем комплексе решаемых задач, серьезно ослабил подготовку гражданского здравоохранения к участию в боевых действиях.

Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда (1941 г.)

За последние годы в российской периодической печати появилось немало публикаций ряда журналистов, да и, к сожалению, некоторых историков, тенденциозно представляющих события, связанные с историей битвы за Ленинград в 1941-1944 гг. Их авторы, уходя от раскрытия героики, стойкости и мужества в борьбе его защитников, заслоняют это показом лишь жертвенности и непомерным акцентированием на наблюдавшихся тогда также негативных явлениях, связанных с действиями немногочисленных преступных элементов. Наряду с такой однобокой направленностью изложения событий, которое, несомненно, формирует неправильное представления о прошлом, сводя на нет эпохальное значение подвига Ленинграда, есть еще необходимость коснуться и другого вопроса. Он возникает также в плоскости истории битвы за Ленинград, в связи с утверждающейся явно мифологией, относящейся ко времени начала блокады города. Об этом и пойдет речь.

Стала упорно внушаться мысль о том, что Ленинград выстоял лишь потому, что противник сам не стал вести наступление на город. Представляется, в частности, так, что главнокомандующий финской армией маршал К. Г. Маннергейм отдал своим войскам приказ приостановить наступление на Ленинград с севера и они не пошли дальше старой государственной границы.

Возможно, что все это заимствовано из финской историографии и публицистики. «Можно утверждать, - считал финский военный историк Хельге Сеппяля, - что Маннергейм заслужил, видимо, на самом деле награду за спасение Ленинграда».³⁶⁹ Другой автор Эрkki Вала писал в журнале «Ууси Мааилма», издававшемся в США, что «маршал Финляндии не участвовал в блокаде Ленинграда и именно поэтому произошло чудо, что Ленинград выстоял».³⁷⁰

В конечном счете уже с началом века отдельные официальные российские делегации в Финляндии стали в «знак признательности маршалу» возлагать венки к его надгробью. И возникает вопрос: «Был все-таки Маннергейм «спасителем Ленинграда»?

Прежде всего объективность требует сказать, что К. Г. Маннергейм не принадлежал к числу тех, кто намеривался уничтожить Ленинград, как замыслил сделать А. Гитлер. Судя по мемуарам маршала, он был не безразличен к городу на Неве, где провел свои молодые годы и

совершил восхождение в своей военной карьере. По поводу намерения германского командования «сравнять Ленинград с землей» Маннергейм как-то заметил в августе 1941 г., по словам представителя германского командования в финской ставке генерала В. Эрфурта: «В этом случае русские построят новый Петербург».³⁷¹

Но вся противоречивость действий Маннергейма заключалась в том, что он, зная уже с конца июня 1941 г. (из информации посланника в Берлине Т. Кивимяки) о намерении германского руководства уничтожить Ленинград,³⁷² целенаправленно вел наступление финских войск на ленинградском направлении во взаимодействии с германской группой армий «Север».

Это полностью соответствовало оперативному плану, согласованному между генеральными штабами немецкой и финской армий во второй половине мая 1941 г. в ходе переговоров в Германии. Тогда их вели по поручению маршала К. Г. Маннергейма начальник генштаба финской армии генерал А. Хейнрикс и полковник К. Тапола с представителями немецкого командования фельдмаршалом В. Кейтелем, генералами А. Йодлем и Ф. Гальдером. Как пишет финский историк А. Руси, касаясь позиции Маннергейма, «в определении командующим общих оперативных планов в начальной стадии войны вопрос о взятии Ленинграда составлял сущность финско-немецкого сотрудничества».³⁷³ Другой финский историк, автор работ об участии Финляндии во второй мировой войне В. Халсти указывает на следующее: «Падения Ленинграда рассматривалось в качестве задачи первостепенной важности как в ходе войны, так и ее конечным результатом».³⁷⁴

О намерении Маннергейма участвовать во взятии Ленинграда свидетельствовали и непосредственные исполнители этого замысла. Показательна в этом отношении беседа, состоявшаяся у К. Г. Маннергейма с генералом П. Талвела 5 июня 1941 г., получившим вскоре назначение командовать VI корпусом, наступавшем на острие главного удара финской Карельской армии на ленинградском направлении в обход с востока Ладожского озера для встречи с немецкими войсками, которые должны были продвигаться к Ленинграду из Восточной Пруссии. Талвела пишет в своих мемуарах: «Когда я прибыл, маршал объявил мне, что Германия на днях совершит нападение на Советский Союз... что немцы не просят нас ни о чем другом, кроме как нанести сильнейший удар в направлении Ленинграда. Он объявил об образовании специальной группы для осуществления этого удара и предложил мне ею командовать, спросив, желаю ли я этого. Я поднялся молниеносно со стула и заявил: "Да это же величайший момент в моей жизни"».³⁷⁵

В ходе осуществления намеченного плана наступления на Ленинград финские войска вышли к 1 сентября 1941 г. со стороны Карельского перешейка к старой государственной границе, проходившей по реке Сестре и, перейдя ее, после взятия Старого Белоострова стали продвигаться к Сестрорецку. Ожесточенные бои здесь продолжались до 9 сентября, пока Маннергейм не приостановил наступление. Но оно затем развернулось на перешейке между Ладожским и Онежским озерами, где финские войска стремились прорваться на соединение с немецкой группой армий «Север», войска которой уже приближались с юго-запада. К моменту захвата ими 8 сентября Шлиссельбурга финские части вышли к реке Свирь. 11 сентября финская газета «Ууси Суоми» писала: «Когда немецкие войска захватили восточнее Петербурга Мгу, а финские войска достигли Свири, судьба Петербурга была решена».

Действительно, положение Ленинграда, оказавшегося в блокаде, стало весьма критическим, но надежды противника, что он будет взят провалились. Продвижение финской армии, достигшей к 21 сентября рубежа Свирьстрой-Подпорожье-Вознесенье, было приостановлено советскими войсками. Но в последующем в финской историографии изложение этих событий стало представляться таким образом, что приказ маршала К. Г. Маннергейма приостановить наступление финских войска орпеделил дальнейшую судьбу Ленинграда. Он стал представляться «спасителем» его, отказавшись выполнять требование германского командования активизировать наступательные действия на ленинградском направлении.

В чем же реально заключались те факторы, которые обусловили поведение Маннергейма на данном этапе развития событий?

Таковы являлись, по крайней мере четыре фактора военно-политического характера: 1) на подступах к Ленинграду финская армия встретила возросшее сопротивление советских войска, заставивших ее остановиться, да к тому же в перспективе ей потребовалось бы прорывать Карельский укрепленный район; 2) возникли серьезные сомнения в возможности и способности немецких войска в дальнейшем взломать оборону города с юга; 3) в финских частях начало развиваться дезертирство и последовали отказы со стороны целого ряда солдат переходить рубеж старой государственной границы на Карельском перешейке, а так же форсировать реку Свирь для дальнейшего наступления в глубь советской территории; 4) усилилось настойчивое требование со стороны США и Англии прекратить агрессию против СССР, а Черчилль обратился лично к Маннергейму с такой просьбой.

Поведение Маннергейма, естественно, согласовывалось с высшим государственно-политическим руководством Финляндии на каждом этапе хода войны. Вместе с тем сам он ока-

зывал также существенное влияние на узкий круг лиц этого руководства и, прежде всего, на президента страны Ристо Рюти.

О замысле Гитлера уничтожить Ленинград президент Р. Рюти был уведомлен из Берлина 25 июня 1941 г. А на следующий день в выступлении по радио он объявил о вступлении Финляндии в войну против Советского Союза. Что же касалось упомянутого сообщения из Берлина, то финский посланник сообщал со слов Г. Геринга, с которым он встречался накануне, о намерении германского руководства передать Финляндии после ликвидации Ленинграда занимавшуюся им территорию. В телеграмме буквально было сказано так: «Мы можем взять что хотим, также Петербург», который как и Москву «лучше уничтожить».³⁷⁶

Такое уведомление из Берлина было фактически ответной реакцией германского руководства на сообщение, полученное им в конце мая 1941 г. по дипломатическому каналу из Хельсинки. Тогда в связи с подготовкой Финляндии к войне Р. Рюти обсудил в узком кругу 30 мая вопрос относительно определения будущей финляндской границы на востоке. Было решено информировать Берлин о том, что этот рубеж видется таким: «Нева - Ладожское озеро – Онежское озеро – Белое море».³⁷⁷ Вообще же конкретной разработкой такой проблемы занимался в финском генеральном штабе главный квартирмейстер генерал-майор А. Ф. Айро.

Ориентация финского руководства относительно того, что в перспективе граница должна проходить по Неве становилась для него к середине лета предметом весьма пристального внимания, поскольку финские войска прорывались на ближние подступы к Ленинграду. В июле доверенное лицо Г. Геринга подполковник Й. Вельтенс в беседе с Р. Рюти вновь подтвердил ему следующее: «Территория Петербурга будет присоединена к Финляндии в тех границах, в каких Финляндия захочет...».³⁷⁸

К тому же Гитлер в это именно время довольно определенно дал установку на совещании верховного командования германских вооруженных сил как следует поступить в отношении Ленинграда. В день проведения указанного совещания, 8 июля, генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем военном дневнике: «Есть твердое решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей...».³⁷⁹ Это же подтвердил и М. Борман с уточнением: «На область вокруг Ленинграда претендуют финны; фюрер хотел бы Ленинград сравнить с землей, а затем передать финнам».³⁸⁰

Р. Рюти теперь и думать не хотел о каких либо контактах с советским руководством в интересах прекращения кровопролития и достижения договоренности с СССР на новых условиях мира. Это особенно четко проявилось в начале августа, когда советское правительство, прибегнув к посредничеству США, решило предложить руководству Финляндии прекратить

военные действия и достигнуть мира. И. В. Сталин в письме к Ф. Рузвельту 4 августа сообщал: «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии. Советское правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор».³⁸¹

Реакция на это была отрицательной с финской стороны, когда американский посланник в Хельсинки Г. Ф. Шоенфельд встретился с президентом Р. Рюти и передал ему советское предложение. Сразу же от Рюти последовал ответ, что с Москвой не может быть переговоров. «Ожидаемое взятие Ленинграда, - заявил он, - прояснит положение Финляндии на фронте».³⁸² При этом им было добавлено, что такое должно произойти через несколько недель.

Мысль о том, что новая граница Финляндии должна проходить по Неве не покидала Рюти и в начале осени. В беседе с немецким посланником в Хельсинки В. Блюхером 11 сентября он подчеркивал, что территория Финляндии должна простираться до самой Невы, а произойдет это, если Ленинград прекратит свое существование как крупный город.³⁸³ Блюхер в свою очередь докладывал о взглядах финляндского президента в Берлин.

В условиях начавшейся блокады Ленинграда все требовательней проводилась линия Гитлера относительно необходимости уничтожения города. 21 сентября 1941 г. в директиве германского штаба ВМФ «О будущем города Петербурга» указывалось «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... Финляндия также заявила о своей независимости в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы... Сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии».³⁸⁴

Уместно здесь указать, что в Национальном архиве Финляндии в фонде Р. Рюти сохранился заслуживающий внимание документ, имеющий отношение к сказанному выше. Это было письмо от 26 сентября посланника Финляндии в Берлине, адресованное финскому министру иностранных дел Р. Виттингу. Показательно, что оно отправлялось доверительно лично Виттингу. Но оказалось в конечном счете у Рюти и имело пометки на полях в той части, где говорилось как следовало поступать с Ленинградом. Кивимяки писал о «важнейшей для Финляндии цели войны». В качестве безотлагательной ее задачи, указывал он, являлось «взятие Петербурга». При этом, подчеркивал посланник, надо настаивать, обращаясь к Германии, чтобы «Петербург был полностью и окончательно уничтожен». Такая позиция с финской стороны, считал Кивимяки, могла способствовать реализации немецким руководством намеченной им цели стереть город с лица земли.³⁸⁵

Хотя не известно как Рюти конкретно отреагировал на послание Кивимяки, но по той атмосфере, которую создавала финская печать в стране, можно судить о доминировавших вз-

глядах в правительственных кругах и в ряде политических партий. 28 октября 1941 г. весьма распространенная в стране газета «Илкка», представлявшая влиятельную партию Аграрный союз, писала: «Петербург и Москва будут уничтожены еще до взятия их. К подготовительным действиям уже приступили». В фронтовой газете «Похьян Поика» 21 октября на первой полосе крупным шрифтом были выделены следующие слова о необходимости ликвидации Ленинграда: «Его уничтожение будет означать решающий исторический поворот в жизни финского народа».³⁸⁶

Вообще в это время как писал председатель комиссии парламента Финляндии по иностранным делам профессор Вяйнэ Войонмаа, «на гипотезе падения Питера» основывалась политика «всей официальной Финляндии».³⁸⁷ Но дальнейший ход событий в битве за Ленинград показывал полную несостоятельность такой политики. Особенно это почувствовалось в декабре 1941 г., когда немецкие войска потерпели поражение под Тихвином и рухнули надежды на соединение с ними финской армии. Все это произошло в обстановке разгрома германских войск на подступах к Москве и у Ростова на Дону.

Отражением наступивших перемен явилось явное проявление пессимизма в настроении главнокомандующего финской армией. Это отмечал находившийся в его ставке в г. Миккели представитель германского командования генерал В. Эрфурт. Но наиболее четко сказал о своей позиции К. Г. Маннергейм в своем письме родственнику, известному финскому дипломату Г. А. Грипенбергу. В феврале 1942 г. в письме к нему маршал писал, что «отказывается от наступления на Петербург, поскольку ни один русский никогда не забудет, если мы сделаем это».³⁸⁸

В свою очередь проявились перемены и в позиции президента Р. Рюти. Уже в мае 1942 г. В.Войонмаа писал по этому поводу так: «Рюти рассказывал, что некоторые поговаривают об уничтожении всего Питера, но было бы печально, если бы нашим вкладом в историю стало эдакое ”уничтожение Карфагена”».³⁸⁹

Так выглядела эволюция во взглядах государственно-политического и военного руководства Финляндии на судьбу Ленинграда.

А как происходило в дальнейшем? Известный историк Финляндии профессор Туомо Полвинен назвал 1942 г. «годом выжидания».³⁹⁰

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Кротов П.А.

Российский флот как фактор противостояния шведской морской силе
на Балтике (1703–1721 гг.)

К рубежу XVII–XVIII столетий в регионе Балтийского моря сложилось такое «равновесие сил» европейских государств, при котором решающее значение для хода и исхода военно-политических конфликтов фактически приобрел морской фактор. На грани веков Швеция, казалось, как никогда близко подошла к завоеванию *dominium maris Baltici*, превращению Балтийского моря едва не в закрытое, *mare claustrum*, некое шведское внутреннее море: основная часть побережий принадлежала этой формирующейся «Скандинавской империи» (термин встречался в публицистике начала XVIII в.).

Тем не менее с географической точки зрения сложившаяся путем захватов «заморских» (по отношению к населенным собственно шведами землям Скандинавского полуострова) территорий «Шведская империя» была до крайности уязвима. Связь с «колониями» на побережьях Балтики была возможна у метрополии только по морю. В случае же военного столкновения с более сильными морскими державами эти заморские территории Швеции могли быть полностью отрезаны от сообщения с метрополией: входу военно-морских флотов через проливы Зунд и Большой и Малый Бельт в воды Балтийского моря можно было воспрепятствовать только противодействием более мощного флота. Это диктовало Швеции необходимость содержания сильного флота, без которого ее заморские земли, в сущности, не могли быть удержаны даже при наличии хорошо подготовленной сухопутной армии. Грядущий с исторической неизбежностью крах шведской «колониальной балтийской империи» предопределялся, с одной стороны, неуклонным подъемом соседствующих с ее заморскими владениями России и Пруссии, с другой стороны, возможным решающим воздействием на события в регионе Балтики военно-морской силы – флотов первенствующих морских держав рубежа XVII–XVIII столетий: Британии, Нидерландов и Франции; содержать же флот, приближавшийся по численности к имевшимся у названных государств, Шведскому королевству было не по силам. Отсюда в значительной мере проистекала зависимость внешней политики Швеции от позиции вышеуказанных морских держав в XVII–XVIII вв.

Недостаточную подкрепленность экономическими, людскими ресурсами и военной силой шведских экспансионистских планов захвата полного господства на Балтийском море и проведения великодержавного внешнеполитического курса показало крушение «Шведской империи» в ходе Северной войны 1700–1721 гг. С точки зрения экономического развития и численности населения Швеция была слаба. Она никогда не была по-настоящему единой. Население собственно шведских земель – ядра «империи» – составляло лишь около 1,5 млн. жителей. Если не учитывать значения Швеции как крупнейшего в Европе производителя и поставщика на внешние рынки железа и также заметного экспортера меди, страна имела весьма ограниченные материальные ресурсы³⁹¹. Доходная часть шведского бюджета 1699 г. лишь на 54,7% представляла собой поступления с территории собственно Швеции. Восточноприбалтийские завоевания давали 21,1% доходов: Лифляндия 14,2%, Эстляндия с островом Эзель 4% и Ингерманландия 2,9%. Заморские немецкие земли доставляли в государственную казну 15,5% поступлений: герцогства Бремен и Верден 8,8%, Померания 6,5% и Висмар 0,2%. Один из давних захватов шведских монархов на Балтике, Финляндия, добавляла казне еще 8,7% ежегодных доходов³⁹². Контролировать положение в регионе Балтийского моря в течение второй половины XVII в. великим морским державам Европы облегчала приблизительная равноценность военно-морских сил давних соперниц в борьбе за преобладание на Балтике – Дании и Швеции. Если сосредоточенный при Копенгагене корабельный флот Дании насчитывал в 1699 г. 65 боевых единиц различного назначения с общим внушительным вооружением из 2553 орудий и 15 857 чел. экипажей³⁹³, то шведский в 1700 г., году начала Великой Северной войны, имел в своем составе 52 боевых корабля (среди них 39 линейных) с суммарным вооружением в 2910 пушек и 16 374 матроса и солдата в качестве экипажей³⁹⁴. Именно с помощью подошедшей к Копенгагену летом 1700 г. соединенной англо-голландской эскадры шведский флот сумел подвергнуть бомбардировке и датский флот, нашедший убежище в укрепленной военной гавани Копенгагена, и собственно датскую столицу, к укреплениям которой подошли шведские войска во главе с королем Карлом XII. Успешное десантирование шведов 25 июля 1700 г. на остров Зеландия поблизости от столичного города Дании стало возможно также в итоге поддержки со стороны англо-голландских морских сил. 8 (18) августа 1700 г. датский король Фредерик IV вынужден был подписать Травентальский мирный договор – Дания вышла из едва разгоревшейся Великой Северной войны³⁹⁵.

Англия и Нидерланды, великие морские державы Европы, зримо показали в 1700 г., в чьих руках находится «гиря» для поддержания «равновесия сил» в балтийском регионе, значение которого в течение XVII в. в европейском товарообмене неуклонно увеличивалось, по-

скольку возрастала значимость таких стратегических для крепнущей западноевропейской промышленности, кораблестроения, потребностей мореходства и растущего населения балтийских товаров, как пенька, лен, мачтовый и дубовый корабельный лес, смола, деготь, поташ, хлеб, кожи, сало, шведское железо; увеличивалась и емкость рынка стран региона Балтийского моря для продукции Британии, Франции, Нидерландов, колониальных товаров³⁹⁶.

На протяжении Великой Северной войны 1700–1721 гг. действовавший во второй половине XVII в. механизм поддержания «равновесия сил» на Балтике между Данией и Швецией путем внешних воздействий со стороны великих европейских держав (Британии, Нидерландов, Франции) подвергся самому существенному изменению по причине выдвижения на место первенствующей среди балтийских государств военно-морской державы – России.

Отвоевание русскими войсками 11 октября 1702 г. Орешка (швед. Нотебург, город-орех) обозначило самую ближайшую перспективу появления на Балтике нового фактора – морской силы быстро подымавшейся в итоге государственной реформы Петра I России. Именно такое, вполне очевидное развитие событий члены Королевского совета Швеции обрисовывали в письме Карлу XII 20 ноября (ст. ст.) 1702 г., указывая, что теперь русские «могут, спаси, Боже, овладеть Ниеншанцем (крепость в устье Невы. – *П.К.*) и там или в другом месте устроить себе морской порт на Балтике, чтобы беспокоить и вредить мореплаванию подданных его королевского величества...»³⁹⁷.

1703 год ознаменовался выходом русских войск к берегам Балтики, основанием Санкт-Петербурга – морской крепости, первоначальной базы нарождавшегося Балтийского флота, будущего крупнейшего морского порта России и столицы государства. Согласно воплощавшейся с марта 1703 г. первой кораблестроительной программе, строились 12 фрегатов, 10 шняв – двухмачтовых небольших боевых кораблей, 10 галер и вспомогательные суда³⁹⁸. Непосредственное ознакомление царя с особенностями будущего театра военных действий на море подтолкнуло к развернутому строительству начиная с осени 1703 г. многочисленных относительно небольших боевых гребно-парусных судов – скампавей и бригантин³⁹⁹. По первой кораблестроительной программе российский флот на Балтике строился с 1703 по 1707 г. Он выполнил стоявшую перед ним задачу – защита подступов к Петербургу со стороны моря и содействие сухопутным войскам на водных рубежах Невы. В июле 1704 г. у острова Котлин была остановлена и не смогла прорваться к Петербургу шведская эскадра под флагом вице-адмирала Я. де Пру. Масштабные действия шведского флота под командованием адмирала К.Т. Анкершерны (7 линейных кораблей, 5 фрегатов, 10 меньших судов)⁴⁰⁰ 4–21 июня и 14 июля 1705 г. против Балтийского флота, укреплений острова Котлин и морской крепости

Кроншлот завершились сокрушительным поражением шведов. Как итог Королевский совет в послании Карлу XII 30 января (ст. ст.) 1706 г. высказался в том духе, что по причине невозможности выделить соответствующие всей сложности решения задачи разгрома русского флота и захвата острова Котлин морские силы в предстоящую кампанию будет «достаточно запереть неприятельский флот и прикрыть морские побережья» путем отправления в близлежащие к Котлину воды эскадры без наступательных задач⁴⁰¹. С 1706 г. и до завершения войны шведский флот выполнял против российского флота только оборонительные функции.

Предвидя, что завершать Северную войну будет необходимо (по наиболее вероятной версии) интенсивными наступательными действиями морских сил против Швеции на Балтике, Петр I в ноябре 1707 г. (еще до победы в генеральной баталии под Полтавой!) начинает воплощать в жизнь вторую программу строительства флота, намечавшую создать на Балтике большой корабельный флот из 27 линейных кораблей (3 80-пушечного ранга, 12 70-пушечного и 12 50-пушечного), 6 фрегатов и 6 шняв, который был бы способен вступить в борьбу за преобладание на водах Балтийского моря со шведским⁴⁰².

Наступательный потенциал шведских сухопутных сил был исчерпан с поражением вторгнувшегося 30 августа 1708 г. в пределы Ингерманландии со стороны Выборга корпуса генерал-майора Г.И. Любеккера (провал попытки уничтожить Петербург), разгромом 28 сентября 1708 г. у деревни Лесной в восточной Белоруссии 16-тысячного корпуса генерала А.Л. Левенгаупта, двигавшегося от Риги на соединение с армией Карла XII, и гибелью и пленением главной части шведской армии 27 июня 1709 г. близ Полтавы и 30 июня у Переволочны на Днепре. Крах наступательных усилий в 1708–1709 гг. сломил мощь Шведского государства на суше: вплоть до завершения Северной войны шведы были способны вести против россиян военные действия лишь оборонительной направленности и постепенно сдавали один рубеж за другим.

После триумфа русского оружия при Полтаве исход русско-шведского противоборства в первую очередь зависел от того, какой державе удастся добиться преобладания ее флота на Балтике. Швеция, по сути, имела возможность вести активную оборону только до тех пор, пока ее военно-морской флот занимал господствующее положение; медлить же с подписанием мирных договоров на условиях Северных союзников Швеция могла также только до тех пор, пока противоборствующие с ней державы, получив решительное преобладание на Балтийском море, не развернули бы масштабных десантных операций на ее собственной территории, лежащей к северу и западу от балтийских вод. Понимание российской стороной обрисованной геополитической реальности региона Балтики привело к тому, что главные

усилия России во второй половине Северной войны сосредоточиваются на наращивании военно-морской мощи, создании как линейного корабельного флота, способного обеспечить себе господствующее положение в открытом море, так и галерного (гребно-парусного) флота, которому не было бы равных на Балтике и который был бы в состоянии осуществить транспортировку вдоль побережий и в шхеры собственно Швеции столь больших контингентов сухопутных войск, которые могли бы после десантирования и захватить шведские военно-морские базы, и разгромить еще остававшиеся у Швеции войска.

Менее чем через месяц после Полтавской победы, 18 июля 1709 г., Петр I написал генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину: «...великие знаки происходят к будущей компании нашей на море (которое изволь до времени тихо иметь). Того ради надлежит не точию теми четырьмя караблями поспешить, которые зачаты, но и пятой, на которой готов лес в Питербурх[е], тщание приложить, дабы к будущей весне мог готов быть»⁴⁰³. Речь шла о вводе в строй первых 5 линейных кораблей Балтийского флота, из которых 4 начали строить в 1708 г., а пятый предлагалось заложить в Петербурге в ближайшее время. Именно создание сильного линейного флота (намеченное программой ноября 1707 г.) позволяло перейти российскому флоту на Балтике от выполнения вспомогательной роли (пассивная защита морских подступов к Петербургу) к роли решающего военного фактора.

Заметной вехой на пути становления России в качестве балтийской морской державы стал 1710 год. Закономерным следствием Полтавской победы явилось получение страной широкого выхода к Балтийскому морю в 1710 г.: 13 июня русским войскам сдался Выборг (шхерные проходы к которому с моря были заперты галерным флотом и артиллерийскими батареями), 4 июля – Рига, 14 августа – Пернов (ныне Пярну), 29 сентября – Ревель (ныне Таллин). Российский флот, таким образом, получил новые места базирования. На Балтике также впервые появились русские линейные корабли: 3 сентября 1710 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин поднял свой флаг на 50-пушечной «Риге», а царь в качестве шаутбенахта (контр-адмирала) – на 50-пушечном же «Выборге», вошедших в состав стоявшего у Котлина флота⁴⁰⁴.

Находившиеся у кормила государственной власти в Стокгольме члены Королевского совета вполне разглядели в 1710 г. угрозу шведскому господству на Балтике – растущий русский военно-морской флот. Они ясно осознали вероятность пагубной для Швеции в случае продолжения войны перспективы: в письме Карлу XII от 12 июня (ст. ст.) 1710 г. сенаторы выражали опасение, что датский флот может «соединиться с русским флотом и затем с его помощью перевезти и высадить на земли его королевского величества войска и напасть на

сам столичный город Стокгольм... также совершенно запереть и погубить флот его королевского величества в Карлскруне...»⁴⁰⁵.

Тем не менее в кампании 1710–1712 гг. корабельный флот России продолжал стоять вблизи Котлина – его пассивность предопределялась слабостью. В 1712 г., к примеру, в море находились только 3 линейных корабля, 2 фрегата, 2 шнявы и бомбардирский корабль (всего 1561 чел.)⁴⁰⁶ – многие построенные в первые годы существования Балтийского флота боевые корабли пришли в ветхость, часть из них была разобрана.

По причине малочисленности русских морских сил на Балтике неудачей завершился и предпринятый в августе – сентябре 1712 г. поход 18-тысячного корпуса под командованием Ф.М. Апраксина из Выборга в Финляндию. Петр I ставил перед генерал-адмиралом задачу дойти до Або (финск. Турку) или, если это окажется невозможным, до Гельсингфорса (финск. Хельсинки) и разместить войска в южной Финляндии на зимовку («...ежели до Або-ва дойдем, то шведы принуждены будут сами миру искать, ибо в[с]я их жизнь из Финляндии есть»). Более чем 7,5-тысячный отряд шведского генерала Г.И. Любеккера отступил, заняв удобную для обороны позицию у единственной переправы через реку Ярвикоски. Присоединившийся 25 августа 1712 г. к войскам Ф.М. Апраксина отряд из 12 скампов и 11 бригантин был слишком мал, для того чтобы обеспечить переброску войск в тыл противнику морем. В итоге генерал-адмирал был вынужден 14 сентября 1712 г., не решив поставленных задач, возвратиться со своим корпусом к Выборгу⁴⁰⁷. Провал сухопутного похода Ф.М. Апраксина с целью занятия юга Финляндии в августе – сентябре 1712 г., сама логика военных действий подталкивали Петра I к коренному изменению с ближайшего же 1713 г. характера войны со Швецией. Дальнейшие успехи русского оружия на северо-западном балтийском театре были невозможны без создания качественно более сильного корабельного флота, способного вести борьбу со шведским на открытых просторах Балтийского моря; требовались также рост и изменение состава галерного флота, чтобы он лучше отвечал задачам быстрой переброски шхерными районами больших контингентов войск на дальние расстояния и удобства их высадки на побережье. Сложившаяся обстановка повелительно требовала превращения русского флота на Балтике в главный фактор, основное орудие завершения войны с еще способными на активную оборону с опорой на военно-морские силы остатками «балтийской империи» Карла XII – только такой путь открывал перспективу победоносного окончания войны.

Если в кампаниях 1703–1712 гг. русский Балтийский флот выполнял в военном противостоянии со Швецией вспомогательную роль, то в 1713–1721 гг. он уже являлся главным фактором достижения победы. Усиленное сооружение на отечественных верфях и приобрете-

ние за границей линейных кораблей позволили значительно увеличить численность корабельного флота России, и в 1713 г. он впервые за годы Северной войны совершил успешный поход в Ревель, шведский флот был вытеснен из Финского залива, одна из его укрепленных баз – Гельсингфорс – была занята русскими войсками и галерным флотом. Изменение соотношения сил русского и шведского флотов на северо-западном театре военных действий привели к тому, что, несмотря на то что Карл XII в послании Королевскому совету из Демотики в Турции от 21 марта 1713 г. подтвердил свои многократные прежние распоряжения о пресечении силами флота какой бы то ни было морской торговли с российскими портами на Балтике⁴⁰⁸, выполнить поставленную монархом задачу в том году флоту Швеции оказалось не под силу – шведская военно-морская блокада Петербурга, осуществлявшаяся с 1703 г., рухнула именно в 1713 г.

Переломной вехой в ходе Северной войны стал 1714 г. Впервые с ее начала русская сторона попыталась достичь в кампанию этого года своей стратегической цели – заключения выгодного стране мирного договора со Швецией – действиями прежде всего военно-морских сил – корабельного и галерного флотов при намечавшемся содействии корабельной эскадры союзной Дании. Петр I писал 1 января 1714 г. дипломатам П.И. Ягужинскому и Б.И. Куракину в Данию и Голландию: «...ныне вся шведская сила во обороне флоту их состоит...»⁴⁰⁹ По согласованному 23 февраля 1714 г. с датским королем Фредериком IV договору союзники намеревались, соединив свои корабельные флоты, высадить в южной Швеции десант из 24 000 датских и 15 000 русских войск и «аттаковать порт Карлискронской и разорить флот шведской», после чего порт Карлскруну, главную базу шведского флота, следовало «разорить... так, чтоб никогда не мог быть приведен в состояние...»⁴¹⁰.

Однако датский король не прислал эскадру на соединение с российским корабельным флотом к Ревелю. Петр I уклонился по этой причине от генерального сражения со шведским флотом, сосредоточенным у полуострова Гангут (финск. Ханко) – юго-восточного выступа Финляндии в море: при равенстве сил флотов существовал риск неудачи, который мог сорвать плоды нескольких лет усилий по созданию Россией значительного линейного флота. Разобщенность действий флотов Северного союза имела следствием, что россияне достигли в кампанию 1714 г. пусть и блестящих и важных успехов (прорыв галерного флота мимо Гангута в шхеры Аландских островов, занятие их и северной Финляндии русскими войсками, пленение эскадры шаутбенахта Н. Эреншельда (9 судов, 110–112 орудий, 941 чел.), набег галер на город Умео в сентябре 1714 г. – первый факт действий россиян на собственно шведской стороне Балтийского моря), но остававшийся у Швеции флот сохранял для нее возмож-

ность активной обороны, продолжения войны на истощение сил, затягивания ее в надежде на последующее возможное изменение военно-политической ситуации.

Сложившееся в 1714 г. на Балтике положение повторилось в следующем 1715 г. в еще более четко выраженном виде. Несмотря на то что антишведские силы имели теперь явное преобладание на Балтийском море, шведы предпринимали своим флотом активные действия, умело используя то обстоятельство, что северные союзники, располагавшие военно-морскими базами в удаленных друг от друга частях Балтики, что объективно затрудняло проведение операций общими силами, снова не договорились об объединении их флотов. Показательно, что в главном боевом столкновении кампании 1715 г. – сражении 28 июня у острова Рюген боролись приблизительно равные шведские и датские морские силы: в линии баталии датского флота находился 21 корабль (1352 пушки) против 20 кораблей шведов (1310 пуш.; по другому списку – 1294 пуш.)⁴¹¹. В то же время в июне на рейде Ревеля было сосредоточено 20 русских линейных кораблей (1128 пуш.)⁴¹², которые не предприняли действенных операций против шведского корабельного флота, поскольку еще несколько уступали ему в огневой мощи.

Разрозненные действия морских сил северных союзников в 1714 и 1715 гг., несмотря на ряд частных успехов, не сломили мощи шведского флота на Балтике. Несоответствие достигнутых союзными флотами в 1714–1715 гг. результатов имевшемуся у них общему военно-морскому потенциалу, полагаем, стало для Петра I и Фредерика IV одной из побудительных причин к объединению их флотов у берегов Дании в 1716 г. Его целью было прикрытие планировавшейся (но так и не состоявшейся) совместной высадки датских и русских войск в южную шведскую провинцию Сконе для того, чтобы попытаться разгромить там шведские войска и уничтожить флот, стоявший в Карлскруне. В случае успеха это привело бы к быстрому окончанию войны на условиях союзников.

Соединение датской, русской и посланных на Балтику английской и голландской эскадр в кампанию 1716 г. у Копенгагена привело к тому, что шведский линейный флот, вооруженный в количестве 23 кораблей (1436 пуш.), по сути, даже не смог покинуть гавани Карлсруны – настолько было велико превосходство его противников⁴¹³. Осмотревший этот лежавший в карлсрунской гавани флот путешественник отметил, что он «в плохом состоянии» и существенно малочисленнее, чем в начале войны⁴¹⁴; из 10 кораблей шведской эскадры в Гетеборге с вооружением от 30 до 50 пушек каждый только 2 были способны выйти в море⁴¹⁵; не хватало опытных моряков и денег на поддержание и восстановление кораблей⁴¹⁶. Численность кораблей русского флота в начале кампании 1716 г. на Балтийском и Северном морях

составляла 24 линейных корабля (1288 пуш.) и 7 фрегатов (258 пуш.)⁴¹⁷. По состоянию на 13 августа 1716 г. у датского острова Борнхольм под командованием Петра I крейсировал соединенный флот из 17 линейных кораблей (990 пуш.; 5190 чел.) англичан, 17 датчан (1136 пуш.; 8610 чел.), 15 русских (от 64 до 46 пуш.; всего 786 пуш.; 5590 чел.), значительного количества фрегатов и вспомогательных судов⁴¹⁸. Часть кораблей соединенного флота, в том числе голландская эскадра (4 линейных корабля – 220 пуш.; 2 фрегата), к тому времени уже проследовала далее на восток в конвое торговых судов⁴¹⁹. Предполагавшийся русско-датский десант в южную Швецию для занятия Карлскруны, захвата шведского флота и решительного разгрома неприятеля в 1716 г. по ряду обстоятельств не состоялся.

Для кампании 1717 г. российское адмиралтейство наметило вооружить флот (сведения на 12 марта 1717 г.) из 23 линейных кораблей (1244 пуш.) и 5 фрегатов (168 пуш.)⁴²⁰. Но, по нашему мнению, ввиду начавшихся ранней весной 1717 г. русско-шведских дипломатических контактов⁴²¹, в море к Ревелю в июне были выведены только 15 линейных кораблей (854 пуш.)⁴²², которые в июле предприняли эффектные, подчеркивавшие завоеванное русским флотом господство на Балтике, но по своему характеру, скорее, демонстративные действия у острова Готланд в середине Балтийского моря, включавшие высадку десанта⁴²³. Из многочисленного же гребно-парусного флота России для боевых действий (так и не начатых) было подготовлено только 36 галер⁴²⁴. Шведский флот не проявлял никакой активности⁴²⁵. По поименной росписи кораблей флота Швеции из бумаг Петра I в гавани Карлскруны в 1717 г. были приготовлены к выходу в море 24 линейных корабля (1634 пуш.; 8296 чел.)⁴²⁶.

Кампания следующего 1718 г., с нашей точки зрения, впервые показала, что российский корабельный флот занял место сильнейшего среди балтийских держав, превзойдя по мощи как датский, так и шведский. В море тогда вышли 25 русских линейных кораблей с 1436 орудиями и 9198 чел. команд⁴²⁷. Шведский флот был снаряжен в Карлскруне в количестве 15 линейных кораблей, причем действовали они в море только в апреле и исключительно у острова Борнхольм⁴²⁸.

В 1719 г. господствующее положение российского флота на Балтике сохранялось; в июне к Ревелю был выведен линейный флот из 21 корабля (1232 пуш.; 8252 чел.)⁴²⁹. По списку шведского флота он в январе 1719 г. насчитывал в Карлскруне 20 линейных кораблей, в Стокгольме еще 4 (всего 1484 пуш.), 14 фрегатов, 12 галер, прамы, бригантины, шхерботы⁴³⁰. Но, по собственноручно записанным Петром I показаниям иностранцев, наблюдавших флот в Карлскруне и Стокгольме зимой 1718 – весной 1719 гг., он в целом находился «в несостоянии», причем особенно плачевно было положение сильно сократившегося личного состава

ва: «Матросы зело плохи и от голоду так худы, как мертвые... ходят босиком...», полгода не получали денежного и хлебного содержания и «ходят, питаясь по миру». Отмечалась нехватка денег на оснащение кораблей и обмундирование для матросов. Один из свидетелей, француз, говорил: «Матрозов конечно трех тысяч собрать не могут, понеже король (Карл XII; убит 30 ноября 1718 г. – *П.К.*) большую часть в Норвегию взял и там потерял». Факт гибели многих моряков шведского флота в 1718 г. в сухопутном походе Карла XII, который склонность более «имел к войску, нежели ко флоту», в южные области Норвегии подтверждал и другой информатор – только что выехавший из Швеции голландец. Он свидетельствовал, что как при жизни Карла XII в 1718 г., так и после его смерти в Швеции из новобранцев-рекрутов «лутчих... берут в салдаты, а худых в матрозы»⁴³¹.

Сложившееся в конце Северной войны превосходство российского флота над шведским выразилось в реальных военных действиях первого из них в июле – августе 1719 г.: под прикрытием корабельного флота с русских галер высаживались десанты в самом сердце Швеции – вблизи Стокгольма, были заняты 8 городов и разрушен 21 завод, что серьезно подорвало экономику противоборствующей стороны⁴³². Российский посол в Дании В.Л. Долгоруков писал 25 августа 1719 г.: «Ежели нынешние росиских войск действы не принудят шведов к миру, поистинне мощно будет причесть в чудо, разве оне в надежде на обещанную аглинскую помощь толикое раззорение похотят снести...»⁴³³

Безусловное преобладание российского флота над шведским в кампанию 1719 г. выявило полную невозможность для Швеции продолжать в одиночестве войну с Россией и Данией. Петр I еще 28 июня 1719 г. так оценил тогдашнее положение Швеции: «...сие едино препонуо было – флот их, но когда сие так вне состояния, то, кажется, труда жаднаго (никакого. – *П.К.*) нет с помощью Божию искать притеснить неприятеля к миру...»⁴³⁴

Военно-политическое положение в балтийском регионе, однако, резко изменилось в конце августа – сентябре 1719 г. 18 августа Швеция заключила предварительный мирный договор с Англией, предусматривавший помощь со стороны последней против России флотом. Тремя днями ранее в Балтийское море вошла английская эскадра во главе с адмиралом Д. Норрисом из 16 линейных кораблей (990 пуш.). 29 августа в море появилась карлскрунская эскадра под флагом верховного адмирала К. Спарре. Соединившись 5 сентября у северной части острова Эланд с 10 линейными кораблями (648 пуш.) и меньшими судами эскадры К. Спарре, объединенный англо-шведский флот прибыл на следующий день к Стокгольму⁴³⁵. Там английская эскадра простояла до 27 октября, после чего отправилась в обратный путь⁴³⁶.

Ход кампании 1720 г. предопределило раннее появление на Балтике английской эскадры Д. Норриса. 12 мая она уже прибыла к Стокгольму⁴³⁷. Д. Норрис располагал 20 линейными кораблями (1260 пуш.; 7845 чел.), не считая меньших судов⁴³⁸. Шведы в общей сложности смогли в том году вывести в море 11 линейных кораблей (678 пуш.; 4375 чел.), 8 фрегатов, 5 бригантин, 11 галер и мелкие суда⁴³⁹. 26 мая было принято решение объединенному англо-шведскому флоту идти к российскому побережью у Ревеля⁴⁴⁰, куда он и прибыл 30 мая. Но уже 2 июня, получив сведения о нападении русских галер на город Умео на северном побережье Ботнического залива, эти морские силы двинулись обратно и в дальнейшем находились между Аландскими островами и Стокгольмом⁴⁴¹.

Избегая неоправданного с военно-политической точки зрения столкновения с англо-шведской эскадрой, российский корабельный флот находился вблизи собственных сильно укрепленных гаваней Котлина и Ревеля. На 5 августа 1720 г. там насчитывалось 25 вооруженных линейных кораблей (1574 пуш.) и 4 фрегата⁴⁴². Присутствие английского флота не смогло помешать успехам российских галер: во второй половине мая 1720 г. отряд из 35 галер занял на время город Умео⁴⁴³, а 27 июля галерный флот генерала М.М. Голицына в упорном сражении в Аландском архипелаге у острова Гренгам пленил 4 шведских фрегата (104 пуш.)⁴⁴⁴. Кампания 1720 г. вновь подтвердила слабое состояние шведского флота.

Продумывая план кампании 1721 г., Петр I в росписи, составленной между 5 октября 1720 г. и 3 февраля 1721 г., сопоставил данные о корабельном составе шведского и русского флотов⁴⁴⁵: перечислены 23 линейных корабля шведов (1508 пуш.) и 28 российских (1896 пуш.)⁴⁴⁶, включая 3 достраивавшихся корабля, действительно принявших участие в приближавшейся кампании. Российский флот, таким образом, имел несомненное превосходство над шведским, даже если бы последний удалось вывести в море полностью. Ввиду этого на 1721 г. Петром I было замышлено вооружение всего боеспособного линейного флота и проведение его силами совместно с галерным флотом «генеральных действий» на территории Швеции, которые бы принудили ее принять русские условия мира. Этот план был, однако, сорван тем, что уже 2 мая 1721 г. сильная английская эскадра из 22 линейных кораблей (1396 пуш.; 8636 чел.), фрегата и вспомогательных судов соединилась у Карлскруны со шведской эскадрой, после чего они проследовали к шхерному району у Стокгольма, где и находились, прикрывая его от возможных действий русских галер, вплоть до получения известия о заключении Ништадтского мира⁴⁴⁷.

В то время как Швеция оказалась в состоянии отправить в море в завершающую кампанию Северной войны только 11 линейных кораблей (752 пуш.)⁴⁴⁸, Россия вывела в море 30

линейных кораблей (1970 пуш.) – все боеспособные линейные корабли из 35 имевшихся в наличии к началу кампании⁴⁴⁹. Уже ранней весной 1721 г. (12 марта) в Або и Гельсингфорсе находился русский гребной флот из 112 галер и более мелких судов с предназначавшимися для размещения на них 20 426 чел. российских войск⁴⁵⁰. 17 мая – 13 июня 1721 г. 5-тысячный отряд генерал-лейтенанта П.П. Ласси прошел на гребных судах вдоль шведского побережья от Евле до Питео, нанеся удар по промышленной базе Швеции (разрушены 12 железоделательных, 1 оружейный заводы и др.)⁴⁵¹.

Итак, на заключительном этапе Северной войны, в 1718–1721 гг., российский линейный флот значительно превосходил шведский по численности кораблей, личного состава, артиллерийскому вооружению. Отсутствие у Швеции сильного, сопоставимого с русским гребно-парусного флота привело к тому, что даже помощь шведам корабельным флотом со стороны Англии не смогла обезопасить ее от походов российских галер.

Таким образом, появление в 1703 г. на Балтийском море флота России стало новым фактором в военно-политическом «балансе сил» балтийского региона. Если целью первой русской кораблестроительной программы 1703 г. было создание небольшого флота, способного защитить морские подступы к Петербургу, то осуществление с конца 1707 г. новой программы, предусматривавшей создание мощного линейного флота, сломало существовавшую расстановку сил на Балтике. С 1714 г. совокупные военно-морские силы Дании и России все более ощутимо превосходили шведские. С этого времени Швеция могла решать стоявшие перед ней военные задачи силами своего флота, играя в первую очередь на разобщенности и слабой согласованности морских операций северных союзников на Балтике. Заключительный этап Северной войны характеризуется выдвижением России в положение страны, обладавшей наиболее мощными военно-морскими силами на Балтийском море. Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией от 30 августа 1721 г. отразил сложившиеся в регионе Балтики новые реалии: в последние годы Великой Северной войны, по фиксирующим очевидное словам историка Р. Лоджа, «верховенство на Балтике перешло от Швеции к России и Россия вступила в число великих держав Европы»⁴⁵².

Пищевые рационы нижних чинов русского и флотов западноевропейских стран в Северную войну (1700-1721 гг.)

Тяжелые специфические условия морской службы, постоянные психо-эмоциональные и физические нагрузки команд новопостроенных судов „морского каравана”⁴⁵³ вызвали необходимость, по аналогии с пищевыми рационами флотов западноевропейских стран, перед выходом во второй Азовский поход, введения с 23 апреля 1696 г. принципиально иного, чем имевшегося в сухопутных войсках, продовольственного пайка, компенсирующего энергозатраты плавающего состава⁴⁵⁴. Первая в русском военном флоте порция морской провизии состояла из фунта сухарей, двух чарок вина и сбитня, из чарки уксуса, которые, как и ветчина (14 фунтов в месяц), масло коровье (4 фунта в месяц), и рыба ($\frac{1}{2}$ осетра в месяц) в постные дни, отпускались ежедневно нижнему чину натурой на руки. Крупы, толокно, соль закладывались в котёл камбуза военного судна⁴⁵⁵.

Время действия первой нормы морского пайка оказалось скоротечным, фактически она использовалась лишь в кампанию 1696 г., как и последующие пищевые рационы, вводившиеся в русском военном флоте вплоть до принятия Устава Морского в 1720 г., изменялись практически ежегодно⁴⁵⁶.

Окончательно регламентацию нормирования провиантского обеспечения офицеров и нижних чинов русского военно-морского флота завершил Устав Морской, введённый в действие указом Петра I от 13 января 1720 г.

Матросская порция 1720 г. включала 45 фунтов (18,4 кг) сухарей, 10 фунтов (4,09 кг) гороха, 15 фунтов (6,14 кг) крупы, в том числе 5 фунтов гречневой и 10 фунтов овсяной, по 5 фунтов свинины и говядины (всего 4,09 кг солонины), 4 фунта (1,64 кг) сушёной рыбы, 6 фунтов (2,45 кг) коровьего масла, 7 ведер (86,1 л) пива, 16 чарок (1,97 л) хлебного вина, $\frac{1}{2}$ кружки (0,61 л) уксуса, $1\frac{1}{2}$ фунта (0,61 кг) соли. Вышеуказанное количество продуктов отпускалось на 28 дней („морской провиантский месяц”)⁴⁵⁷.

При написании главы Устава Морского «О роздаче провианта на кораблях» Петром I и комиссией (Т. Гордон, М. Госслер, К. Н. Зотов, З. Д. Мишуков, Ф. М. Апраксин, Х. Г. Отто, П. Сиверс⁴⁵⁸) была творчески проанализирована двадцатилетняя деятельность Адмиралтейства по нормированию экипажей морской провизией, глубоко использованы и переработаны

ранее изданные законоположения по провиантскому обеспечению русского военно-морского флота⁴⁵⁹.

Кроме того, с целью использования зарубежного опыта, приемлемого для российских специфических условий, Пётр I приказал переводить морские Регламенты флотов Англии, Франции, Голландии, Дании и Швеции, дабы иметь возможность выбора для национального флота лучших и надёжных артикулов („... выбрать из них те части, которые могли бы быть полезны ...”⁴⁶⁰).

Собранные военно-морские законодательства флотов ведущих западноевропейских стран послужили основой для написания Устава Морского 1720 г. Но, в какой мере, в нём использованы артикулы, определяющие провиантское обеспечение личного состава русского флота?

Исследования, проведённые Н. А. Воскресенским⁴⁶¹ и А. Х. Хуссенотом,⁴⁶² показали, что комиссия, вместо английских законов, за отправную точку в написании русского Морского устава взяла французский.

Анализ статей источников показал, что хотя французский (1689) и русский (1720) военно-морские уставы имеют в книге 10 и в книге 4 главу 3, соответственно, с одинаковым названием „О раздаче провианта на кораблях”, но на этом их сходство заканчивается.

Из всех артикулов, содержащихся в книгах: 9 - „О окладах, о столе, о слугах офицерских и жалованье корабельных служителей” и книга 10 - „О провианте” „Ordonnance sur la Marine”, определённое сходство имеет третий, в котором, как и в Уставе Морском 1720 г. излагается, что для приёма пищи нижние чины расписываются по чашам (бакам), численностью по 7 человек⁴⁶³.

Можно также достоверно утверждать, что практически полностью исключается заимствование ассортимента продуктов, входивших во французский пищевой рацион (сухари из пшеничной муки, рис, оливковое масло, виноградное вино), как неприемлемые для русских моряков по экономическим, технологическим причинам, климатическим и бытовым условиям.

Экономические возможности страны также бы не позволили ввести в действие на русском военно-морском флоте продовольственный паёк, который, по структуре и количеству продуктов, соответствовал норме пищевого довольствия нижнего чина ВМФ Англии. В этом случае, россиянам для нижних чинов потребовалось бы увеличить порцию мяса в три раза, масло коровьего, с учётом сыра, - в два, гороха - в полтора, пива - около двух раз⁴⁶⁴.

В целом Петру I и Комиссии были хорошо известны пищевые рационы рядового состава военно-морских флотов западноевропейских стран, Османской империи и Венеции⁴⁶⁵.

Источниковедческие наблюдения показали, что какое-либо заимствование из турецкого пищевого рациона в русский исключалось полностью, и в первую очередь, по религиозным соображениям. В Османской империи на протяжении почти трёх веков её развития в питании населения сложились свои этические и культурные традиции и ценности, основанные на догмах священного для мусульман писания - Корана, которые, естественно, были присущи и морякам.

Постоянно на протяжении почти двух десятилетий русскими дипломатами отслеживалось состояние провиантского обеспечения экипажей кораблей военно-морского флота Швеции, которое на различных этапах Северной войны имело существенные особенности.

В первоначальный период (1700-1709 гг.) плавсостав практически не испытывал трудностей, связанных с котловым довольствием нижних чинов. Причём матросы и унтер-офицеры в базе и в море получали суточный рацион, в котором преобладали мясные и молочные продукты, крупы „по удовольствию”, их калорийность, с избытком возмещала энерготраты⁴⁶⁶.

После проигранных Полтавского и Гангутского сражений, тяжёлых поражений армии в Прибалтике и Финляндии в 1710-1714 гг. внутреннее и внешнеполитическое положение Швеции заметно ухудшилось.

Утрата богатейших сельскохозяйственных провинций Эстляндии и Лифляндии, нехватка рабочих рук в деревнях наиболее плодородных областей Сконе и Халланд, вызванная ежегодными наборами рекрутов⁴⁶⁷, частые неурожаи, фактическое прекращение внешней торговли и др., всё это, в совокупности, привело к тому, что страна утратила продовольственную независимость, и, как следствие, во многих местностях начался голод, вызвавший многочисленные смертельные исходы⁴⁶⁸.

Вышеперечисленные трудности в сельском хозяйстве Швеции, безусловно, оказали существенное влияние на провиантское обеспечение нижних чинов. Всё сокращающиеся продовольственные ресурсы королевства вынуждали Адмиралтейство периодически изменять месячную матросскую порцию, временно исключать из её состава или значительно уменьшать нормы мясомолочных продуктов и спиртных напитков, хлеба, а также ухудшать их ассортимент⁴⁶⁹.

Современный французский историк М. Морино, исследовавший пищевой рацион нижнего чина ВМФ северного королевства, пришёл к следующему выводу: „В Швеции не делали различия между мясом и рыбой, несмотря на разную калорийность”⁴⁷⁰.

Русский посол в Дании князь В. Л. Долгорукий, докладывая Петру I о состоянии шведского флота в кампанию 1719 г., обратил внимание венценосного моряка на неудовлетворительное провиантское обеспечение рядового состава: „Матрозы зело плохи и от голода так худы, как мёртвые при похоронах...”⁴⁷¹. Он же сообщал о чрезвычайно высоких ценах на основные продукты питания, и отсутствии в стране продовольственных резервов: „Во всём привеликая мизерия (лат. miser – бедный. – *И. Д.*)”⁴⁷².

Швеция, после занятия русской армией почти всей территории Финляндии в 1714 г., уже не могла бесперебойно обеспечивать свои вооружённые силы продовольствием. К 1718 г. в стране обрабатывалась только третья часть пахотных земель. 1 марта 1720 г. В. Л. Долгорукий писал Петру I о морально-психологическом состоянии и материально-бытовом обеспечении шведских моряков в предстоящую кампанию: „...люди худы и неохотно служат, для того что жалованье не дают месяца два... В Карлскроне вооружённых кораблей сказывают толко шесть, толка провианту на них нет...”⁴⁷³.

Датский военный флот, в отличие от предвоенного времени⁴⁷⁴ в годы Северной войны не имел в наличии постоянно действующего морского пайка.

В годы Северной войны, в зависимости от наличия продовольственных ресурсов в стране, и средств выделенных на закупку провизии, практически на каждую кампанию флота назначалась новая норма, которая могла существенно отличаться от предыдущей.

Как бы заранее предупреждая недовольство матросов, по поводу уменьшения порции и ухудшения ассортимента продуктов в главу X Устава ВМФ Дании включили следующее положение: „Корабельный корм роздован будет против нашего разположения, которое учинено, или впредь учинено будет и **всякой доволен быть имеет своей порцией** (выделено нами. – *И. Д.*), под штрафом, что сидеть ему несколько дней в железах и кормлену быть хлебом и водою”⁴⁷⁵.

Сложное экономическое положение Дании, усугубленное увеличением в годы Северной войны численности войск и флота, массовое разорение крестьян⁴⁷⁶, не позволяло создать запасы продовольствия, гарантирующие бесперебойное снабжение вооружённых сил.

Продовольственный паёк голландского флота был наиболее известен в России, чем другие пищевые рационы нижних чинов военно-морских флотов западноевропейских стран. В 1709 г. работа Капела Алларда (*Nieuwe Hollandse Scheepsbouw... Amsterdam, 1705. 1^е, 2^е*

Partie), где, также представлены ассортимент продуктов и количественные показатели месячной матросской порции 1705 г., по личному указанию Петра I, была переведена на русский язык и использована в практической деятельности по созданию руководящих документов, регламентирующих строительство кораблей, и обосновании норм материально-технического обеспечения⁴⁷⁷.

Ежегодно, исходя из цен, сложивших на продукты питания в основных пунктах базирования кораблей, и в соответствие с нормой довольствия, Адмиралтейство, перед кампанией голландского флота, отпускало „...месячной корм и харчевые деньги как капитанам, так и работникам, которые перво в службу будут начать”⁴⁷⁸.

В голландском пайке содержалось мяса в 1,6, рыбы и пива в 3 раза больше, чем в русском пищевом рационе 1720 г., а сухарей на 21 фунт меньше⁴⁷⁹.

Сопоставление ассортимента и количественных показателей иностранных пайков, с отечественным морским рационом, позволило сбалансировать его структуру, путём дополнительного включения протеиносодержащих продуктов животного происхождения, и уменьшения углеводов⁴⁸⁰.

Произведённые количественные изменения позволили на 18-20% увеличить содержание белков животного происхождения в русском морском пайке. Энергетическая ценность месячной матросской порции 1720 г. составила 4006 ккал. Энергетическую ценность пайка обеспечивали 124 г белка, в том числе: 35 г белков животного и 89 г растительного происхождения; 107 г жиров, из них 20 г растительных и 87 г животных; 611 г углеводов.

Доля ржанных сухарей, крупы овсяной и гречневой, гороха в обеспечении энергетической ценности месячной матросской порции, без учёта спиртных напитков, достигала 76 % (3057 ккал от 4006 ккал)⁴⁸¹.

Вместе с тем, количество мясoproductов в русском морском пайке было меньше, чем в пищевых рационах нижних чинов военно-морских флотов ведущих западноевропейских государств, кроме Франции. (См. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика суточных продовольственных пайков нижних чинов русского военного флота, военно-морских сил западноевропейских стран и Османской империи.

Ассортимент	Ед.	Наименование страны и год введения в действие пайка
-------------	-----	---

и количество основных продук- тов морского пайка	изм	Россия ⁴⁸² 1720	Англия ⁴⁸³ 1683	Франция ⁴⁸⁴ 1715	Швеция ⁴⁸⁵ 1716
Сухари ржаные,	г	614	453	613	340
пшеничные					
Мясо солёное,					
ветчина	г	146	453	102	373
Рыба сушёная	г	58	450	58	-
Масло коровье	г	88	56	-	53
Масло оливковое	г	-	-	133	-
Сыр	г	-	112	-	-
Горох, бобы	г	146	568	-	240
Крупы	г	219	-	136	436
Вино (водка)	мл	70	-	930	-
Пиво	л	2,46	4,54	-	-

Продолжение таблицы 1

Ассортимент и количество основных продук- тов морского пайка	Ед из м.	Наименование страны и год введения в дей- ствие пайка		
		Нидерланды ⁴⁸⁶ 1705	Дания ⁴⁸⁷ 1692	Турция ⁴⁸⁸ 1711
Сухари ржаные	г	352	427	630
и пшеничные				
Мясо соленое,				
ветчина, сало	г	238	215	-
Рыба сушеная	г	176	142	-
Масло коровье	г	26	71	28
Масло оливковое	г	-	-	14
Сыр	г	70	-	-
Горох, бобы	г	176	203	280
Крупы	г	176	91	560
Вино	мл	-	-	-
Пиво	л	8	2, 76	-

Таким образом, кроме английской и голландской, прочие матросские порции, содержали недостаточное количество белков животного происхождения. За исключением французского, все остальные рационы были бедны растительными жирами.

В несбалансированном соотношении находились белки, жиры, углеводы и минеральные вещества.

Консервированные и сухие продукты составляли основу пищевого довольствия нижних чинов всех военных флотов, длительное употребление которых ухудшало адаптационные возможности, оказывало негативное влияние на функциональное состояние организма и физическую работоспособность моряков (отсутствие аппетита, повышение утомляемости, наличие общей слабости, нарушение сна, снижение выносливости), приводило к заболеванию цингой.

Русская месячная матросская порция содержала недостаточное количество мяса и рыбы, а наличие хлебопродуктов было излишним.

Французский морской паёк, как в количественном, так и в качественном отношении уступал русскому. Недостаток продуктов, содержащих белки животного происхождения, частично, компенсировался большим потреблением виноградного вина.

Суточная порция матроса турецкого флота являлась наиболее непривлекательной среди норм продовольственных пайков флотов других стран. Она отличалась крайней бедностью белков, жиров и значительным преобладанием углеводов, отсутствием спиртных напитков („народ турецкой трезвой и от пьянства воздержной ... и простой народ воздерживается от пьянства под страхом начальных (чиновников и мулл. — *И. Д.*), понеже наказывают за пьянство без милости...”⁴⁸⁹), что объясняется климатическими условиями страны, Чёрного и Средиземного морей и религиозными особенностями, нравами и обычаями турок⁴⁹⁰.

Улучшение пайка происходило только в дни религиозных праздников Рамадана и Байрама, когда на корабли дополнительно отпускались мясо, сыр, рис и другие продукты.

Голландский морской паёк имел лучший ассортимент продуктов, чем матросские порции флотов других государств, кроме британского, и отличался своей сбалансированностью. Вместе с тем, суточное потребление пива (до 8 л) было излишним, что приводило к опьянению матросов, особенно, людей слабого физического сложения.

Датский военный флот не имел в наличии постоянно действующего морского пайка. В зависимости от наличия продовольственных ресурсов в стране, и средств выделенных на закупку провизии, практически каждую кампанию флота нормы пищевого пайка подвергались изменениям.

Военно-морской флот Великобритании по праву в конце XVII столетия считался главной опорой и основным видом вооружённых сил страны⁴⁹¹.

На поддержание боеготовности британского флота, в том числе и на закупку морской провизии⁴⁹², лорды Адмиралтейства практически всегда выделяли потребное количество материальных и денежных средств.

Продовольственный паёк английского матроса отличался обилием мяса, рыбы, пива, сыра, гороха. Норма довольствия полностью обеспечивала организм моряка необходимым количеством энергии, и в первую очередь, белками и жирами животного происхождения, достаточной для поддержания его жизненных процессов и восполнения энергетических затрат в плавании.

Французский врач-гигиенист Ш. Б. Фонсангрив, характеризуя пищевое довольствие нижних чинов британского флота, писал: „Английские матросы, привыкшие к продовольствию животному, богатому мясом, к разным возбуждающим и спиртным питьям, плохо свыкались с порцией других стран”⁴⁹³.

Энергетическая ценность пайков, в основном, достигалась: для нижнего чина ВМФ Англии и Голландии за счет мясных и молочных продуктов, спиртных напитков; русского и французского - углеводистых продуктов, жиров животного и растительного происхождения и также спиртных напитков; прочих европейских стран - комбинированным соотношением съестных припасов, турецкого флота - в большинстве своём - зерномучными продуктами.

Санкт-Петербург как звено в истории северо-западного торгового пути
(по данным историко-архивных и подводно-археологических исследований)

Данная статья является кратким изложением части результатов, полученных в ходе выполнявшейся с 1989 г. программы составления атласа и каталога затонувших объектов в водах Северо-Запада России, а также реконструкции древних путей и мореплавания в регионе. Сегодня составленные базы данных включает более 10000 объектов только для района Финского залива и Ладожского озера. Около 500 из них за эти годы уже найдены в ходе многочисленных экспедиций, что позволяет подтвердить некоторые теоретические построения историков.

Давно сформулирован принцип, по которому все великие цивилизации древности развивались вдоль трасс речных торговых путей. Именно такие пути лежали и в основе развития русского этноса. Пожалуй, главным из них был торговый путь из Балтики в Каспийское море, функционирование которого уже около 1500 лет определяет макроэкономическую ситуацию региона, разумеется, по-разному на каждом из этапов его исторического развития. В различные периоды зависимости от политической ситуации менялось, и местоположение главного торгового порта в северо-западной части этого пути – на входе в Балтику. В этом плане создание Петербурга – лишь этап в существовании коридора, хотя и важный, можно сказать, завершающий.

1. В начале существования торгового коридора, который был проложен скандинавами предположительно в VI веке н.э. плавание осуществлялось по «северному маршруту» - вдоль северного побережья Финского залива, через «вуоксинский путь» и вдоль восточного берега Ладоги. Тогда торговлю контролировали ныне забытые города на трассе вуоксинского пути. В частности, там следует искать древний Алаборг.

2. Примерно с VIII века начинается подъём древненорвежского города Альдейгьюборга, который с приходом в этот регион славян превратился в крепость Ладогу. Её власти контролировали поступление в Северную Европу до 90 % твердой валюты того времени – серебра. В свете понимания этого факта – легенда о приходе варягов получает вполне конкретное основание. За три века по оценкам историков по этому пути было ввезено из Средней Азии около 15 млн. марок серебра (примерно 3500 тонн). В этот период роль скан-

динавов в развитии торговли по коридору также была определяющей. Собственно даже искусство мореплавания, все приемы и правила кораблестроения славяне перенимали от них.

3. Начиная с XI в. торговый центр переместился из пограничной Ладоги в более безопасный Новгород, который и к тому же мог обеспечить аккумуляцию на своих складах товарные запасы с гораздо больших территорий. Перенесение великокняжеского стола в Киев сосредоточило интересы властей на контроле Днепровско – Вислинского и Днепровско-Двинского путей. Волжско-Балтийский путь оказался под контролем получившего независимость Новгорода, что сыграло важнейшую роль в его подъеме. Она особенно укрепилась после распада Киевской Руси на отдельные княжества и захвата их татаро-монголами, когда северо-западные русские земли сохранили частичную самостоятельность. Более того - в новой макроэкономической ситуации их роль возросла. Путь через Финский залив стал главным источником поступления на Русь серебра, цветных металлов, металлоизделий, тканей, соли. Русский экспорт был представлен пушниной, воском, кожей, причем каждая из экспортных позиций составляла более чем определяющую долю потребления европейского рынка. Так экспорт пушнины по некоторым оценкам достигал 5 млн. шкурок в год – около 80 % всей пушной продукции региона Балтийского моря⁴⁹⁴ Постепенно вместо скандинавов роль торговых партнеров заняли немецкие купцы.

4. В XIV и XV вв. эта ситуация сохранилась, но из-за технологического отставания транспортных возможностей Новгорода, который не мог обеспечить приема новых типов судов большего водоизмещения, роль главного торгового центра перешла к датскому Ревелю и немецкой Нарве. Русские вынуждены были доставлять товары туда на своих маленьких судах. К концу XVI в. относятся попытки московских властей создать крупные торговые склады и торговые центры в устье р. Невы.⁴⁹⁵

5. Эти меры оказались особенно успешными в середине XVI в., когда Московское княжество, взяв в 1552 г. Казань, и в 1556 г. Астрахань установило контроль за всем течением Волги вплоть до Каспия. Затем в 1558 г. под русский контроль перешла Нарва, которая мгновенно превратилась в главный порт Восточной Балтики. Ревель пришел в полный упадок, а население Нарвы выросло в 10 раз. При этом основными партнерами в торговле были немцы, англичане и голландцы.

6. Ослабление Московского царства привело в начале XVII в. к переходу побережья Финского залива под контроль Швеции. Россия вынуждена была переориентировать свои экспортно-импортные потоки на Белое море. Балтийская торговля пришла в упадок. В Нарве торговые обороты упали в 5 раз, а утвержденный столицей новой провинции город

Ниен, из-за отсутствия занятости не смог удержать своего статуса. Для исправления ситуации шведам пришлось фактически отменить таможенные пошлины на русские товары, что привело к новой активизации торговли, но в совершенно другой форме. В течение всего XVII в. главными торговыми партнерами Руси были шведы. Но ситуация развивалась так, что к концу века русские купцы на русских кораблях обеспечивали до 80 % морской торговли между Россией и Швецией. При этом ввоз русского зерна и его перепродажа приносили шведской казне до 50 % ее доходов. Но экономика России несла колоссальные убытки и через 115 лет она с лихвой вернула себе положение на Балтике. Сразу вслед за этим уже в 1722 г. Петр I начинает войну с Персией за создание торговой базы на другом конце транспортного коридора – на Каспии. Одновременно было развернуто создание трех водных коммуникаций для соединения Ладожского озера с Волгой. Создание Петербурга должно было поставить окончательную точку в определении места главного торгового центра на выходе из Волжского пути в Балтику. В принудительном порядке для всех других портов были введены завышенные до 25 % вывозные пошлины на экспортируемые товары. В Петербургском порту они были уменьшены до 3 %. Город стал развиваться преимущественно как порт и база судостроения.⁴⁹⁶

В течение всего XVIII в. и первой половины XIX в. основную занятость населения обеспечивали именно торгово-транспортные операции, верфи и различные фабрики, связанные с обеспечением нужд мореплавания: деревообрабатывающие, кузнечные, канатные, пивоваренные и т.д.

Хотя структура экспорта изменилась – теперь в нем преобладали пенька, железо, лен, полотно, но экономическая политика Петра и его приемников привела к повторению ситуации времен Ганзы. Русские купцы доставляли товар только до пристаней, а вывозился он на иностранных кораблях. В течение последующих 150 лет доля кораблей под русским флагом составляла всего 2-3 %. Фактически российские власти своей политикой уничтожили русскую морскую торговлю, едва родившуюся в XVII в.

Первоначально в Петербургской торговле доминировали голландцы, но в течении всего нескольких десятилетий их сначала существенно потеснили, а затем и полностью вытеснили с рынка английские купцы и перевозчики. К 70-м гг. XVIII в. до 50 % приходящих в Петербург судов были под английским флагом еще до 20 % - под флагом германских государств. На третьем месте была Дания, на четвертом – Франция и на пятом – ближайший сосед – Швеция.

Между тем объёмы экспорта стремительно росли. Только за первые 30 лет существования порта экспорт железа вырос в 3 раза. В середине XVIII в. таможенные сборы Петер-

бургского порта давали до 7 млн. рублей дохода при годовом бюджете страны в 40 млн. рублей. Но еще более важной была роль порта в получении страной драгоценных металлов. Напомним, что в XVIII в. Россия добывала в год всего 300 кг золота и до 10 тонн серебра. А поступление серебра через Петербургский порт только в 1764 г. составило 35,5 тонн.

Завершение создания Вышневолоцкой, Мариинской и Тихвинской водных систем в первой трети XIX в. вызвало дальнейшее развитие транспортных перевозок из Волжско-Камского бассейна в Финский залив. В середине века в Петербург ежегодно прибывало до 15 тысяч судов из глубины России. В денежном выражении объёмы приходящих по транспортному коридору товаров достигали суммы в 160 млн. рублей, из которых товары на 120 млн. рублей экспортировались. Степень значимости этого для экономики ясна в сравнении с бюджетом страны достигавшем 60-70 млн. рублей.⁴⁹⁷

Но ситуация с перевозками сохранялась прежней. Например, в 1831 г. из общего количества ушедших из Кронштадта торговых судов под русским флагом было всего 2 %. Под английским же – 57 %. На втором месте по прежнему были германские суда – 17,5 %. За ними шли голландские – 8 %, на долю шведских и норвежских судов приходилось – 4 %.

Дальнейшее развитие торговли тормозилось невозможностью функционирования порта зимой. Хотя создание в Петербурге первых в России пароходов и первых в мире ледоколов позволили увеличить сроки навигации, но правительство с 40-х гг. XIX в. стало разрабатывать планы создания нового незамерзающего торгового порта на Балтике - в Либаве. К 70-м гг. туда было протянуто три железные дороги. Вследствие этого с 1870 г. по 1880 г. экспорт через Петербург упал вдвое. Ситуация была спасена строительством по инициативе Н.И. Путилова знаменитого Морского канала и нового порта открытых в 1885 г. Теперь грузы прямо из вагонов шли на океанские пароходы, и Петербург снова вернул себе статус главного порта Империи. Главными экспортными товарами к этому моменту стали зерно и лес. Взамен страна по-прежнему ввозила промышленные товары, станки и цветные металлы. Ввозилось 100% потреблявшегося олова, 90 % свинца, до 75 % меди, 60 % цинка. В конце XIX века Россия ввозила в год до 1800 тонн серебра и до 120 тонн золота.

Поражение Первой мировой войне и Гражданская война привели к потере построенных русскими прибалтийских портов и Ленинград вновь стал главным портом на Балтике, пополняя роль единственного «окна в Европу».

Победа в Великой Отечественной войне привела к возобновлению политики развития Прибалтийских портов, куда переводились и лучшие суда советского торгового флота. Все эти современные порты и флот были вновь утрачены после крушения СССР. Сегодня порт

Петербурга и сопутствующие ему порты Ленинградской области опять играют роль балтийского форпоста России, что подтверждает исторически правильный выбор места его создания

Проведенные подводные исследования позволили нам пока ещё только частично изучить динамику транспортных связей в регионе и реконструировать водные пути по которым они осуществлялись. Сделанные на них многочисленные находки затонувших кораблей подтвердили правильность реконструкции и дали богатый материал по изучению истории судостроения и состава грузопотоков.

Знание точных географических координат пунктов одинаково важно как на суше, так и на море. Но определение последних в значительной степени зависит от точности определения координат береговых пунктов.

В 1824 г. английское Адмиралтейство осуществило хронометрическую экспедицию, целью которой было определение разности долгот между Гринвичем, Гельголандом, Бременом и Альтоной. Опыт английских моряков стал примером, которому решили последовать и в России. Директор Гидрографического депо почетный член Петербургской Академии наук генерал-лейтенант Ф.Ф.Шуберт, оценив преимущества “столь удобной и верной методы” и зная о том, что координатам многих пунктов Балтийского моря присуща “большая неверность”, в начале 1833 г. представил начальнику Главного морского штаба князю А.С.Меншикову доклад о проведении в этом море работ, аналогичных английским.

Вскоре Николай I утвердил проект Шуберта и назначил его начальником хронометрической экспедиции, в распоряжение которой выделялся новейший колёсный пароход “Геркулес” (1832 г. постр., 240 л.с.). Министерству иностранных дел император поручил предложить правительствам государств, берега которых омывает Балтийское море, принять участие в этой экспедиции.¹

Правительства Швеции, Пруссии и Дании охотно согласились содействовать проведению хронометрической экспедиции: были даны указания о приеме “Геркулеса” в портах этих стран, об устройстве временных обсерваторий и назначении наблюдателей, снабжении их хорошими инструментами и т.п. При этом правительство Швеции просило о разрешении “одному или двум шведским офицерам” находиться при генерале Шуберте

в период работ. Эта просьба, изложенная в ноте министра иностранных дел Швеции графа Веттерстета, была удовлетворена.²

5 апреля 1833 г. иностранный почётный член Петербургской Академии наук А. Гумбольдт сообщил в Петербург, что по его представлению король Пруссии назначил комиссию для организации наблюдений. В нее вошли, помимо самого Гумбольдта, генерал Рюле фон Лилиенштерн, профессор И.Ф.Энке и тайный советник Бейт. Председателем комиссии король назначил генерал-лейтенанта Краузенека. Последний уведомил Шуберта о том, что профессору Ф.В.Бесселю “поручено доставлять определения времени из Кенигсберга в Пиллау” и что такие же определения будут производиться на Данцигской обсерватории в продолжение всей экспедиции “со всевозможною точностью”. Кроме того, строились и две временные обсерватории – в Арконе (о. Рюген) и в Свинемюнде.

Начальник геодезических измерений Дании Г.Х.Шумахер 17 апреля сообщил в Петербург о том, что по повелению короля уже сооружаются две временные обсерватории – в Любеке и в Христиансэ, а в Копенгагене “беспрерывно совершенствуются наблюдения”. Он отмечал, что разность долгот между Любеком и Альтоною с большой степенью точности “определена многими переносками хронометров”, а расстояние от Гамбурга до Любека является одной из сторон треугольника большой тригонометрической сети. Тем не менее, Шумахер намеревался произвести дополнительные наблюдения: летом еще раз определить разность долгот между его обсерваторией в Альтоне и временной обсерваторией в Любеке как “посредством пороховых вспышек”, так и хронометрами. Это позволило бы считать разность долгот Альтоны и Любека достаточно точно определенной и дало бы возможность перевести все определенные в ходе экспедиции разности долгот, считаемые от Любека, на долготы, исчисляемые от Гринвича.

В Швеции так же строились две временные обсерватории: одна на южной оконечности о.Эланд (вблизи маяка Оттенби), другая – около Катхамара (на восточном берегу о.Готланд).

В России временные обсерватории строились в Кронштадте, Дагерорте, Свальферорте и Утэ. Были определены и наблюдатели. В частности, в Або должен был стать наблюдателем профессор Ф.Аргеландер,³ а на острове Гогланд – помощник директора Дерптской обсерватории Е.Е.Саблер.⁴

Готовились и инструменты: хронометры Гидрографического депо на протяжении двух месяцев проверял астроном депо академик В.К. Вишневский.⁵

Учитывая международный характер экспедиции, Николай I разрешил выдать Шуберту на экстраординарные расходы “безотчетно пятьсот червонных” из Государственного казначейства. Эти деньги предназначались для угощения и содержания ученых.⁶

Для наблюдений были выбраны следующие пункты: Кронштадт, Гогланд, Гельсингфорс, Ревель, Або, Утэ, Дагерорт, Свальферорт, Катхамар, Пиллау (Кёнигсберг), Данциг, Свинемюнде, Аркона, Любек, Копенгаген, Христианс-э, Эланд и Стокгольм. Впоследствии к ним прибавилась Карлскрона.⁷

Уже 26 мая все хронометры были перевезены в Кронштадт, где их сравнили на временной обсерватории, а затем доставили на “Геркулес”. Для хранения хронометров был выделен “особенный кабинет, где они стояли в ящике, прикрепленном крепко к стене и набитом шерстью”. Поздно вечером пароход вышел в море. Ближайшими помощниками генерал-лейтенанта Шуберта в плавании были подполковник Корпуса флотских штурманов Б.В.Врангель и штабс-капитан Кузьмин.⁸

27 мая “Геркулес” остановился в виду о.Гогланд, и Кузьмин немедленно отправился на берег с хронометрами №№ 2 и 3, где сравнил их со стенными часами Репсольда, а затем вернулся на судно. На “Геркулесе” все остальные хронометры были сличены с этими двумя в большой каюте, примыкавшей к кабинету.⁹ После этого пароход отправился дальше – к Ревелю. Там 28 мая с теми же хронометрами на берег высадился Врангель, где сравнил их с секундными часами Утцшнейдера, находившимися на Ревельской обсерватории. После этого судно снялось с якоря и отправилось к Дагерортскому маяку.¹⁰

Дальнейший путь “Геркулеса” проходил по маршруту: Свальферорт – Вейксельмюндский рейд (31.05-5.06) – Христианс-э (6.06) – Свинемюнде (7.06) – Аркона (8.06) – Травемюнде (8-15.06) – Копенгаген (16.06) – Христианс-э – о.Эланд – Стокгольм (19-24.06) – Дагерортский маяк (27.06) – Утэ – Або – Гельсингфорс – Ревель – Гогланд (2.07) – Кронштадт (3.07).

В период стоянки на рейде Травемюнде хронометры на малом пароходе были отправлены в Любек, на “Геркулесе” пополнили запасы угля и воды, а Шуберт съездил в Альтону, где обговорил с Шумахером некоторые подробности работ в период экспедиции и осмотрел его обсерваторию.

У о. Эланд на судно прибыл шведский капитан Паландер, который в соответствии с ранее достигнутым соглашением должен был находиться на “Геркулесе”. Во время стоянки в Стокгольме “Геркулес” посетили король Швеции и наследный принц Оскар.¹¹

В Ревеле на “Геркулес” для участия в экспедиции прибыл академик В.Я. Струве, директор Дерптской обсерватории.

В 3 часа утра 13 июля “Геркулес” вышел в свой второй рейс. Он проходил по следующему маршруту: Кронштадт – Гогланд (13.07) – Дагерорт (14.07.) – Катхамар (15.07) – Пиллау (16.07) – Вейксельмюндский рейд (17.07) – Карлскрона (18-20.07) – Эланд (21.07) – Христианс-э (21.07) – Свинемюнде (22.07) – Аркона (23.07) – Травемюнде (24-29.07) – Аркона (30.07) – Копенгаген (31.07) – Христианс-э (3.08) – Эланд (4.08) – Катхамар (5.08) – Дагерорт (6.08) – Стокгольм (7-15.08) – Утэ (16.08) – Ревель (18.08) – Гельсингфорс (19.08) – Ревель (20-22.08).¹²

Второе плавание “Геркулеса” было примечательно несколькими обстоятельствами. Так, например, заход в военную гавань Карлскроны оказался вынужденным вследствие неисправностей в машине. Здесь, находясь на скале Гетткер, Струве определил время и “связал место наблюдения измерением нескольких углов с точками, составлявшими шведскую триангуляцию”.

Лица королевской крови, как и ранее, интересовались “Геркулесом”. Прусский принц Адальберт дважды – 22 и 23 июля – побывал на судне. А 3 августа “Геркулес”, находившийся в Христианс-э, посетил принц Фридрих.

В период стоянки “Геркулеса” в Травемюнде В.Я.Струве покинул судно и отправился на некоторое время в Альтону. А Шуберт вновь встретился с Шумахером – на этот раз в Любеке, куда последний специально приехал, чтобы познакомиться с устройством “Геркулеса”.¹³

В период третьего плавания Шуберт решил – из-за надвигающейся осени – посетить лишь главные точки. Выйдя из Ревеля 23 августа, “Геркулес” побывал у Дагерорта (24.08), Катхамара (25.08), южной оконечности Эланда (26-27.08), прошел мимо Христианс-э (временная обсерватория там была уже свернута) к Арконе, а затем – к Травемюнду (27.08-3.09). Отсюда “разъездные” хронометры вновь были доставлены в Любек. И здесь же на “Геркулес” вернулся академик В.Я.Струве, закончивший свои дела в Альтоне.

4 сентября учёные и моряки сравнили время у Арконы, 5.09 – у Эланда, а 7-ого сентября “Геркулес” на короткий срок прибыл в Стокгольм.

14 сентября капитан Паландер покинул судно. Позднее Шуберт писал, что шведский офицер приобрел “уважение и дружбу всех тех лиц, с которыми он имел сношения и, в некоторых случаях, был весьма полезен экспедиции своею ревностью и своим благорасположением”.¹⁴

15 сентября “Геркулес” подошел к Гогланду, 16-ого – прибыл в Гельсингфорс, а вечером того же дня – в Ревель. Здесь судно покинул академик Струве.

18 сентября 1833 г. с прибытием “Геркулеса” на Кронштадтский рейд хронометрическая экспедиция успешно завершилась. Она продолжалась 115 дней.

В период плавания на “Геркулесе” находились 32 столовых и 24 карманных хронометров. Из них 36 принадлежали Гидрографическому Депо, 8 – Военно-Топографическому Депо, 2 – Дерптской обсерватории, 3 – Шумахеру, 1 – русскому послу в Швеции графу П.К.Сухтелену, 1 – вице-адмиралу И.Ф.Крузенштерну, 1 – Линденау, 3 – Nauth и 1 – Брегету.¹⁵

В своём отчёте начальник экспедиции Ф.Ф.Шуберт отмечал, что он и Б.В.Врангель приобрели такой навык в работе, что редко “совершение сравнения всех 56 хронометров продолжалось более часа”.¹⁶

После возвращения из плавания на “Геркулесе” Шуберт вычислил долготы всех мест от Любека. Кроме того, используя данные береговой триангуляции, он определил долготы многих пунктов, имевших важное значение. Так, в частности, Шуберт определил разность долгот между Кронштадтской временной обсерваторией и обсерваторией Петербургской Академии наук ($33^{\circ}5',53''$) а затем вычислил ее хронометрическую долготу.

В окончательных выводах Шуберт поместил координаты не только всех пунктов, определенных хронометрической экспедицией, но указал “и прочие, близ лежащие любопытные для мореходцев места, которые будучи связаны тригонометрически с первыми, могут быть рассматриваемы как определенные хронометрически”. Для всех пунктов Шуберт посчитал полезным привести разности долгот между Гринвичем и Парижем.¹⁷

Материалы о деятельности хронометрической экспедиции 1833 г. и все вычисления Шуберта были опубликованы в “Записках Гидрографического Депо” в 1836 г. (ЧЧ. III, IV). Кроме того, в Академию наук Ф.Ф.Шуберт прислал специальный краткий отчет о работах экспедиции.¹⁸

Данные о наблюдателях, пунктах наблюдений и количестве их посещений пароходом “Геркулес”

№ п/п	Пункт	Наблюдатель	Кол-во по- сещений
1	Кронштадт	Поручик Корпуса топографов Лемм	3
2	о. Гогланд	Помощник директора Дерптской обсерватории Е.Е.Саблер	4

3	Ревель (гора Ляксберг)	Подполковник Б.В.Врангель (до 28.05) Проф. В.Я.Струве (до 1.07)(24.08-16.09) Штабс-капитан Кисляковский (до 24.08)	5
4.	Дагерортский маяк	Штабс-капитан Кисляковский (до середины июля) Лейтенант флота С.И.Зеленой	5
5	Свальферорт-ский маяк	Лейтенант флота С.И.Зеленой	1
6.	Гельсингфорс	Профессор Ф. Аргеландер	3
7.	Або	Альштед	1
8.	Стокгольм	Профессор Кронстранд	3
9.	о.Готланд (Катхмар)	Капитан Корпуса Топографов Швеции Гегбладт, помощник – поручик Арозениус	3
10.	о. Эланд (южная.оконеч.)	Подполковник Гельштрем (Гидр. Депо), помощник – капитан Остерман (Швеция)	4
11.	Карлскрона	Профессор В.Я.Струве	1
12.	Кёнигсберг Пиллау	Буш Учитель навигации Беккер	2
13.	Данциг	Учитель навигационного училища Ангер	2
14.	Свинемюнде	Волферс, помощник – лейтенант артиллерии Адан (Пруссия)	2
15.	Аркона (о.Рюген)	И.Г.Медлер, помощник – поручик Герсдорф (Пруссия)	3
16.	Христианс-э	Капитан Нехус (Дания)	4
17.	Копенгаген	Профессор Олуфсен	2
18.	Любек	Петерсен (младший)	3
19.	Утэ	Неизвестен	---

За участие в хронометрической экспедиции Б.В.Врангель был награжден орденом Св.Владимира 4-й степени (1833 г.).¹⁹ Были награждены и иностранные участники экспедиции. Так, уже 4 октября 1833 г. кавалером ордена Св.Владимира 4-й степени стал Королевско-Шведской морской службы капитан Паландер.²⁰ По ходатайству Ф.Ф.Шуберта 9 января 1835 г. Николай I наградил и ученых: Королевско-Датской службы действительный статский советник Г.Х.Шумахер, неприменный секретарь Берлинской Академии наук профессор И.Ф.Энке и член Королевской Стокгольмской Академии наук, директор обсерватории Кронстранд были удостоены ордена Св. Станислава 3-й степени, а помощнику Шумахера Петерсену был пожалован бриллиантовый перстень.²¹

Начальник экспедиции Ф.Ф.Шуберт российской награды не получил, так как 20 апреля 1833 г. ему был пожалован орден Белого Орла “за усердную службу и полезные труды” по руководству Гидрографическим депо в течение шести лет. Но его труды на

“Геркулесе” были отмечены монархами других стран: король Швеции наградил его орденом Меча I степени (1835 г.), а король Дании – орденом Даннеброга (1836 г.).²²

Так завершилась хронометрическая экспедиция 1833 г. Она позволила определить с большой степенью точности долготы многих важных в навигационном отношении пунктов Балтийского моря. В подготовке и успешном проведении экспедиции одинаково важную роль играли моряки-гидрографы под руководством Ф.Ф.Шуберта и ученые – члены Академии наук В.Я.Струве, В.К.Вишневский, иностранные почетные члены Академии – немецкие учёные А.Гумбольдт, Ф.В.Бессель и И.Ф.Энке, учёные Дании Г.Х.Шумахер и Петерсен, швед Кронстранд, Ф.Аргеландер. Зная о полезном вкладе датских, шведских и прусских ученых, можно утверждать, что хронометрическая экспедиция 1833 г. стала ярким примером международного научного сотрудничества балтийских стран, значение которого не оценено до настоящего времени.

В 2000 г. в Финляндии и в Санкт-Петербурге широко прошли юбилейные мероприятия, посвященные 100-летию организации первой практической радиолинии, которая связала острова Гогланд и Кутсало в Финском заливе, обеспечив проведение спасательных работ на потерпевшем аварию броненосце береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин». Память об этих событиях бережно сохраняется финской и российской общественностью: небольшие мемориалы открыты на Гогланде и в Котке; на месте радиостанции на острове Кутсало установлена памятная доска.

Следует, однако, отметить, что радиостанции на островах Гогланд и Кутсало являлись временными и после окончания работ были демонтированы. Что же касается появления на территории Финляндии первой постоянной радиостанции, то этот вопрос по различным причинам не получил должного освещения в исторической литературе.

Как свидетельствуют документы, установка первых радиостанций на побережье Балтийского моря была начата в России Морским министерством в 1904 г. Первоначально планировалось в течение года установить 8 станций: семь – между Санкт-Петербургом и Либавой и одну – в Петергофской военной гавани.⁴⁹⁸ Однако обстоятельства военного времени заставили внести в эти планы определенные коррективы. Слишком большое впечатление на российские верхи произвел успех внезапного нападения японского флота на Порт-Артур. В этих условиях на первое место выступили соображения обеспечения безопасности морских подступов к столице, и уже 21 февраля 1904 г. в Главном морском штабе (ГМШ) было проведено совещание по вопросу установки береговых радиостанций в устье Финского залива на южном и северном побережье: в Ревеле и Гельсингфорсе. На совещание был приглашен А.С.Попов, являвшийся в этот период профессором Электротехнического института (ЭТИ), но продолжавший состоять «на службе по Морскому ведомству в звании заведывающего установкой телеграфирования без проводов и членом Морского технического комитета».⁴⁹⁹ По результатам совещания руководством Морского ведомства было принято решение о направлении 3 марта сроком на 5-6 дней в Ревель и Гельсингфорс специалистов «для изыскания и определения места упомянутых станций». Это поручение было возложено на профессо-

ра А.С.Попова и командира парохода «Нева» капитана 2 ранга Г.Ф.Керн, временно прикомандированного к Военно-морскому ученому отделу ГМШ.⁵⁰⁰

При выборе места для обеих станций, как указал в отчете по итогам командировки капитан 2 ранга Г.Ф.Керн, руководствовались следующими соображениями: возможно большая обеспеченность станций от огня неприятельской эскадры; близость электрической энергии; возможно меньшие затраты на устройство станции и возможно лучшие условия для телеграфирования. В случае обстрела Гельсингфорса с моря, по мнению представителей флота, на его территории не было места, которое могло бы считаться более других защищенным от огня неприятеля. Однако установка станции в окрестностях города была признана нецелесообразной из-за большого числа каналов и озер, что создавало дополнительные трудности по организации связи самой станции с городом и учреждениями порта. Поэтому, как докладывал в ГМШ капитан 2 ранга Г.Ф.Керн: «При обсуждении вопроса о месте для станции совместно с командиром порта и комендантом Свеаборга пришли к заключению, что наиболее подходящее место для станции – это дом командира порта. Участок земли при доме по своим размерам позволяет установить две мачты. При доме имеется динамо-машина с двигателем в 110 вольт и 88 ампер, служащая для освещения дома и служб. В постройках при доме достаточно места для помещения станции и ее штата. Местность возвышенная и обеспечивающая исправное телеграфирование».⁵⁰¹ (Дом командира порта располагался в районе Брунспарка – Brunnsparken, - в его северо-восточной части).

Для оборудования станций в Ревеле и Гельсингфорсе было решено использовать радиоаппаратуру системы А.С.Попова производства Кронштадтской мастерской, о чем 26 марта ГМШ уведомил Отдел сооружений Главного управления кораблестроения и снабжений (ГУКиС), прося «не отказать в распоряжении о скорейшем изготовлении этих станций».⁵⁰² 19 апреля Отдел сооружений ГУКиС сообщил, что указанные станции беспроволочного телеграфа будут изготовлены мастерской Кронштадтского порта к 10 мая и отправлены по назначению около 15 мая текущего года. С небольшой задержкой, в июне месяце, эти станции были высланы из Кронштадта в Ревель и Гельсингфорс на транспорте «Хабаровск».⁵⁰³

Во второй половине августа 1904 г. все подготовительные работы по устройству радиостанции в Гельсингфорсе были закончены. Две мачты, необходимые для поднятия антенной сети, были изготовлены частным заводом Стемберга (по др. источнику – Стенберга), а установку их произвел помощник такелажмейстера кронштадтского порта коллежский регистратор П.П.Шишов, специально командированный для этой цели в Гельсингфорс по распоряжению вице-адмирала А.А.Бирилева.⁵⁰⁴

6 сентября 1904 г. в ГМШ поступила телеграмма из Гельсингфорса от командира свеа-боргского порта генерал-майора К.И.Клеопина: «Беспроводный телеграф установлен. Испытание его с ревельским рейдом только при восьми проводах дало превосходный результат. 252. Клеопин».⁵⁰⁵ По мнению автора, эту дату и следует считать за день открытия первой постоянной радиостанции на территории Финляндии.

Следует однако отметить, что в оперативном отношении гельсингфорская радиостанция оказалась в первые месяцы своего существования практически не востребована и вплоть до 1905 г. использовалась весьма ограничено. Такому положению дел в определенной мере способствовала нерешенность кадрового вопроса. Как известно, в русском флоте средства радиосвязи (беспроволочной телеграфии) находились в ведении минных специалистов. Для укомплектования ревельской и гельсингфорской радиостанций личным составом на каждой из них были открыты штаты минного квартирмейстера и двух минеров. При этом личному составу было разрешено выплачивать морское денежное довольствие по специальности с начала действия этих станций.

Труднее оказалось решить задачу назначения заведующих станциями: подготовленных минных офицеров не хватало даже для назначения на корабли, убывающие к театру военных действий. Учитывая важность вопроса, Морской технический комитет (МТК) в октябре 1904 г. получает разрешение о найме, в качестве временной меры, вольнонаемных электриков «для несения береговых обязанностей при станциях». Однако сразу подыскать необходимых специалистов не удалось. Даже, спустя несколько месяцев, в феврале 1905 г. руководство МТК вынуждено было докладывать, что «береговые станции в Ревеле и Гельсингфорсе не имеют до сих пор постоянных заведующих; гельсингфорской станцией временно заведует не специалист, а на ревельской станции нет никого, кроме нижних чинов».⁵⁰⁶

Решение было найдено благодаря активному участию в деятельности МТК профессора А.С.Попова, рекомендовавшего для этой работы некоторых своих учеников – студентов старших курсов ЭТИ. 17 марта был заключен контракт на заведывание ревельской радиостанцией со студентом 4 курса ЭТИ С.Н.Петровым сроком на 6 месяцев. А 21 марта Минный отдел МТК уведомил Отдел сооружений ГУКиС о том, что «в настоящее время приискан специалист по беспроволочному телеграфированию, который может быть назначен для заведывания гельсингфорской станцией... Для этой цели избран по рекомендации профессора Попова прикомандированный для слушания курса в Электротехническом институте штабс-капитан артиллерии Савельев».⁵⁰⁷ Штабс-капитан Савельев являлся офицером Кавказской резервной артиллерийской бригады и был командирован для слушания курса наук в ЭТИ Военным

ведомством. Поэтому вопрос о его привлечении к временному заведыванию гельсингфорской радиостанцией потребовал дополнительных согласований и был окончательно решен лишь в мае месяце.

Пока же шли согласования, МТК командирует в Ревель и Гельсингфорс для осмотра обеих радиостанций С.Н.Петрова. Ему было предписано «выяснить в каком они находятся состоянии, какие их нужды, и что необходимо дополнить для их своевременной деятельности».⁵⁰⁸ Результатом этой командировки явилось выделение руководством Морского ведомства 15000 рублей из военного фонда «на рациональное оборудование береговых станций беспроволочного телеграфирования в Кронштадте, Либаве, Ревеле и Гельсингфорсе».⁵⁰⁹¹² (Из них: 10000 рублей предназначались для ревельской и гельсингфорской станций).

В июне 1905 г. указанные радиостанции осмотрел заведующий делом беспроволочного телеграфирования в Морском ведомстве капитан 2 ранга А.А.Реммерт, который определил конкретное содержание предстоящих работ. Для станции в Гельсингфорсе признано было целесообразным построить новое отдельное здание. Кроме того, решено было произвести замену радиоаппаратуры на новую – германской фирмы «Телефункен», которая должна была обеспечить связь Гельсингфорса не только с Ревелем, но и Кронштадтом.

В конце сентября 1905 г. управление свеаборгского порта сообщило, что новая «100-мильная» радиостанция фирмы «Телефункен» с завода «Сименс и Гальске» получена. Однако, и это уже начало следующей страницы в истории гельсингфорской радиостанции, действовавшей постоянно в составе русского флота вплоть до 1918 г.

О планах уничтожения и прорыва кораблей КБФ из блокадного Ленинграда
в 1941-1942 гг.

Вопрос уничтожения (подрыва или затопления) кораблей Балтийского флота в заблокированном германскими войсками Ленинграде, как, впрочем, вся операция по уничтожению промышленных, военных объектов, узлов коммуникаций города очень “болезненно” воспринималась в послевоенное время политическим и военным руководством Советского Союза. Очевидно, что именно по этой причине И. В. Сталин и его окружение пытались найти “крайних”, возложив всю ответственность за происходившее в Ленинграде в 1941–1942 гг. на наркома ВМФ адмирала флота Н. Г. Кузнецова и командующего Балтийским флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца. Тогда же на листе использования архивного дела Центрального военно-морского архива: “План затопления кораблей КБФ, разрушения промышленных предприятий, мостов и других объектов города Ленинграда в случае отступления наших войск” – и начертали “исследователям дело не выдавать”.⁵¹⁰

Впервые часть документов по уничтожению кораблей Балтийского флота, правда с купюрами и опечатками, была опубликована в сборнике “Скрытая правда войны: 1941 год”, выпущенном московским издательством “Русская книга” в 1992 г.⁵¹¹ Сегодня анализ имеемых документов и воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны позволяют прояснить целый ряд ранее неизвестных и спорных моментов истории. А именно:

1. Роль командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова в подготовке специальной операции;
2. Характеристику подрывных средств, их количество и систему размещения на кораблях;
3. Примерное время действия специальных планов по уничтожению в блокадном Ленинграде кораблей и судов;
4. Косвенно определить возможность подготовки Советского Балтийского флота к прорыву из заблокированного Финского залива (в Швецию, Великобританию или ещё дальше – на Север).

Итак, одним из мифов, связанным с жизнью, боевой деятельностью подлинно народного героя маршала Г. К. Жукова является то, что именно он предотвратил уничтожение кораблей в осажденном Ленинграде и, таким образом, пресёк панические настроения на флоте.

Действительность же такова, что Г. К. Жуков, в ту пору – генерал армии, назначенный 10 сентября 1941 г. командующим Ленинградским фронтом, не только не занимался предотвращением подготовки взрыва кораблей, но даже – наоборот. Г. К. Жуков контролировал подготовку кораблей и судов к уничтожению, что было лишь частью обширных подготовительных мероприятий по разрушению промышленных и военных объектов, дорог и мостов города на Неве, утвержденных Военным Советом Ленинградского фронта 15 сентября.⁵¹² При этом следует отметить, что “План затопления кораблей КБФ, разрушения промышленных предприятий, мостов и других объектов города Ленинграда в случае отступления наших войск” составлялся на основании письменного указания (телеграммы) И. В. Сталина и был утверждён заместителем наркома ВМФ адмиралом И. С. Исаковым ещё 6 сентября 1941 г., то есть до начала блокады.⁵¹³

В соответствии с Планом, все корабли и суда распределялись по четырём районам, где были назначены конкретные ответственные за организацию подготовительной работы и её выполнение. Этим документом определялись технология уничтожения кораблей, порядок оповещения и связь. Общим условным сигналом для одновременного начала уничтожения и затопления объектов всех четырёх районов было выбрано слово “Хризантема”.

План было возможно осуществить и постепенно, исходя из обстановки.

Для уничтожения кораблей и судов только Первого района, то есть – сосредоточенных в районе Кронштадта, в гаванях Ораниенбаума и Петергофа, подавался условный сигнал “Роза”.

Соответственно, для Второго района (Ленинградский Торговый порт) – таким условным сигналом было слово “Василёк”. Для Третьего района (устье Невы) – “Орхидея” и для Четвёртого района (Судостроительные заводы) – “Левкой”.⁵¹⁴ В октябре 1941 г. Таблицу условных сигналов заменили, определив выполнение Плана по условным словам: “Бекас” – общий сигнал; для Первого района – “Бобыль”; для Второго района – “Дерматин”; для Третьего района – “Фабула” и для Четвёртого – “Тубероза”.⁵¹⁵

Ответственность и общее руководство за уничтожение кораблей и судов возлагались на командующего флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца. Старшими из ответственных по районам назначались контр-адмирал Ю. А. Пантелеев, контр-адмирал В. П. Дрозд, контр-адмирал Ф. И. Челпанов, инженер – контр-адмирал А. А. Жуков. Персональным ответственным за затопление всех кораблей и судов, предназначенных для перевода внутренними водными путями на Север (так называемой ЭОН – Экспедиции Особого Назначения) назначался контр-адмирал А. А. Кузнецов.

Для уничтожения кораблей предлагалось использовать все возможные способы: стрельба в один борт несколькими торпедами, разрушение корпуса взрывом глубинных бомб или мин, затопление – открытием кингстонов, а также поджог.⁵¹⁶ Основным средством для реализации Плана было логично выбрано использование большой глубинной бомбы ББ-1 образца 1933 г. Глубинная бомба ББ-1 довольно удачно сочетала в себе относительно небольшие габариты (представляя собой цилиндр длиной 712 мм, диаметром 252 мм) и большую массу взрывчатого вещества (135 кг тротила), что делало её удобной для закладки в корабли и береговые объекты.⁵¹⁷

Очевидно, именно ББ-1 и были заложены в погреба четырёх снятых с линейного корабля “Марат” 120-мм орудий. В соответствии с “Указаниями о расположении подрывных средств при уничтожении кораблей”, которые подготовили заместитель начальника штаба КБФ капитан 1 ранга В. Ф. Зозуля и заместитель начальника Технического отдела КБФ инженер – капитан 3 ранга Н. Е. Гончаров, глубинные бомбы и другие взрывчатые вещества надлежало размещать на линкорах и крейсерах таким образом, чтобы “разрушить взрывом не менее трёх водонепроницаемых главных поперечных переборок, расположенных не смежно и отделяющих наиболее крупные отсеки”.⁵¹⁸ Наличие дополнительных масс взрывчатых веществ, да ещё и заложённых в наиболее уязвимые точки корабельной конструкции, способствовало получению линкором “Марат” смертельных повреждений 23 сентября 1941 г. – после бомбового удара германской авиации. Повреждения “Марата” от взрыва авиабомб, глубинных бомб и зарядов главного калибра (305 мм) оказались таковы, что корабль неминуемо бы погиб, произойди это не в гавани Кронштадта, а в открытом море.

Всего для выполнения Плана в трёх районах (без учёта Первого района – Кронштадтского) выделялось 910 больших глубинных бомб ББ-1, 10 малых глубинных бомб БМ-1, 1930 подрывных патронов, 580 гальванических запалов, 1320 детонирующих бикфордовых шнуров ДБШ, 21 взрыватель, 20 приборов Фролова (миллиамперметр для проверки целостности электроцепи мины или торпеды), 5000 метров детонационного шнура, 500 штук капсулей и 28 больших мин. Причём все малые глубинные бомбы и большие мины использовались только на судостроительных заводах – для подрыва строящихся кораблей и стапелей.⁵¹⁹

Итак, первые документы, определившие общую организацию “Плана мероприятий на случай отхода из Ленинграда по кораблям и судам” ещё 6 сентября 1941 г. подписал заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков. В течение последующей недели были подготовлены конкретизирующие План документы, а именно: различного рода указания по размещению подрывных средств и ведомости их потребного количества, схема связи, таблицы услов-

ных сигналов, списки ответственных лиц и личного состава подрывных партий, карты расстановки кораблей и судов. Документы непосредственно готовили заместитель начальника штаба КБФ капитан 1 ранга В. Ф. Зозуля, заместитель начальника Технического отдела КБФ инженер – капитан 3 ранга Н. Е. Гончаров и заместитель начальника связи КБФ капитан 3 ранга М. А. Келарев. К 13 сентября весь основной пакет документов был подписан командующим КБФ вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем и членом Военного Совета КБФ дивизионным комиссаром Н. К. Смирновым.

Документы, безусловно, действовали в течение самой страшной блокадной зимы 1941–1942 гг. Однако уже тогда в План вносились определённые изменения. Так, например, и это очевидно, в первую очередь от опасного груза глубинных бомб были освобождены (или же они вообще не загружались) эскадренные миноносцы и подводные лодки. Первые – выходили в море для минных постановок и на помощь гарнизону полуострова Ханко. А вторые (подводные лодки) являлись главными силами Советского Военно-Морского Флота для активных действий на германских коммуникациях Балтийского моря в тот период. По мере ослабления напряженности на фронте под Ленинградом в 1942–1943 гг., изменялся и План, а, следовательно, опасного груза лишалась очередная группа объектов. В целом, План действовал вплоть до снятия блокады, то есть – до 1944 г. Причём ряд объектов, как например, батарея Дена на острове Котлин у Кронштадта, естественным образом перешли из объектов уничтожения в объекты хранения подрывного имущества.

Изучение архивных документов пока, к сожалению, не позволяет однозначно ответить на вопрос о возможном прорыве кораблей Советского Балтийского флота из Ленинграда и Кронштадта. Карты расстановки и уничтожения кораблей, как документы особой важности, изготовлены, с точки зрения современной штабной культуры, крайне небрежно. Одна часть кораблей и судов изображена простым карандашом, другая часть просто отсутствует среди намеченных к уничтожению. Так, например, среди крупных кораблей, хотя условно и обозначенных, на картах отсутствуют названия линейного корабля “Октябрьская революция” и крейсера “Киров”. Из 21 единицы лидеров и эскадренных миноносцев, на картах, так или иначе (цифрами или названиями) указаны только 13. Отсутствуют лидер “Минск”, эскадренные миноносцы “Гордый” (повреждён 28 августа 1941 г.), “Славный” (повреждён 28 августа 1941 г.), “Страшный” (повреждён 16 июля 1941 г.), “Суровый” (повреждён 28–30 августа 1941 г.), “Сторожевой” (повреждён 27 июня 1941 г.), “Строгий” (недостроен) и “Стройный” (недостроен). Кроме того, к началу сентября 1941 г. в составе Балтийского флота числилось 59 подводных лодок, из них 38 боеготовых. Но на картах указаны только 16. Такое положение

ние возможно одинаково расценивать и объяснять и гибкостью Плана (по изменению мест расстановки и взрыва кораблей), и сложностью боевой обстановки, и спешкой, в которой документы готовились, а также – как косвенное подтверждение подготовки к прорыву кораблей, отсутствующих в Плане или нанесённых на карты простым карандашом.⁵²⁰

В воспоминаниях бывшего штурмана подводной лодки “С-9” В. В. Правдюка, ныне капитана 1 ранга, опубликованных в 1994 г., указаны 3 лодки (“С-7”, “С-9” и “Л-3”), которые в середине сентября 1941 г. были подготовлены и ждали приказа для прорыва на Север.⁵²¹ В справочнике А. В. Платонова “Советские боевые корабли. 1941-1945 гг.”, изданном в 1996 г., также есть подобные данные, но только по двум лодкам (“С-7” и “С-8”).⁵²²

Анализируя данные по интенсивным оборонительным минным постановкам Советского флота и активное участие экипажей кораблей в боях на суше, командование ВМС Германии считало, в таких условиях, прорыв маловероятным. Одновременно, оценивая реальные возможности Советского и германского флотов, главнокомандующий ВМС Германии гросс-адмирал Э. Редер ещё 17 сентября 1941 г. доложил Гитлеру о невозможности “полностью предотвратить прорыв лёгких быстроходных кораблей”, даже при больших потерях Советского ВМФ от мин, торпедных катеров и авиации.⁵²³ 20 сентября германское военно-морское командование приступило к формированию оперативного соединения кораблей, которое возглавил командующий линейными кораблями вице-адмирал О. Цилиакс. В состав германского Балтийского флота (“Baltenflotte”) вошли корабли, готовые дать бой на выходе из Финского залива: линкор “Тирпиц”, тяжёлый крейсер “Адмирал Шеер”, лёгкие крейсера “Нюрнберг”, “Кёльн”, “Лейпциг” и “Эмден”, 3 эсминца и две флотилии торпедных катеров.⁵²⁴

Опасения германского командования базировались, вероятно, как на примерах прорыва русских кораблей в нейтральные порты в ходе войны на Тихом океане (1904–1905 г.г.), так и на примерах прорыва в 1939 г. польских подводных лодок – через балтийские проливы в Великобританию. В принципе, Советский Балтийский флот подтвердил возможность такого исхода, когда в сентябре – октябре 1941 г. несколько кораблей (3 тральщика – № 82, № 87 и № 89, сторожевой катер и вспомогательное судно) ушли с Моонзундского архипелага в Швецию, где они были интернированы.⁵²⁵

Таким образом, анализ архивных документов и военно-исторической литературы показывает ещё раз грубые стратегические и оперативные просчеты военно-политического руководства, сложность и неоднозначность с положением обороны Ленинграда в 1941–1942 г.г., когда сдача города и уничтожение флота считались крайней мерой, но все-таки реально возможными. С другой стороны, характер подготовленных документов и выделение в отдель-

ный план (пока не обнаруженный) уничтожение базировавшихся в Кронштадте кораблей, даёт возможность предполагать и о существовании, хотя бы в виде расчётов и предложений, плана прорыва кораблей из Ленинграда и Кронштадта в Швецию, Великобританию или на Север.

16. Hummelchen G., Rohwer J. Vor zwanzig jahren. – „Marine Rundschau“, X – 1961, H.5, s.299.

Российские фалеристические памятники Великого княжества Финляндского

Как известно, полностью Финляндия вошла в состав Российской империи в ходе русско-шведской войны 1808-1809 гг.⁵²⁶ 12 февраля 1808 г. было опубликовано воззвание к финляндскому народу, содержавшее обещание созвать сейм и одновременно провозглашавшее присоединение Великого княжества Финляндского⁵²⁷ к Российской империи "наравне с остальными завоеванными провинциями российского государства".⁵²⁸ 16 марта 1808 г. российский император Александр I объявил, что Финляндия "признается областью, российским оружием покорение и навсегда присоединяется к Российской империи". 20 марта 1808 г. это "объявление" было закреплено специальным Манифестом. В начале лета 1808 г. жителям Финляндии предлагалось прислать своих избранных депутатов в город Або "... для совещания о всем, что к благу вашей земли учинено быть может". 17 ноября 1808 г. в Або⁵²⁹ съехались представители различных сословий Финляндии, а 25 декабря 1808 г., когда российский император Александр I официально принял титул великого князя Финляндского, была учреждена для награждения участников Абоского совещания медаль "Депутатам новой Финляндии". На лицевой ее стороне давался поплечный портрет Александра I, развернутый вправо под обрезом - подпись медальера Владимира Ефимовича Алексеева. По окружности надпись: "Александръ Первой Б.М. Император Всеросс." На оборотной стороне вдоль всего края медали шла крупная круговая надпись: "Депутатамъ новой Финляндии", и внутри ее помещена мелкая горизонтальная надпись в три строки: "Ноября = 17 дня = 1808 года", медаль изготовлялась из золота и серебра (для избранных из крестьянской среды) и носилась на шейной голубой лен' ордена св.Андрея Первозванного.

Дальнейший процесс формирования основ финляндской автономии связан с работой Боргоского сейма - сословного собрания представителей Финляндии, созванного русским правительством в г.Борго (10 марта - 19 июля 1809 г.). Здесь было утверждено автономное положение великого княжества Финляндского в составе Российской империи, а император Александр I обязался "нерушимо хранить и оберегать" финляндские законы. Юридически решения Боргоского сейма были закреплены 5 сентября 1809 г. Фридрихсгамским миром, завершившим последнюю русско-шведскую войну 1608-1809 гг. для финских же депутатов Боргоского сейма была учреждена серебряная медаль на шейной голубой Андреевской ленте. На

лицевой стороне медали помещался обращенный вправо подгрудный портрет Александра I; под обрезом - подпись медальера В.Е.Алексеева. По ободу медали шла круговая надпись: "Б.М.Александръ I. Императоръ и Самодерж. Всеросс." На оборотной стороне в верхней половине поля медали давалась четырехстрочная надпись на русском языке: "Депутату = на = Сейме въ Борго = 1809", а ниже помещена концовка в виде фигурной черты. В нижней половине медали шла такая же надпись на шведском языке: "DEPUTERAD = VID = LANDTDAGEN I BORGO = AR 1809"

В октябре 1809 г. повелением императора Александра I была учреждена золотая медаль для граждан финского города Улеаборга.⁵³⁰ На ее лицевой стороне давалось то же изображение Александра I и надпись, что и на медали, предназначенной для депутатов Боргоского сейма, а на оборотной - по кругу вдоль края медали был помещен оригинальный орнамент, внутри которого, в верхней части поля, шла трехстрочная надпись на русском языке: "Гражданамъ = Улеаборга = за усердие"; под ней концовка в виде длинной фигурной черты. В нижней части - помещена четырехстрочная надпись на шведском языке: "AT = ULEABORGS INVANARE = ADAGALAGD NIT", а ниже - концовка в виде фигурной черты. Медальер - В.Е.Алексеев.

В 1810 г. по "высочайшему" повелению была учреждена серебряная медаль для граждан "Новой Финляндии" с поплечным изображением Александра I на лицевой стороне (под обрезом подпись медальера "Р.(резал) Шилов")⁵³¹ и надписью вокруг портрета "Александр Первой Б.М.Император Всерос." Внизу, у самого бортика медали указан год - "1810". На оборотной стороне была дана крупная горизонтальная надпись в три строки: "За честное и = усердное исправле = ние должности", а ниже - концовка в виде фигурной черты; и под ней оставлено свободное место для указания имени и звания награжденного. Медаль носилась на шейной ленте ордена св.Анны (красная лента с золотистой каймою).

В 1816 г., в связи с избранием великого князя Николая Павловича канцлером Абоской академии,⁵³² была учреждена специальная золотая медаль с погрудным изображением великого князя на лицевой стороне и надписью вокруг портрета: "NICOLAUS PAULIDES MAGNUS ROSSIIARUM PRINCEPS" (т.е. Николай Павлович Великий Князь Российский). Под изображением - "TH.COM.DE.TOL." (медальер граф Федор Петрович Толстой). На оборотной стороне давалось изображение Апполона с лирою в правой руке и колчаном со стрелами за спиной, склеившего к настраивающей лиру сидящей Музе, положившего левую руку на ее плечо. Надпись по верху: "ERIS MIHI MAGNUS APOLLO" (т.е. будешь мне великим Апполоном), а под обрезом -

"CANCELLARIO PRINCIPI /ACADEMIA ABOENSIS MDCCCXVI/ (т.е. Великому канцлеру Абоская академия.1816).

31 октября 1817 г. в связи с празднованием 300-летия принятия лютеранства в Финляндии была учреждена специальная медаль,⁵³³ где на лицевой стороне давалось аллегорическое изображение Финляндии в виде сидящей женской фигуры с короной на голове, которая облокотилась правой рукой на щит с финским гербом, а левую руку положила на срезанную колонну. Вверху, под императорской короной в сияние был дан вензель **А**, а по окружности - надпись: "AUSPICHS FE - LIX MAGNIS" (т.е. "Счастливое под сильным покровом"). На оборотной стороне медали было дано аллегорическое изображение Религии в виде сидящей женской фигуры с венчиком из звезд над головой, которая держит в правой поднятой вверх руке потир, а в левой книгу с надписью: BIBL. По верху шла надпись: "ABLATA RECEPIT PIGNORA" (т.е. "Восприняла утраченный залог"). Под обрезом: "PLAUDENTE POST TRIA /SAECULA/ FENNIA DIE XXXI OKTOBRIS /MDCCCXVII/" (Торжествующая после трех веков Финляндия. 31 октября 1817 г.). На обрезе справа: THEOD: C: DE TOL: F. (медальер граф Федор Петрович Толстой).

25 марта 1826 г. императором Николаем I была утверждена золотая и серебряная медаль для награждения крестьян Великого княжества Финляндского. На аверсе этой медали было дано профильное погрудное, обращенное вправо изображение Николая I с сокращенной круговой легендой: "Б.М. Николай I Имп.» Всеросс." На обрезе шеи императора была обозначена монограмма медальера Алексея Алексеевича Клепикова - "К". На реверсе медали во всё поле помещалась горизонтальная пятистрочная надпись: "Въ = знак = монаршего = благое = ления". Золотая медаль носилась в петлице пуговицы, на груди, на голубой ленте ордена св. Андрея Первозванного, а серебряная - на красной с золотой каймой ленте ордена св. Анны.

В 1830 г. для прививальщиков оспы в Великом княжестве Финляндском была учреждена специальная золотая и серебряная медаль. Она явилась своеобразным дополнением к учрежденной еще ранее 16 февраля 1826 г. общероссийской подобной медали.⁵³⁴ На лицевой стороне медали давалось поплечное, профильное, обращенное вправо, изображение императора Николая I, а по окружности помещена надпись на финском языке: "NIKOLAI I. KEISARI KOKOVENAAN ITSEVALT SUOMEN SUURIRUHTIN" (Николай I. Император и самодержец Всероссийский и великий князь Финляндский); на обрезе плеча - мелкая монограмма медальера - "В.А." (Владимир Алексеев). На оборотной стороне была дано изображение богини Гигиены во весь рост, укрывающей своей мантией семерых голых детей; над головой ее видна маленькая пятиконечная звездочка. Вверху, вдоль края медали - надпись на финском языке: "VAKSININ

ISTOTTAMISEN EDESTA" (За прививание оспы). Медаль вручалась награжденным на зеленой муаровой ленте для ношения на груди, в петлице пуговицы.

1 августа 1830 г. императором Николаем I была утверждена для награждения крестьян Великого княжества Финляндского за особые успехи в земледелии серебряная медаль для ношения на груди в петлице пуговицы на ленте ордена св. Анны. На лицевой ее стороне вверху, над обрезами, была помещена художественная композиция из различных орудий сельскохозяйственного производства: на фоне перекрещенных косы и грабель изображен двухколесный плуг с ярмом для пары волов; под обрезами указана в две строки дата: "Августа 1/13 дня 1830 г." На оборотной стороне внутри венка из колосьев, перевязанного внизу лентой, была помещена двухстрочная надпись на финском языке: "TOIMELLIELLE RENELLISYDELL" (честному труженику)

В начале 30-х гг. XIX в. в качестве нововведения в наградной системе России для Великого княжества Финляндского появляется медалеобразный романовский знак, на лицевой стороне которого было дано развернутое вправо изображение Николая I по старой традиции XVIII века - с лавровым венком на голове, а по окружности шла надпись: "Николай I. Императоръ. и. самод. Всеросс." На оборотной стороне знака давалось в центре круга крупное изображение герба царствующей династии Романовых (фамильный романовский грифон с мечом в правой и круглым щитом в левой лапах).

В 1855 г. с приходом к власти нового императора Александра II продолжился ряд золотых и серебряных наградных медалей для награждения крестьян Великого княжества Финляндского, учрежденных императором Николаем I 25 марта 1826 г. с надписью "В знак монаршего благоволения". Рисунок обратной стороны сохранился полностью без изменений, а на лицевой стороне вместо правостороннего портрета Николая I появился левосторонний портрет молодого царя Александра II и новая надпись: "Б.М.Александръ II Императоръ и самодерж. Всеросс." На обрезах плеча императора даны мелкие инициалы мастера - "Р.Г." (медальер Роберт Геннеман). Золотая и серебряная медали носились на груди, в петлице, на голубой ленте ордена св. Андрея Первозванного.

В ходе Крымской войны для награждения сестер милосердия Крестовоздвиженской общины,⁵³⁵ работавших в госпиталях на территории Финляндии в 1854-1856 гг., была учреждена особая серебряная медаль. На ее лицевой стороне давалось крупное изображение восьмиконечного креста в лучезарном сиянии, а по окружности славянской вязью шла надпись: "Боленъ Бехъ и посетисте мене" Внизу, под восьмиконечным лучезарным крестом, в концентрических с окружностью строках, давалась надпись в две строки: "Финляндия = Выборгъ"

Свеаборгъ Або".⁵³⁶ На оборотной стороне, в середине медали, шла горизонтальная шестистрочная надпись: "Въ = память = милосерднаго = служения = страждущей = братии", а по окружности - "Крестовоздвиженская община сестеръ попечения о раненыхъ".

Во время царствования императора Александра II была утверждена и медаль "В память утверждения и освящения православного собора в Гельсингфорсе". На ее лицевой стороне была изображена обращенная влево голова российского императора Александра II. Над головой императора помещалось лучезарное "Всевидающее Око", а под обрезами шеи - герб Финляндии. С левой стороны ранта шла надпись: "Воздайте бож а Богови", а с правой - "А Кесарева Кесареви". В центре оборотной стороны медали изображалось здание православного собора в Гельсингфорсе. Вверху шла надпись: "Благодарные православные Финляндии", внизу - "Утверждена 12/24 Января - 1860". Наряду с целым рядом других медалей, например, медали "В память 700-летия введения христианства в Финляндии в честь выдающихся деятелей Финляндии (Х.Г.Портана - выдающегося лингвиста и историка, Ф.В.Пипинга - ректора академии в Гельсингфорсе), медаль "В память утверждения и освящения православного собора в Гельсингфорсе" была отчеканена не на Санкт-Петербургском Монетном дворе, а на Монетном дворе в Гельсингфорсе, открытом в 1863 г. для чеканки собственной финляндской монеты. Здесь же с 1864 г. чеканили одну из старейших финских наград - медаль Финляндского сельскохозяйственного общества. Еще до вхождения Финляндии в состав России, в 1778 г., по повелению шведского короля Густава III известный медальер С.Енхернинг изготовил для Финляндского сельскохозяйственного общества медаль, на лицевой стороне которой помещалось погрудное изображение шведского короля. На обороте медали был изображен венок, составленный из двух веток дуба, связанных внизу лентой и украшенных цветами и колосьями. В центре его помещалась надпись на шведском языке: "INSIGT OCH DRIFT" (знание и труд). Когда Финляндия вошла в состав России, эта медаль сохранилась, но изображение шведского короля было заменено на изображение российского императора Александра I с надписью по окружности: "ALEXANDER I. KEISARE AF RYSSL. STORFURSTE TILL FINL" (Александр I. Царь России, Великий Князь Финляндии). На оборотной стороне медали в центре венка давалась надпись не на шведском, а на финском языке: "TAITO JA TOIMI" (Знание и работа).

Таким образом, даже краткий обзор российских фалеристических памятников Великого княжества Финляндского с одной стороны ярко отражает своеобразие автономного положения Финляндии в составе Российской империи, а с другой - раскрывает интересную страницу в истории развития наградной системы, как России, так и Финляндии.

Русско-шведская война в дневниках и воспоминаниях участников

Русско-шведская война 1808-1809 гг. занимает особое место, как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Это связано с целым рядом причин. Они заключаются в следующем:

Во-первых, это фактор времени. Война совпала с периодом, когда взоры всей Европы были прикреплены к событиям в центральной и южной ее части, а дела на ее севере-западе, в лучшем случае, представлялись как арьергардные бои, ведомые Наполеоном с антифранцузской коалицией.

Во-вторых, важно иметь в виду ее масштаб. «Число сражавшихся едва доходило до числа убитых и раненых в одном из сражений предшествующих и последующих войн».⁵³⁷

В-третьих, значение имела легитимность. Ни одна из воюющих сторон (и Россия и Швеция) не могли в полной мере считать ее справедливой. Война велась на территории третьей страны - Финляндии, народ которой нес от нее наибольшие страдания и фактически ничего не получал в случае победы или поражения одной из сторон. Правомерно в одинаковой мере рассматривать и шведскую и русскую армии, воевавшие на территории Финляндии как оккупационные.

В-четвертых, следует считать престиж. В начале войны российский генералитет рассматривал «Финляндскую войну», как второстепенную, «затеянную от «нечего делать», для прогулки, чтобы мимоходом «схватить лишнюю награду».⁵³⁸ Но «блицкрига» не получилось. Успешно начатая компания стала принимать затяжной характер, причем командования обеих армий в ходе боевых действий, наряду с блестящими операциями, допускали серьезные ошибки и грубые тактические просчеты, которые подрывали авторитет военачальников как в своих странах, так и за рубежом.

В-пятых, надо учитывать репутацию и воинскую честь. Вооруженная борьба сопровождалась многочисленными политическими «закулисными интригами» и «темными заговорами», которые ставили под сомнение офицерскую честь и доброе имя людей, принимавших участия в отдельных событиях этой войны. Кроме того, в России уже с самого начала войны, общественно-политическое мнение воспринимало третью Северную войну, как меру превентивную, направленную против «заведомо слабого, хотя в прошлом и грозного противника».⁵³⁹

А «бить слабого» на Руси никогда не пользовалось популярностью, поэтому нападение на шведские владения в Финляндии, в целом, осуждалось и считалось бесславленным.

В-шестых, каково было место войны в общественно-политической истории России и Швеции. Общественное мнение каждой из стран в большей степени в 1808-1809 гг. было сфокусировано преимущественно на решении насущных внутригосударственных проблем, на которые результаты боевых действий оказывали скорее косвенное, сопутствующее, чем прямое влияние. Денис Давыдов пишет, что в петербургских кругах не считали события в Финляндии «серьезной войной» и «приглашали нас письмами на веселье в столицу и семейные удовольствия».⁵⁴⁰

В тоже время нельзя не учитывать, что историческое значение этой войны для последующих событий было огромно.

С одной стороны, для Финляндии. С внешнеполитической точки зрения, если для России и Швеции события в Финляндии являлись лишь одним из многих аспектов внешней политики, то для самой Суоми, в буквальном смысле зажатой между «сверхдержавами XIX века», отношения между ними во многом определяли благополучие и спокойное развитие нации. С точки зрения формирования финской государственности, война 1808-1809 гг. разбудила финскую нацию для осознания собственного суверенитета. Захарий Топелиус писал, что «финский народ с 1809 г. приобрел то, что прежде не имел, - свою историю, а то, что относится к случившемуся от 1157 до 1809 гг. - относится ко времени доисторическому». Победа России в войне открыла путь Финляндии к собственной государственности и национальному суверенитету. Несмотря на то, что в результате войны Россия закрепила за собой Великое княжество финляндское, самостоятельность финнов в решении внутренних и внешних проблем возросла. По сравнению со «шведским периодом» своего развития, Финляндия стала меньше привязана к метрополии и культурно, и этнически, и экономически. Было установлено ее национальное представительство. Финляндия получила новое политическое устройство и конституцию, она стала независимой в законодательном, административном, судебном и военном отношении от остальной империи. Это позволило впоследствии финнам легче обрести самостоятельную государственность и независимость.

С другой стороны, для России и Швеции. Эта была последняя война между нашими странами в череде практически беспрерывных войн, которые продолжались почти тысячелетие. Правительства и народы, наконец, задумались, что нет необходимости постоянно воевать друг с другом, ведь можно жить мирно, спокойно торговать, ходить друг к другу в гости, жениться, растить детей. «Прекращение войн на северо-западе, - писал Вильям Васильевич По-

хлебкин, - служивших на протяжении 700 лет непрерывно источником нестабильности в русском государстве и занимавших в истории России второе по значению место после монголо-татарского ига как фактор внешнего давления на Русь оставалось значительным событием с точки зрения государственной власти. Вот почему в 1838 г. Николай I совершил сенсационное и для России, и для Европы посещение Швеции, чтобы таким образом подчеркнуть, что во внешней политике страны началась новая эпоха... России уже не приходилось опасаться «второго фронта» или «бороться в условиях «двух фронтов».⁵⁴¹ Конечно, реваншистские настроения имели место и в более поздней шведской истории, например, в середине XIX столетия, в годы Крымской войны, Оскар I из Стокгольма призывал «схватить великана за горло, а не наступать ему на ногу»,⁵⁴² но здравый смысл победил. Последние 200 лет. отношения между Швецией и Россией демонстрируют, что, несмотря на существующие между странами противоречия, можно забыть старые обиды, уgomонить имперские амбиции и научиться строить отношения друг с другом иначе, чем с позиции силы.

Для шведской государственности эта война имела особое значение.. Поражение в ней могло привести не только к смене правящей династии и изменению внешней политики, основой которой стал провозглашенный Карлом Юханом (Жаном Батистом Бернадотом) вооруженный нейтралитет, но к изменению всей структуры шведского общества, новой формы правления, ознаменовавшей поворот страны к либерализму и демократии. В результате реформ, проведенных после окончания войны, были заложены основы государственного устройства, внутренней и внешней политики современной Швеции.

Но война имела значение и для Российской государственности. Казалось бы, победа над Швецией не оказала прямого воздействия на существующей в стране режим, но в состав империи вошла новая область, которая была более подготовлена к осуществлению конституционных реформ, идеи которых были распространены в окружении Александра I. Авторитарная, по своей сути, построенная на крепостном праве, система государственного управления Российской империи сохранилась, но реформаторы "получили" в свое распоряжение область, которая на протяжении столетия явилась полигоном для «опробования» либеральных реформ, новых принципов построения отношений между центральной властью и регионами, русскими и «иногородцами», проживающими бок о бок. Неслучайно, предварительная работа по созыву финляндского сейма была поручена выдающемуся российскому государственному деятелю, крупнейшему «кодификатору Российского права» М. М. Сперанскому, известного своими конституционными проектами. Фактически, Михаил Михайловича Сперанского вместе с Де-Геером, Спренгпортемом, Ребиндером, Тенгстремом и Колониусом можно считать

организатором Боргского сейма 1809 г. и создателем правовых основ государственного управления Великого княжества Финляндского. Безусловно, опыт, полученный М.М. Сперанским в Финляндии, повлиял и на его дальнейшую деятельность, оказавшую огромное влияние на формирования системы административно-государственного управления Российской Империи. Можно сказать, что ростки демократизации общественной жизни из Финляндии стали распространяться по всей России. Кроме того, само присоединение Финляндии к Империи, в тот период. Когда в воздухе Европы витали идеалы Великой Французской революции, провозгласившей законность неотъемлемой частью деятельности государства, явилось необходимым уроком. М.М. Бородин писал, что 15 марта 1809 г. при въезде в Борго Императора встречала надпись «Александру Первому - защитнику просвещения, законов Финляндии».⁵⁴³ Этот транспарант, как бы диктовал правительству Российской Империи необходимость постоянно объяснять и доказывать международно-правовую легитимность присоединения новой территории, руководствоваться в своей деятельности, прежде всего, законом - как высшим источником права.

Для российской армии эта «маленькая» война стала предвестником большой войны - отечественной войны 1812-1814 гг. В Финляндии получили хороший урок будущие герои Смоленска, Бородина, Малоярославца. С точки зрения военной тактики, финляндская война не принесла много тактических новинок, но практика была огромна. Барклай де Толли, Багратион, Раевский, Денис Давыдов и многие другие офицеры в лесах Финляндии сформировались и как офицеры и как военачальники.

Историки иногда называют «Финляндскую войну» бескровной. Действительно, потери в ней незначительны по «мировым масштабам». Но это не значит, что она не важна для каждого человека, чьи родственники воевали на той или другой стороне, гибли, совершали подвиги и обвинялись в бесчестных поступках, покрывали свои имена и имена своих потомков кто славой, а кто позором. Дети хотели знать, во имя чего, как и почему погибли их родители. Например, финны до сих пор воспитывают своих детей на примерах борьбы их предков с русскими, воздвигают национальным героям той войны памятники, сохраняют их имена в народной памяти. С другой стороны, беспрецедентный переход русской армии по льду Кваркена, «развехованного трупами»⁵⁴⁴ и «понесенные в этом походе трудности», по образному выражению Барклая де Толли «единственно русскому преодолеть только можно»,⁵⁴⁵ служат примером мужества, стойкости и героизма русского солдата. Победа в войне была достигнута не только благодаря таланту Каменского, Барклая, Багратиона и других генералов, смелости и удали Давыдовых и Кульневых, но и смелости и мужеству простого русского солдата, кото-

рый ежедневно и ежечасно, прорубаясь через леса и ледовые торосы, рискуя жизнью ковал победу русского оружия. В 24 фонде Архива Музея Артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится замечательный документ, подписанный Аракчеевым «Список нижних чинов, удостоенных знака отличия военного ордена в компании 1808-1809 гг. с описанием их подвигов». В нем содержится описания 499 случаев проявления русскими солдатами «исключительного героизма и доблести». Все это важно для памяти людей.

Перечисленные выше причины привели к парадоксальному результату. С одной стороны, пока война продолжалась, она мало интересовала современников. С другой, как только она закончилась, к ней проснулся общественный интерес, ее ход результаты стали активно обсуждаться в обществе, но вскоре международные события стали развиваться с такой стремительностью, что текущие проблемы затмили былое. Через некоторое время, года стих шум последнего этапа наполеоновских войн, общество опять вернулось к осмыслению событий той войны, но живых свидетелей осталось немного, да и последующие события происшедшие с ними принесли им более яркие впечатления. Факты и события 1808-1809 гг. комментировались достаточно вольно. Каждая из сторон участник конфликта старалась изобразить события в выгодном для себя свете. В результате на действительные события наложился домыслы и фантазии, которые окончательно исказили их. Прошло почти 200 лет, а действительный ход компаний 1808-1809 гг. и сопутствующие им «закулисные события» окончательно не прояснены. В историографии возникло множество взаимоисключающих, но достаточно правдоподобных легенд и версий, среди которых трудно выделить истинные. Своей работой автор стремиться хоть немного прояснить ситуацию и дополнить ранее опубликованные исследования.⁵⁴⁶

Используя в качестве источников исследования официальные документы, дневники и воспоминания участников тех событий, хранящиеся в архивах. Автор стремился достигнуть наиболее объективной картины. Необходимо было при этом рассматривать в совокупности все известные источники. Официальные материалы дают, реально, «фактуру исследования», набор строго определенных дат и событий, а личные воспоминания создают эмоциональный фон, который помогает почувствовать обстановку, «проникнуться духом» тех дней, вскрыть невидимые причины, заставившие людей поступить известным образом.

В задачу работы входило познакомить читателей с малоизученными источниками. Но в ней отдавалось должное трудам предшественников. Как известно, самое первое подробное описание войны 1808-1809 гг. было выполнено П. К. Сухтеленем, генералом-квартирмейстером, активным участником войны, а в последствии посланником российского престола в

Швеции. Дипломатическая служба в Швеции, позволила ему подробно познакомиться со шведскими источниками, что делает его взгляд более объективным. В 1832 г. в Санкт-Петербурге в типографии Непейцина была напечатана брошюра Сухтелена «Картина военных действий в последнюю войну России со Швецией в 1808-1809 гг.». Данное произведение в равной степени может быть отнесено и к мемуарам и к официальным источникам. П.К. Сухтелен по национальности бельгиец, и перешел на службу в Российскую армию из армии голландской, его родной язык французский, поэтому, естественно, свои мемуары он издает на французском языке. Через некоторое время они переводятся практически одновременно и на русский и на шведский языки. В Швеции они выходят с комментариями «лейтенанта шведской службы Вреде», по-видимому, родственника (сына (?)) назначенного весной 1809 г. командующего шведскими войсками графа Вреде. Очевидно, шведский комментатор имел собственные материалы, позволяющие ему давать оценку труда Сухтелена. Шведского издания автору работы пока найти не удалось. Но разбирая материалы фонда Александра Васильевича Головина (1821-1886 гг.)⁵⁴⁷ в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (РНБ), автор натолкнулся на документ озаглавленный «Замечания лейтенанта Шведской службы Вреде на историю Финляндской войны Сухтелена». Этот документ, по всей видимости был составлен сыном генерала Сухтелена, который также являлся активным участником событий финляндской войны, содержит анализ русского и шведского варианта работы П.К. Сухтелена. Документ составлен в виде таблицы, в которой разобраны разночтения, встречающиеся в русском и шведском вариантах.

Собственно работа П.К. Сухтелена хорошо известна, ее часто цитируют, но, к сожалению, не всегда точно. Особенно много разнообразных трактовок связано с пресловутым вопросом о взятии крепости Свеаборг, а точнее с ролью «золотых бомб», повлиявших на гарнизон крепости, считавшейся неприступной.

Автор данной работы использовал копии соглашения о взятии Свеаборга, составленные непосредственно с текста договора и заверенные в установленном порядке. Такие копии имеются в РГА ВМФ, в фонде посвященном истории Русского флота и в архиве Музея истории Артиллерии, инженерных войск и войск связи в официальном копийном фонде. Могут подтвердить, что П.К. Сухтелен в своей брошюре со скруплезной точностью цитирует отдельную статью о сдаче Свеаборга, которая одинакова и в его книге и в официальных документах. В ней, в частности, отмечается: «Поелику адмирал Кронштедт, предложил, чтобы в случае сдачи крепости в надлежащий срок по сией конвенции, заплачены были Российской Империей Шведскому правительству издержки, сверх определенной суммы на содержание

крепости, каковой долг по достоверным счетам составляет не более 100 тысяч рексталлеров (20000) франков шведской монетую; то главнокомандующий русской армией генерал Буксгевден обязывается испросить на то соизволения своего монарха и употребить все связи для получения оногo». ⁵⁴⁸

Данная статья получила широкое толкование. Наиболее распространенным считается мнение, что Буксгевден просто подкупил Кроншtedта. Такая точка зрения присутствует и у русских и у шведских мемуаристов. Вот что пишет по этому поводу один из участников событий, тогда волонтер, а затем, полковник и командир гродненского гусарского полка Евгений Петрович Назимов, мемуары которого были опубликованы в 1911 г. Как он пишет, «при сдаче Свеаборга по льду залива намостили доски по которым во главе войска шел с красавицей дочерью Клепшортен (Кроншtedт), а за ним все его войска, проходившие между нашей пехотою... войска были отправлены на родину, а адмирал с дочкой в Санкт - Петербург, где отец был пожалован в генерал - адъютанты, а дочь во фрейлены. Слухи носились, что более всего на крепость действовали золотые наши бомбы большого калибра». ⁵⁴⁹

По мнению ряда авторов (например Ф. Казакевича «Описание крепости Свеаборг» - Морской сборник №11 за 1848 г.), косвенным подтверждением фактической взятки повлиявшей на взятие Свеаборга является письмо, направленное Буксгевденом Аракчееву, которое впервые процитировал русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский (1790 -1848 гг.) в своем «Описании Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808-1809 гг., составленном по высочайшему повелению с 20 картами и схемами». Он пишет: «Наконец, чтобы иметь успех в моих предложениях, употребил я для того посредство людей, которых расположение удалось приобрести мне в гарнизоне. Вы видите какими средствами была мне возможность найти пути нам способствующие. Они нам довольно дороги и будут еще дороже, но все сие издержки не могут никогда идти в какое-либо сравнение с тем важным приобретением какое может быть сделано покорением Свеаборга. Я употребил на то экстраординарную сумму она теперь кончилась, а так как вы видите, что в последствии надобно будет сделать еще издержки, то прошу прислать мне таковых секретных расходов еще тысяч 25-30».

Аракчеев наложил резолюцию: «Государь Император надеется, что если старанием и опытностью Вашей сила золота уже ослабила несколько военную пружину, то и окончательное уничтожение оной кажется исполнится». ⁵⁵⁰

Истории с секретными суммами всегда покрыты мраком. Как показывает исторический опыт, тех людей, которые ими распоряжаются в конце концов всегда обвиняют в зло-

употреблении оными. Так случилось и с Буксгевденом. Когда он был отстранен от командования армии, в частности, ему были предъявлены обвинения в «несанкционированном» распоряжении секретными суммами для своего личного благополучия. Подтверждением служит интересный документ, который хранится в РНБ в фонде Олениных. Это письмо Ф.Ф. Буксгевдена к А.А. Аракчееву от 13.09.1809 г. в которых он пишет о потерях и приобретениях в Финляндии, в том числе и оправдывается в целевом использовании «экстраординарных расходов», намекая на их роль в успехе военной компании. Кстати, весьма любопытные воспоминания об отставке Буксгевдена оставил в своих мемуарах государственный секретарь Василий Романович Марченко (1782-1838 гг.), мемуары которого публиковались в журнале «Русская старина» (№№85 и 86 за 1896 г.).

В истории же, связанной с подкупом коменданта Свеаборга, изучив многочисленные архивные материалы (РГИА. РГА ВМФ, МАИВСС), автор склоняется к подтверждению верности позиции П.К. Сухтелена, который писал: «Мы смело утверждаем, что сама мысль о постыдном подкупе чужда была договаривающимся сторонам. Оба генерала, поседевшие на поле чести могли вести переговоры с различными успехами, но они равно неспособны были - один к предложению, другой к принятию средств, противных чести».⁵⁵¹

Необходимо заметить, что П.К. Сухтелен, по-видимому, имел полную информацию о переговорах и связанных с ними нюансах, не зафиксированных в официальных документах, так как посредником между командующим русской армией и комендантом Свеаборга выступал ... его сын - П.П. Сухтелен.

Практически все исследователи, изучающие финляндскую войну, сходятся во мнении, что одним из факторов, оказавшим существенное влияние на ход боевых действий, являлось настроение финского общества. Это подтверждают и мемуары участников событий. Причем, в качестве одной из ключевых дат, выделяется 16 марта 1808 г., день, когда была обнародована «Декларация о разрыве мира со Швецией», в которой Финляндия объявлялась «областью российским оружием покоренной, и, навсегда присоединенной к Российской империи».⁵⁵²

С этого момента и, по мнению участников событий, оставивших нам свои мемуары, и, по мнению исследователей, занимавшихся изучением официальных документов, изменяется отношение коренного населения страны к русским войскам. Исчезновение надежды на приобретение государственной самостоятельности, приводит финское население, правда, не без помощи антрирусской пропаганды, проводимой шведским командованием, к активному участию в боевых действиях, увы, как правило, на шведской стороне. Молниеносное, хорошо спланированное и организованное наступление русской армии замедлилось, победы смени-

лись поражениями, ход войны изменился и только ценой невероятных усилий и напряжения удалось добиться желанной победы. Упомянутый выше Е.П. Назимов в своих мемуарах написал просто: «быстро заняли более половины Финляндии, но еще скорее покатились вспять». Поэт и «герой-партизан Отечественной войны 1812 года» Денис Давыдов описал это образно: «Когда сосредоточенный неприятель напал на разбросанные по kloкам войска наши, когда вспыхнула «война народная», когда подводы с пищею и зарядами прекратились от набегов жителей, когда пожары разлились по невероятному пространству лесов, сквозь которые нам надлежало пробираться, когда каждый шаг вперед и назад требовал всеминутных пожертвований, тогда наши соотечественники не хотели верить слухам до них доходившим... кровь храбрых орошала тундру финскую, запекалась на скалах, по ним рассеянным».⁵⁵³

Официальные сводки и отчеты менее эмоционально, но более точно зафиксировали изменение оперативной обстановки. Так в письме от 17 мая 1808 г. Буксгевден пишет Аракчееву: «Крестьяне вооружаются дубинами, косами, чем могут, разъезжают на телегах и верхом по всем дорогам. Восстаниями руководят офицеры, пасторы и бывшие солдаты... некоторые начальники наших команд, видя общее вооружение и, веря преувеличенной молве о неприятельских силах, оставляют свои позиции столь торопливо, что иногда бывают останавливаемы солдатами».⁵⁵⁴

Невольно напрашивается вывод, что лишения, испытанные Давыдовым в 1809 г. натолкнули его на мысль организовать «летучие отряды» в 1812 г. и стать теоретиком использования «партизанских методов борьбы» в боевых действиях.

В своем кратком сообщении автор остановился только на двух штрихах предложенной темы, позволяющих проиллюстрировать неиспользуемые возможности мемуарных материалов, хранящихся в личных фондах архивов и коллекциях РНБ. Материалы, содержащиеся в мемуарах и дневниках позволяют осветить многие из «белых пятен» последней русско-шведской войны. Я сознательно избегал упоминать дневники и записи Аракчеева, де Толли, Каменского, хранящиеся в архивах и практически неиспользуемых для изучения предложенной темы. Вне исследования остались и исследовательские работы, и мемуары посвященные Армфельду и Спренгпортену, а также деятельности различных политических и религиозных партий, которые принимали активное участие в событиях в Финляндии в 1808-1809 гг. Практически не исследованы материалы РГА ВМФ, посвященные морским сражениям этой войны и замечательные записи, касающиеся «Ледового похода» и отряда Вучича, «экспедиции адмирала Бодиско». До сих пор в научный оборот полностью не введены материалы, собранные по распоряжению Его Императорского Величества экспедицией полковника П.А. Ниве в

1908-1909 гг., хранящиеся в архивах Военно-исторического общества (фонды архива МАИВ-ВС). К сожалению, пока нам недоступны мемуарные материалы хранящиеся в Шведских архивах. Каждая из этих тем может составить самостоятельное исследование, а все вместе они смогут, наконец, составить объективную картину событий 200 летнего прошлого.

Донесения российских консулов из Шведско-Норвежского королевства в Петербург (конец XIX – начало XX вв.) как источник по изучению экономической истории Норвегии

Деятельность российских консулов в Норвегии в 1814-1905 гг., т.е. в период шведской унии, до сих остаётся малоизученной темой как в российской, так и в норвежской историографии.

Консулами являлись официальные представители, назначаемые правительством одной страны в города (особенно портовые) другой, для охраны и защиты там экономических, правовых, культурных и прочих интересов назначившего их государства, а также интересов граждан и юридических лиц этого государства. Консулы бывают: 1) штатными, состоящими на государственной службе своей страны, и 2) нештатными, или почётными. Штатные консулы делились на: 1) генеральные консулы; 2) консулы; 3) вице-консулы; 4) консульские агенты. Консулы освобождались от всяких повинностей, прямых налогов, за исключением налогов на лично принадлежащую им недвижимую, промышленную или торговую собственность, налогов на наследство, а также на доходы, извлекаемые в стране пребывания и не имеющие отношения к их служебной деятельности (напр., торговое или промышленное предприятие).⁵⁵⁵ Генеральному консулу подчинялись все другие, но юридической разницы в правах и обязанностях не существовало. Кроме того, существовали так называемые нештатные консулы, выполнявшие свои обязанности «на общественных началах» без официального жалованья. В Норвегии, особенно на севере, такие назначения производились из числа местных промышленников или купцов, как правило торговавших с Россией. Типичный пример – Конрад Холмбое, почётный (т.е. нештатный) российский консул в Тромсё, по совместительству владелец фирмы «Holmboe & Søn», активно торговавшей с Россией через Архангельск.⁵⁵⁶

Таким образом, т.к. консульства порой представляли из себя торговые предприятия, то и донесения наших консулов можно рассматривать как источники не только по дипломатической, но и по экономической истории. Российские и финляндские товары поступали на склады в Стокгольме, Готтенбурге, Карлсгамне, Ландскроне, Христиании, Гаммерфёсте «и во всех прочих норвежских портах, в коих имеются таможенные камеры, на условиях, постановленных для такового же рода товаров, привозимых на судах Шведских и Норвежских»⁵⁵⁷. Экономические отношения между российской империей и шведско-норвежским королев-

ством регулировалась многочисленными конвенциями. И главной задачей для наших консулов считалась защита российских подданных, занимавшихся торговлей. Существовал даже специальный консульский сбор с приходящих к портам судам.⁵⁵⁸

Но донесения консулов – не просто ведомости пришедших и ушедших кораблей, замечания, предложения или доклады содержат анализ экономической ситуации в российско-норвежских отношениях. В 1819 г. российский генеральный консул в Христиании Штевен докладывал об изменениях таможенных тарифов в Норвегии. Все иностранные товары могли привозиться с этого времени, кроме хлебной и можжевелевой водки, ликёра и карт игральных.⁵⁵⁹ Вывоз же имел только ограничения по дубовому лесу и коры. Штевен показывал, что запрещение вывоза дубовой коры весьма чувствительно ударило по восточным берегам Норвегии. Торговля дубом приносила ей ежегодно до 20.000 фунтов стерлингов. И замены не было, т.к. лес (кроме дуба) при высоких ввозных пошлинах в Англии не приносил большой выгоды. Единственной выгодной (и значительной) статьёй становилась рыба, но и то только по западным берегам. Так что вся пошлина при вывозе ограничивалась лесом, рыбой, мягкой рухлядью (т.е. пушниной), медью и железом.

Штевен указывал на благоприятную перспективу для России, т.к. повышались ввозные пошлины. При этом Дания, до этого, пользуясь унией экспортировала сюда ежегодно до 800.000 бочек хлеба, теперь должна была за свой привозимый хлеб платить на 50% более пошлины, «при том датский хлеб несравненно хуже российского или польского».⁵⁶⁰ Неминуемо при этом по мнению Штевена, увеличение привоза русского хлеба. Сверх того, наши купцы, промышленники и рыбаки, приезжающие ежегодно с Белого моря в Норланд и Финмаркен, оставляли там значительное количество хлеба в обмен на рыбу.

На всём протяжении XIX в. консулы сообщали о всех юридических изменениях, и, главное, об экономических последствиях, или уже случившихся, о возможных путях решения проблем. Консул докладывал и о выполнении торговых договорённостей, о необходимости каких-либо изменений. Императорский российский консул в Финмаркене Березников В. (г. Варде), в записке 1895 г. указывал на устаревание торгового трактата 1838 г.: «большинство его статей отменено новейшими законодательствами и изменениями в экономической жизни народов ... он не оказывает ныне никакого влияния на нашу торговлю с Норвегией».⁵⁶¹

В 1880-е гг. обострилась так называемая проблема «иностраных хищников».⁵⁶² В 1889 году консул в северной Норвегии Островский прислал донесение о положении в промысле морского зверя. По сведениям Островского, в 1888 г. шведский пароход «Вега» добыл

тюленей на 100 000 крон (5600 зверей). Это привлекло в 1889 г. в устье Белого моря ещё 9 норвежских пароходов.⁵⁶³ Причём если пароходы использовались жителями юга Норвегии, то северяне предпочитали парусные яхты. В связи с успехом норвежцев в северных промыслах, консул анализирует деятельность российских властей. По его мнению, опыт выдачи правительственной ссуды чердынскому купцу Суслову на ведение пароходного боя зверей оказался неудачным: промышленник прибыл на зимовку в Варде только с 8 бочками солёного мяса, 8 бочками масла и 4 бочками сала.⁵⁶⁴ Островский указывал на необходимость развития русских промыслов, которые к тому времени всё более отставали от норвежских и английских. И надо сказать, в этом чиновник оказался прав: именно конфликты при добыче рыбы и зверя и браконьерский лов в российских территориальных водах стали причиной обострения российско-норвежских отношений в начале XX в. (прежде всего, на местном уровне). Островский при этом оценивал картину на уровне европейском. В частности, падение цен на китовый жир в Англии в 80-е гг. XIX в. привели к кризису китобойного промысла в Норвегии (где таким промыслом занимались 20 обществ с 32 пароходами) и России. И выходом консул считал развитие добычи альтернативных видов животных, а не механическое увеличение уровня боя китов, напоминая, что тем самым Россия укрепит свои позиции в споре с Норвегией по шпицбергенскому вопросу.⁵⁶⁵

О состоянии торговли между Швецией-Норвегией и Санкт-Петербургом, финскими и южными портами можно судить по донесениям генерального консульства в Христиании. Номенклатура товаров здесь несколько иная, в 1889 г., например, привезено из России в порт Христиании: рожь (16876924 кг), ячмень (1134421 кг), льняное семя (461500 кг), пенька (168016 кг), керосиновое масло (765283 кг), мука (800 кг) и др.⁵⁶⁶ В основном суда приходили из Петербурга, Риги, Либавы, Одессы, Николаева, Севастополя, Таганрога и Улеаборгской губернии (Финляндия). Большая часть товаров прибывала на пароходах, в навигацию 1889 г. только небольшие партии пеньки и смолы привезли на парусниках.⁵⁶⁷

О поморской торговле можно судить по донесениям в департамент торговли и мануфактур МИД консула в Гаммерфёсте. По описаниям, «размен ... начинается с того, что поморы ... по приходе в Норвегию спешат запастись солью, дабы иметь возможность принимать от рыбопромышленников рыбу и солить её в трюме судна». Дело в том, что норвежские суда активно использовали другими странами для перевозок. Если наступало резкое оживление в торговле, то это вызвало усиленное фрахтование судов. В 1889 г. именно такая ситуация и произошла. В итоге соль, заказанная в Англии норвежскими купцами ещё в феврале, попала в Финмаркен только в конце июня.⁵⁶⁸ Первые поморские суда зашли в Варде в мае и просто те-

ряли время в ожидании. Поздняя доставка соли стала причиной завышенной цены, доходившей до 4 крон за гектолитр. В тоже время в Архангельске из-за мелководья возникли с доставкой муки до порта. Плюс не очень хороший урожай, и цены на зерно также выросли (до 1 руб. 10-13 коп. за пуд муки). Надо помнить, что поморы большей частью закупали муку с юга губернии и центра России. К довершению летний улов в Финмаркене оказался скудным, а следовательно и размер для поморов невыгоден. В некоторых становищах на пуд муки они получали не более 1 1/4 пуда трески.⁵⁶⁹ Последствием всех этих неблагоприятных обстоятельств было то, что довольно значительное количество муки было вывезено поморами обратно в Россию. Консул дал прогноз, что привоз норвежской рыбы к Архангельску в 1889 г. составит на 1/4 миллиона пудов менее, чем в 1888. Финансовые убытки поморов могла поправить только благоприятная ситуация на Маргаритинской ярмарке в Архангельске.

Что интересно консул в отчёте дал не только раскладку по всем товарам российско-северонорвежской торговли (подробное описание по таким товарам, как крупчатка, солёное мясо, топлёное масло, свиное сало, картофель, лесные материалы, дрова, бересто, верёвки и снасти, смола и дёготь, керосин, мыло, оленье и тюленьи шкуры, оленье рога, чай, конфеты, орехи, варенье, самовары и чайная посуда), но сделал предложения по более интенсивному использованию русских товаров на норвежском рынке. В частности, свиное сало, по мнению Островского, теряло свои позиции из-за гораздо дешёвого американского, и конкуренция здесь не имела бы перспектив. Что касается солонины, то этот товар находил верный сбыт среди местного населения. Норвежские купцы даже отправили солёное мясо в виде пробы в порты южной Норвегии в качестве предмета корабельной провизии. Мясо было признано весьма хорошим, но дело не пошло далее опыта «по причине дурной и неправильной укупорки».⁵⁷⁰ В Архангельское мясо укладывалось в бочки до 6 пудов, в Мезени же до 10 и 12 пудов, что оказалось слишком громоздким для торговцев. Большие нарекания у норвежских оптовиков вызывали бочки невысокого качества. Анализируя мнение о русских товарах в Норвегии, дипломат, отметил, что «Мезенское мясо своею дурною укупоркой и плохим приготовлением много вредит общему мнению о русском мясе». Топлёное масло тоже пользовалось спросом в Норвегии и отличалось особенно большим привозом опять же из Архангельска и Мезени, причём, как и в ситуации с солониной нарекания вызывала упаковка. Благодаря своей сравнительной дешевизне и тому, что хорошо сохранялось, оно находило хороший сбыт у местного населения: «самый бедный норвежец никогда не ест хлеба без масла».⁵⁷¹ Но и этому продукту приходилось с каждым годом выдерживать всё более и более серьёзную конкуренцию с другими сортами масел. На первом месте в этом отношении шёл маргарин норвежский

и доставляемый через Берген и Тронхейм из Голландии и Гамбурга. Картофель привозился на парусных лодках и пароходах с Мурмана вместе с другими овощами, сеном и ягодами, и особой конкуренции здесь не наблюдалось. Лесные материалы (доски, брусья и т.д.), приобретаемые поморами с лесопильных заводов в Архангельске, Онеге, Мезени, покупались норвежцами охотно, если удавался весенний рыбный лов. Если на этом лове рыбопромышленники заработали хорошие деньги, у них «пробуждалась потребность починивать и строить дома», и они охотно приобретали у поморов доски и брёвна.⁵⁷² Не меньшим спросом в безлесном Финмаркене пользовались и дрова.

Согласно докладу консула в Варде Березникова, норвежский таможенный тариф отличался весьма низкими ставками, причём главные из предметов русского вывоза, напр. керосин, овёс, пенька, дёготь и т.д. (на севере ещё ржаная мука и лесные материалы) допускались в Норвегию вообще беспошлинно. Хлебные же товары, за исключением пшеничной муки, облагались очень низкими пошлинами.⁵⁷³

А вот успехи в торговле берестом Островский не одобрил. И это при том, что бересто составляло один из самых верных и прибыльных предметов поморской торговли. Бересто использовалось в Норвегии в самых разнообразных областях: на крыши домов, в значительном количестве направлялось в южную Норвегию, в города Кристиансанд и Алезунд, где им выстилалась трюмы кораблей, погружавшихся сухой трескою. Неограниченный вывоз береста из Архангельской губернии на поморских судах вызывал у Островского опасения за порчу лесов, он даже считал «полезным и желательным ограничить торговлю этим, хотя и выгодным, но крайне опасным в смысле лесосохранения предметом». Консул обращал внимание на то, что, Норвегия не торгует берестом, а предпочитает получать его из России.

Что интересно, в Тромсё крупнейшим импортёром русского береста стала фирма «Холмбое и Сын», собственность Конрада Холмбое, российского нештатного консула. Сфера деятельности «Холмбое и Сын» удивляет своим разнообразием: это не только чисто торговые операции торгового дома Холмбое по продаже рыбы в Северной России и закупке русской муки (чем традиционно ограничивают российско-норвежские отношения в этот период). «Холмбое и Сын» одновременно являлась своего рода кредитным банком: русские купцы не раз обращались к российскому вице-консулу с просьбой о выделении денег на проведении торговых операций.⁵⁷⁴ Недостаток денежных средств особенно остро ощущался в период промыслов, когда русские торговцы за короткий срок тратили большие суммы (выловленную рыбу необходимо засолить в течении нескольких часов). Для засолки требовалось огромное количество соли. Фактически единоличным поставщиком-посредником соли (закупалась, как

правило в Англии) являлась «Холмбое и Сын». Архивные документы начала века свидетельствуют, что «соляной» кредит для некоторых поморов составлял порой несколько тысяч рублей за сезон.⁵⁷⁵

Верёвки и корабельные снасти всё более и более теряли сбыт в Норвегии и в особенности в Варде. Архангельские фабрики выделяли снасти, но поморы предпочитали покупать не очень качественные, но дешёвые самодельные верёвочные у крестьян. В итоге конкуренцию со стороны Бергенских фабрик (где применялись новейшие усовершенствования) русская продукция не выдерживала. Островский считал очень досадным упущением российской промышленности, т.к. Норвегия всё более развивала свою рыбную отрасль и потому представляла обширный перспективный рынок для сбыта верёвочных изделий, не обложенных ко всему никакой ввозной пошлиной.

Что касается закупок товаров в Норвегии, то лидером безусловно оставалась рыба. Хотя российские власти пытались организовать конкуренцию мурманскими промыслами. С 50-х гг. XIX в. начинается планомерное заселение Мурманского побережья (по началу с помощью тех же норвежцев). Но больших успехов в замене норвежской рыбы достичь не удалось. По данным, приводимым В.В.Сусловым, улов мурманских промышленников во второй половине 80-х гг. XIX в. достигал 1 077 000 пудов за сезон.⁵⁷⁶ Треть добычи шла в Санкт-Петербург, треть - за границу, остальное - в Архангельск. Но к этому времени кольским промыслам так и не удалось вытеснить норвежскую рыбу с архангельских рынков (импорт рыбы из Норвегии в 1,5 раза превосходил мурманский улов). В 1886 г. кольский уездный исправник докладывал губернатору, что «меновая торговля в Норвегии идёт весьма неудовлетворительно»: отсутствовал спрос на доски, мука, купленная в Архангельске по 8 рублей 50 копеек, шла по 7 рублей, из-за больших уловов у норвежских берегов ожидалось понижение цен на мурманскую рыбу.⁵⁷⁷ Вследствие плохих уловов около мурманских берегов поморы шли в Финмаркен. В 1889 г. российский консул в Гаммерфёсте, докладывая о русско-норвежских столкновениях, предложил провести нумерацию всех промысловых судов двух государств. По указу шведского короля от 8 апреля 1890 г. «кормщик на рыболовной лодке и шкипер судна, которые пожелают производить лов рыбы из какой-либо гавани Финмаркенской губернии, обязаны... объявить чиновнику инспекции о своём приходе, так и о своём имени и месте жительства, а равно и об именах и местах жительства находящихся на их службе лиц».⁵⁷⁸ Таким образом, норвежское правительство постепенно ограничивало права русских промышленников у своих берегов. По донесению кольского уездного исправника, рыбопромышленники Мурманского (на 102 промысловых судах) берега заработали в 1890 году в Нор-

вегии от 35 до 70 рублей, отдав от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ этой суммы за пользование гаванью и продовольствие.⁵⁷⁹ По заявлению консула Островского, столкновения подданных двух стран происходили из-за «обрезания и порчи норвежцами из корыстных целей или национальной вражды, рыболовных снастей у наших промышленников», виновные «в подобных преступных действиях в большинстве случаев оставались необнаруженными».⁵⁸⁰ Правитель канцелярии архангельского губернатора в докладе 1892 г. считал необходимым принять ответные меры по отношению к норвежским рыбакам у берегов Мурмана.⁵⁸¹ Для охраны промыслов стало использоваться военное судно «Бакан». Последнее по пути из Балтийского моря к берегам Мурмана посетило в своё время Копенгаген и норвежские порты Ставангер, Берген, Трондхейм, Тромсе, Гаммерфест и Варде.⁵⁸²

Из других предметов вывоза из Норвегии на поморских судах кроме рыбы солёной и сушёной можно выделить шерстяные рубашки. Как сообщал Островский, «почти каждый помор, отправляясь из Норвегии, запасается одним или двумя тюками (в 10 штук) рубашек для себя и своих матросов».⁵⁸³ Эта тёплая, прочная и крайне необходимая на Севере одежда производилась вручную на Фаррерских островах и привозилась в Норвегию через Копенгаген и Берген, в Варде эти рубашки продавались в конце 80-х гг. от 1 $\frac{1}{2}$ с 2 рублей за штуку.

Общий тоннаж торгового флота Норвегии составил к 1910 году 3.910.000 тонн.⁵⁸⁴

В годы Первой мировой войны консулы продолжали свою деятельность, и также отслеживали экономическую ситуацию, хотя военная специфика всё более преобладала. В 1915 г. консул в Финмаркене, описывая опыт Норвегии в использовании промышленников-добровольцев по расчистке акватории порта от немецких мин, предлагал перенести этот опыт и в Россию, в Белое море.⁵⁸⁵ По донесению генконсульства в Христиании, с начала войны по 31 октября 1916 г. норвежский торговый флот потерял 244 судов общим водоизмещением 316316 тонн.⁵⁸⁶ По словам секретаря общества судовладельцев, норвежцы потеряли 13.614.001 крон, ожидавшихся в качестве прибылей от сделок по фрахтованию пароходов и 14.335.854 крон - стоимость погибших на кораблях грузов.⁵⁸⁷

Таким образом, донесения российских консулов являются чрезвычайно ценным источником по экономической истории Норвегии, освещают практически все вопросы российско-норвежских торговых отношений XIX – начала XX вв. Сами консулы (особенно нештатные) часто занимались предпринимательской деятельностью, поэтому их теоретические выкладки основывались на практическом опыте. Особо важным обстоятельством здесь является то, что возможно проследить реальное воплощение в жизнь намерений (отражённых в торговых договорах) России и Норвегии в совместной экономической деятельности.

Работа А.М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения» (1865) и статья А.В. Луначарского «Торвальдсен» (1910)

В отечественной историографии, связанной с именем Бертеля Торвальдсена, датского скульптора-неоклассициста первой половины XIX века, основополагающей и по сей день считается статья А.В. Луначарского «Торвальдсен», опубликованная впервые в 1910 г. в газете «Киевская мысль» (№ 298). Обстоятельство это, однако, вовсе не означает, что имя датского скульптора, имевшего в свое время тесные контакты с русской аристократией и помогавшего в Риме пенсионерам Петербургской Академии художеств, было предано в России забвению.

В 80-е – 90-е гг. XIX столетия были опубликованы письма русских пенсионеров в Италии – К.П. Брюллова, О.А. Кипренского, А.А. Иванова, С.И. Гальберга, в которых содержались отзывы этих мастеров о Торвальдсене. Особенно интересны в этой связи дневниковые записки С.И. Гальберга, которые он вел в свою бытность за границей с 1818 по 1828 гг. С.И. Гальберг сообщает много интересных сведений о Торвальдсене и дает его образный портрет.

Опираясь на «записки» пенсионеров Академии художеств, а также на архивные материалы, советские исследователи 50-х – 80-х гг. XX в. в монографиях, посвященных творчеству отдельных мастеров русской живописи и скульптуры, смогли представить на суд читателя более или менее подробный портрет знаменитого датского скульптора. В этой связи следует упомянуть монографии Э. Ацаркиной «Орест Кипренский» (М., 1948); М. Алпатова «А.А. Иванов» (М., 1956); Я.И. Шурыгина «Б.И. Орловский» (Л-М., 1962); Э. Ацаркиной «К.П. Брюллов. Жизнь и творчество» (М., 1963); В.С. Турчина «Орест Кипренский» (М., 1975); М. Алленова «А.А. Иванов» (М., 1980). Однако, во всех выше названных изданиях Торвальдсен не является «специальным объектом исследования» – его упоминают лишь как наставника, советчика, учителя молодых русских художников в Италии.

В 1992 г. в отечественном искусствознании появилась работа, непосредственно посвященная Торвальдсену – исследование Л.И. Таруашвили «Бертель Торвальдсен и проблемы классицизма» (М., 1992), выполненное на базе диссертации с одноименным названием (М., 1982).

Таким образом, уже в веке XX-м, в какой-то мере осуществилась мечта русского критика А.М. Матушинского, призывавшего в предисловии к своей работе «Торвальдсен и его произведения» (1865) «сказать о Торвальдсене свое слово в печати» художников и «людей, более/чем/ (- Т.М.) знающих в деле искусства».

Однако, несмотря на появление вышеупомянутых работ, статья А.В. Луначарского «Торвальдсен» не утратила своей актуальности, о чем свидетельствует, между прочим, факт неоднократного ее переиздания ¹.

В основу написания статьи легли личные впечатления А.В. Луначарского от посещения музея Торвальдсена в Копенгагене, «живым духом» буквально наполнена каждая ее строчка. Но за живостью впечатлений стоит глубокое философское осмысление увиденного и - знакомство с трудами своих предшественников в этой области.

В задачу данной статьи не входит анализ всех доступных и допустимых для использования Луначарским русскоязычных источников. Отметим лишь, что таковых безусловно прослеживается по крайней мере два. Во-первых, это путевые заметки Д.В. Григоровича «Корабль Ретвизан», опубликованные впервые в «Морском сборнике» (1860, № 3). Совершая годичное морское путешествие по Европе, Д.В. Григорович, питавший «большую слабость к Копенгагену и вообще к Дании», не преминул посетить музей Торвальдсена, восторженные отзывы о котором он и предложил вниманию русского читателя, считавшегося им «легкомысленным в деле строгой художественной оценки». Заметки Григоровича не могли не вызвать интереса к Торвальдсену – «гениальной частной личности», наполнившей собою целый огромный город ².

Можно с полным основанием утверждать, что вторым источником, использованным А.В. Луначарским, была работа А.М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения» ³. Конечно, сравнивать статью А.В. Луначарского с работой А.М. Матушинского трудно и было бы неправомерно. Это разные по жанру, стилю, объему и поставленным задачам произведения. К тому же написанные совершенно в разные исторические эпохи. И все-таки, некоторые замечания, на наш взгляд, будут уместны.

Известно, что А.В. Луначарский писал о произведениях искусства по памяти – так и статья «Торвальдсен» написана под впечатлением от посещения музея Торвальдсена в Копенгагене – и в этом плане она сопоставима с работой А.М. Матушинского, толчком к созданию которой также послужили (но уже многократные) посещения музея «датского Фидия» в 1857 и 1858 гг. Был ли Луначарский в музее Торвальдсена всего лишь раз? Если исходить из того, что критик находился в Копенгагене с 28 августа по 3 сентября 1910 г., где принимал участие

в работе Международного социалистического конгресса, - то, скорее всего, это так. Но по некоторым данным, Луначарский уехал в Париж лишь в 1911 г., возможно, он пробыл в Копенгагене и дольше, и тогда имел возможность повторных визитов в музей Торвальдсена.

Думается, что с работой А.М. Матушинского (напомним, что она публиковалась в «Русском вестнике» в 1865 г.) Луначарский познакомился уже *после* посещения музея Торвальдсена – это ему, человеку европейски образованному, было сделать нетрудно. Небольшая по объему, статья Луначарского обнаруживает «следы» явного влияния работы Матушинского «Торвальдсен и его произведения». Влияния эти весьма разноплановы.

Они могут касаться, например, чисто фактических данных биографии Торвальдсена. Так Луначарский пишет о первых годах пребывания Торвальдсена в Риме: «Здесь, в Риме, Торвальдсен не только мог насмотреться вдосталь греческой красоты, но и попал в ближайший круг друзей самого Гете, группировавшихся вокруг такого человека как Вильгельм фон Гумбольдт»⁴. А вот что мы находим в сочинении Матушинского: «...Вальтер Скотт, Байрон, Меттерних, Вильям Бентинк, Вильгельм Гумбольдт поочередно приходили позировать в его мастерскую». И далее: «Дом прусского посланника барона Гумбольдта был в продолжение зимы 1807 г. центром, куда собиралось все, что в Риме было в то время самого знаменитого по части науки, искусств, литературы. Датские художники и путешественники всегда были приняты здесь с величайшим радушием. Торвальдсен и исторический живописец Лунд принадлежали к числу постоянных гостей и друзей дома.»⁵. Подобных «параллелей» встречается достаточно много.

Есть в статье Луначарского и прямое «цитирование» «из Матушинского»: «Характерные вещи рассказывает сам Торвальдсен о своих отношениях с Кановой в следующих строках: «Когда Канова кончал какую-нибудь работу, он обыкновенно просил меня посетить его для ее осмотра. Он хотел знать мое суждение о ней. Если я делал какие-нибудь замечания, говоря, что та или другая складка одежды была бы лучше вот так или вот этак, он совершенно соглашался со мной, горячо обнимал и благодарил. Но никогда ничего не поправлял. Из вежливости и я приглашал его в мою мастерскую. Когда он приходил, то рассыпался в восклицаниях: «Великолепно, восхитительно, ничего нельзя ни прибавить, ни убавить, ни изменить».⁶ Однако, Луначарский не просто приводит заимствованную цитату, но и делает на ее основании определенные выводы в отношении Торвальдсена уже не как скульптора, а как человека, в сравнении его с Кановой: «Тут чувствуется *разница натур* (курсив наш –Т.М.) графа Кановы, льстивого и сангвинистичного итальянца, принятого при всех дворах, баловня королей, и северянина Торвальдсена, сына лодочника, от которого все еще пахнет медведем»⁷.

На что еще хотелось бы обратить внимание, сопоставляя статью Луначарского и работу Матушинского? Главным, на наш взгляд, является то, что работа Матушинского помогла Луначарскому «отобрать» из увиденного в музее Торвальдсена в Копенгагене наиболее ценное, что есть в наследии скульптора. Так, например, Луначарский (хотя и мимоходом, уже в конце своей статьи) совершенно справедливо отмечает, что «быть может еще более изысканным мастером показывает себя великий датчанин в барельефах»⁸. При этом Луначарский акцентирует внимание на барельефах Торвальдсена «Времена года» и на цикле, иллюстрирующем «Иллиаду» – подробное описание этих барельефов дает и Матушинский. Но и в данном случае Луначарский «идет дальше» критика XIX в. – он разгадывает секрет успеха Торвальдсена в барельефных композициях – это «одомашненный классицизм», «опоэтизированная мещанская добродетель», органично «вошедшая» в дом простой датской хозяйки, скрасив ее повседневный быт.

Статья Луначарского отличается глубоким проникновением в суть явления, определением *места* Торвальдсена в культурном контексте своего времени, она содержит описание музея Торвальдсена не только как художественного, но и как определенного исторического феномена. Яркая и выразительная, но вместе с тем лапидарная манера изложения Луначарского дает читателю представление о Торвальдсене куда более живое, чем, безусловно, увлекательное, но иногда чуть медлительное и «архаизированное» повествование Матушинского.

Статья Луначарского, несмотря на свой небольшой объем, является, на наш взгляд, лучшим, что до сих пор написано о Торвальдсене в России.

Красная Армия глазами финского командования: уроки советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

Как известно, события советско-финляндской войны 1939–1940 гг. оказали очень сильное влияние на формирование мнения германского верховного командования относительно боеспособности Красной Армии. В результате изучения полученной по разным каналам разведывательной информации о Советских Вооруженных силах, германским военным руководством был сделан неверный вывод о том, что РККА является “колоссом на глиняных ногах” и что для сокрушения ее сил не понадобится слишком много сил и времени. Это обстоятельство впоследствии сыграло свою роковую роль при подготовке фашистской Германии к войне с Советским Союзом.

Однако, вполне естественно, что столь невысокое мнение германского генералитета не могло основываться просто на сообщениях прессы о ходе войны, донесениях военных атташе или своих предвзятых оценках. Для этого были необходимы более убедительные факты, которые подтвердили бы правильность собственных выводов. И в этом отношении, для немецкой стороны огромную роль сыграли материалы о “зимней войне”, которые были переданы командованием финской армии после ее окончания. Именно эта информация стала основным источником сведений о сильных и слабых сторонах советских вооруженных сил.

Финская сторона не один раз предоставляла главному командованию сухопутных войск Германии (ОКХ) разведывательную информацию по Красной Армии, в связи с прошедшей советско-финляндской войной 1939-1940 гг. Судя по разным данным⁵⁸⁸, на протяжении 1940 г. – первой половины 1941 г. различные представители финского генералитета (П. Талвела, Х. Эквист, Х. Эстерман, А. Хейнрикс, В. Туомпо, В. Валве) неоднократно посещали Германию. Вероятно, что в ходе этих визитов финские генералы передавали немецкой стороне различные разведывательные материалы, в которых делались обзоры состояния Красной Армии по опыту “зимней” войны. В частности, в монографии М. Йокипии подчеркивается, что осенью–зимой 1940 г. “поток информации шел ... только в одном направлении: от финнов, которые просили помощи, в сторону Германии”⁵⁸⁹. Упоминания об этой информации также содержатся в некоторых известных источниках. К примеру, 3 февраля 1941 г. начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер в своих заметках к плану “Барбаросса” пишет следующее о советской артиллерии: “...В численном отношении

артиллерия весьма мощная, однако матчасть устарела. По опыту боев в Финляндии, артиллерия непригодна к ведению эффективного огня на поражение...”⁵⁹⁰. Причем, далее в своем дневнике он прямо ссылается на некую “финскую оценку”⁵⁹¹. А если учесть, что 30 января 1941 г. в Берлин прибыл с деловым визитом начальник генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерал-полковник А. Э. Хейнрикс, то нетрудно понять, откуда вдруг появились эти сведения у немецкой стороны. Или же 1 июля 1941 г., уже после начала войны с СССР, всё тот же Ф. Гальдер обсуждал с финским генерал-лейтенантом Х. Эквистом “боевой опыт войны Финляндии с русскими”⁵⁹². Таким образом, между Германией и Финляндией имел место постоянный обмен информацией военного характера относительно Советского Союза.

2 октября 1940 г. отдел “Иностранные армии Востока” IV-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск Германии распространил за № 3535/40, с грифом “секретно”, документ под названием “Опыт финско-русской войны”⁵⁹³. Как было указано в его вводной части, “нижеследующий анализ основан на отдельных отчетах об опыте, полученных из финских источников”, которые “недостаточны для того, чтобы составить полное, соответствующее действительности, представление о Красной Армии”⁵⁹⁴. В этом крайне интересном обзоре, ныне хранящемся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГА ВМФ), были отмечены наиболее принципиальные недостатки в действиях Красной Армии.

В начале обзора “Опыт финско-русской войны” речь шла о тех условиях, в которых пришлось действовать советским войскам. Подчеркивалось, что боевые действия РККА развернулись в 100–200 км от станций выгрузки, а “вследствие труднопроходимой местности и неблагоприятных метеорологических условий подвоз на механической тяге и лошадях был недостаточным”. На Карельском перешейке, как указывалось в отчете, было сосредоточено такое количество войск, что подвоз продовольствия в течение длительного времени был организован очень плохо. Более того, подчеркивалось, что отдельные воинские соединения в течение нескольких недель получали продовольствие только с самолетов⁵⁹⁵.

В качестве самых главных причин неудач советских войск были названы недостаточная инициатива и шаблонные, неповоротливые действия, выразившиеся в стремлении все время оставаться на дорогах, неумении совершать переходы по лесистой местности и вести на ней боевые действия⁵⁹⁶. Также, по мнению финского командования, “русские неправильно оценивали эффективность и возможности использования отдельных видов оружия”. В частности, было отмечено увлечение советского командования использованием танков⁵⁹⁷.

Финские аналитики внимательно рассмотрели систему отдачи приказов в Красной Армии, указав на ее основные недостатки. Во-первых, была отмечена недостаточность данных о противнике и плохая организация разведки. Была подвергнута критике формулировка боевых задач в советских приказах: "...Распоряжения сформированы (скорее, сформулированы – П. П.) так неясно, что в большинстве случаев подчиненные не понимают, что намечено и как командир представляет себе выполнение данной задачи"⁵⁹⁸. Здесь же указывалось, что при отдаче приказа на день, как правило, тщательно сохранялись в тайне дальнейшие действия командира: следует ли идти вперед или сделать привал. Командирам соединений и частей не всегда удавалось поддерживать связь с подразделениями, из-за чего в приказах часто ставились задачи сразу на 2 дня⁵⁹⁹.

Финнами также отмечалась плохая ориентировка советских командиров на местности и незнание собственных разграничительных линий. Это приводило к тому, что они зачастую не знали, за какой район они несут ответственность и какая часть находится рядом. Финские подразделения, пользуясь неразберихой в управлении и отсутствием всякой согласованности в действиях советских соединений и частей, легко проникали в их тылы. Танковые части, временно придаваемые пехотным соединениям, не имели четкого представления о том, "в каком пункте они будут взаимодействовать, по какой дороге им следует идти и кому они должны передавать сообщения"⁶⁰⁰. Отдельно было указано на один из самых крупных недостатков в действиях Красной Армии – отсутствие всякого взаимодействия между различными соединениями и родами сил на поле боя⁶⁰¹.

Финскими командирами было верно подмечено, что изложенные в различных наставлениях РККА указания по ведению разведки в ходе боевых действий советскими частями практически не выполнялись. Финнами был приведен пример, хорошо характеризующий отношение советских командиров к разведке. При выдвижении советской стрелковой дивизии для наступления, ее разведывательный батальон, как правило, замыкал колонну, хотя обязан был находиться в ее авангарде⁶⁰².

Система боевого охранения советских войск была оценена финскими военными достаточно высоко. Как отмечалось в отчете, фланги и опорные пункты русских оборонялись отрядами из 15–20 человек, которым придавались пулеметы или танки. Это охранение "было очень бдительным, о тревоге оно предупреждало выстрелами, сиренами и световыми ракетами"⁶⁰³.

Отдельную часть документа составило описание ведения боя советскими частями. Особо было отмечено, что пехота всегда проводила атаки с большим подъемом, а "русские

боялись плена, так как пропаганда изображала финнов особенно зверским народом”. По наблюдениям финнов, если кто-либо из солдат обращался в бегство, то командир подразделения зачастую пристреливал его⁶⁰⁴.

Атаке советских частей, как правило, предшествовала многочасовая артиллерийская подготовка, на которую отпускалось значительное количество снарядов. В качестве доказательства этого положения, был приведен пример, когда на участке фронта шириной в 1,5 км за 2 часа было расстреляно свыше 10 тысяч снарядов. Насыщение передовой линии артиллерией вообще было довольно высоким: на участке фронта шириной в 2500 м находилось около 300 орудий. Помимо артиллерийской поддержки, атака пехоты почти всегда прикрывалась танками. В среднем, каждой дивизии придавалось 50–100 танков, а при наступлении на укрепленную позицию их количество достигало 200 штук⁶⁰⁵.

При наступлении, согласно наставлениям, стрелковой роте отводился участок фронта шириной в 300 м, батальону – 600 м, а стрелковой дивизии – 4500 м. В ходе атаки, пехота шла за танками 2–3 волнами, при этом полковая артиллерия и пулеметы двигались вместе с пехотными подразделениями. По мнению финнов, самой мелкой атакующей боевой единицей РККА был батальон. В основном, атаки проводились глубокоэшелонированными волнами, хотя в конце войны использовались также и тактические группы. При атаке, все 3 батальона полка располагались очень плотно, друг за другом, что приводило к большим потерям среди атакующих.

Было замечено, что атаковавшие “линию Маннергейма” советские стрелковые дивизии довольно быстро бросали в бой все имевшиеся резервы. Причем, уничтожение первой волны советской пехоты отнюдь не приводило к прекращению наступления. Более того, финское командование заметило, что даже если наступление с самого начала захлебывалось, то на протяжении целого дня на этом участке фронта, не взирая ни на какие потери, бросались в бой все новые и новые части. В конце концов, не выдерживая такого яростного напора со стороны советских войск, финские части, оборонявшие укрепления, были вынуждены отходить⁶⁰⁶.

Первая волна советской пехоты стремилась наступать до линии вырвавшихся вперед танков, чтобы под прикрытием их огня и поставленной ими дымовой завесы начать окапываться. Финнами было замечено, что пехотинцы окапывались очень быстро и умело. Поэтому, при наступлении советских частей финны стремились перейти в контратаку и не позволить создать оборонительные позиции. Если допускалось промедление с контратакой, то дальше выбить советские части с занятых позиций было уже крайне сложно, поскольку

“однажды занятые позиции русские назад не отдавали, они защищали их до последнего человека”⁶⁰⁷.

Оборонительные действия советских войск квалифицировались финским командованием как упорные и мужественные. Однако, несмотря на обучение и тренировку в оборудовании позиций, действия оборонявшихся советских частей страдали известными недостатками. Например, было замечено, что русские позиции были недостаточно эшелонированы в глубину и не всегда хорошо применены к окружающей местности. Кроме того, советские части так плохо поддерживали связь между собой, что зачастую между окопавшимися батальонами незаметно проходили финские лыжные отряды⁶⁰⁸.

В действиях советской артиллерии также было обнаружено немало недостатков. На начальном этапе боевых действий было израсходовано огромное количество боеприпасов, но при этом не было достигнуто сколько-нибудь значительных результатов. Объяснялось это тем обстоятельством, “что не было никакого управления огнем”. Правда, в дальнейшем, как признавала финская сторона, было отмечено улучшение в использовании артиллерии⁶⁰⁹. Было замечено, что одна часть артиллерии использовалась исключительно против системы оборонительных сооружений финнов, в то время как другая обстреливала тыловые коммуникации. Для корректировки артиллерийской стрельбы в ходе войны применялись привязные аэростаты, которые вели наблюдение не только днем, но и ночью⁶¹⁰.

По применению танков финской стороной были сделаны следующие наблюдения. Взаимодействие танковых эшелонов было настолько плохо организовано, что атаки на главную оборонительную линию неизменно отбивались финскими войсками. Финны всякий раз успевали подготовиться к отражению советских танковых атак, поскольку подход последних к линии фронта сопровождался сильным шумом. Вообще, из опыта применения бронетанковых частей РККА финны сделали тот вывод, что “атака танков при хорошо организованной обороне редко может закончиться успешно”⁶¹¹.

Общий вывод, сделанный немецкой стороной по итогам “зимней войны”, гласил, что “Красная Армия не отвечает современным требованиям”⁶¹². Однако, германская разведка не стала делать слишком поспешных категорических выводов, верно предположив, что недостатки, проявившиеся в ходе боевых действий, были хорошо известны советскому командованию и из них будут сделаны надлежащие выводы. В частности, были отмечены такие положительные меры советского руководства, как восстановление единоначалия офицеров, укрепление дисциплины, новые директивы об обучении высшего командного состава и хорошая подготовка отдельных воинских соединений (скорее всего, имелись в виду отличившиеся на

маневрах 1940 г. дивизии). Все это, по мнению немецкого командования, свидетельствовало о том, что “следует рассчитывать на определенные успехи в отношении подготовки Красной Армии”⁶¹³.

Тем более удивительно, что, несмотря на столь выдержанную оценку боевых возможностей РККА, сделанную генеральным штабом сухопутных войск, германское военное руководство впоследствии полностью переменяло свои взгляды на этот счет и стало довольно пренебрежительно отзываться о Советских Вооруженных силах. Достаточно только почитать записи из служебного дневника начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера за 16 января 1941 г.: “...Материальная часть устарела. Новое только то, что взято из-за границы. Командование безынициативно. Не хватает широты мышления”⁶¹⁴. Более того, начальник немецкого Генштаба полностью согласился с оценкой советских вооруженных сил, данной им А. Гитлером на совещании 5 декабря 1940 г., о чем свидетельствует следующая запись: “...Русский человек неполноценен. Армия не имеет настоящих командиров. Смогли ли они за последнее время серьезно внедрить правильные принципы военного руководства в армии, более чем сомнительно. Начатая реорганизация русской армии к весне еще не сделает её лучше... Если по такой армии нанести мощный удар, её разгром неминуем...”⁶¹⁵. Но прошло не так много времени и уже после начала войны между Германией и Советским Союзом, в августе 1941 г., Гальдер был вынужден признать: “...Колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских”⁶¹⁶. Это было, конечно, уже слишком запоздалым признанием своих собственных ошибок и просчетов, но важно, что оно все-таки было сделано.

Освещение в ленинградской печати суда по делу организаторов тайных складов оружия в Финляндии

Весной 1945 г. в Финляндии были обнаружены тайные склады оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Данный факт свидетельствовал о нарушении статей 4 и 21 Соглашения о перемирии, по которому Финляндия взяла обязательство перевести армию на мирное положение и распустить политические, военные и военизированные организации фашистского толка.¹

Начатое следствие выявило, что в создании складов замешано высшее военное командование. Советское руководство расценило данную деятельность как прямое продолжение политики войны, в связи с чем, Союзная Контрольная комиссия (СКК) потребовала, чтобы она рассматривалась согласно ст.13 Соглашения, как военное преступление.²

Советская печать, в том числе ведущая ленинградская газета «Ленинградская правда», регулярно информировала читателей о ходе следствия. Основной комплекс публикаций составляли официальные сообщения Финского телеграфного агентства и радио, а также обзоры иностранных газет: в первую очередь финляндских газет левого толка «Тюэкансан саномат» (печатный орган КПФ) и «Вапаа сана» (газета ДСНФ).

Однако на протяжении 1945- начала 1946 г. дело о тайных складах оружия оставалось на втором плане, так как основное внимание уделялось суду над виновниками войны, который завершился лишь в конце февраля 1946 г.

В марте 1946 г. правительство М.Пеккала в своей программе особо отметило необходимость полной ликвидации тайных складов оружия и привлечения их организаторов к ответственности в целях превращения армии в опору демократии.³

Между тем характер публикации «Ленинградской правды» свидетельствовал о более глубоком подходе к данной проблеме советского руководства, рассматривавшего дело о тайных складах как прямое продолжение судебного процесса над виновниками войны. Такой подход был основан на выводах следственных органов, установивших, что создание тайных складов оружия являлось частью плана подготовки вооруженных действий против СССР.

СКК тщательно следила за ходом следствия.⁴ Но, несмотря на возникающие в связи с этим трения, руководство Финляндии, так же как и в деле виновников войны, медлило с при-

нятием закона о наказании за подготовку незаконных вооруженных действий. Парламент приступил к его обсуждению лишь в конце 1946 г.

Оценка принятого закона дана в опубликованной «Ленинградской правдой» речи генерального секретаря компартии Финляндии. В.Песси заявил, что правым большинство конституционной комиссии в правительственный законопроект было внесено много ухудшающих его изменений.⁵ Максимальное наказание, которое могло грозить организаторам тайных складов составило 8 лет каторжных работ.⁶

В марте 1947 г. на итоговой пресс конференции, устроенной руководством следственного органа Министерства внутренних дел, было заявлено, что к этому времени следственный центр выявил 1.311 тайных складов и допросил более 6 тысяч человек. При этом 1.256 были подвергнуты аресту и 128 предварительному заключению, среди них – 2 генерал-лейтенанта, 4 генерал-майора, 19 полковников, 31 подполковник. На основе обвинительного заключения привлечению к судебной ответственности подлежало 40 высших офицеров финской армии.⁷

Судебный процесс начался 28 марта 1947 г. Третье отделение Высшего военного суда приступило к рассмотрению дел главных виновников – 22 высших и других офицеров генерального штаба, в том числе главного инициатора военного заговора генерал-лейтенанта Айро, его ближайших помощников генерал-лейтенанта Мякинена, полковника Нихтиля, Хухтала и др.⁸

18 июня в Четвертом отделении Высшего военного суда начался процесс второй группы организаторов тайных складов оружия. К суду было привлечено 35 вторых офицеров генерального штаба, руководивших деятельностью подпольной организации в 27 шюэковских округах, а также 6 начальников штабов военных округов.⁹

Освещал судебный процесс спецкорреспондент ТАСС. Основной комплекс его материалов приходится на период с марта по июль 1947 г. Он включает подробные отчеты о ходе судебных заседаний, передающие основное содержание обвинения, показаний обвиняемых и свидетелей; характеристики позиций обвинения и защиты, а также описание обстановки самих судебных заседаний. Особенностью публикаций ленинградских газет в это время является то обстоятельство, что «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «На страже Родины», используя общий источник информации, практически не повторялись. Причем такой подход не помешал каждой газете, осветить основные цели и направления деятельности организаторов тайных складов оружия. Хотя их сопоставление, безусловно, позволяют более полно реконструировать ход процесса и уточнить более конкретные детали.

Из данных материалов следует, что еще до заключения Соглашения о перемирии оперативный отдел генерального штаба, возглавляемый полковником Нихтиля и действовавший под руководством исполнявшего обязанности начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Айоро приступил к тайному планированию и подготовке вооруженных действий. Для выполнения этой задачи была создана построенная по военному образцу тайная организация. В качестве мотивировки к ее созданию указывалась возможность вооруженного конфликта между западными союзниками и СССР и угроза оккупации Финляндии советскими войсками.

После подписания 19 сентября 1944 г. Соглашения о перемирии, в нарушение 4 и 21 статей соглашения и распоряжений СКК, данных на основании этих статей, тайная организация приступила к реализации своих планов по укрытию военных материалов и разработке мобилизационных мероприятий.

В октябре 1944 г. СКК запретила подготовку финской армии к мобилизации. Запрет был повторен несколько раз, как генеральному штабу, так и командованию ряда военных округов. Поскольку проверка, произведенная СКК, показала, что данные директивы нарушены, 6 января 1945 г. она сделала еще одно предупреждение. Тем не менее, разработка мобилизационных мероприятий была продолжена.¹⁰

Опубликованные материалы проясняют также конкретную деятельность участников тайной организации и раскрывают ее структуру. Она состояла, как выяснилось, из нескольких сетей, объединенных в единую, покрывавшую всю страну.

Первая – основная – это сеть боевых организаций, в ее распоряжении находились тайные склады оружия.

Параллельно действовала разведывательная сеть, занимавшаяся сбором информации о советских войсках, навигации кораблей Балтийского флота, работе СКК, а также слежкой за КПФ, ДСНФ, рабочими организациями, обществом «Финляндия – Советский Союз».

Третья сеть, т.н. «опорная линия», должна была участвовать в переправе за границу семей заговорщиков и добывать средства для финансирования намеченных планов и текущих расходов.

Четвертая сеть была создана морскими офицерами для поддержания связи со Швецией на период военных действий.

Пятая сеть была призвана вести морскую разведку против СССР. Для взаимодействия этих пяти сетей создавалась система этапной связи.¹¹

В рассматриваемый период (с марта по июль 1947 г.) на страницах «Ленинградской правды» публиковались статьи собственного корреспондента «Правды» М.Михалева, в кото-

рых была предпринята попытка анализа первых итогов процесса. Его выводы позволяли лучше понять какие аспекты внутривнутриполитической жизни Финляндии волновали советскую сторону и каких результатов она ожидала от проходившего процесса.

М.Михалев считал, что дело организаторов тайных складов оружия искусственно сужено, поскольку следствие оставляет открытым вопрос об экономическом и политическом тыле заговора. Между тем материалы дела вскрыли тесную связь тайной организации с правыми партиями. В частности, выяснилось, что они использовали «опорную линию» для проведения своей предвыборной компании в сейм и финансировали эту деятельность. Обнаружилась также связь заговорщиков с рядом частных фирм и филиалами Национального акционерного банка.¹² Однако суд не делал надлежащих выводов из полученной информации. В связи с чем, М.Михалев отметил: «Следствие направлено не к тому, чтобы воспроизвести полную картину заговора, его корни, его природу, а в обратную сторону, - чтобы установить связь остальных заговорщиков с организаторами тайных складов... Формально в этом есть свой резон. Иначе многих из подсудимых не осудить по данному делу. Их надо подвести под закон о тайных складах оружия. Но эта формальная юридическая сторона заслоняет собой принципиальную политическую сущность процесса».¹³

Такой подход судебных органов заострил внимание спецкорреспондента ТАСС как на организации самого судебного процесса, так и работе финляндской судебной системы в целом. В его материалах постоянно отмечалось, что рассмотрение дел в суде производилось с нарушением норм ведения процесса и закона о наказании за подготовку незаконной вооруженной деятельности. В суде допускалось информирование подсудимых о предшествующих заседаниях, нарушались принципы изоляции, что позволяло им согласовывать свои показания и вносить в протоколы желаемые поправки. Требования обвинителя по делу основной группы подсудимых о наведении порядка в судебных заседаниях и введения более строгого режима в отношении арестованных фактически игнорировалось.¹⁴ Еще до завершения оглашения протоколов следствия началось их освобождение, то же повторилось и в отношении второй группы.¹⁵ В ответ на данные действия судебных органов «Ленинградская правда» цитировала газету «Тюэкансан саномат»: «Подсудимых выпускают на свободу не считаясь с тем, что они, свободно передвигаясь по стране, могут без труда уничтожить документы, изобличающие их самих и их друзей, и информировать тех, кто каким-либо образом был замешан в этом деле».¹⁶

Одновременно в суде была предпринята попытка дискредитации материалов предварительного следствия, началось применение репрессивных мер в отношении сотрудников

следственных органов. Все это, по мнению спецкорреспондента ТАСС, свидетельствовало о сочувствии судебных трибуналов к обвиняемым. В этой связи обращалось особое внимание на позицию обвинителя по делу второй группы подсудимых А.Рюдмана, о котором говорили, что он скорее выступает в роли защитника.¹⁷

Причина происходящего виделась советской стороне в том, что после краха военной политики определенные круги Финляндии так и не произвели переоценку ценностей.

Уже неделю спустя после начала процесса организаторов тайных складов оружия корреспондент «Правды» М.Михалев отметил чрезвычайное сходство обоих процессов не только в плане организационном, но и в смысле вызванного ими политического резонанса. Подсудимые, так же как и на процессе виновников войны, пытались предстать защитниками национальных интересов, утверждая, что тайные склады оружия были организованы в связи с угрозой оккупации Финляндии. Поэтому и к данному процессу широкие слои финляндской общественности отнеслись лишь как к вынужденной необходимости. Об этом свидетельствовало, например, заявление газеты буржуазных сельскохозяйственных кругов «Карьяла», в котором говорилось: «На основании соглашения о перемирии нашей стране приходится выполнять ряд тяжких обязательств. Большая часть из них – экономического характера, но имеются и политические... К ним относится и процесс о тайных складах оружия. По всей вероятности, он будет последним из тех выяснений, к которым вынуждена наша страна условиями соглашения о перемирии».¹⁸ В конечном итоге эти настроения привели к тому, что целый ряд лиц, причастных к делу организаторов тайных складов был выставлен правыми партиями в качестве кандидатов на коммунальных выборах в декабре 1947 г.¹⁹

Судебный процесс окончился лишь в апреле 1948 г. Однако посвященные ему публикации, уже с осени 1947 г. все реже появлялись на страницах ленинградских газет. Безусловно, это свидетельствовало о падении интереса, поскольку стало очевидным, что он также не оправдывает надежд на кардинальные перемены во внутривнутриполитической жизни Финляндии.

Но были и другие, более важные обстоятельства, отодвинувшие дело о тайных складах оружия на второй план. Быстрый рост напряженности в отношениях с Западом подтолкнул Советский Союз к спешному формированию «оборонительного барьера» на своих западных границах путем заключения договоров о Дружбе и сотрудничестве со странами Восточной Европы. В связи с ростом влияния США в Скандинавии началась подготовка подобного договора с Финляндией.

Последней информацией по делу организаторов тайных складов оружия явилось сообщение о предъявлении суду обвинительного заключения по делу второй группы обвиняе-

мых – 13 марта 1948 г.²⁰ С этого времени основное внимание советской прессы было уделено подписанию советско-финляндского

Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, состоявшегося 6 апреля 1948 г. Это событие расценивалось как «начало новой эры» в советско-финляндских отношениях, поэтому факт окончания судебного процесса 9 апреля 1948 г. был обойден молчанием.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Куропятник А. И.

Локальные мультикультуральные сообщества Северо-Запада России как социо-культурный феномен

В современной социальной теории выделяются, как правило, три основных уровня мультикультуральных сообществ: транснациональный, национальный и региональный. Каждому из них соответствует особый вариант иммиграционной, инвестиционной и, шире, социальной политики, детерминирующей стратегии и механизмы межкультурной и межэтнической коммуникации. Между тем, ни мультикультуральная реальность, ни последствия иммиграционного давления извне не ограничиваются только этими уровнями контакта и взаимного влияния. Это обстоятельство стало очевидным уже в начале 1990 гг., когда в противовес активно развивающимся глобализационным процессам новый импульс реидентификации, своеобразного осознания культурных, этнических, экономических качеств и возможностей в новом, глобальном мире получили регионы как восточной, так и западной Европы.

В отличие от регионализма середины 1970-х гг., этот новый регионализм не ставит более перед собой в качестве первоочередных задач достижение политической независимости, автономии либо сепаратистского противостояния «национальной метрополии». Напротив, в центре внимания региональных движений, а также национальных правительств оказались проблемы более низкого таксономического ранга, но не менее значимые для перспективы стабильного их развития, такие как особенности формирования поликультурных локальных общностей, коммуникативные стратегии «коренных» и «некоренных» групп населения, проблема соотношения общенациональных, социетальных норм, ценностей с нормами и ценностями этнических и локально-территориальных групп населения.

Наиболее значимой в этом контексте является проблема восприятия «чужого», постепенного включения его в контекст культуры той или иной группы и, в конечном итоге, восприятия его как «своего» или сопряженного со «своим». Важно отметить, что региональный уровень межкультурного контакта является часто дискретным, недостаточным для адекватной артикуляции «чужого», а потому малоэффективным. Основная нагрузка в его восприятии и переосмыслении ложится на плечи средств массовой информации, со всеми вытекающими

отсюда издержками, поскольку освоение «чужого» не является результатом непосредственного опыта отдельных индивидов и групп населения.

Опросы населения, проводившиеся в западноевропейских странах, в частности, во Франции, Германии, с целью выяснения мнения жителей крупных городов, их пригородов, отдельных кварталов по поводу ситуации локальной мультикультуральности показали, что восприятие «иного» как «чужого» сохраняется до тех пор, пока «чужое» не становится привычной, обыденной чертой «своего» общества. Более того, локальная мультикультуральная, полиэтническая среда является своеобразным стимулом в формировании отношения к иному, поскольку это – «социально и культурно иное» является заметным компонентом повседневной среды обитания.

С социологической точки зрения национальный, региональный и локальный уровни мультикультуральных сообществ и практик соотносятся с типами социальных образований, характеризующихся как макро-, мезо- и микроструктуры. Макроуровень социальной структуры соответствует национальному обществу, мезоуровень – региональной общности, микроуровень включает в себя население отдельных населенных пунктов: небольших городов, поселков, деревень или группы поселений. Важной характеристикой таких локальных общностей или сообществ является относительная стабильность экономических, социальных, демографических, этнических, этнографических и социокультурных параметров населения.

Как социокультурный феномен такие сообщества интересны, прежде всего, потому, что локальная динамика культурных особенностей, языковые процессы, брачные установки, миграционная подвижность населения в пределах локальной общности, протекают в освоенном социальном и этнокультурном пространстве, а потому могут выступать в качестве важных критериев оценки выбора коммуникативных стратегий, способов взаимной интеграции, бесконфликтного сосуществования в пределах локального сообщества на индивидуальном и групповом уровнях.

Необходимо подчеркнуть, что локальные мультикультуральные сообщества включают в себя различные этнические и субэтнические образования, которые имеют, как правило, свои, сложившиеся исторически, стереотипизированные формы социального и культурного поведения. Это обстоятельство заставляет принимать во внимание такой фактор, как степень открытости или закрытости этнической группы (ее сегмента) в каждом конкретном случае. Важным параметром, позволяющим изучать названные формы социальных установок, является интенсивность поселения в этнически и культурно чужой среде, а также способность локального сообщества включать в свой состав представителей иных этнических групп.

Этническое и культурное своеобразие Северо-Западного региона заключается в том, что он весьма органично сочетает в себе культурный симбиоз, известную культурную непрерывность, имеющую подтверждение в многочисленных маргинальных зонах контакта различных по происхождению и культуре групп населения, с весьма отчетливой их этнической самоидентификацией, этничностью.

Будучи наиболее развитым в экономическом и культурном отношении, по сравнению с другими регионами России, северо-западный регион никогда не являлся ареной межэтнического противостояния или открытого конфликта. Этничность населения, являющаяся одним из важнейших факторов развития этнополитических, националистических и сепаратистских движений в некоторых регионах России, а также в странах Восточной Европы, на Северо-Западе России не достигает высокой степени политического напряжения. Этот феномен заслуживает особого внимания. Как представляется, его специфика определяется не только современными этнокультурными и социальными процессами, но имеет также глубокие исторические основания.

Как известно, сложная этнокультурная палитра населения региона формируется уже на протяжении нескольких столетий. Это происходит в основном за счет внутренней миграции и иммиграции. Так, например, в результате целенаправленной миграционной политики (а именно «Политики переселения народов СССР» начала 1920-х гг.), радикально изменилась этническая структура населения Карелии, а также претерпела изменение этническая структура населения Петроградской губернии.

Несколькими десятилетиями ранее результатом иммиграционных процессов явилось изменение этнического состава населения на территории, входящей в состав современной Ленинградской области, где наряду с коренными этническими группами: русскими, вепсами, ингерманландскими финнами, ижорой и водью появились довольно многочисленные этнические группы эстонцев, латышей, немцев.

Специальная разработка статистических данных, этнографических материалов, поселенных списков и карточек, сведений по экономическому и социальному развитию населения Ленинградской области, относящихся к первым десятилетиям XX в., позволяет достаточно полно осветить вопрос о причинах и условиях сохранения в Ленинградском регионе социальной стабильности, взаимной толерантности этнических групп населения. Знание исторической информации такого рода позволит избрать приемлемый, верифицированный опытом поколений жителей области вариант современной мультикультуральной политики.

Рассмотрим изложенные выше теоретические положения на примере немецкого, русского, финского, ижорского, водского и эстонского населения Ленинградской области.

Немецкое население области, формировавшееся на протяжении почти двух столетий за счет выходцев из Германии, вплоть до начала XX в. сохраняло свою обособленность от окружающего населения, отличаясь от него по языку, культуре, формам социальной жизни, экономическому положению. Колонии оставались основной формой поселения немцев, создавая иллюзию непроницаемости этнической границы группы. Между тем, потребности экономического развития, аренда земель в русских и иных поселениях уже в первые два десятилетия XX в. существенно расширили их возможности межкультурного взаимодействия, изменили установки на долговременные контакты с иной этнокультурной средой обитания. Анализ данных о расселении немцев Петергофского уезда показывает, что 9% из них (115 чел.) проживали в иноэтнической среде в национальном меньшинстве в 12 населенных пунктах, 7% (85чел.) в этнической среде с примерно равным соотношением немецкого и инонационального населения: русских, финнов, эстонцев. Однако значительно большая их часть – (84%) проживала в поселениях с преимущественно немецким населением совместно с представителями других этнических групп. Важно отметить, что только незначительная часть немецких колоний оставалась этнически гомогенной: Нижне-Ижорская с населением в 400 чел., колония Знаменка – 53 чел., Петергофское селение – 28 чел., деревня Новолуцк – 210 чел., поселок Заречье – 15 чел.⁶¹⁷. В Токсовской волости в 1926 г. немцы расселялись исключительно в сложных этнических средах и не имели этнически гомогенных поселений.⁶¹⁸

Приведенные данные позволяют говорить о том, что процесс этнокультурного освоения среды обитания немцами происходил в двух вариантах: их поселением в иноэтнических населенных пунктах и приемом в немецкую среду иноэтнического населения. Однако значительно большая часть из них продолжала сохранять известную этнокультурную и хозяйственную обособленность, интегрируя в свой состав немногочисленных представителей иных этнических групп на уровне поселений⁶¹⁹.

Ижорское население области по данным 1920 г. было сосредоточено в основном в Петергофском и Ямбургском уездах. В первом их численность составляла 1048 чел, во втором – 9570 чел. В Петергофском уезде компактность расселения ижоры была довольно высокой – 98% из них проживали в деревнях с преобладающим ижорским населением и только 2% дисперсно. Практически нулевая миграционная подвижность ижорского населения позволяла ему устойчиво сохранять этническую культуру, язык, особенности хозяйственной деятельности. Будучи открытой к восприятию в свою среду представителей иных этнических групп:

русских, эстонцев, финнов (около 200 чел.), ижорская этнокультурная среда обладала в ряде случаев достаточным культурным потенциалом для интеграции в свой состав иноязычного населения⁶²⁰. В границах Ямбургского уезда ижорское население также имело компактный тип расселения. Однако значительно более сложная по составу мультикультуральная среда Наровской и Сойкинской волостей явилась причиной того, что ижорское население в значительно большей степени, чем в Ковашевской волости подвергалось этнокультурному влиянию соседей. Аналогичная ситуация имела место в системе расселения и этнокультурной жизни води. Небольшая по численности этническая группа води (844 чел.), сохраняя высокую компактность территориальной локализации, являлась наиболее открытой для приема инонационального населения, что привело к ослаблению и утрате ею этнокультурных особенностей. Решающее значение для судеб ижорского и водского населения имели, как представляется, следующие обстоятельства:

1. В районах своего расселения ижора и водь составляли меньшинство населения (исключение в этом плане имела лишь Сойкинская волость, где доля ижор составляла 65,7% от общей численности населения)⁶²¹.

2. Исторически продолжительные контакты с русским, финским населением, постепенное усложнение этнического состава среды проживания, усиление территориальных, экономических, социальных и культурных связей в пределах волости привели к постепенной структурной интеграции ижорского и водского населения в социальную территориальную общность или мультикультуральное сообщество, обладающее весьма своеобразными этническими и культурными особенностями⁶²².

Важно подчеркнуть, что в пределах Ленинградского региона локальные мультикультуральные сообщества состояли в основном из этнических общностей разных таксономических рангов, сохранявших довольно устойчиво этническую и территориальную обособленность. Этнические границы групп населения, соотносящиеся в целом с границами поселений (либо групп поселений в пределах административных единиц) свидетельствуют о весьма низкой миграционной подвижности населения, но одновременно, о высокой степени готовности к восприятию иноэтнических компонентов. Подобные установки объясняются частично высокой степенью адаптированности коренного населения: русских, финнов, ижоры, води, особенно в местах их совместного расселения, к единым общим культурным стандартам и языковым особенностям⁶²³.

Как представляется, в качестве наиболее адекватного варианта мультикультуральной политики для населения Северо-Западного региона и Ленинградской области, в частности,

можно предположить так называемый дезинтегративный мультикльтурализм. Этот вариант мультикультурализма предполагает сохранение этническими группами известной обособленности в языковом, культурном, и этносоциальном отношениях. Роль государства при таком варианте политики состоит в поддержке и развитии языка, культуры этнических групп.

Региональная самоидентификация Финляндии: поиск пространственных основ

Изучение российско-финских отношений никогда не было простой задачей. Профессор В.Н. Барышников так объясняет неадекватность исследований восточной политики Финляндии в советские годы: «Прежде всего, явно не приветствовалась разработка указанной темы, да к тому же длительное время отсутствовали весомые документальные источники. Если, некоторые из них имелись, то это были преимущественно тексты договоров или соглашений и отдельные другие официальные материалы, которые, конечно же, не позволяли раскрыть весь процесс, складывавшихся межгосударственных отношений, объяснить, причины и следствия ряда явлений, а также целевые установки в области внешней политики СССР и Финляндии. Вместе с тем зачастую для публикации подбирались документы с определенной тенденциозностью».⁶²⁴ Сегодня степень научной и политической свободы исследователей позволяет рассматривать любые факты и тенденции без ссылок на политические авторитеты. В результате, мы можем констатировать то, что исторические исследования российско-финских отношений вышли на качественно новый уровень. Именно поэтому, необходимо развитие исследований в пограничных отраслях, в частности, политической этнографии и этносоциологии. Российско-финские отношения трудны для понимания в том случае, если не учесть специфику становления национального самосознания финнов, в том числе и территориальные аспекты этого явления. Как отмечает А.Смит, «принимая во внимание разнообразие мира в части исторического опыта стран, глубину исторической памяти народов, их представлений о своей самобытности, определяющей национальную идентичность индивидов, говорить о глобальной культуре несколько преждевременно».⁶²⁵ Сказанное в полной мере относится и к Финляндии.

Карелия это не только субъект российской федерации и фактически признанный элемент системы международных отношений. Карелия характеризуется исторической и этноконфессиональной спецификой и занимает особое положение между входящими в данный регион государствами. М. Мунтян выделяет три группы факторов и соответственно три уровня становления и развития международных регионов.⁶²⁶ Первая группа — факторы предпосылочного характера - географический, социально-психологический, культурологический и т.п. Лишь вторая группа – экономические факторы. Третья группа — факторы, носящие

при любой конфигурации регионального строения субъективно-волевой характер — политические. Отсутствие первой группы факторов, утверждает автор, серьезно ослабляет систему региональных отношений, а отсутствие второй или третьей группы факторов приводит к ее разрушению. В контексте Карелии значение факторов предпосылочного характера — географического, социально-психологического, культурологического особенно велико.

Теоретической предпосылкой работы является следующий тезис. Национальная самоидентификация имеет не только исторический, но и территориальный аспект. В случае Финляндии периода становления независимости фактор пространства играл ключевую роль в процессе самоидентификации. Мы считаем, что восприятие таких пространственных понятий как Восточная Карелия и, в меньшей степени, Петсамо в полной мере участвовало в процессе формирования национального самообраза. Более того, идея истинной (исконной) Финляндии вытекает из довольно старого взгляда XIX в. о финской идентичности, когда Элиас Лённрот выдвинул идею о том, что район Восточной Карелии является истинной колыбелью души финского народа. Мифология Калевалы, карельская кухня, игра на кантеле и другие черты карельской культуры постепенно были признаны символами нарождающейся финской нации.⁶²⁷ Ирония заключается в том, что этот «дом финской души» был обнаружен не только у границы с Россией, но и фактически в России. Т.е. в стране, которая всегда имела свои собственные стратегические интересы по отношению к карельским землям, весьма далекие от финских восторгов, связанных с обретением национальных истоков. Как отмечает К. Пеконен, «с помощью поляризации общественного мнения на своих и врагов предполагалось укрепить национальное единство, основанное на традиции и территории, т.е. категориях времени и пространства, которые всегда определяли идентичность сообществ, народов и государств».⁶²⁸

В 1920 г. Финляндия и Россия заключили мирный договор, который касался так же и приграничных территорий в районе Ладоги и Восточной Карелии. Таким образом, часть финского «исконного дома» оказалась зажатой в границах Советской России. С этого времени идея «потерянного дома» стала одной из основных в национальном дискурсе. Возникло множество националистических организаций, наиболее значимыми из которых были в 1929 г., а после его запрета в 1932 г. продолжало свою деятельность как профашистская партия «Патриотическое народное движение»). Их идеологи считали Карелию потерянным домом, а финскую национальную миссию незавершенной, если «полуостров-Финляндия не соединится, наконец, с Финляндией-островом» Как отмечает К. Косонен, задачей всех ультра-патриотических движений было «символическое воссоединение страны».⁶²⁹ Национальный дискурс

1920-1930 гг. явился продолжением предреволюционного дискурса о финской идентичности, однако гражданская война добавила национальному образу новые черты.

Глава правительства, а затем и глава государства П. Э. Свинхувуд так обозначил ситуацию в 1918 г.: «Отечество было спасено потому, что его сердцевина была крепкой, потому что был сильный элемент, который желал сохранить тот общественный порядок, за который он сражался и преодолел все препятствия».⁶³⁰ Понятие «сердцевины», введенное в политический дискурс Свинхувудом, можно считать вербальным средством для обозначения нового национального образа. Этот образ был создан победившими в войне буржуазными силами, которые были собирательно названы белыми, и отражал соответствующие их идеологии взгляды на финскую самоидентичность. Тем не менее, в обществе все еще не было единства. Объем социальных групп, идентифицирующих себя с побежденными в гражданской войне составлял по некоторым подсчетам до 40% населения.⁶³¹ В то же время доминирующей группой в социальной структуре были фермеры и сельские работники, составляющие более 30% населения страны.⁶³² Их взгляды на перспективу развития Финляндии имели весомое значение. Вместе с тем наиболее влиятельные буржуазные круги не были достаточно едины во взглядах на будущее. Как отмечает А. Пааси «буржуазные круги были едины во мнении о необходимости национальной интеграции, но среди них не было согласия о том, как нужно было бы добиться этого единства».⁶³³ Тем не менее, нам представляется возможным выделить два основных направления доминантного буржуазного политического дискурса: националистический и антибольшевистский. Как мы сможем убедиться в дальнейшем, эти два направления были тесно связаны между собой и дискурсивно подкрепляли друг друга. Одной из причин взаимосвязи является тот факт, что национальный «само-образ» (единая и независимая Финляндия) был накрепко связан с образом «чужого» (Россия большевиков, Советская Россия). Восприятие России как «чужого» национальному и государственному финскому самообразу было настолько сильным и всеобщим, что оно, по сути стирало грани между представителями конкурирующих суждений, например, между аграриями и прогрессистами - двумя влиятельными партиями того времени. Катарина Косонен справедливо замечает, что все организации правого толка располагали негативным образом России.⁶³⁴ При этом образ Карелии был доминантой обеих направлений.

Таким образом, мы можем заключить, что экспансионный территориальный дискурс был превращен из чисто карельского местного национализма в вопрос национального выживания и государственного строительства. На страницах финской газеты «*Nakkareliitta*» в 1932 г. мы можем встретить такие пассажи: почему же возникла славянская, а не финская супер-

державы? И ответом было: потому что земли, которые тысячи лет назад являлись гордостью финских племен, стали предметом русского завоевания.⁶³⁵ Проще говоря, Финляндия только тогда сможет стать настоящей Финляндией, если она будет бороться с «чужим», с русскими и освободит захваченных карельских братьев. Интересно, что вопрос Петсамо (Печенга) был так же привязан к национальному дискурсу о финской территории, хотя культурная принадлежность этого региона Финляндии может быть оспорена: можно, например, утверждать, что регион Печенги подвергся в большей степени норвежскому или северо-русскому культурному влиянию. Однако в брошюре, опубликованной издательством Государственного совета в июне 1920 г. (т.е. незадолго до переговоров в Тарту) район Карелии и Петсамо были объединены одной тематикой, хотя требования финнов в отношении района Печенги мотивировались жизненной необходимостью этой части арктического побережья для финских рыболовов. В брошюре, кроме этого еще говорится о том, что «получив открытую гавань на арктическом побережье, Финляндия смогла бы улучшить свои торговые связи с западными державами».⁶³⁶ Возвращаясь к вопросу, поставленному ранее, мы должны все же выяснить, почему территориальный фактор, а именно карельский вопрос, так сильно резонировал в массовом сознании 20-30-ых годов.

Более свежий взгляд на вопросы идентификации предлагает современная политическая психология. Даниэл Дидней, проводя сравнительный анализ различных случаев национализма, пришел к выводу, что со снижением роли религии в обществе, современный национализм заменяет религиозные связи между индивидуумами, пространственно-политическими, однако националистическая риторика последовательно использует приемы религиозного символизма. Дидней считает, что «в наиболее ранних концепциях политической идентичности, пространство часто определяется как святое место, потому что оно считается населенной духами, богами и божественными силами».⁶³⁷ Понятие Карелии как волшебной прародины, населенной странными созданиями и эпическими героями Калевалы может считаться дискурсивным мостом, который связывает доисторическую этническую и культурную идентичность с идентичностью политической. Дух и риторика финского национализма, следовательно, тесно объединяет культурную и политическую идентичности, делая национальный образ более цельным. Важным вопросом является и то, как самоидентификация может проявлять себя на международной арене.

Рассмотрев территориальный аспект финской идентичности периода национального подъема, мы должны остановиться еще на одном факторе, который пока лишь упомянут. Идентификация одной нации достаточно часто связана с противопоставлением другой. Пока-

зательно мнение Пертти Йоненниemi который, так охарактеризовал суть националистического взгляда: «Понятие финской нации было выражено посредством противопоставления финскости и русскости. Россия была в большой степени ориентализована, превращена в Чужого, и главная илея заключалась в том, что бы оставаться вдали от ее темных сил». ⁶³⁸

Отношения Финляндии и России оставались напряженными в течение всего межвоенного периода. Советская Россия представлялась Финляндии огромным и опасным соседом, исторической и идеологической угрозой. Самообраз молодого освободившегося государства много раз проявлялся в финляндско-российских отношениях на раннем этапе финской независимости. Успешный для националистов конец гражданской войны в Финляндии побудил к военному вторжению в советскую Карелию. Россия и Финляндия оказались в состоянии войны вплоть до подписания мирного договора в Тарту в 1920 г. Переговоры, которые велись там, примечательны проявлением уже самообраза в международном плане. Финская делегация отклонила предложения советской стороны отодвинуть границу к западу от Петрограда и добилась передачи Финляндии района Петсамо на севере. В итоге образ «великой свободной Финляндии» оказался сильнее реального понимания того, что вопрос о уязвимом положении Петрограда рано или поздно мог быть поднят вновь. ⁶³⁹

Что касалось, карельского вопроса, то он был весьма существенным пунктом формирования финской идентичности, оказался в центре финляндско-российских отношений и в последующее время.

Куропятник М.С.

«Запоздалые нации» Северной Европы: проблема конструирования идентичности

В международной перспективе страны Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция) часто рассматриваются как стабильный и гомогенный в этнокультурном отношении регион, играющий в современной системе обществ, главным образом, «интегративную роль» и имеющий имидж образцовых отношений, как на межгосударственном уровне, так и в парадигме «большинство – меньшинство»⁶⁴⁰. Его отличительной особенностью является «приблизительное совпадение этнического сообщества и государственной организации»⁶⁴¹, что способствовало становлению либеральных обществ, опирающихся на независимые и сплоченные социетальные единицы.

Так, например, в Норвегии, Швеции и Финляндии в конце XX в. численность населения, принадлежащего к основной этнической группе и являющегося в конфессиональном отношении лютеранами, по разным данным, составляет от 80 до 95%. В то же время ни одно из этнических меньшинств по численности не превышает 6% населения. В отличие от других государств конфессиональная принадлежность в странах Фенноскандии не является существенным фактором возникновения социальных конфликтов и не артикулируется как значимое измерение национальной идентичности⁶⁴². Одним из факторов формирования «монотипичности» североевропейских национальных обществ считается их периферийное географическое положение, а также удаленность от основных путей мировых миграций. Однако иммиграционные процессы последних десятилетий существенно изменили этническую и конфессиональную однородность стран Северной Европы.

Развитая солидарность скандинавских стран, а также уникальный исторический опыт относительно мирного решения конфликтов между государством, этническим большинством и меньшинствами на фоне этнических и национальных антагонизмов, характеризующих современное международное развитие, представляет особый интерес с точки зрения перспектив антропологической теории как паттерн социального развития этнически однородных государств.

Идея этнокультурной гомогенности национального общества в современном научном дискурсе артикулируется, главным образом, в связи с «идеализированной моделью полиса, в котором граждане разделяют общее происхождение, язык и культуру»⁶⁴³. Однако в реальности гомогенные нации-государства представляют собой исключительно редкий феномен, в то время как большинство современных политических обществ являются полиэтническими и мультикультуральными. Так, в начале 1970-ых годов только 12 из существовавших тогда 132 государств были по существу однородными с этнической точки зрения.

В этой связи следует обратить внимание на существенное различие между полиэтничными и этнически гомогенными государствами, которое имеет место, как в сфере реализации власти, так и в методах решения этносоциальных проблем и конфликтов⁶⁴⁴. Так, например, Э. Хобсбаум утверждает, что «культурный плюрализм и свобода в наше время почти наверняка надежнее гарантированы в крупных государствах, сознающих и признающих свой многонациональный и многокультурный характер, нежели в мелких странах, которые стремятся к этнолингвистической и культурной однородности»⁶⁴⁵.

С другой стороны, степень национальной гомогенности рассматривается как индикатор возможных этнических конфликтов и социальной нестабильности. В этом случае этническая и социальная однородность оцениваются как положительные факторы или, иначе, как факторы устойчивого развития. Так, в национальных государствах Северной и Западной Европы политические, культурные и языковые различия были выражены намного слабее, чем в Центральной и Южной Европе. Здесь политика внутренней гомогенизации населения достигла значительных успехов прежде, чем возникло национальное государство в его современном понимании, тогда как в Восточной и Южной Европе этот процесс исторически был менее подготовлен, что предопределило возникновение острых межэтнических конфликтов в границах новых наций⁶⁴⁶.

В любом случае следует признать, что «множественность этнических групп и религиозных общин не является непрямым условием существования общества – даже либерального. Существование и даже расцвет такого общества вполне совместимо с культурной гомогенностью»⁶⁴⁷.

Однако государства и общества различаются не только степенью культурного и этнического многообразия и социальной однородности, но и тем, в какой мере этим различиям придается самодовлеющее и институциональное значение⁶⁴⁸. Если страны Северной Европы действительно соответствуют идеальной модели национального государства, то их имидж как гомогенного региона заслуживает особого внимания с точки зрения отношений между государством и нацией, этничностью и территорией, этническим большинством и меньшинствами. В этой связи обратим внимание на то, что в северном контексте отношения «государство – меньшинство», «большинство – меньшинство» в целом соотносятся с коммуникативными перспективами «центр – периферия», «юг – север». Это предполагает также существование определённого символического пространства, в границах которого меньшинства локализируются на севере. В то же время в системе религиозно-мифологических представлений север как элемент сакральной географии соотносится с категорией «чужого» («иноного») в этнической – саамской – ипостаси.

Страны Северной Европы в целом отличаются последовательной реализацией принципа этнотерриториального национализма, в соответствии с которым «политическая и национальная единицы должны совпадать»⁶⁴⁹. Так, в течение XIX в. наблюдалась тенденция к усилению этнической однородности Швеции и Дании. В результате успешной «шведизации» провинций, захваченных у Дании, потери финских частей королевства, а также расторжения унии с Норвегией (1905 г.) Швеция в полной мере становится национальным государством, базирующимся на одной этнонациональной группе. При этом дивергентные интересы подчиняются политике доминирующего большинства. Следует особо обратить внимание на то, что шведская национальная идентичность (в отличие от норвежской и финской идентичностей, актуализируемых в процессе формирования «запоздалых наций» - по определению Б. Тибби) имеет глубокие исторические корни и не связана с борьбой за независимое национальное государство.

Процессы модернизации и урбанизации Норвегии в XIX в. послужили толчком для формирования норвежской национальной идентичности. Основными факторами мобилизации норвежцев явились мифологизация исторического прошлого, создание новонорвежского письменного языка в противовес bokmål («книжному языку»), ассоциировавшемуся с «четырьмя столетиями ночи датского превосходства», романтизация норвежской природы, фольклорные традиции в искусстве, музыке и литературе (например, в творчестве Э. Грига и Б. Бьёрнсона), а также растущее политическое самосознание. При этом создаваемый на базе синтаксиса и морфологии разговорных норвежских диалектов новонорвежский язык рассматривался как квинтэссенция отличной от датской норвежской культурной идентичности. Процесс образования культурной дистанции и конструирования этнической границы нашел свое выражение также в создании национальных символов и культурных паттернов, например, в поддержании имиджа сельских районов как носителей аутентичной «норвежской культуры» и перенесении артефактов крестьянской культуры в городской контекст. Артикуляция солидарности города и села вплоть до настоящего времени является важным аспектом норвежской политической концепции нации. Расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. означало триумф идеи национального государства. Сам факт принятия избранным на норвежский трон датским принцем Карлом имени короля Хаакона YII должен был продемонстрировать символическую преемственность «десцентной линии древних северных королей», правивших в Норвегии до 1350 г.⁶⁵⁰ В настоящее время норвежский национализм поддерживается концепцией недавно обретенной национальной независимости и «древнего», этнически гомогенного населения. В этом смысле предложенное Бенедиктом Андерсоном определение нации как «воображаемой политической общности»⁶⁵¹ весьма точно отражает особенности генезиса норвежской нации (но не приложимо к саамам как ее части). Так, отношения между культурными идиомами и этнической идентичностью в процессе конструирования норвежской нации существенно отличаются от, например, саамской модели формирования национальной идентичности.

Следует отметить, что в Норвегии, также как и в Швеции, обитают саамы и финно-язычные квены, чьи этнические идентичности отличаются от идентичности национального большинства. В то время как толерантность культурной диверсификации декларировалась как основное кредо норвежской политики, этнические различия рассматривались как угроза национальному единству. Поэтому имидж норвежской нации в политической риторике первой половины XX в. оспаривался существованием не национальной, а «иностранной» идентичности саамов и квенов. Так, например, саамы в начале XX в. официально определялись

как «иностранцы», «первоначальные иммигранты» или «монголы», что предполагало самый низкий статус группы. Переход от политики ассимиляции к политике плюрализма по отношению к саамам в 1980-ые годы означал принятие дефиниции «коренной народ». Таким образом, фундаментальная для норвежской политической культуры концептуализация равенства возможностей трансформируется в понятие позитивной дискриминации. «Это вопрос справедливости, а не равенства», - подчеркивает Т. Туен⁶⁵².

В результате изменения фокуса национальной политики Норвегии в последние десятилетия XX в. сформировался дифференцированный подход к обеим этническим группам, наделяемым различным социально-правовым статусом. В то время как власти Финляндии утверждали, что квены соответствуют всем критериям «национального меньшинства», норвежские власти продолжали оперировать термином «иммигранты». И только в связи с процессом подготовки к ратификации в Норвегии Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств (с 1998 г.), квены, так называемые лесные финны юго-восточной Норвегии, евреи, цыгане, а также румыны упоминаются в качестве групп, удовлетворяющих содержанию и целям Конвенции, т.е. как национальные меньшинства⁶⁵³. Всё это как нельзя лучше демонстрирует то, что социальные дефиниции и этнонимы, используемые для обозначения группы, отражают, прежде всего, динамику этнополитических процессов.

Финляндия отличается от скандинавской модели развития созданием своей национальной идентичности на основе двух доминирующих в государстве народов – финнов и шведов, а также наличием двух государственных языков и, скорее, напоминает швейцарский вариант национального устройства. В целом финская модель интеграции обеих этнических групп в общество, а также опыт решения конфликтов, имевших место преимущественно в культурной и образовательной сферах, могут быть признаны успешными. Это во многом было обусловлено благоприятными историческими обстоятельствами.

В странах Северной Европы представлены разные типы этнических меньшинств, демонстрирующих различные политические и культурные стратегии. При этом понятия «большинство» – «меньшинство» обнаруживают чисто количественный смысл в специфическом скандинавском контексте, хотя в последнее время наблюдается тенденция обозначать термином «меньшинство» группы, находящиеся в состоянии дискриминации. В этом смысле финское население Финляндии до 1809 г., которое значительно превосходило по численности имевшую более высокий социальный статус и доминировавшую политически группу шведов, относилось к категории «меньшинство». Следует отметить, что Финляндия была инкорпорирана в состав Шведского королевства, представлявшего собой мультинациональную импе-

рию с иерархией региональных и локальных идентичностей, не как провинция (каковыми являлись, например, Ингерманландия и Балтские провинции), а как равноправная составная часть. В этот период единственным официальным языком страны являлся шведский⁶⁵⁴.

В составе Российской империи (1809 – 1917) Великое княжество Финляндское являлось автономной, политически и административно демаркированной территорией. В 1863 г. финский язык официально признаётся равноправным со шведским. Однако в общественно-политическом дискурсе процесс конструирования единой нации с финским языком в качестве официального сталкивается с представлением о существовании двух наций и, соответственно, двух языков в стране. Именно в этот период здесь сложилась разновидность национализма, соединяющая в себе черты, характерные для Западной Европы, т.е. национализма «как гражданской религии», направленного на поддержание существующего государства, с элементами национализма, присущего странам Восточной Европы, целью которого было освобождение от власти мультинациональных империй. Этнополитическая стратегия, направленная на освобождение от влияния Швеции, установление более близких отношений с Россией и в то же время стремление избежать интеграции с ней, нашла своё выражение в следующем афоризме: «Мы не шведы, русскими мы не будем, разрешите нам быть финнами». «Паспортом Финляндии в семье цивилизованных наций» была призвана стать Калевала – национальный эпос, артикулирующий великое прошлое нации⁶⁵⁵.

Именно на рубеже XIX и XX вв. осуществляется социальная категоризация шведов Финляндии как меньшинства. В научном и социальном дискурсе этого времени активно используется термин «шведоязычные финны» (*ruotsikieliset suomalaiset*). Тем самым подчеркивается стремление к формированию национальной общности, актуализируется идея согражданства. В настоящее время большинство исследователей предпочитает термин «финляндские шведы» (*Suomen Ruotsalaiset*)⁶⁵⁶, который фигурирует также в качестве самоназвания группы и артикулирует границу с «государственными шведами», т.е. населением Финляндии.

Пример Аландских островов, имеющих статус автономии с местным парламентом, собственным представителем в финляндском парламенте, а также образующих особый административный ареал шведского языка, поднимает вопрос о том, каковы границы действия принципа «позитивной дискриминации», т.е. в какой мере гарантии особого статуса меньшинства не противоречат соблюдению прав человека. Будучи частью национального большинства, финноязычное население Аландских островов (около 1000 чел.) образует этнический анклав внутри меньшинства. В начале XX в. на Аландских островах доминировала шведская национальная идентичность, что нашло своё выражение в требовании присоедине-

ния (а точнее, воссоединения) этой провинции к Шведскому государству. Решение конфликта вокруг Аландских островов было перенесено в Лигу Наций, определившей в 1922 г. их особый статус, в соответствии с которым не предусмотрены гарантии сохранения языка и культуры финского населения. Прежде всего, это касается таких социальных программ, как преподавание в школах финского языка. Дискуссия о том, нарушает ли особый статус Аландских островов права человека, возобновилась в Финляндии в 1990-ые годы⁶⁵⁷.

В результате структурных изменений последних десятилетий (таких как индустриализация, урбанизация, массовые миграционные процессы) в ареалах традиционного преобладания шведов (например, в южной Финляндии) они стали меньшинством и в количественном отношении, причем меньшинством малочисленным и дисперсным.

Если в 1880 г. численность шведоязычного населения страны составляла 14,3%, то к 1991 г. она сократилась до 5,92%. В настоящее время шведы официально имеют статус культурного меньшинства. Их специфической особенностью является высокая степень интеграции в государственные институты. Процент шведов, занятых в таких сферах деятельности, как частное предпринимательство, менеджмент, администрация, духовенство, выше среднего по стране. Шведы Финляндии реализуют одну из форм экстерриториальной автономии: их интересы как этнической группы на общегосударственном уровне представлены Шведской народной ассамблеей. «В таких условиях шведское меньшинство без труда выработало в себе лояльность демократическому финскому государству, сохранив собственные культурные институты, легитимность которых была признана государством»⁶⁵⁸. При этом шведы Финляндии не апеллируют официально ни к Швеции, ни к международным правовым организациям (например, ООН), обнаруживая устойчивую тенденцию к решению вопросов национального, культурного и языкового развития исключительно в рамках Финского государства⁶⁵⁹.

Таким образом, очевидно, что исторически сложившийся многовековой алгоритм взаимоотношений между Швецией и Финляндией, шведами и финнами во многом определяет особенности межэтнического взаимодействия, а также основания и пределы взаимной толерантности в границах современных национальных обществ.

Русские усадьбы на Карельском перешейке

Появление русских владений на Карельском перешейке связано прежде всего с практикой пожалования земель, распространившейся в период Северной войны на завоеванных территориях. Обширные ижорские земли, входившие прежде в состав Московского государства, получил в дар от государя его фаворит Александр Меншиков. Таким образом, южная часть Карельского перешейка получила нового хозяина в лице этого царедворца.

Земли, лежащие северо-западнее Ингерманландии, вошли первоначально в состав Выборгской провинции Санкт-Петербургской губернии. В 1714 г. генерал Адам Вейде получил в волости Рауту 188 крестьянских дворов и основал там своё поместье в 1720 г. В то же время к его имению присоединили довольно обширные территории. В 1725 г. хозяином усадьбы стал маршал князь Никита Иванович Репнин. На следующий год Репнин умер, и новым хозяином становится граф Антон Дивьер, который вскоре был отправлен в сибирскую ссылку. В 1727 г. имение получил “на вечные времена” адъютант флота Степан Лопухин. После его смерти имения в Рауту возвратились казне. Однако в царствование Елизаветы Петровны они вновь передаются “в вечное пользование” вернувшемуся из ссылки графу Дивьеру.

В 1713 г. граф Иван Мусин-Пушкин получил во владение в волости Саккола 91 крестьянское хозяйство. Свою усадьбу граф основал в деревне Петярви. После него хозяевами усадьбы стали Иоахим Сиверс и барон Фредерикс. В 1732 г. деревни северной части волости достались возрожденным Валаамскому и Коневецкому монастырям.

В 1723 г. волость Кивеннапа была подарена коменданту Выборга Матвею Неелову, который, впрочем, умер год спустя. Кивеннапа перешла в собственность государства. В 1741 г. волость вновь была дарована гофмейстеру Дмитрию Шепелеву, который возвел свою усадьбу в деревне Линтула. От Шепелева Кивеннапа перешла графу Шувалову, затем графу Чернышеву и, наконец, графу Салтыкову. Наследники Салтыкова в 1820 г. продали волость Артиллерийскому управлению.⁶⁶⁰

В начале XIX в. добрая половина восточной части Карельского перешейка (т.н. Южно-Кексгольмский уезд), входившая в средние века в состав новгородских земель, находилась во владении наследников барона Фредерикса (36 деревень в кирхшпиле Саккола, 34 деревни в

кирхшпиле Пюхьярви и 16 деревень в кирхшпиле Рауту), графа Дивьера (18 деревень в кирхшпиле Рауту), придворного аптекаря Брискарна (14 деревень в кирхшпиле Рауту).⁶⁶¹

В Выборгском уезде пожалованные земли распределились между наследниками графа Чернышева (9 деревень в Выборгском кирхшпиле, 1 деревня в Санкт-Андреском кирхшпиле, 49 деревень в Валкъярвском кирхшпиле, 53 деревни в Малакском кирхшпиле, 41 деревня в Кивинебском кирхшпиле), полковником Оттерманом (21 деревня в Выборгском кирхшпиле) и генерал-майором Штенгелем (10 деревень в Выборгском кирхшпиле).⁶⁶² Возможно все эти деревни вначале принадлежали графу Чернышеву, а затем в ходе раздела наследства перешли в руки ближних и дальних родственников. Так, в конце XVIII в. во владение княгини Голицыной попали 50 деревень Молакского кирхшпиля: Весиккяля, Вихола, Ханттула, Харвала, Хаттула, Хейккиля, Хеймола, Химала, Хотакка, Илола, Каллайс, Каннила, Кархула, Койрала, Куркела, Куса, Кямяреля, Лавола, Латтула, Лехтокюля, Лилперо, Лейнола, Лейриля, Мяхкюрила, Норкола, Ойнала, Оравала, Орола, Пакила, Паллила, Пассила, Пейкола, Пейттола, Перкъярви, Пихкола, Пуннусниemi, Пюкола, Ряттюкюля, Савола, Сакиала, Сакалила, Селола, Сойтула, Сормула, Таперниemi, Тейвола, Тельела, Турулила, Яриля, Яскелейс.⁶⁶³

Еще в ходе Северной войны прятавшееся в лесах местное население по мере удаления линии фронта постепенно возвращалось к своим домам. И хотя официально на бывших шведских подданных русское крепостное право не распространялось, на деле же все они так или иначе попали в негласную крепостную зависимость от своих новых господ.

Начиная с 1720 г., по приказу протектора Выборгской провинции Шувалова, были установлены следующие налоговые суммы для крестьянского хозяйства, находящегося на государственной земле: деньгами 2 рубля, 2 бочки ржи, 25 литров крупы и 3 фунта масла. Двадцать домов доплачивали также быками и овцами. Кроме основных сборов, практиковали общественные работы и кормление солдат. На землях, принадлежавших помещикам, к государственным сборам добавлялся внутренний налог, который полностью зависел от воли помещика, а поскольку хозяева менялись часто, то они старались взять как можно больше. Такая политика приводила к быстрому обеднению крестьян. В связи с этим принимались и новые нормы налогообложения, с помощью которых удавалось снизить подати для помещичьих крестьян. Законы менялись и пересматривались на ходу много раз.⁶⁶⁴

Существование крестьян на помещичьих землях было тяжким бременем, которое трудно назвать жизнью. Крепостная зависимость постоянно усиливалась. Обязанностью крестьян было выполнение дневных работ – «барщина» и выплата оброка усадьбе и пастору. Летом рабочий день заполнял все время от восхода до заката, а осенью, во время молотьбы, мог про-

должаться сутками. Такие работы, как вывоз навоза на поля или жнивье делали подрядом. Например, дневной подряд на жнивье означал сбор 12 вязанок ржи. Только самые проворные успевали выполнить подряд раньше захода солнца, чтобы продолжить работы в собственном хозяйстве.⁶⁶⁵

Протест против барщины финские крестьяне выражали скрытым саботажем и всяческими уловками и ухищрениями, что неминуемо влекло за собой физические расправы. На барщине за спиной крестьян всегда стояли надсмотрщики, вооруженные палками. У некоторых из них за день успевало сломаться несколько штук, так усердно они колотили по спинам крепостных.⁶⁶⁶ Такие наказания часто приводили к тяжким последствиям. Уже в начале XX в. в первые годы независимости потомки тех крестьян, которые испытали на себе иго крепостничества, установили 5 больших каменных памятников крестьянам донационных земель. 4 из них находились на Карельском перешейке (Валкъярви, Саккола, Пюхярви, Метсяпиртти).

Негативная реакция местного населения вынудила русских помещиков применить переселенческую политику к особо непокорным жителям. Часть карел отправили в Центральную губернию, а на их место оттуда были переселены послушные русские крепостные крестьяне.

Только после 1811 г., когда по Указу Александра I Выборгскую губернию воссоединили с Великим княжеством Финляндским, господству крепостнических порядков пришел конец. Привлекать финских крестьян к принудительному труду русские помещики уже более не могли. Переселение русских крепостных крестьян в приграничные районы Великого княжества возрастает с новой силой. На Карельском перешейке возникают большие русские деревни - Райвола, Красное Село.

После отмены крепостного права в 1861 г. принудительное переселение русских в Финляндию уходит в прошлое. Развитие капитализма и обеднение дворянского сословия приводит к дальнейшему дроблению русских владений на Карельском перешейке. Начинается новый этап освоения финских земель, теперь уже стимулированный появлением железной дороги. Вдоль новой Финляндской магистрали появляются многочисленные дачные поселения - Куоккала, Келломяки, Териоки, Мустамяки, Леовилла. Количество русских владельцев недвижимостью в Выборгской губернии быстро увеличивается. Этот рост достигает своего пика к лету 1914 г., а затем резко падает в связи с начавшейся мировой войной.

Сам участок строящегося полотна железной дороги от Санкт-Петербурга до Выборга проходил по частным владениям князей Голицыных, которые безвозмездно уступили свои земли под строительство. Первая железнодорожная станция близ озера Муолаан-ярви получила название Голицыно. К усадьбе от станции была проложена лесная дорога. Позднее в

окрестностях озера были построены и другие усадьбы, которые на старых картах обозначены как мызы. В числе их владельцев были господа Алафузовы, Таратины, Снессаревы. Одну из усадеб в 1905 г. приобрел некто П. П. Бекель и назвал ее "Павлушино".⁶⁶⁷

После отделения Финляндии от России большая часть русских владений лишилась своих хозяев. Оставшиеся на территории независимой Финляндии бесхозные русские усадьбы и дачи переходят в государственную собственность. Часть этого фонда продается новым владельцам, которые перевозят дома в другие районы страны. Другая часть гибнет от обветшания и от военных действий. Отдельные особняки сохранились до сих пор как охраняемые памятники архитектуры. Многие из них в народной молве именуются "дачами Маннергейма", хотя в действительности к Маннергейму не имеют вообще никакого отношения.

Станция же Голицыно была вскоре переименована в Эвярпя по названию одного из близлежащих озер. Но и это название просуществовало недолго. В 1930-е гг. в связи с появлением одноименной волости название Эвярпя было присвоено другой станции, а голицынская станция получила новое третье по счету название - Лейпясуо, т.е. "Хлебное болото". Пережив две войны, станция сохраняет это название и до сих пор, хотя в 1948-1951 гг. делались неоднократные попытки переименовать ее на советский лад. Варианты менялись трижды - "Приветная", "Казаково" и вновь "Приветная".⁶⁶⁸ Но ни один из них так и не прошел утверждения в министерских кабинетах. Наличие финского названия бывшей русской станции наряду с тотально переименованными географическими названиями Выборгского и Приозерского районов Ленинградской области весьма нарочито подчеркивает искусственную кривизну исторического зеркала прошедшей эпохи.

Российская публицистика о норвежском характере.
(конец XIX-начало XX вв.)

«Есть прекрасная страна не далеко от ледовитого севера. Там вы увидите грандиозные снежные горы, глубокие, узкие, лесистые долины., обнаженные горные вершины и скалы, дикие, мрачные ущелья, прозрачные, живительные озера, громадные леса сосен, берез и елей, безмятежная тишина которых успокаивает тревожный дух современного человека...и эта страна населена белокурой, голубоокой расой мужественных, честных, простых людей...»¹ – Так описывал Норвегию в середине XIX в. известный путешественник Поль Дю-Шалью.

Конец XIX - начало XX вв. – время значительного подъема в общественной, политической и экономической жизни Скандинавских стран, и Норвегии в частности. Бурное развитие экономики в этот период, оживление торговых связей с различными государствами не могло не привлечь внимание к этой своеобразной стране.

Коренные перемены в политической жизни государства: борьба между различными партиями Соединенного Королевства по вопросу дальнейшего существования унии, собственно, разрыв союза породили бурную реакцию со стороны зарубежной общественности, разделив мнения на сторонников и противников независимости Норвегии. И, конечно, расцвет во второй половине XIX в. норвежской художественной литературы, живописи, музыки, многочисленные научные открытия, путешествия вызвали живейший интерес различных слоев общества к истории, политическому устройству, культуре, быту небольшого государства на Скандинавском полуострове. Ибсен, Бьернсон, Ли, Григ, Нансен - эти имена и многие другие звучали по всему миру и были также хорошо известны и в соседнем с Норвегией государстве, России. Вот как пишет российский публицист С. Мечь: « Я часто задаюсь вопросом: почему Норвегия, которая по размерам и числу жителей меньше нашей Пермской губернии, дает так много выдающихся, талантливых людей по всем отраслям духовной жизни? В литературе она имеет Ибсена, Бьернсона, Ли, Кьлланда, в музыке - Грига, в живописи - Скредсвига, Вереншельда, а также географа и путешественника – Нансена?»²

Отчасти ответ на этот вопрос был дан еще ранее известным филологом П. Ганzenом в его работе посвященной Генриху Вергеланну. По мнению автора именно данному поэту и общественному деятелю Норвегии ее народ обязан « ... своим необыкновенно быстрым

культурным ростом, своим превращением из жалкого невежественного, погибающего в пьянстве народа в народ крепкий, сильный, культурный, полный самосознания...»³. Впрочем, возможно с данным утверждением автора можно и поспорить, однако несомненным остается тот факт, что в дореволюционной России существовал огромный интерес к общественно-политической жизни Норвегии.

Более того, 1880-1890-е гг., как справедливо заметил известный скандинавист А. С. Кан, были временем пробуждения и симпатии ко всей северной культуре, периодом «русской скандинавомании».⁴ Справедливости ради, стоит отметить, что Скандинавия изначально была наиболее популярным местом посещения английских, в меньшей степени германских и французских туристов. Так Венюков в своем очерке замечает, что наиболее яркими доказательствами парижской «моды» на Норвегию являются вышедшие в 1898 г. три тома описания Норвегии с иллюстрациями (авторами издания явились член французской академии А. Вандаль, агент французского министерства народного просвещения в Скандинавии А. Саллес и знаток севера Ш. Рабо).⁵

В Россию же слава о достопримечательностях северного края дошла лишь в 1880-е гг. В это время в свет выходят большое количество различных публицистических очерков о Скандинавских странах. В своих работах авторы затрагивали различные аспекты политической, культурно-бытовой, экономической жизни норвежского государства, опираясь при этом как на свои собственные впечатления от поездок по Северным странам, так и на описания других путешественников: французов, англичан, немцев. При этом цели написания были совершенно различные: поделиться общими впечатлениями об увиденном, информировать читателя о наиболее удобных туристических маршрутах и т. д.

В данной работе была предпринята попытка обрисовать общие представления российской общественной мысли о национальном характере норвежского народа в конце XIX - начале XX вв. Необходимо отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода образ норвежца в российской среде ассоциировался, прежде всего, с образом крестьянина. «Норвегия - крестьянское царство, и при том царство свободных крестьян».⁶ Характерной особенностью является несколько идеалистическое восприятие жизни простого народа. Некоторые, наиболее радикальные авторы, проводя параллели между норвежской и русской действительностью, обращали внимание на небывалый уровень нравственности, грамотности и трудолюбия в среде рабочего люда. Так С. Ф. Русова в своей работе пишет: «Такой жизни (как у русских крестьян – Л. С.) – со связанными руками и ногами и с завязанными глазами, норвежцы и представить себе не могут, а наш народ вымучился в ней не одно столетие, научился лгать,

потому что ему лгали... В Норвегии же уже давно идет свободная трудовая жизнь..., жизнь открытая и честная...».⁷ Высокий уровень благосостояния населения Норвегии объяснялся древним правом крестьянства на владение землей, соблюдением обычаев и традиций.⁸

По мнению большинства российских публицистов, суровые природные условия, в которых вынужден был жить народ, наложили свой отпечаток на формирование норвежского характера. «На каждом шагу вы увидите в Норвегии... борьбу человека с природой; вы увидите победу человеческого ума и человеческой работы, вы с восхищением станете смотреть на бодрого, неутомимого, смелого норвежца, для которого, кажется, не существует преград».⁹ Постоянная борьба за выживание в условиях суровой северной природы сделала норвежца несколько замкнутым, угрюмым, мрачным, что особенно бросалось в глаза российским путешественникам.

Пугающая молчаливость народа, задумчивость обескураживала туристов. С другой стороны, природа выработала в людях спокойствие, уверенность, неприхотливость и независимость. Каждое решение принималось взвешенно, тщательно обдуманно.¹⁰ Многими авторами отмечалась особая изобретательность норвежцев. Так в одной из работ начала XX-го в. отмечается: «Норвежцы умеют все обдумать, из всего извлечь для себя пользу: водопады приспособлены двигать колеса мельниц и лесопилок...».¹¹ Основная же черта народа – упрямство, как в положительном, так и в отрицательном значении. Так, например, С. Орловский в своей работе писал: «Норвежцев часто укоряют за их упрямство. И в самом деле, они упрямы. Если норвежец забредет себе что-нибудь в голову, так уже никто не отговорит его».¹²

Опять же в связи с географическими особенностями страны, обособленность отдельных крестьянских семей породила резко выраженный индивидуализм и независимость. «... Норвежец привык считать себя свободным..., он горд и деятелен, и всего тяжелее кажется ему признать над собой чью-нибудь власть».¹³ Вот почему, видимо, норвежский народ столь долго и страстно боролся за независимость своей страны. Патриотизм населения неоднократно обращал на себя внимание российских путешественников. Ярким примером является описание дня проведения референдума по вопросу отделения Норвегии от Швеции. На улицах царил оживление, лица людей были наполнены восторгом и одухотворенностью, и все обстановка была крайне торжественна.

Нередко в связи с политическими событиями (борьба вокруг дальнейшей судьбы унии), авторы прибегали к сравнению двух соседних народов, шведов и норвежцев. По мнению большинства публицистов, норвежцы менее веселые и подвижные, чем шведы, не столь общительны, но «...за ними сила и настойчивость».¹⁴ Известный в свое время писатель Е.

Марков отмечал, что былая мощь и удаль норвежских викингов, агрессивность и стремление к захватам «...обратилась в несокрушимую энергию торговца и мореплавателя».¹⁵ Сила духа, упорство, настойчивость норвежцев, несмотря на отсутствие внешнего лоска, светских манер восхищали русских путешественников. Однако не все авторы положительно оценивали грубоватое поведение норвежского народа. Н. З. Новинский в своих очерках о Швеции и Норвегии писал в 1913 г.: «Толпа в высшей степени демократическая, но зато и некрасивая; она утомляет своим однообразием, одноцветностью: в ней все равны, все похожи, все одинаково толкаются и плюются; нет того воспитания, того налета старой культуры, которая чувствует-ся в Швеции».¹⁶

Демократизм норвежцев проявлялся, по мнению публицистов, прежде всего, в развитии среди населения «чувстве равенства», уважении к ручному труду, одинаковом отношении к бедным и богатым. Для русских путешественников было крайне непривычен, допустим, тот факт, что прислуга пользуется в Норвегии большой свободой, и «...после работы они (слуги - Л. С.) могут отлучаться из дому, не спрашивая на то разрешение хозяев».¹⁷ Особо отмечалось в публицистических изданиях того времени трудолюбие норвежского народа.¹⁸

Главными же чертами норвежского народа все русские исследователи называют удивительную честность и гостеприимство. Описывая свои путешествия по Скандинавским государствам, авторы для пущей убедительности приводят различные факты из обыденной жизни народа, которые воспринимаются ими как некие диковинки. «Честность скандинавов вошла в пословицу и всего оязательнее доказывается тем фактом, что на всем Скандинавском полуострове никто ничего не запирает».¹⁹

Ссылаясь на рассказы иностранных путешественников, приводится пример как один американец потерял в поле золотой медальон и не смог его найти. По возвращении домой в США ему пришла посылка из Норвегии, в которой находился тот самый медальон, найденный и возвращенный норвежскими крестьянами²⁰. На горных дорогах устроены кое-где избушки, в которых можно было укрыться от непогоды, и найти также немного еды и даже одежды, «...но каждый подкрепившийся ею обязательно кладет должную плату...».²¹ Кулакова-Грот в качестве доказательства честности норвежцев приводит случай, когда хозяин лавки оставлял одного покупателя, даже если ему было необходимо уйти.²² Русским туристам было непривычно, что можно не думать о вещах в дороге, верить заявлениям пассажира на таможне и т. д.

Другой отличительной чертой норвежцев, как уже было сказано выше, являлось их гостеприимство. Бесспорно, можно предположить, что гостеприимство норвежцев было обу-

словлено высокими доходами, которые получала страна и население от туристического бизнеса. Однако, как отмечали наблюдатели, радушие было искренним, путешественника встречали с открытыми объятиями, кормили и поили, не требуя уплаты, удовлетворяя все потребности с неизменной вежливой улыбкой на устах. Бескорыстная готовность помочь, великодушные изумляли русских туристов.²³ Вот как писал о норвежском гостеприимстве немецкий путешественник: «Северное гостеприимство не имеет ничего подобного себе в других странах и исполнено такого радушия, которому можно только удивляться...».²⁴

Высокая нравственность, честность норвежского народа замечаемые всеми авторами сформировались во многом благодаря быстрому развитию в Норвегии образования (особенно со второй половины XIX в.) и огромному влиянию религии на население. Наличие большого количества различных учебных заведений, от передвижной школы до университета в Христиании, способствовало повсеместному распространению грамотности среди населения.

Высокий авторитет духовенства использовался в целях роста нравственной дисциплины. Данные факторы, в свою очередь, по мнению С. Орловского, привели к смягчению нравов, большему проникновению европейской культуры в массы.²⁵ По наблюдениям русских путешественников, в каждом селении можно было найти библиотеку, «в любом захолустье газету», любимым же занятием крестьян в зимние вечера было чтение книг.²⁶ В данном случае показательно сравнение уровня образованности норвежцев с англичанами: «Благодаря системе обязательного первоначального обучения и повсеместной грамотности, поселяне в Скандинавии знают больше, чем, например, провинциальный средний класс в Англии».²⁷ Как следствие грамотности населения, в Норвегии было замечено сравнительно малое количество преступлений. При этом помимо судебного решения в качестве обвинительного приговора выносилось и общественное порицание.

Семейные отношения и воспитание детей были также основаны на канонах, предписанных религией и моралью. С малых лет дети приучались к самостоятельности и независимости, чему способствовала отдаленность одних поселений от других. Воспитание было основано на дисциплине, уважении к старшим, трудолюбию и настойчивости в достижении цели. Вот почему, молодежь, как правило, покидала отеческий дом в поисках собственного места в жизни и своего куска хлеба.²⁸ Люди, воспитанные на подобных принципах создавали и соответствующие семьи. Наиболее яркая и исчерпывающая характеристика норвежской семьи дана Е. Я. Кулаковой-Грот в своей работе: «Удивительный мир и дружба царствуют там в семьях (имеются, прежде всего, крестьянские семьи - Л. С.): под суровой, холодной наружностью у норвежца скрывается доброе, мягкое сердце; живя в норвежской семье, никогда не

услышишь брани и не увидишь гневного взгляда; родители всегда добры и ровны к детям; дети почтительны и старательны, а между мужем и женой никогда не услышишь ссоры».²⁹

Что касается негативных черт норвежского народа, то среди них выделялись: склонность к зависти, нерасположение к высшим классам общества, пристрастие ко всему иностранному, чрезмерная любовь к свободе порождающая грубость.³⁰ Не все авторы были поклонниками норвежского демократизма, развития общества по капиталистическому пути. Ярким примером является издание в 1913 г. очерка Н. З. Новинского. В нем основная мысль сводилась к тому, что у Норвегии не было собственной истории, а, следовательно, «...народы погружаются в мелочность, увязают в тине узких интересов, и никогда не будут способны на великое».³¹ По мнению автора, проникновение в деревню капиталистических отношений приводит к медленному умиранию всего хорошего в земледелии Норвегии. С развитием торговли сформировалась и норвежская аристократия, состоящая из средней и крупной буржуазии, но без утонченных манер и воспитания, без традиций. Вот к какому выводу приходит Н. З. Новинский: «Странная Норвегия - без традиций и национальных установлений, с едва столетним независимым государственным существованием, без прочных сословных граней, без особого образования; вся вчерашняя, не установившаяся и находящаяся в брожении».³²

Таким образом, общественно-политический, экономический, культурный подъем в Норвегии во второй половине XIX в. привлек к ней внимание широких кругов российской общественности. Судя по многочисленным работам с описанием Скандинавских государств, изданных в этот период, образ норвежца несколько идеализировался русскими туристами. Примечательно также, что Норвегия воспринималась в России исключительно как крестьянское государство. Следовательно, говоря об основных чертах характера норвежца необходимо иметь в виду, прежде всего, норвежца-крестьянина. Итак, в представлении российской общественности норвежцы - спокойные, уверенные, независимые люди, несколько замкнутые и молчаливые. На них можно положиться в трудную минуту, они великодушны и гостеприимны. Основные качества норвежцев это – честность, трудолюбие, патриотичность, взаимоуважение. Как правило, они очень религиозны. Для Норвегии характерен высокий уровень грамотности населения. Основную же ячейку государства составляет семья, где царят мир и сердечные отношения. Наиболее негативным моментом, ряд публицистов считали индустриализацию страны и проникновение капиталистических отношений в норвежскую деревню, т. к. тем самым нарушалось романтическое восприятие Норвегии как царства крестьян.

Советские беженцы в Швеции в годы второй мировой войны.

В период второй мировой войны значительное число советских граждан при разных обстоятельствах оказалось в различных европейских странах. Всего на территории стран Центральной и Западной Европы к концу войны насчитывалось около семи миллионов выходцев с территории СССР в границах после 1940 г., включая военнопленных, остарбайтеров, гражданских беженцев, а также «власовцев» и прочих коллаборационистов. Большинство из них попало на территорию самой Германии и оккупированных ею или союзных с ней государств (Польши, Югославии, Румынии, Финляндии, Норвегии). Но некоторые, хотя и весьма немногие, волей судьбы оказались в нейтральных странах – Швеции и Швейцарии.

Советские граждане попадали на территорию Швеции в 1941–1944 гг. в разное время и при различных обстоятельствах. Осенью 1941 г. в Швецию из Эстонии прибыло около 180 советских военных моряков, отрезанных в ходе боев под Таллинном от своих главных сил; отступить им не удалось, зато они сумели пересечь Балтику и пристать к шведским берегам. С конца 1941 г. на шведскую территорию группами и поодиночке стали пробираться советские военнопленные, которым удавалось бежать из лагерей, расположенных в оккупированной немцами Норвегии. В общей сложности таковых к началу 1944 г. набралось до двух тысяч. Приток советских выходцев в Швецию возобновился с октября 1944 г. На этот раз они прибывали в нейтральную скандинавскую страну из Финляндии. Здесь к осени 1944 г. находилось более 45 тысяч советских военнопленных и интернированных и около 65 тысяч гражданских лиц. В числе последних в основном были жители Ленинградской области, перемещенные, согласно германо-финляндскому соглашению, в 1943–1944 гг. с оккупированной немцами территории в Финляндию (главным образом ингерманландские финны, а также ижоры, эстонцы и русские, преимущественно из смешанных русско-финских семей). Кроме того, из Олонецкой Карелии вместе с отступающими финскими войсками летом 1944 г. в Финляндию эвакуировалось несколько тысяч местных жителей – карел и вепсов. Один из пунктов советско-финляндского перемирия, заключенного 19 сентября 1944 г., предусматривал передачу финляндской стороной всех военнопленных, «а также интернированных и насильственно увезенных в Финляндию советских и союзных граждан...».⁶⁶⁹ Фактически совет-

ская сторона добивалась репатриации из Финляндии всех советских граждан, независимо от их статуса. Подавляющее большинство, свыше 101 тысяч человек, до марта 1946 г. были репатриированы в СССР. Однако около 8 тысяч человек остались в Финляндии, не желая возвращаться. Некоторые из них, не чувствуя себя здесь в безопасности, начали перебираться в Швецию, не связанную какими-либо формальными обязательствами перед Советским Союзом.

На территории Швеции, по советским данным на конец 1944 г., находилось 32 158 выходцев с территории Советского Союза.⁶⁷⁰ Большинство из этого числа, впрочем, составляли эмигранты и беженцы из Эстонии и Латвии (в том числе этнические шведы), перебравшиеся в Швецию частью в 1940, частью в 1944 гг., которые не считали себя советскими гражданами. В конце 1944 г. свыше 900 советских граждан, в основном бывших военнопленных, было репатриировано в СССР. Тем не менее численность советских и прибалтийских уроженцев на территории Швеции за следующие полгода еще более выросла за счет вновь прибывших из Финляндии. По сведениям шведских государственных органов на июнь 1945 г., в Швеции пребывало 34 635 лиц, проживавших ранее на советской территории, из них 6554 бывших эстонских шведа, 21 815 прочих уроженцев Эстонии (в том числе несколько тысяч человек, служивших ранее в рядах финской армии), 3479 латышей, 429 литовцев, 1310 советских военнослужащих и моряков и 1048 советских граждан, перебравшихся из Финляндии.⁶⁷¹ Число последних продолжало увеличиваться, и к февралю 1946 г. в Швецию из Финляндии прибыло всего 1553 уроженца Советского Союза (в том числе 277 детей), в большинстве – финны-ингерманландцы.⁶⁷²

Советское руководство стремилось возвратить в СССР всех своих соотечественников, оказавшихся в годы войны за рубежом. Для решения вопросов репатриации советских граждан постановлением СНК СССР от 4 октября 1944 г. была введена должность Уполномоченного по делам репатриации. На этот пост был назначен генерал Ф.И. Голиков. 23 октября при уполномоченном было организовано управление, которое, в свою очередь, формировало заграничные группы представителей Уполномоченного по делам репатриации.⁶⁷³ Эти группы выезжали в страны Европы, в которых находились советские граждане, и занимались решением практических вопросов по их репатриации. Нейтральная Швеция также не была обойдена вниманием сотрудников управления. Советская миссия добивалась, чтобы все граждане СССР, находившиеся в Швеции, были сконцентрированы в особых лагерях, которые она стремилась держать под своим контролем, старалась не допустить адаптации выходцев из Советского Союза в Швеции. Группа из 23 офицеров под руководством полковника Рогозни-

кова, командированная управлением Уполномоченного по делам репатриации, начала работу в Швеции в марте 1945 г.⁶⁷⁴ Члены группы старательно разыскивали осевших в стране советских граждан, стремясь получить информацию не только о тех, кто проживал в лагерях для беженцев, но и о лицах, живших и работавших в городах и в частных хозяйствах (таких было немало среди недавно приехавших из Финляндии). В своих розысках они могли рассчитывать на помощь шведских коммунистов и других просоветски настроенных левых, контроль же местных властей за действиями членов советской миссии был достаточно слабым: последние нередко имели возможность перемещаться по стране без какого-либо сопровождения. Бывшие военнопленные, за редкими исключениями, сами стремились к скорейшему возвращению в Советский Союз, и их не требовалось уговаривать. Гораздо сложнее обстояло дело с теми, кто приехал в 1944–1945 гг. из Финляндии. Чтобы убедить сограждан вернуться на родину, советские представители использовали различные методы: сначала пускали в дело угрозы, а если они не действовали, переходили к запугиваниям. Одним из средств давления на соотечественников была угроза, что Советский Союз прекратит выделять средства на содержание лагерей беженцев, и тогда Швеция, не желающая их финансировать, сама вышлет беженцев из страны, при этом скрывался тот факт, что в действительности лагеря целиком и полностью находились на содержании Шведского государства.⁶⁷⁵ В течение весны удалось тем или иным путем склонить к возвращению в Советский Союз около 2 тысяч советских граждан. Всего же с конца марта 1945 по март 1946 гг. из Швеции репатриировалось 3219 советских граждан, из них 2158 бывших военнопленных и 1061 гражданское лицо.⁶⁷⁶ Остальные предпочитали остаться. Наименьшую склонность к возвращению проявляли бывшие военнослужащие подразделений финской армии,⁶⁷⁷ которым в СССР неминуемо грозили репрессии.

В Швеции не всем беженцам на первых порах была гарантирована спокойная жизнь. Советское руководство критически относилось к политике шведского руководства в отношении беженцев. Особо резкое недовольство Москвы вызывал тот факт, что в Швеции нашло убежище немало выходцев из бывших стран Прибалтики, в первую очередь из Эстонии, и что последним было разрешено развернуть здесь деятельность политического характера. Скандинавский отдел НКВД в ноябре 1945 г. настаивал на необходимости пресечь политическую деятельность среди эстонцев и латышей в Швеции, закрыть издаваемые ими газеты и не допускать их выезда за пределы Швеции. Ингерманландцы и русские не внушали советской стороне таких опасений, как выходцы из Прибалтики, так как они вели себя тихо и не проявляли какой-либо политической активности, но и их советские представители не хотели выпускать из-под своего контроля. Тем из советских граждан, которым удавалось поселиться

на пределах лагерей, легче было ускользнуть от этого контроля, однако имена и адреса некоторых из них были до весны 1945 г. сообщены советской миссии. Именно для этой группы лиц перспектива репатриации была особенно реальна. В отношении других, о которых миссии не было известно, шведская Иностранная комиссия (Utlänningskommissionen) приняла решение, что никто из них не будет выслан из страны против их воли.⁶⁷⁸ Проблема ингерманландских и прочих советских беженцев рассматривалась и на заседании шведского правительства 26 сентября 1945 г. Министр иностранных дел Э. Унден предложил разрешить остаться в Швеции тем, кто «дезертировал из советской армии или принял активное участие в политической или военной деятельности, направленной против Советского Союза», то есть тем, кому вероятнее всего грозили репрессии в случае их репатриации в СССР. Остальных, по истечении срока действия их разрешений на пребывание в стране, следовало отправить обратно в Финляндию (таковых в начале 1946 г. насчитывалось около 500 человек). Вопрос вызвал споры, его решение затянулось до июня 1946 г., когда было решено позволить остаться в стране всем желающим.⁶⁷⁹ Возможно, на отношение властей к проблеме повлияли кампании в защиту ингерманландцев, поднятая некоторыми кругами шведской общественности, и известия о судьбе репатриантов из Финляндии и Швеции в Советском Союзе: как известно, они не получили возможности вернуться в места своего прежнего проживания в Ленинградской области и Карелии и были принудительно поселены в нескольких областях средней России, где оказались в крайне тяжелых условиях.

Переселение бывших жителей Советского Союза из Финляндии в Швецию продолжалось и в последующие годы. Во второй половине 1940-х гг. Финляндское министерство внутренних дел возглавлял коммунист И. Лейно, который проявлял изрядное рвение в розысках на территории страны советских граждан, в особенности бывших военнослужащих финской армии. Это не могло не побуждать советских выходцев к новым выездам в Швецию. По данным Управления уполномоченного по делам репатриации на 1 января 1952 г., в Швеции находилось 27 570 выходцев из Советского Союза⁶⁸⁰ (в основном опять же бывших жителей Прибалтийских государств). Бывших советских граждан, родившихся на территории СССР в границах до 1940 г., в основном ингерманландцев, насчитывалось около 4 тысяч. Центром ингерманландской иммиграции в Швеции стал город Бурос на юго-западе страны. В Швецию переехал в 1952 г. и «духовный отец» ингерманландских финнов пастор С.Я. Лауриккала, здесь он продолжал службу в качестве священника до своей смерти в 1957 г. С 1956 г. в Швеции действует ингерманландское общественно-культурное объединение «Центральный союз ингерманландских финнов» (шв. Finsk-Ingermanländernas Centralförbund, фин. Inkerin

Suomalaisten Keskusliitto). Помимо ингерманландцев, из Финляндии в Швецию перебрались некоторые русские эмигранты «первой волны», которым могли припомнить участие в анти-советском шпионаже в межвоенный период и другие прошлые «заслуги» перед бывшей родиной,⁶⁸¹ а также некоторое число бывших военнопленных (по шведским данным, около 500 человек), по тем или иным причинам предпочитавших воздержаться от возвращения на родину.

Швеция никогда не была страной массовой иммиграции выходцев из бывшей Российской империи и Советского Союза. После 1917 г. в Стокгольме обосновались считанные десятки русских эмигрантов. В годы Второй мировой войны российская диаспора в Швеции получила заметное, по местным меркам, пополнение. Небольшие группы бывших советских и российских граждан и их потомков проживают в этой скандинавской стране и в настоящее время.

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ И РЕЛИГИЯ

Кривдина О.А.

Скульпторы - выпускники Королевской Академии художеств в Копенгагене и их работы в Санкт-Петербурге (вторая половина XVIII – начало XIX вв.)

Большое значение в контексте проблемы взаимосвязей русского и датского искусства второй половины XVIII – начала XIX вв. имеет выявление имен тех мастеров, которые могут быть отнесены к обеим национальным культурам. Выпускники Королевской Академии художеств в Копенгагене Я.И. Земельгак (1751-1812) и Ж.-Д. Рашетт (1744-1809) являлись одними из первых представителей датской скульптурной школы в России. Оба мастера внесли заметный вклад в пластическое искусство второй половины XVIII – начала XIX вв., и что представляется для нас особенно ценным, в историю русской скульптуры. Об этом еще в 1907 г. писал художественный критик барон Н.Н. Врангель⁶⁸².

После Врангеля внимание к проблеме иностранных художников в России было привлечено в 1924 г. А.П. Мюллер. Она отмечала: «Трудно сказать, на ком из наших художников сказалось шведское и датское влияния; если можно еще до известной степени указывать на воздействие датчанина Эриксона на Рокотова или офранцузенного шведа Рослена на Левицкого, то говорить о скандинавском влиянии на русское искусство XVIII века вообще – не приходится ввиду полного незнания нами до сих пор художественного лика большинства работавших в России скандинавов. Но, ввиду большого их числа, приходится думать, что влияние это, хотя и незаметно, но просачивалось»⁶⁸³. Вопрос взаимопроникновения культур одно из самых сложных и загадочных явлений в художественной жизни. «Говорить о каком-либо влиянии в XIX веке западноевропейской скульптуры на русскую не приходится. Иностранные имена в этой области заслуживают разве лишь краткого упоминания», - вывод из книги А.П. Мюллер «Иностранные живописцы и скульпторы в России»⁶⁸⁴. С этим заключением трудно согласиться. Не вызывает сомнения активное проникновение в Россию художественных традиций европейских стран, прежде всего, Италии, Германии, Франции и Дании. Убедительным примером взаимовлияния и взаимопроникновения датской и русской художественных культур можно считать творчество Я.И. Земельгака.

Этот художник пока не привлек к себе достойного внимания исследователей. Ему не было посвящено персональных статей, его имя упоминалось лишь в справочниках, каталогах,

словарях⁶⁸⁵. Укажем, что основные библиографические сведения собраны в словаре «Художники народов СССР»⁶⁸⁶. Одним из первых Н.Н. Врангель в своем труде «История скульптуры»⁶⁸⁷ назвал Земельгака в числе современников русского скульптора Ф.Г. Гордеева. Он писал, что эти художники «до сих пор также еще остаются загадкой, но все же дошедшие до нашего времени работы их говорят о незаурядном даровании»⁶⁸⁸. Он же отмечал, что «рядом с русскими художниками работают иностранные мастера, поселившиеся в России. Среди них Камберлен (Camberlin d'Anvès), Земельгак и особенно Трискорни заслуживают внимания»⁶⁸⁹. В книге «Русская мемориальная скульптура» в главе, посвященной памятникам XVIII - первой половины XIX вв., Г.Д. Нетунахина высоко оценила созданные Земельгаком в Петербурге надгробия⁶⁹⁰.

Яков Иванович Земельгак (Johan Jacob Semelhaug – возможно читается, как Земельхаг) родился 4 ноября 1751 г. в Копенгагене. В некоторых источниках отмечалось его шведское происхождение⁶⁹¹, в других указано, что он датчанин⁶⁹². В настоящее время известно лишь, что за время обучения в Королевской Академии живописи, скульптуры и архитектуры в Копенгагене он был награжден двумя серебряными медалями⁶⁹³. С 1774 г. Земельгак работал в России⁶⁹⁴. Здесь он прожил до конца своей жизни, создавая в Петербурге и Москве надгробные памятники и портретные бюсты. Вскоре после приезда из Копенгагена он работал формовщиком в мастерской Ф.И. Шубина, в 1780-е гг. являлся компаньоном этого известного русского скульптора. «Податель сего... бывший мой компаньон, который делал под моим смотрением для покойного братца вашего из мрамора мавзолею, за которую я ему заплатил за одну токмо работу денег 1100 рублей, да за мрамор в Карару превел денег 1200 рублей...»⁶⁹⁵ - писал Шубин о Земельгаке в письме князю А.М. Голицыну. Названная сумма составляла половину от указанной в контракте, другая половина денег была заплачена за мрамор для надгробия. В композиции мемориального памятника П.М. Голицыну (1783, мрамор; Голицынская усыпальница Донского монастыря, Москва), о котором идет речь в письме, представлены фигура Марса и Гения у жертвенника, возле которого лежат воинские атрибуты. На плите пьедестала, под надписью с данными о П.М. Голицыне, высечена подпись: I. Semelhaug, что убедительно свидетельствует об авторстве Земельгака.

В 1781 г. Земельгак создал одно из своих первых произведений в России – надгробие А.С. Попова - камердинера Екатерины II (Мрамор, Благовещенская усыпальница Александро-Невской лавры, СПб.). Эта работа говорит о высоком профессионализме исполнения, четкости и ясности композиционного построения. На фоне портретного профильного барельефа А.С. Попова изображен плачущий младенец⁶⁹⁶. Его фигурка выполнена в традициях

европейской скульптуры, отличается пластичностью и красотой. «Это не только аллегория скорби, на что указывает опущенный факел у ног младенца, но и напоминание об оставшейся сиротой дочери Попова, родившейся уже после смерти отца, о чем сообщено в эпитафии»⁶⁹⁷.

Приведем этот текст:

Когда родитель был ее уже во гробе,
 Во матерней тогда она была утробе,
 В дни сетования произойдя на свет,
 Отцова вида зрит единый сей предмет,
 С скорбящей матерью она о нем рыдает,
 А мрамор сей печаль сердец их представляет⁶⁹⁸.

Грустную ноту усиливают такие детали, как лежащая на портретном барельефе гирлянда, красивая драпировка на саркофаге, опущенный вниз факел – символ смерти, используемый, по сведениям Джеймса Холла⁶⁹⁹, наиболее часто в ренессансной надгробной скульптуре. Эти традиции активно вводятся в пластику в России мастерами классицизма второй половины XVIII – начала XIX вв.

К 1782 г. относится созданное скульптором надгробие князя Алексея Васильевича Мещерского (1720-1782). Оно выполнено в виде мраморной пирамиды с установленным в нише портретом князя, действительного тайного советника. Венчающий пирамиду шлем с плюмажем должен напоминать потомкам о воинских подвигах погребенного здесь героя. Оценить художественное достоинство портретного бюста, к сожалению, не представляется возможным. Созданный Земельгаком бюст Мещерского утрачен и был воссоздан по фотографиям в 1965 г. скульптором Г.Д. Ястребенецким⁷⁰⁰.

В 1780-е гг. для Волковского лютеранского кладбища в Петербурге Земельгак создал надгробный памятник барону Иоганну (Ивану Юрьевичу) Фредериксу (1723-1779) – придворному банкиру. Надгробие выполнено в виде мраморного обелиска, оформленного рельефом «Коммерция» и рельефной фигурой плакальщицы. К тому же времени относится надгробие Доротеи Фредерикс (1769-1779), декорированное урной и рельефом с изображением крылатого Гения. Отметим, что для памятников Фредериксам выбран светло-серый с темными прожилками так называемый «березовый» мрамор. В 1930-е годы оба надгробия были перенесены на Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры⁷⁰¹.

Много и плодотворно скульптор работал по заказам династии купцов-заводчиков Яковлевых. В 1785 г. выполнен саркофаг надгробия основателя династии Саввы Яковлевича Яковлева (1712-1784), на котором размещены мраморные барельефы – аллегорические изоб-

ражения Благочестия и Торговли. Как считает Ю.М. Пирютко, в композицию «Торговля» включено изображение Старого Гостиного двора на Васильевском острове, в рельеф «Благочестие» - церкви Успения на Сенной площади, построенной на средства Яковлева⁷⁰². Надгробный саркофаг С.Я. Яковлева оформлен портретным медальоном и снабжен текстом: «... Сибирских, Невьянских и других железных и медных заводов и Ярославской большой полотняной мануфактуры и разных фабрик содержатель... через многополезное заведение в России заводов и фабрик не только себе самому приобрел бессмертную славу, но и целому Отечеству доставил превеликую пользу»⁷⁰³.

На произведениях скульптор высекал свою подпись: «Semelhag» или «Jacob Semelhag», благодаря чему мы имеем возможность безошибочно атрибутировать его работы. «Возможно, на Лазаревском и в других петербургских некрополях сохраняются не выявленные памятники из мастерской Земмельгака, не подписанные им», - отмечено в статье «Надгробные памятники: стиль, мастера, заказчики»⁷⁰⁴. Ряд неподписных работ имеет стилистическое сходство с выполненными им произведениями и относится к тому же времени. В их числе упомянем находящееся на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, высеченное из «березового» мрамора надгробие Василия Евдокимовича Ададунова (1709-1780) – сенатора и воспитателя императрицы Екатерины II. Здесь же может быть назван портретный барельеф графа Ивана Григорьевича Чернышева (1726-1797), экспонировавшийся в 1979 г. на выставке «Русского скульптурного портрета XVIII – начала XX века» в Государственном Русском музее⁷⁰⁵ как возможная работа Земмельгака.

В Российском государственном историческом архиве сохранился документ, зафиксировавший, что в 1800 г. Земельгак «по известным его работам и по засвидетельствованию адъюнкт-ректора Гордеева, профессоров Козловского и Шубина» был признан «назначенным» в академики⁷⁰⁶. Имеется указание на то, что в эти годы скульптор принимал участие в декоративном оформлении Михайловского замка, выполнив ряд барельефов⁷⁰⁷. В Императорской Академии художеств Земельгака именовали «вольным скульптором». Для получения звания академика ему поручили «сделать мраморный бюст покойного президента И.И. Бецкого с приличным пьедесталом»⁷⁰⁸.

За портретный бюст президента Академии художеств Ивана Ивановича Бецкого (1704-1795), высеченный из мрамора в 1803 г., Земельгак получил звание академика, что официально подтвердило его высокий профессиональный уровень. Этот мраморный бюст в 1804 г. экспонировался на выставке в Императорской Академии художеств, о чем сообщалось в «Северном вестнике»⁷⁰⁹. Скульптор, высекая бюст из мрамора по гипсовому оригиналу, внес

изменение: увеличил драпировку, что придало большую значительность и монументальность портрету. В собрание Русского музея бюст Бецкого поступил в 1925 г. из бывшего Воспитательного дома (Санкт-Петербург). В 1979 г. он был показан в ГРМ на выставке «Русского скульптурного портрета»⁷¹⁰ и экспонировался в одном зале с работами, созданными Ф.И. Шубиным, Ф.Ф. Щедриным, И.П. Мартосом, Ж.-Д. Рашеттом, М.-А. Колло. Этот «отличный бюст», как характеризовал его Н.Н. Врангель, дает представление о Земельгаке, как о талантливом и своеобразном скульпторе 1780-х – 1800-х гг.

Жаку-Доминику Рашетту (Rachette Jacques-Dominique) в отечественной и зарубежной литературе уделено пристальное внимание. Одной из первых статей о нем являлась публикация Д.Ф. Кобеко «Скульптор Ж.-Д. Рашетт и его произведения» в «Вестнике изящных искусств» в 1883 г.⁷¹¹ Н.Н. Врангель привел список известных ему источников в своем труде «История скульптуры»⁷¹². Там же он отметил, что Рашетт «француз по происхождению и датчанин по воспитанию, он так долго прожил в России, что может быть назван русским. Личность его, как художника, рисуется в ярких и пестрых красках. Он впечатлительный, неустойчивый, восприимчивый и остроумный художник и прекрасный стилист».⁷¹³ Закономерно, что вслед за Врангелем А.П. Мюллер повторила о скульпторе, что он «француз по рождению, но датчанин по образованию»⁷¹⁴. Объективно это, действительно, так. Только не приходится забывать, что учился Рашетт в Королевской Академии художеств в Копенгагене у французского скульптора Ж.-Ф.-Ж. Сали (1717-1776), возглавлявшего датскую художественную школу. Следовательно, Рашетт ориентировался в своем творчестве, прежде всего, на французскую пластику. Однако, время второй половины XVIII в. в Европе и России было столь интернационально, что и приехавший в Петербург Рашетт легко вписался в общую картину русской скульптурной школы.

Обращаясь к фактам биографии Ж.-Д. Рашетта, отметим, что родился он 14 декабря 1744 г. в Монпелье⁷¹⁵ во Франции в семье скульптора Доминика Рашетта и госпожи Клоди Бьенфэ⁷¹⁶. Первоначальное художественное образование было получено от отца. По какой причине и в каком году Ж.-Д. Рашетт переехал в Данию не установлено. В документах Копенгагенской Академии художеств его имя появляется в 1763 г. В этом году он был награжден малой золотой медалью за рельеф «Переход через Красное море» (гипс), сохранившийся в Королевской Академии художеств в Копенгагене⁷¹⁷. В 1764 г. за барельеф «Посещение Соломона царицей Савской» удостоен большой золотой медали. Поскольку Рашетт не был датчанином, он не имел права претендовать на стипендию короля Дании, для пенсионерской поездки на шесть лет в Италию и Францию. В 1765 г. он женится на Эстер-Христиане ван До-

кум, уроженке местечка Люнбю, расположенного недалеко от Копенгагена. В 1766 г. Рашетт становится отцом, свою дочь он называет Анна-Элизабет. В это время Рашетту исполнилось 22 года, и он решил продолжить свое обучение в Королевской Академии живописи и скульптуры в Париже у скульптора Ж.-М. Вьена. В 1769 г. Рашетт вновь находится в Дании, где у него появился второй ребенок. За сведения о датском периоде жизни Рашетта приносим глубокую благодарность французскому исследователю Бенту Сёренсену и сотрудникам Государственной Третьяковской галереи.

В 1770 г. Рашетт⁷¹⁸ создал статую «Юпитер-громовержец» (гипс, ГРМ⁷¹⁹). На основании имеется подпись и дата: «D. Rachet f. 1770». Как считают Б. Сёренсен и Е.В. Карпова, эта работа была выполнена в Копенгагене как «*monceau de reception*» (произведения соискателя на звание члена Академии)⁷²⁰. Статуя была признана «очень хорошей», но в принятии в Копенгагенскую Академию Рашетту было отказано по причине, что он иностранец и как ученик не осуществил пенсионерской поездки на шесть лет за границу.

Директор Королевской Академии в Копенгагене и учитель Рашетта Ж.-Ф.-Ж. Сали в 1768 г. был принят в почетные члены Петербургской Императорской Академии художеств. Этот факт позволяет предположить, что именно он дал совет Рашетту послать в Россию свое произведение «Юпитер-громовержец». Эта мысль подтверждается и написанным Сали рекомендательным письмом, в котором указано, что «...господин Рашетт, наряду с талантом, обладает высокими нравственными качествами»⁷²¹.

В 1771 г. за эту статую скульптор был признан «назначенным» в академики Петербургской Академии художеств⁷²². Однако, прежде чем приехать в Россию, Рашетт с 1773 по 1777 гг. работал в Германии, оформляя замок Вандсбек, находившийся недалеко от Гамбурга. Там он создал портрет датского астронома Тихо Браге и другие работы. В 1779 г. приглашен князем А.А. Вяземским⁷²³ на должность модельмейстера Петербургского Императорского фарфорового завода.

В России Рашетт успешно работал в разных видах скульптуры – монументально-декоративном, мемориальном и в портретном жанрах. Из созданных им в начале XIX в. монументальных работ особенно известны рельефы, украшающие Казанский собор⁷²⁴ в Петербурге («Введение во храм», «Обручение Богоматери с Иосифом», «Взятие Богоматери на небо», «Вход Иисуса Христа в Иерусалим», «Взятие Иисуса Христа воинами в Вертограде» (в интерьере), 1806-1809), и статуи для фонтанов в Петергофе («Юнона», «Юпитер», «Галатей», две группы «Наяда с тритоном», 1800-1806).

Выполненное Рашеттом в 1801-1803 гг. надгробие государственного канцлера светлейшего князя Александра Андреевича Безбородко (1747-1799) в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры ⁷²⁵ является своеобразным памятником стиля классицизм в русской мемориальной скульптуре. Многофигурная композиция, отлитая из бронзы, состоит из портретного бюста Безбородко и женских аллегорических фигур «Трудолюбие и Ревность» (соответствуют девизу герба Безбородко) и «Гения мира». В создании надгробия участвовали архитектор Н.А. Львов и поэт Г.Р. Державин, с которыми скульптор был дружен.

В 1785 г. Рашетт был удостоен Петербургской Императорской Академией художеств звания академика. В 1794 г. избран адъюнкт-профессором, в 1800 г. становится профессором скульптуры. До 1804 г. он возглавлял скульптурную часть Императорского фарфорового завода. Славу скульптору принесли выполненные по его моделям настольные украшения «Арабескового сервиза», созданного для Екатерины II в 1784 г. Особой популярностью пользовалась серия статуэток «Обитающих в Российском государстве народов» (конец 1780-х-начало 1790-х гг.), а также скульптурные изображения петербургских ремесленников и торговцев (те же годы).

«В России талант Жака-Доминика Рашетта раскрылся в полной мере и был оценен гораздо выше, чем в Дании или Германии», - считает историк искусства Бент Сёренсен ⁷²⁶. В 1999 г. Государственным Русским музеем была организована первая выставка произведений Рашетта, позволившая наглядно убедиться в правоте этих слов. Выставка экспонировалась в залах Мраморного дворца - филиала Государственного Русского музея. Кроме работ скульптора из собрания ГРМ были представлены экспонаты из Государственного музея-заповедника «Петергоф». Материалы для каталога ⁷²⁷ к данной выставке были подготовлены сотрудниками ГРМ: Е.В. Карповой, И.П. Поповой, французским исследователем Б. Сёренсеном и сотрудником Государственного музея-заповедника «Петергоф» Т. Носович.

Тридцать произведений Рашетта, выполненных в 1770-1800-х годах, хранится в собрании Государственного Русского музея. Они включены в каталог ГРМ «Скульптура XVIII – начало XX века», изданный в 1988 г. ⁷²⁸. В Третьяковской галерее находится шесть портретов, относящихся к 1780-1790-м гг., подробная информация о которых приведена в каталоге скульптуры ГТГ, изданном в 2000 г. ⁷²⁹

Исследуя творчество выпускников Копенгагенской Королевской Академии художеств – Я.И. Земельгака и Ж.-Д. Рашетта, можно сделать вывод, что оба мастера стали крупнейшими представителями скульптуры второй половины XVIII – начала XIX вв., яркими привер-

женцами классицизма. Именно в России они нашли свою вторую Родину, честно и плодотворно трудились во славу ее искусства.

История коллекции А.Андерссона (Национальный Музей, Стокгольм): к вопросу о собраниях русского фарфора XVIII-XIX вв. в Скандинавии.

Шведская коллекция предметов декоративно-прикладного искусства, собранная А.Андерссоном, выгодно выделяется в немногочисленном ряду скандинавских собраний, благодаря тщательному подбору экспонатов. История ее такова.

Весной 1984 г. Арон Андерссон - известный шведский коллекционер - преподнес в дар стокгольмскому Национальному музею свое собрание предметов декоративно-прикладного искусства, наряду с европейским фарфором XVIII в. включающее изделия из стекла и серебра, а также образцы различных тканей.

Можно сказать, что коллекция Арона Андерссона обладает совершенно особой "аурой". Некоторые из этих вещей были приобретены еще его родителями, со многими предметами коллекционера связывали почти "родственные" отношения. Так, например, чайник (Хехст, 1760), находящийся ранее в столовой семьи Андерссонов среди фамильного серебра, напоминал мальчику волшебную "лампу Алладина" своими необычными, загадочными очертаниями: носик в виде головы дракона, крышка, украшенная скульптурным изображением яблока. Изящная статуэтка "Кружевница" (Мейсен, 1740-е гг.), приобретенная на аукционе в Стокгольме, во время распродажи дрезденской коллекции Курта фон Цвейгеля (Curt von Schwiegel), сыграла важную роль в жизни Арона Андерссона, став, по собственным словам коллекционера, "его тихим спутником, его душой".

В отличие от большинства собирателей декоративно-прикладного искусства, Арон Андерссон не только изучал предметы своей коллекции, тщательно оберегая их от возможных повреждений. "Он пользовался ими [предметами - *Е.К.*], зажигал свечи в фарфоровых подсвечниках и, время от времени, ел с севрских тарелок. Он ценил красоту вещей, но собирал их и в практических целях."⁷³⁰

Осенью 1943 г. Арон Андерссон из нейтральной Швеции отправился в Берлин изучать средневековые витражи. Много времени он провел в музейных библиотеках за чтением специальной литературы, отсутствующей у него на родине. Однажды Андерссон познакомился с помощницей библиотекаря, госпожой фон Даллвиц (von Dallwitz), отец которой занимался коллекционированием мейсенских изделий. Помимо этой семьи, по всей видимости оказав-

шей на него глубокое влияние, Арон Андерссон познакомился также с другом фон Даллвицев, господином Чарльзом Ферстером (Charles Foerster) - большим знатоком истории искусства, в квартире которого, помимо прекрасных образцов мебели XVIII-начала XIX вв. и картин, находилась большая коллекция берлинского фарфора. "В каждом углу, на каждой стене можно было видеть изображения богов, богинь, и прочие фигурки, а также всевозможные виды посуды, расположенные на специальных полочках. Все это было покрыто светящейся глазурью и раскрашено в светлых тонах, характерных для берлинских изделий. Во время последнего посещения он показал мне свое приобретение - две большие тарелки, декорированные гирляндами роз, выполненными в оранжево-красном цвете - этот оттенок существовал только в берлинском производстве."⁷³¹

В 1949 г. Арон Андерссон получил возможность продолжить свое обучение в Америке. Возвращаясь в Швецию, он, на некоторое время, задержался в Нью-Йорке, где его "совершенно очаровали" бюсты мейсенской работы - изображения принца Луи-Шарля и принцессы Марии из династии Бурбонов. Андерссон приобрел их, но, к несчастью, не смог сам проследить за доставкой и бюсты были разбиты в гостинице упавшей на них железной деталью кровати. Это происшествие стало одним из самых больших потрясений в жизни коллекционера.

Возвратившись в Стокгольм, Андерссон активно использовал знания, полученные за рубежом, для приобретения предметов своего собрания. Благодаря знакомству с вышеупомянутыми берлинскими коллекционерами, он овладел умением превосходно разбираться в европейском (особенно немецком) фарфоре и мог по достоинству оценить самые неприметные, на первый взгляд, вещи. Одной из главных целей Арона Андерссона было стремление пробудить в шведах интерес к собирательству и изучению европейского фарфора XVIII в. и его коллекция является превосходным подтверждением этого. Частичную помощь в приобретении экспонатов собрания Андерссону оказывал его друг, Андре Фелькерзам (Andre Foelckersam), памяти которого коллекционер и посвятил свой дар Национальному музею.

Статьи Андерссона о европейском фарфоре XVIII в. обнаруживают глубокое знание предмета и подлинную страсть, которую коллекционер испытывал к этому виду декоративно-прикладного искусства. Мы не будем сейчас останавливаться на таких образцах собрания Андерссона, как изделия Мейсена, Венской мануфактуры, Хехста, Нимфенбурга, Севра, Капо ди Монте и других, не менее известных, европейских фарфоровых предприятий. Рассмотрим лишь оказавшиеся там фарфоровые изделия русских заводов XVIII-начала XIX вв.

Учитывая, что русский фарфор не являлся основным увлечением Арона Андерссона, следует отметить небольшой, но впечатляющий подбор русских предметов его коллекции.

Прежде всего, это изделия ИФЗ, начиная с елизаветинской эпохи (Тарелка, 1755-63 гг.⁷³²; Две солонки, 1750-е гг.⁷³³). Очень интересна тарелка с ажурным бортом и изображением птицы в центре - доделка эпохи Екатерины II к Собственному сервизу (1770 г.)⁷³⁴

Из других изделий ИФЗ в этой коллекции хотелось бы отметить фарфоровые пасхальные яйца с различными видами декорировки: пейзажная роспись, монограммы, аллегорический узор. Все они были изготовлены в первой половине XIX в.⁷³⁵

Изделия завода Ф.Я.Гарднера представлены в коллекции Андерссона тарелкой и чашкой с блюдцем (конец XVIII в.)⁷³⁶, украшенных характерным "розаном", а также статуэтками, изображающими различных персонажей ("Пирожник", 1800-25 гг.; "Танцующая девушка"; "Парень", 1820-40-е гг.; "Парень с лотком", 1830-40-е гг.)⁷³⁷. К изделиям завода Попова относятся различные образцы чайной посуды (Молочник и миска, 1820-30-е гг.⁷³⁸; Чайный сервиз, 1830-40-е гг.⁷³⁹) и статуэтки ("Урок музыки", 1830 г.; "Охотник с собакой"; "Негр", 1830-40-е гг.)⁷⁴⁰. Есть здесь также несколько изделий заводов братьев Новых (Чашка и блюдце, 1840 г.⁷⁴¹), Миклашевского ("Обезьяна, играющая на скрипке", 1850 г.⁷⁴²) и Сафронова (Пара чашек и блюдце, 1830-45 гг.⁷⁴³).⁷⁴⁴

Таким образом, небольшая "домашняя" коллекция Андерссона дает шведским любителям декоративно-прикладного искусства возможность ознакомиться с предметами, выполненными на всех, наиболее известных фарфоровых заводах России.

Духу коллекции присуща некоторая скандинавская "сдержанность". Здесь представлены отдельные вещи, а не комплексные, ансамблевые образцы (сервизы и т.п.). Тем не менее, предметы собрания Андерссона вполне способны пробудить интерес зрителей и коллекционеров к дальнейшему знакомству с русским фарфором, показывая его возможности и особенности.

В настоящий момент многие образцы русского фарфора из собрания Андерссона находятся в составе постоянной экспозиции Национального музея Стокгольма и представляют собой законченный яркий фрагмент в наглядной истории развития европейского фарфорового производства.

Иллюстрированные издания типографии Георгия Гогенфельдена (1860-е гг.)

Имя гравера и типографа Георгия Васильевича Гогенфельдена известно мало. Он прожил долгую жизнь – 80 лет - и почти 60 из них посвятил гравюре и книге.

Еще в 1923 г. в журнале «Среди коллекционеров» появилась небольшая статья, скорее даже заметка Константина Кузьминского выразительно названная «Забытый гравер». Статья эта так и осталась единственной, за прошедшие годы Гогенфельден не перестал быть «забытым», очень многие факты его биографии не прояснены до сих пор.

Георгий Васильевич Гогенфельден родился в Петербурге 17(29) марта 1828 г. Его мать - Маргарита Яковлевна Рейхель - шведка по происхождению (отсюда великолепное знание им шведского языка), была дочерью Якова Яковлевича Рейхеля с 1818 по 1856 год заведовавшего технической частью Экспедиции Заготовления Государственных бумаг. Я. Я. Рейхель не только исполнял административные должности, но был признанным мастером граверного дела. Образцы марок, кредитных билетов и ценных бумаг, производившихся в Экспедиции до 1856 г., выполнены по его эскизам. Отец художника - французский эмигрант, эльзасец Вильгельм (Василий) Гогенфельден рано умер и юные годы Гогенфельден - младший провел в доме деда, среди художников и граверов Экспедиции. Это обстоятельство, несомненно, повлияло на выбор профессии. Первый наставник Гогенфельдена - Г.Дерикер- один из самых известных ксилографов 1840-х гг. также начинал свою деятельность гравером Экспедиции. С Экспедицией Заготовления Государственных бумаг Гогенфельден будет связан до конца жизни. Он заведовал различными ее отделениями, как гравер выполнял в Экспедиции многие работы. В их числе - штемпели для финляндских кредитных билетов после реформы 1861 г. По делам Экспедиции неоднократно выезжал за границу для устройства выставок произведений печати. Даже прожил большую часть жизни в доме Экспедиции на Фонтанке.

Искусству гравирования Гогенфельден учился у Г.Дерикера и Е.Бернарского, известных мастеров гравюры на дереве. Первые ксилографические работы с инициалами «Г.Г» появились в 1846 г. в книге «Юмористические рассказы нашего времени». В дальнейшем, помимо работы в Экспедиции, Гогенфельден много гравировал для петербургских журналов «Весельчак», «Искра», «Иллюстрация», «Пчела» для иллюстрированных альманахов. Исполнил ксилографии к поэме-шутке «Кузнечик-музыкант» Я Полонского (рисунки Гартмана, 1863г.),

к рассказам из украинского быта «Темник» Погосского по рисункам К.Трутовского(1862 г.) к «Песне про купца Калашникова» М.Ю.Лермонтова с рисунков А.Шарлеманя (1865 г.). Выполнил иллюстрации к путеводителю по Волге – «Волга от Твери до Астрахани» по рисункам А.П. Боголюбова. Апогея известности Гогенфельден достиг ксилографиями к двум первым томам «Сочинений» Державина, изданным Академией наук (1864-1865 г.). 200 из 400 ксилографий с рисунков А.Оленина, А.Егорова, И.Иванова, Н.Львова гравировал Гогенфельден. Как верно заметил К.Кузьминский: «одних только ксилографий к академическому изданию сочинений Державина было бы достаточно, чтобы увековечить имя этого тонкого мастера. А между тем, он в течение своей 80-летней жизни очень часто давал возможность исследователям...запомнить имя Гогенфельдена и заинтересоваться его биографией».⁷⁴⁵ Самая малоизвестная страница биографии Гогенфельдена - его деятельность типографа.

Гогенфельден был владельцем собственной типографии с 1860 до конца 1870-х гг.⁷⁴⁶ За эти годы с маркой его типографии вышло более 100 книг: художественная литература, издания для детей, книги о путешествиях, учебники, словари, справочники. Вся продукция типографии Гогенфельдена - и иллюстрированные издания, и книги текстовые, без украшений, имели собственное художественное лицо, отличались высоким уровнем полиграфического исполнения. Самыми плодотворными в деятельности типографии были 1860-е гг. На это десятилетие приходится активное сотрудничество Гогенфельдена с крупным издателем и книгопродавцем Яковом Алексеевичем Исаковым и выполнение работ в качестве комиссионера Академии художеств.

В мае 1860 г. Г.Г.Гагарин (Вице-президент Академии художеств) в письме министру внутренних дел графу П.А.Шувалову просит «...разрешить гравёру Гогенфельдену иметь в своей квартире скоропечатную машину, литографский пресс...и устроить соответствующее требованиям Академии техническое заведение.»⁷⁴⁷

В августе 1860 г. был издан рекламный проспект, где сообщалось, что типография и литография Гогенфельдена принимает заказы на печатание обыкновенных книг, роскошных изданий с гравюрами на дереве. Особо отмечалось, что типография собирается заниматься работами, которые в обыкновенных печатных заведениях не исполняются. То есть приоритетным был выпуск изданий иллюстрированных, требующих мастерства не только печатника-типографа, но и художника-гравёра.

Первоначально типография находилась на 8-й линии Васильевского острова за Средним проспектом (в дальнейшем, по адресу - В.О. 3-я линия дом № 44), совмещала и типографию как таковую, и литографскую мастерскую, и мастерскую ксилографическую. Работали в

ней несколько человек, включая владельца.⁷⁴⁸ Первыми заказами, напечатанными по поручению Академии художеств уже в сентябре 1860 г., были «Указатель художественных произведений, выставленных в залах Академии, профессора А.П.Боголюбова»⁷⁴⁹ и общий указатель «художественных произведений, выставленных в залах Академии художеств»- издания чисто текстовые, но выполненные с большим изяществом.

Гогенфельден обратился в Совет Академии с просьбой разрешить называться комиссионером Академии художеств. Звание комиссионера давало возможность не просто печатать все материалы Академии, но совершенствовать собственное мастерство гравера, исполняя ксилографии с картин, эскизов, скульптурных композиций учеников Академии. А также совершенствовать мастерство типографа, выпуская издания с иллюстрациями. Поддерживая просьбу издателя, Г.Г. Гагарин в письме Министру Императорского Двора особо отмечал, что Егор Гогенфельден исполняет заказы для Академии художеств «по усовершенствованному им способу скоропечатания как в типографии, так и в литографии» и «...его работы служат важным вспомогательным средством к изящным искусствам»⁷⁵⁰. В ноябре Гогенфельден в ответ на свое прошение получил Высочайшее дозволение «...именоваться Комиссионером Императорской Академии художеств по типографской части и иметь на вывеске герб Академии художеств»⁷⁵¹.

В течение нескольких лет в типографии Гогенфельдена печатались: годовые отчеты Академии, указатели годичных выставок, каталоги выставок, проходящих в залах Академии, технические учебные материалы.

Репутация типографии как высококлассного художественного заведения привлекали к Гогенфельдену многих издателей. Активнее всего в 1860-е гг. он работал с Яковом Алексеевичем Исаковым. Их сотрудничество позволило Гогенфельдену проявить себя специалистом – типографом по выпуску иллюстрированных изданий.

В октябре 1857 г. известный петербургский издатель Яков Алексеевич Исаков, выпускавший, в основном, учебники, атласы и детскую литературу, приобрел исключительное право на издание всех сочинений А.С. Пушкина. Он решил издавать не только собрания сочинений поэта, но отдельными брошюрами, доступными для массового читателя, иллюстрированные сказки и поэмы Пушкина. Для печатания пушкинских изданий Я.А. Исаков выбрал заведение Гогенфельдена. За 20 лет (с 1860 по 1880 гг.) Я.А. Исаков издал свыше 30 отдельных книжек поэм и сказок Пушкина.⁷⁵² Большая их часть была издана и переиздана в 1860-е гг. типографией Гогенфельдена и снабжена его гравюрами.

В ноябре 1860 г. Гогенфельден напечатал первую пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке». Тонкая 16 страничная книга в 8 долю листа была снабжена 5 черно-белыми полиטיפажам-ксилографиями, гравированными Гогенфельденом с рисунков Александра Бейдемана. Уже в первой работе Гогенфельден показал себя мастером организации книжного пространства. Гравированные на дереве рисунки были органично вставлены в наборную полосу стихотворного текста не только для его сопровождения, но и с целью украшения страницы. Страничные иллюстрации завершались внизу стихотворной строкой, составлявшей вместе с иллюстрациями продуманную композицию.

В феврале 1861 г. в его типографии была напечатана следующая сказка Пушкина-«Сказка о царе Салтане» с портретом Пушкина на обложке и 8-ю черно-белыми иллюстрациями в тексте, также гравированными с рисунков Бейдемана. Принципы оформления страницы – введение гравюры – полиטיפажа в полосу набора – были сходны со «Сказкой о рыбаке и рыбке». В вышедшей в конце 1861 г. «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» 8 иллюстраций (черно-белые ксилографии с рисунков Константина Трутовского) были даны на отдельных листах – вклейках. Сказки выходили тонкими тетрадками, одного размера, тиражом от 3 до 10 тысяч экземпляров.⁷⁵³ Цена колебалась от 10 до 25 копеек. В 1860-е гг. все три пушкинские сказки несколько раз переиздавались в гогенфельдовской типографии и чрезвычайно быстро раскупались. В марте 1864 г. в типографии было напечатано одно из самых известных пушкинских изданий Исакова – «Евгений Онегин». Это изысканное (карманное) издание в 16 долю листа возвращало читателя к книгам эпохи ампира. Его украшали выполненные Гогенфельденом гравированный титульный лист и фронтиспис с рисунков Валериана Крюкова.

Другой областью совместной деятельности Гогенфельдена и Исакова стал выпуск иллюстрированных изданий для детей всех возрастов. От сказок для самых маленьких, исторических повестей для детей среднего возраста и научно-популярных книг для старших. Всего за десятилетие с 1860 по 1870 гг. типографией Гогенфельдена в сотрудничестве с Я.А. Исаковым было выпущено более 10 детских иллюстрированных книг. Что особо отличало издания типографии – то, что при разработке характера оформления книги всегда учитывался возраст читателя, которому книга была адресована. Большим успехом у публики пользовались напечатанные в типографии книги писателя Михаила Чистякова⁷⁵⁴ о путешествиях, жизни и быте стран и народов мира с гравюрами – иллюстрациями Гогенфельдена. Основной задачей этих изданий было – развить любознательность ребенка, сообщить как можно больше сведе-

ний о неизвестных странах и народах. Всемерно способствовало решению задачи оформления книг.

Одна из самых знаменитых книг М.Б. Чистякова, выпущенных типографией – двухтомник «О странах и народах разных частей света» – предназначалась детям старшего возраста. Книга выдержала два издания: первое в 1862 г., второе через девять лет – в 1871 г. Издание в красивом переплете (переплет специально для книги был также изготовлен в типографии) включало 29 рассказов из географии и этнографии разных стран. Каждый том содержал гравированный титульный лист, 7 иллюстраций (черно-белые ксилографии на отдельных листах), иллюстрации в тексте, заставки и концовки. Все гравировано Гогенфельденом по рисункам Валериана Крюкова.

Не менее популярная книга Чистякова, напечатанная у Гогенфельдена в 1866 г. – «Живописные виды. Встречи и приключения». Даже названия глав: «Мадагаскар», «Путешествие по Аравийскому заливу», «Европейцы в Японии», несомненно, рождало у юных читателей желание увидеть все своими глазами. Этому способствовали и 5 иллюстраций – вклеек (ксилографии Гогенфельдена на отдельных листах) – живые сценки из незнакомой жизни, выполненные с хорошим знанием этнографических деталей.

Конечно, в 1860-е гг. Гогенфельден в своей типографии печатал книги и других интересных авторов и издателей. Он продолжал трудиться и как гравер в Экспедиции Заготовления государственных бумаг. Но, именно, работа для Академии художеств и сотрудничество с Я.А. Исаковым сделало типографию Георгия Васильевича Гогенфельдена одним из заметных печатных заведений Петербурга.

Градостроительная и архитектурно-строительная история «Механического завода «Людвиг Нобель» в Санкт-Петербурге (1870-1917 гг.).

Вплоть до 2000 г. на Выборгской набережной (ныне - Пироговской наб.) размещался завод "Русский дизель". В 1918-1920 гг. он был создан путем объединения после национализации всего Механического завода "Людвиг Нобель" и западной части лесопильного завода и джуто-льнопрядильной ткацкой мешечной фабрики Д.Н.Лебедева. "Русский дизель" стал преемником Механического завода "Людвиг Нобель". Небольшой по петербургским масштабам завод "Людвиг Нобель" оказался одним из ведущих российских, да и мировых предприятий во многих областях: в точном станкостроении, в дизелестроении, в производстве нефтяного оборудования. Первые в мире дизельные моторы, первые в мире подводные дизельные лодки, первые в мире танкеры, нефтепроводы - все это прямо связано с деятельностью "Механического завода "Людвиг Нобель". Кроме того, династия Нобель славилась своим меценатством, своим многолетним вкладом в российскую науку, культуру, здравоохранение. Традицией семьи Нобель были также многочисленные научные "Нобелевские" премии. Одна из этих премий - премия, основанная по завещанию Альфреда Иммануиловича Нобеля - стала Международной Нобелевской премией.

На протяжении десятилетий представители семьи Нобель, руководимые ими предприятия выходили на вершинные достижения, создавали уникальную промышленную, научную, культурную продукцию. Многие даты из жизни и деятельности семьи Нобель не должны быть забыты, они имеют реальный шанс войти в юбилейный календарь Санкт-Петербурга.*

* 1860-1862 г. - разработка и испытание А.Нобелем в Санкт-Петербурге нового взрывчатого вещества - динамита.

1866 г. - Л. Нобель был одним из основателей Русского Технического Общества (РТО)

1875 г. - Л.И.Нобель и Механический завод "Людвиг Нобель" внесли определяющий вклад в реконструкцию Ижевского Оружейного завода.

1878 г. - на Механическом заводе "Людвиг Нобель" впервые в мировой практике начато изготовление железнодорожных вагонов-цистерн.

1879 г. - Товариществом "Братья Нобель" начато строительство первых нефтепроводов. На Механическом заводе "Людвиг Нобель" начато производство первых насосов для перекачки нефти, впервые в мире изготовлены сборные металлические резервуары для хранения нефти. Так была создана совершенно новая, дошедшая до нашего времени, технология добычи, транспортировки и хранения нефти.

1888 г. - После смерти Л.И.Нобеля принято решение об учреждении премии имени Людвига Нобеля для обучающихся в университетах, институтах, училищах Санкт-Петербурга и России.

1896 г. - Умер А.Нобель, по его завещанию необходимо было учредить ежегодные международные премии. Но это завещание многими опротестовывалось.

1897-1898 гг. - По настоянию Эммануила Людвиговича Нобеля завещание его дяди Альфреда Нобеля осуществлено. Вклады А.Нобеля изъяты из оборота, создан особый фонд, ставший финансовой основой Между-

Причем судьба четырех поколений семьи Нобель неразрывно связана именно с "Механическим заводом "Людвиг Нобель". К сожалению, история основания и функционирования "Механического завода" и других предприятий семьи Нобель, история жизни поколений петербургской династии Нобель еще не создана. Отдельные аспекты биографии семьи Нобель, функционирования завода и архитектурно-строительной деятельности на заводской территории отражены в работах Б.М.Кирикова, В.Г.Лисовского, В.С.Мешкунова, С.В.Семенцова, С.Г.Федорова, М.Фритца и других.⁷⁵⁵

Давно уже пришло время более подробно рассмотреть историю создания всех производственных, общественных, жилых комплексов, связанных с жизнью и деятельностью семьи Нобель. Многие Санкт-Петербургские адреса хранят память о семье Нобель. Среди самых значительных – особняк семьи Нобель на Пироговской (бывшей Выборгской наб.), а также вся территория бывшего «Механического завода «Людвиг Нобель», с 1918-1920 гг. национализированного, расширенного за счет соседних лесопильного завода и льно-джутовой мануфактуры Д.Н.Лебедева и ставшего известным в СССР и мире как завод «Русский Дизель». В наши дни это предприятие уже обанкрочено, производства выведены из цехов и корпусов, многие из них розданы отдельным владельцам. Однако история «Механического завода «Людвиг Нобель» гораздо значительнее, чем простого предприятия. Ведь она связана с жизнью и деятельностью знаменитой династии Нобелей. Поэтому еще долгие десятилетия она будет волновать и исследователей и многих простых жителей.

Итак, прежде всего, следует заметить, что сам квартал, на территории которого позднее существовал Механический завод «Людвиг Нобель», в основном сформировался еще в XVIII в. На известном Сенатском плане 1798 г. квартал показан еще как единый участок, на котором размещалась Канатная фабрика.⁷⁵⁶ Этот квартал не выходил непосредственно на берег Невы. Набережная улица реки Большой Невки (так тогда называли улицу, проло-

народных Нобелевских премий. Принципиальное решение принято именно в Санкт-Петербурге.

1903 г. - На Механическом заводе " созданы первые в мире судовые двигатели.

1904 г. - Спущен на воду первый в мире теплоход "Сармат" с двигательной установкой, созданной на "Механическом заводе "Людвиг Нобель".

1906 г. - Впервые в мире на заводе разработан и запущен в производство двухтактный двигатель. Одновременно разработана, внедрена и получила признание "Нобелевская продувка".

1907-1909 гг. - По личному проекту Э.Л.Нобеля и расчетам сотрудников Механического завода "Людвиг Нобель" и Товарищества "Братья Нобель" построены первые в мире речные и морские танкеры. Возник новый тип флота – танкерный флот.

1908 г. - Впервые в мире на заводе создан 4-х тактный реверсивный двигатель и установлен на подводной лодке "Миного". В России, первой из стран мира, началось строительство дизельных подводных лодок.

1914 г. - Впервые в мире на заводе создан одноцилиндровый дизельный двигатель с прямоточной продувкой.

женную приблизительно в 60-70 м от обреза воды, отделяла квартал от Невы. Остальные три стороны квартала были уже сформированы и имели четкие красные линии. По крайней мере, до 1830-х гг. на по-прежнему едином участке (по табели 1822г. имевшем №195), размером с квартал, между Самсониевским пр., Гарденским пер., набережной дорогой реки Малой Невки, Баталионной улицей продолжала размещаться Канатная фабрика.⁷⁵⁷ После вывода Канатной фабрики, территория участка (квартала) передана во владение купчихи Шарлотты Гарднер (Гардер). В ее владения входила также незастроенная земля между обрезом воды и набережной дорогой.⁷⁵⁸

С 1834 - 1835 гг. начато дробление единого прежде участка на несколько частей и продажа этих новых участков. К 1847-1848 гг. участок разделен сначала на 4, затем на 7 независимых участков, владельцами которых стали: вдова канатного мастера К.И.Эрвольтер, купец и Великобританский подданный И.Х.Ишервуд, купец Я.Я.Лангваген, купчиха и наследница М.Ф.Гарднер (Гардер) и жена Статского Советника А.И.Чарная, полковник К.И.Тихонов, вдова генерал-лейтенанта А.Ф.Зварковская.⁷⁵⁹

С 1849 г. купец и механик И.Х.Ишервуд (с 1852 г. - вместе с сыном - Ф.И.Ишервудом) создали на своем участке чугунно-литейный завод. Этот чугунно-литейный завод и его строения стал основой будущего «Механического завода» Нобелей. Уже тогда начали возводиться первые заводские корпуса, в том числе 3-х этажный корпус, ставший главным корпусом будущего завода Нобелей.⁷⁶⁰ В 1853 г. Иван Ишервуд именован в документах Санктпетербургским 3-й гильдии купцом.⁷⁶¹ Между 1853 и 1855 гг. на заводе выстроена котельная с многометровой трубой, превратившейся на десятилетия в основной ориентир завода. В 1864 г. верхняя часть трубы реконструирована.⁷⁶²

С 1855 г. владельцем завода остался только Великобританский подданный (иностранец, заводчик) Ф.И.Ишервуд. Он продолжал расширенное строительство производственных и вспомогательных корпусов завода, а также своего жилого дома по Баталионному переулку.⁷⁶³ К этому моменту угловой участок с жилым домом приобрел Великобританский подданный Р.Р.Крейг и также продолжил расширение этого дома. Так, по проекту от 22 июня 1856 г., выполненному арх. Гриммом и арх. Трусовым, к одноэтажному на высоком подвале с мезонином дому в 7 осей пристроена кирпичная галерея и во дворе выстроен деревянный навес-сарай с железной крышей.⁷⁶⁴ А в 1859 г. часть участка Ф.И.Ишервуда вдоль Баталионной ул. для организации бумаго-прядильной фабрики взял в аренду Великобританский подданный Дж. Я.Шау. Этот участок ранее был составной частью огромного участка купца Я.Я.Лангвагена, но в 1855 г. выкуплен младшим Ишервудом, затем, перешел в аренду к Дж.Я.Шау. Од-

новременно на участке Ф.И.Ишервуда существовали и чугунно-литейный завод и бумаго-прядельная мануфактура. В 1868 г. Дж. Я.Шау выкупил арендованную территорию (немного расширив ее). Участок Я.Я.Лангваген, простиравшийся от Самсониевского пр. до набережной Большой Невки (так после переименования стала тогда называться эта часть Невы), в 1867 г. принадлежал уже генерал-лейтенанту Стандертшельду.

И Ф.И.Ишервуд и генерал-лейтенант Стандертшельд развернули на своих участках активную строительную деятельность. Ф.И.Ишервуд год за годом расширял кирпичные 1-3 этажные корпуса своих чугуно-литейного завода и бумаго-прядельной мануфактуры. А на участке Стандертшельда, на котором уже давно существовал кирпичный двухэтажный с ризалитом и мезонином классических архитектурных форм жилой дом, в 1867 г. со стороны Самсониевского пр. по проекту арх. Ф. Мельгрена возведены деревянные двухэтажные на кирпичных подвалах жилые дома.⁷⁶⁵ В 1868 г. к этим трем деревянным жилым домам пристроены небольшие котельные с новыми для Санкт-Петербурга батарейными печами. На участке также велось проектирование и строительство огромного стрелкового тира с хранилищем патронов.⁷⁶⁶

Участок, принадлежавший ранее полковнику К.И.Тихонову, в конце 1850-х годов имел новую владелицу - дочь чиновника 8 класса Ольгу Слюдову. По проекту архитектора Сверчкова с 1858 г. на участке возведены деревянный одноэтажный на высоком каменном подвале жилой дом с мезонином, а также деревянный сарай для служб. Этот отдельный участок с деревянным домом существовал еще в 1891 г. (владелица - жена действительного статского советника Медведева).⁷⁶⁷

К 1868 г. северо-западная часть квартала (бывш участок Р.Р.Крейга) находилась во владении семьи Цургоузен. Владельцем почти всей южной части квартала не позднее 1860 г. стал купец Д.Н.Лебедев. Лишь самый юго-восточный угол квартала выделен в участок Худякова, отошедший до 1884 г. к участку Лесопильного завода и Льно-джутовой прядельной и мешечной мануфактуры Д.Н.Лебедева. Ориентировочно в 1869-1870 г. участки Ф.И.Ишервуда, Дж.Я.Шау, Стандертшельда купил купец Санкт-Петербургской 1-й гильдии Людвиг Иммануилович Нобель. По проведенной в Санкт-Петербурге новой перенумерации этот объединенный участок имел номера: Наб.р. Большой Невки, №13 и 15, Сампсониевский пр., № 40.⁷⁶⁸

Именно этот участок стал основной территорией созданного "Механического завода "Людвиг Нобель". Десятилетиями практически постоянно проводились крупные работы по строительству новых корпусов и реконструкции существующих производственных зданий. Можно отметить несколько "волн" строительно-реконструктивной деятельности. Уже в 1872-

1873 гг. предприняты усилия по значительному расширению производственных и складских помещений, доставшихся Л.И.Нобелю от предшественников. Следующий этап расширения производств (1879-1883 гг.) - может быть связан с организацией в 1879 г. Товарищества нефтяного производства братьев Нобель и необходимостью изготовления нового оборудования для нефтедобычи, нефтетранспортировки и т.д. Третий этап (1890-1899 гг.) включил многочисленные пристройки к существующим корпусам. На четвертом этапе (1900-1917 гг.) осуществлены реконструкция существующих и строительство новых корпусов на освобождаемых площадках (за счет переноса жилого городка для работников завода за Большой Самсоновский пр.), а также на присоединенных к участку завода новых территориях (Ново-Самсоновской мануфактуры, участков Р.Л. и Л.Л.Нобель).⁷⁶⁹

Крупное расширение участка Л.И.Нобеля произошло в 1870 г. при изменении красной линии набережной р. Б. Невки. На Выборгской стороне несколько раз были предприняты попытки уточнения красных линий кварталов и благоустройства береговой линии. По Высочайше утвержденному 16 (28) июня 1861 г. плану урегулирования Выборгской части⁷⁷⁰ намечено сохранение существовавшей тогда Набережной дороги и незастроенных участков между нею и обрезом воды. На протяжении десятилетия данный градостроительный проект несколько раз пересматривался, прорабатывались новые варианты. 13 (25) марта 1870 г. Высочайше утвержден новый план урегулирования набережной р. Большой Невки.⁷⁷¹ В соответствии с этим проектным генеральным планом сохранялась трассировка большинства существовавших улиц и переулков, но существенно изменялась сама прибрежная зона. В районе рассматриваемого квартала набережная перемещалась в среднем на 60-80 м на запад, предусмотрено строительство деревянной стенки, самой набережной улицы шириной в 10 саж. (21,3 м) со спусками. Вместо существовавшего тогда узкого бассейна- гавани для ввода со стороны Невы грузовых барж и кораблей по проекту 1870 г. намечалось создание большой и широкой гавани с причальными стенками как раз по линии участка Цургозен до Батальонного переулка.⁷⁷² Пока сохранялась старая Набережная дорога, но с 1875 г. она фактически закрывалась с включением ее зоны в расширяемые на запад участки. В полном соответствии со строительными правилами середины XIX в. на средства заводчика, купца 1-й гильдии Л.И.Нобеля инженер Витт разработал проект устройства новой деревянной набережной на сваях с булыжной мостовой, а затем и были осуществлены строительные работы.⁷⁷³ Через несколько лет, по проекту 1875 г. набережная стенка выполнена и перед бывшим участком Цургозен.⁷⁷⁴

Новая территория между выстроенной набережной Невы и сохраняемой старой улицей с названием «Набережная у большой невки» с 1870 г. передана Л.И.Нобелю под его участок. Таким образом, участок расширен на запад не менее чем на 60,0 м, с сохранением пока на своей территории старой трассы набережной дороги.⁷⁷⁵ Старая Набережная дорога фактически ликвидирована в 1875 г., это было подтверждено и узаконено на Проектном Генеральном плане урегулирования Санкт-Петербурга, Высочайше утвержденном 7(19) марта 1880 г.

Сначала, уже в 1872 -1873 гг. на этой прирезанной территории размещались сквер, деревянный складской сарай и въездной канал от берега Б. Невки. Строительные и реконструктивные работы велись на старой части участка. По проектам арх. А.Гешвенда, утвержденному 20 июля (1 августа) 1872 г. и арх. Ив. Морозова, утвержденному 18(30) января 1873 г., в 1872-1873 гг. здесь осуществлено значительное расширение фабричных корпусов со строительством новых цехов, сушильни, помещения для паровых котлов с высокой трубой, мастерских, складов, различных переходов, прачечной.⁷⁷⁶ Затем, с 1873 г. на новой части заводского участка, возведены основные флигели господского дома Л.И.Нобеля. Подробнее этапы возведения директорского жилого особняка рассмотрены в особом разделе статьи.

«Механический Оружейный завод Людвига Нобеля» - так называлось тогда производство Л.И.Нобеля, значительно расширялся. На участке практически ежегодно велись строительные работы. С 1873 г. проектные работы по всем объектам завода и жилым зданиям стал постоянно выполнять шведский арх. К.К. Андерсон. Еще в 1873 г. на территории завода сохранялся и реконструировался небольшой тир для отстрела припасов. Постоянно достраивались и перестраивались производственные корпуса. В 1874 г. сооружен газгольдер.⁷⁷⁷ Три жилых деревянных дома на кирпичных подвалах, оставшихся еще со времен Стандертшельда, при Л.И.Нобеле стали использовать как жилой городок для работников завода, в 1874 г. в этом первом рабочем городке Нобеля выстроено здание дворницкой и прачечной.⁷⁷⁸

Среди первых крупных объектов 1870-х гг. стало возведение по проекту, утвержденному 7(19) октября 1878 г. на территории завода двух огромных одноэтажных корпусов на чугунных колоннах и одного двухэтажного деревянного корпуса.⁷⁷⁹ В 1879 г. к главному заводскому корпусу пристроена трехэтажная часть с чертежной и конторой завода. Затем, в 1880 г. на территории выстроены обширные одноэтажные помещения из стекла и металла.⁷⁸⁰ В 1882 г. на месте одного из деревянных корпусов возведен кирпичный одноэтажный корпус для клепки котлов.⁷⁸¹ В 1883-1885 гг. проведено последующее значительное расширение заводских корпусов.⁷⁸²

В 1888 г., после смерти Л.И.Нобеля и К.К.Андерсона, на непродолжительное время проектные работы взял на себя арх. А.Бенуа. В 1890 г. пристройку к механическому цеху и строительство складского корпуса проектировал уже арх. Н.Ф.Монтандри.⁷⁸³ С 1891 г. наследник и новый директор завода Э.Л.Нобель пригласил к проектным работам архитектора Р.Мельцера. Он немного поработал в 1891 г, затем отошел от проектных работ на заводе, появился снова только с 1897 г. В этот промежуток 1893-1896 гг. арх. И.Третер или И.Шретер (?) возвел кирпичные складские корпуса на территории завода, осуществил небольшие пристройки к директорскому жилому особняку.⁷⁸⁴ С 1897 г. проектные работы взял на себя арх. Р.Мельцер. Но в 1898 г. надстройку вторым этажом одного из корпусов на заводской территории и строительство деревянного сарая на жилой части участка (где размещался жилой городок для рабочих) осуществил Г.Берг.⁷⁸⁵

А в 1899 г. снова проявился Р.Мельцер, спроектировав строительство лестниц в главном цехе, трехэтажного корпуса для склада изделий и мастерской.⁷⁸⁶ В 1902 г. он был занят на работах по расширению директорского особняка, поэтому к проектным работам был привлечен его брат – военный инженер Э.Ф.Мельцер. По проекту Э.Ф.Мельцера тогда выстроен огромный одноэтажный корпус мастерской с оградой по Большому Сампсониевскому пр на месте присоединенного к 1900 г. к территории Э.Л.Нобеля бывшего участка дочери чиновника 8-го класса Ольги Слюдовой.⁷⁸⁷ Одновременно, с 1902 г. начата ликвидация жилых корпусов рабочего городка на территории самого завода. На месте снесенных жилых двухэтажных зданий по проекту арх. Р.Мельцера, утвержденному 12(24) июля 1905 г., выстроен двухэтажный заводской корпус.⁷⁸⁸

Реконструктивные работы непрерывно продолжались. В 1906 г. проведены значительные работы по реконструкции одноэтажных и двухэтажных мастерских.⁷⁸⁹ В 1907 г. к зданию цеха по проекту арх. К.Шмидта пристроили трехэтажную пристройку для водяного бака.⁷⁹⁰ В 1910 г. проведены новые работы по отдельным цехам.⁷⁹¹ В связи с новым расширением участка вплоть до Батальонного переулка арх. Ф.И.Лидваль в 1912 г. разработал проект одноэтажного корпуса для новой литейной мастерской вдоль красной линии Батальонного переулка.⁷⁹² В 1913 г. арх. Г.Ф.Джонсон продолжил эти работы. По его проекту только-что возведенный корпус Ф.Лидваля продолжен вплоть до Б.Сампсониевского пр., пристроен еще один одноэтажный корпус со стороны Б.Сампсониевского пр. к торцу существовавшего тогда корпуса, выполнен крытый переход к корпусу мастерских.⁷⁹³ В 1914 г. этот торцевой корпус расширен. В 1916 г. по проекту, подписанному 12(25) августа 1916 г. архитектором Тофманом (?) разработан и осуществлен проект двухэтажного складского корпуса с железобетонными стенами.

бетонной эстакадой. Это здание стало одним из выдающихся предвестников сформировавшегося через десять лет конструктивизма.⁷⁹⁴ В 1917 г. на угловой части участка между Баталионным пер. и набережной устроены два металлических резервуара для мазута и нефти.⁷⁹⁵

Таким образом, постепенно, к началу 1910-х гг. территория "Механического завода" была еще более расширена и дополнительно включила несколько независимых ранее участков: до 1896 г. присоединен участок Медведевой, в 1911-1913 гг. в территорию "Механического завода" вошли участки Р.Л. и Л.Л.Нобель, размещавшиеся вдоль Баталионного пер., а также угловой участок Товарищества Ново-Самсониевской мануфактуры (выходивший на Большой Самсониевский пр.), в 1916-1917 гг. территория завода поглотила и самый северо-западный участок вдоль Баталионного пер (со времен владения семьей Цургоузен оставшийся отдельным участком).⁷⁹⁶

Сразу же после присоединения к основному заводскому участку, эти территории начинали быстро осваиваться – шел процесс быстрой застройки заводскими корпусами. При этом на едином заводском участке формировались производственная зона, жилье для семьи директора завода – семьи Нобелей, рабочий жилой городок для работников завода. И производственные корпуса. и жилой городок, и директорский особняк имели предшественников в застройке участков времен еще до Нобелей.

Производственные корпуса изначально восходили ко временам Ишервудов. Самый старый флигель директорского жилого особняка существовал в далеком 1849 г., жилой городок на участке был выстроен еще во времена Стандертшельда. Л.И.Нобель воспринял уже планировочную ситуацию и первоначально сохранил основные особенности функционального использования территорий при расширениях завода. Застройка территории заводского участка при Л.И.Нобеле и Э.Л.Нобеле имела эволюционный, постепенный характер последовательного функционального и архитектурного совершенствования всего заводского комплекса. С начала 1900-х гг. у расширившемуся участку завода добавлены новые обширные участки вне границ квартала: участок между Б.Сампсониевским и Лесным пр. (с 1902 г. - для создания жилого рабочего городка), участок за Лесным пр. (с 1909-1910 гг. - для возведения особняков семьи Нобель), участок на Екатерининском канале (с 1909 г. - для строительства здания дирекции Товарищества нефтяного производства «Братья Нобель»). До этого периода все эти функции соединялись на едином участке «Механического завода «Людвиг Нобель».

Однако наряду с архитектурным развитием заводского комплекса несомненный интерес представляет и рассмотрение этапов создания жилого дома семьи Нобель, а также и за-

водоуправления. Дело в том, что необычный по композиции господский дом хранит память о нескольких этапах строительных работ.

Размещенный в глубине участка флигель А4 является самым старым. Этот двухэтажный кирпичный с четырьмя мезонинами еще отдельно стоящий дом существовал до 1849 г. К данному периоду относятся классицистические фасады этажей (первого и второго этажей, четырех мезонинов), своды 1-го этажа. В 1867 г. при генерал-лейтенанте Стандертшельде по проекту архитектора Ф.Мельгрена проведена реконструкция центральной лестницы и перебивка окон 1-го этажа.⁷⁹⁷

При этом, Строительным отделением Санктпетербургского Губернского правления, где рассматривался проект, запрещена пристройка к южному фасаду этого жилого дома одноэтажной оранжереи. Это была первая (неудавшаяся пока) попытка устроить знаменитый позднее зимний сад в директорском жилом особняке. На всем заводском участке уже с 1870-х гг. начаты масштабные строительные работы. Эти работы касались как расширения уже существовавшего здесь жилого дома хозяина завода, так и производственных корпусов.

После переноса в 1870 г. западной границы участка возникла новая задача. По традиции жилой дом хозяина завода и заводоуправление должны были выходить на красную линию. Поэтому в 1873 г. по заказу нового владельца - Л.И.Нобеля - на прибрежной части участка шведский архитектор К.К.Андерсон разработал проект строительства двух-трехэтажного кирпичного жилого дома в стиле "неоренессанса". Проект утвержден Городской Думой 24 июля (5 августа) 1873 г. Одной из особенностей особняка стало изначальное создание парадных помещений, (с парадной лестницей, парадным кабинетом, концертным залом, парадной столовой, зимним садом), а также жилых помещений.⁷⁹⁸

Затем, 18(30) июня 1875 г. Городская управа утвердила представленные арх.К.Андерсоном изменения в архитектуре директорского жилого здания. Эти изменения затронули архитектуру фасадов, размещения стен и лестниц, создававшегося уже зимнего сада и террас.⁷⁹⁹ К.К.Андерсон разрабатывал проекты здания вплоть до 1885 г. По его проекту, утвержденному Городской Управой 27 июня (9 июля) 1879 г. надстроены помещения 3-го этажа над главным флигелем А1 и флигелем А4.⁸⁰⁰ В 1885 г. арх. К.К.Андерсоном последовательно разработаны и утверждены в Санкт-Петербургской Городской управе 2 варианта проекта строительства дворового флигеля А2. Второй вариант проекта осуществлен. По нему выстроено 4-хэтажное здание с конструкциями перекрытий в виде распространенных тогда "шведских" сводиков по металлическим балкам. Одновременно осуществлена пристройка лестницы с восточного фасада флигеля А4.⁸⁰¹

1888 г. стал трагическим годом для завода. Умерли владелец завода купец Л.И.Нобель и архитектор К.К.Андерсон. Новым владельцем стал сын Л.И.Нобеля - Эммануил Людвигович Нобель. Он пригласил академика архитектуры, архитектора Высочайшего двора Р.Ф.Мельцера. По проектам Р.Ф.Мельцера вплоть до 1906 г. выполнено несколько значительных работ по последовательному расширению комплекса всего здания. Первой среди них стала пристройка по проекту, утвержденному Городской Управой 26 июня (8 июля) 1891 г. к южному фасаду флигеля А1 с расширением существовавшего на втором этаже зимнего сада.⁸⁰² После перерыва в своих работах, Р.Мельцер по проектам 1897 и 1902 гг. осуществил пристройку к северному фасаду лицевого корпуса А1 с устройством на втором этаже ванной комнаты хозяйки дома - Эдлы Константиновны Нобель;⁸⁰³ Р.Мельцер выполнил также несколько вариантов 1902 и 1903 гг. проекта дворового флигеля А3;⁸⁰⁴ (уже в 1903 г. флигель А3 был возведен); надстройку по проекту 1902, затем 1906 гг. 3 го этажа первоначального жилого дома флигеля А4;⁸⁰⁵ строительство по северной границе участка одноэтажной сторожки.⁸⁰⁶ В 1903 г. им выполнен проект перехода между флигелями А3 и А4 с проездом в формируемый двор.⁸⁰⁷ К 1905 г. весь комплекс этих работ был завершен.

В небольшой промежуток времени между крупными работами Р.Мельцера небольшие фрагменты особняка реконструировал и И.Третер (?). Так, в 1893-1894 гг. выполнен переход по 3-му этажу между флигелями А1 и А2. Проектный вариант подписан архитектором И.Шретером (или И.Третером?), утвержден 16(28) июля 1893 г., но осуществленное решение имеет сходство с архитектурой зимнего сада арх. Р.Ф.Мельцера.⁸⁰⁸

Мы видели, что основные работы на особняке исполняли К.К.Андерсон и Р.Ф.Мельцер, хотя здесь проектировали и Ф.Мельгрэн, И.Третер (?).

В последовательно, на протяжении десятилетий сформировавшемся здании размещались жилые и парадные помещения семьи Нобель, заводоуправление Механического завода "Людвиг Нобель" (до 1918 г.), управления "Товарищества Нефтяного производства братьев Нобель" (до 1910 г.). До нашего времени сохранились 3 группы помещений с комплексной архитектурно-художественной отделкой, выполненной преимущественно по проектам К.К.Андерсона и Р.Ф.Мельцера. Это: парадные помещения 2-го этажа флигеля А1 (зимний сад, парадный кабинет, концертный зал, парадная столовая), личные помещения Л.И.Нобеля во флигеле А2, помещения заводоуправления во флигеле А4.

Нетужилов К. Е. к.и.н., Русский христианский гуманитарный институт
История православия в Финляндии в работах студентов Санкт-Петербургской духов-
ной академии (кон. XIX – нач. XX вв.).

Экскурсия самарских семинаристов по Восточной Финляндии в 1903 г.

В XIX в. находившаяся в государственном единении с Российской империей Финляндия достигла больших успехов в культурном и экономическом развитии. При этом множество нитей связывало ее с С.-Петербургом. Так, до 1892 г. православные приходы Великого Княжества относились к С.-Петербургской митрополии. Но и после учреждения самостоятельной Финляндской и Выборгской епархии, ее архиереи много времени проводили в столице империи, участвуя в общецерковных делах. Кадры духовенства для финских приходов по-прежнему готовились в С.-Петербургской духовной семинарии, где почти всегда преподавался и финский язык. В Финляндии до революции духовных школ не было.

Немало событий в истории православия на финской земле связано с именем первого архиепископа Финляндского и Выборгского Антония (Вадковского; 1846-1912) – впоследствии митрополита С.-Петербургского. Он возглавлял епархию 6 лет (1892-1898), а до этого 5 лет состоял ректором С.-Петербургской духовной академии с титулом епископа Выборгского. Архипастыря отличали «широта взглядов, терпимость к иначе мыслящим, простота в обращении и в отношении ко всем, без тени и лицепрятия»⁸⁰⁹. В сане архиепископа Финляндского он сохранял тесную связь со столичной духовной академией. Присутствовал он в ее храме и 14 октября 1895 г., на монашеском постриге будущего митрополита Петроградского и Гдовского священномученика Вениамина (Казанского; 17 апреля 1873 - 13 августа 1922). Владыка Антоний высоко оценил молодого инока, «близкого ему по духу и убеждениям»,⁸¹⁰ и вскоре после своего назначения на С.-Петербургскую кафедру призвал его на пост инспектора столичной семинарии.

В апреле 1902 г. архимандрит Вениамин стал ректором духовной семинарии в Самаре. Здесь заботились о всестороннем развитии питомцев, считая, что «культура есть оправа веры и [...] вера сильнее науки, от которой не нужно отгораживаться, как это делают света боящиеся люди. Вера победит разум разумными способами»⁸¹¹. Новый ректор успешно развивал местные традиции, одной из которых были летние поездки семинаристов.

В начале 1902/1903 учебного г. о. Вениамин объявил о подготовке новой экскурсии. «На нее я возлагаю надежды большие, - писал он. - Все, кто путешествует, будут еще более сильными проводниками доброго влияния в среду масс»⁸¹². Под руководством о. ректора 6

преподавателей, помощник инспектора, духовник и 48 семинаристов посетили Москву, Сергиеву Лавру, Петербург, Новгород, Ярославль, Нижний Новгород... Во время экскурсии, длившейся месяц, велся дневник, который был опубликован в “Самарских епархиальных ведомостях”⁸¹³. Подготовил его к печати, по-видимому, Константин Аполлонович Казанский, редактор этого журнала в 1902 - 1909 гг. Выпускник Московской духовной академии 1894 г., он с 1897 г. преподавал греческий язык в Самарской семинарии.

Из Петербурга экскурсанты совершили «вылазку» в Финляндию, начав ее с паломничества на Коневец и Валаам. Оба древних новгородских монастыря на островах Ладожского озера с 1892 г. входили в Финляндскую епархию.

Коневецкий монастырь в июне 1893 г. отметил свое 500-летие – юбилейные богослужения возглавил в нем архиепископ Финляндский и Выборгский Антоний. Каменный монастырский ансамбль был создан на рубеже XVIII-XIX вв. «Вторым основателем» обители называют иеромонаха Илариона (Кириллова). Им был написан устав монастыря, в соборе его заботами отделан верхний храм, устроена серебряная рака над мощами св. Арсения Коневского. Имя своего славного земляка архимандрит Вениамин мог слышать еще в детстве – Во-езеро, где родился о. Иларион⁸¹⁴ входило в благочиние его отца, священника Павла Казанского. На Коневец экскурсанты прибыли 17 июня вечером и после поклонения святыням отправились посмотреть на Конь-Камень. Здесь же семинаристы устроили себе купанье: «нигде доселе не приходилось им встречать такой чистой, прозрачной воды, как в Ладожском озере». А в пятом часу утра они уже собрались в соборе, чтобы петь за литургией, которую совершил о. ректор. Сам архимандрит Вениамин к этому времени успел отслужить утреню – он почти не спал в ту ночь.

В тот же день путники из Самары прибыли на Валаам, где провели трое суток. Они побывали в нескольких скитах, посетили различные мастерские, даже поднялись на колокольню монастырского собора. Строительство этого храма-гиганта, как и многих других построек на Валааме, шло в основном на пожертвования петербуржцев. Оно заняло 10 лет и завершилось в 1896 г. - верхнюю церковь во имя Преображения Господня освятил архиепископ Финляндский Антоний.

Сохранив лучшие впечатления от Валаама, экскурсанты отправились полюбоваться знаменитым водопадом Иматра. Знакомство с Финляндией началось на борту парохода “Валаам”. “Уже и речь здесь не наша: на пароходе добрая половина посторонних пассажиров болтает по-фински”.

Скоро показался Сердоболь⁸¹⁵. “Это уже совершенно лютеранский город. Центральное положение занимают две большие кирки и очень скромное место отведено русской церкви⁸¹⁶. И дома тоже какие-то другие, мало похожие на русские”.

На пристани путешественников встретило духовенство во главе с протоиереем Сергием Окуловым⁸¹⁷. По своим манерам, речи, даже походке о. Сергей представлял совершенного европейца. “Нет ничего общего между здешним и нашим провинциальным духовенством”, - отмечено в дневнике.

Сердоболь произвел “во всем впечатление тишины и порядка”. Заглянули в окно одного из домов: “вместо иконы распятие, - значит дом лютеранский, судя по внешнему виду, и не очень богатый, но какая в нем чистота, и как все приспособлено к требованиям жизни. На финнах и финках, которые нам попадались навстречу, не заметили ни одного грязного костюма: иной и бедно одет, а на одежде ни одной пылинки. Особенно финки отличаются чистотой и изяществом, при простоте и неизысканности наряда, надписи на домах все - или по фински или по-немецки”. [...]

Поразило и здание вокзала. “Здесь - все новое, непривычное. Нет крытой платформы, как у нас; [...] нет и той грязи, какая в большинстве замечается на русских железных дорогах. Везде цветы: и в буфетной комнате, и в помещениях железнодорожных служащих, и в руках дам, и в петличках молодых финнов”.

Между Сердоболем и Выборгом пассажирские поезда ходили редко, и протоиерей С. Окуловым заказал для гостей специальный вагон. “Со вторым звонком занимаем вагон и снова чувствуем себя в совершенно непривычной обстановке: вагон светлый, окрашенный внутри светлой краской; двери стеклянные, для удобства пассажиров умывальник и графин с водой; пол только что вымыт, как перед праздником в русском благочестивом доме. Вместо сальных огарков электрическое освещение. Вместо грязных реклам надписи объявлений - на стеклах матовыми буквами. Кондуктор предупредительно вежлив [...]. По-русски, впрочем, говорит плохо и недостаток запаса слов восполняет жестикуляцией.

Вступаем в страну “тысячи озер”. [...] Едем уже несколько верст, а все еще не видим деревни: здесь, оказывается, нет общинного землевладения: каждый живет на своем участке. Вместо деревень - отдельные усадьбы: домик с надворными службами, иногда два, и около них весь хозяйственный инвентарь и вся земля, которой владеет хозяин. И на всем пространстве - ни одной церкви. [...]

На ст. ИААККИМА [Яккима – *авт.*] поезд стоит пятнадцать минут. Идем осматривать здание вокзала. И здесь тоже - удивительная чистота и уютность. В буфете дело ведется

совершенно на других началах, чем в России: нет никаких официантов, кушанья стоят на столе: заплатите марку и кушайте холодное *quantum satis*, за полторы марки - горячее; за две с половиной - то и другое. Количество провизии определяется вашим аппетитом. [...]

После станции появляются в вагоне полевые цветы. Но здесь они - ценность, не как у нас: за право нарвать букет взяли столько-то пенни. [...]

В одиннадцатом часу ночи приехали на Иматру. [...] Подружившийся с воспитанниками на почве певческого искусства контролер предлагал нам воспользоваться для ночлега вагоном, но мы предпочли найти себе более удобное помещение, послали депутатов отыскивать "отель"[...]. Ночлег был исходатайствован на 55 человек, но боимся, как бы не отказали в помещении. Дело в том, что цифра *пятьдесят пять* вовсе не производит такого ошеломляющего впечатления, как эта толпа здоровых молодых людей, нагруженных мешками и корзинами. Однако ж, оказывается все благополучно: в наше распоряжение предоставлен целый только что отстроенный дом на берегу реки Вуоксы и вместо кроватей телега сена. На другой день, кажется, вся Финляндия знала о том, с какими неудобствами должен был поместить своих гостей содержатель ресторана: так не привыкли здесь ночевать в подобной обстановке. [...]

22 июня поднялись почти с восходом солнца, умылись холодной водой в реке Вуоксе и поспешили смотреть дивное зрелище. [...] У конца водопада, с правой стороны по течению, сделано некоторое подобие галереи; с нее открывается вид на весь водопад и на мост, повисший дугой над рекою. Мы занимаем место на выступе скалы, садимся в непринужденных позах и предаемся созерцанию. [...] В виду моста строится новый, в готическом стиле, гранд-отель⁸¹⁸, здание в несколько этажей. [...] Отсюда картина еще грандиознее. [...]

В обратный путь с водопада спешим изо всех сил. По местам срываем ягоды; по местам останавливаемся вниманием на однодворческих владениях финнов. Как все благоустроено у них: ни одной развалившейся крыши, ни одного полуразрушенного строения. Особенно удивляет то старание, с которым здесь возделывается всякий клочок земли, несмотря на все препятствия, которыми природа обставляет труд земледельца. Миновав мост, идем мимо построек, расположенных на пространстве между станцией железной дороги и водопадом Иматра. Это единственное большое селение, которое мы видели во всей Финляндии. Но как непохоже оно на наши русские громадные села. Магазины за зеркальными стенами, постройки блещут чистотой и изяществом, просторные улицы, около каждого здания чистенький садик. [...]

В шесть часов выехали с Иматры, а через семь минут приехали уже на ст. Вуоксеннис-ка и [...] размещались на белом финляндском пароходе LOUNI, который повезет нас по озеру Сайма. [...] Пассажиров сравнительно немного; прислуги на пароходе также недостаточно [...]. Но так уютно в пароходских каютах и такая чистота во всех помещениях, что и на лучших волжских пароходах, пожалуй, не встретить. Поддерживать образцовый порядок тем удобнее, что пароход совсем маленький в сравнении с волжскими, - вдвое. если не втрое меньше". Через три часа прибыли в Вильманstrand [ныне Лаппеенранта – *авт.*], где предстояла пересадка на пароход WIBORG. Он, "кажется, еще чище, еще красивее: как лебедь, белый, заново вымыт и выкрашен; металлические предметы вычищены на светло; в каютах горят электрические лампочки".

"После ужина отправились осматривать город: поднялись в гору и прошли по двум главным улицам. Видели русскую церковь⁸¹⁹, библиотеку с читальней и несколько магазинов. Большинство домов на гранитном фундаменте. Магазины ничем не отличаются от частных домов, - никакой рекламы. Нет запоров и сторожевых собак, как у нас в городе. На горе, на самом уже почти краю города, где прямо за домами начинается поле, встретили двух солдат музыкантов, которые делились с нами впечатлениями чужой страны и очень жалели о том, что "русской водки ни за какие деньги не достанешь".

О. духовник успел подружиться с капитаном, супруга которого приняла на себя все хозяйственные заботы на время пути до Выборга. "Утро 23 июня застает нас при входе в Саймский канал. Это - прогулка по водному бульвару. Средняя аллея бульвара залита водой, почти вровень с берегами; по ней идет пароход; с правой и левой стороны тянутся тропинки, обсаженные березами, за ними - тенистые сосновые рощи, луга и окруженные хвойными деревьями однодворческие поместья финских крестьян. По уютности, благоустроенности и красоте трудно еще сыскать подобную местность на севере. Это финская Малороссия, только еще лучше, еще красивее. [...]"

Наши юноши уже совершенно акклиматизировались в чужой стране: быстро считают деньги по-фински, знают необходимые слова, завели знакомства с финнами.

За несколько верст до Выборга проехали чрезвычайно красивой дачной местностью. Особенно понравилась одна усадьба на гранитной скале.

Около четырех часов вечера благополучно прибыли к городской пристани. [...] В ожидании поезда идем осматривать город. Посетили православный кафедральный собор⁸²⁰, - здесь сторож показывал нам электрическое освещение храма; видели лютеранский собор с громадной готической колокольной, женскую гимназию, реальное училище, замок, затем

прошли по Екатерининской улице⁸²¹; купили себе ножей и видов Финляндии. Выборг - это уже преддверие столицы. Пожалуй и стольный наш город не везде содержится так чисто и исправно, как эта “финская губерния”. Наше особенное внимание обратил на себя ковер травы в городском саду. Сколько тут положено труда и искусства. Постройки, в большинстве по крайней мере, на европейский лад. Из русских городов напоминают по чистоте отделки разве Одессу и Севастополь. [...]

На пути до Петербурга ученики имели возможность дать себе отчет в поездке по Финляндии по альбому, купленному о. ректором в Выборге. Вагон на этот раз превратился в аудиторию. “Помощник инспектора” читал текст; остальные, столпившись около него, рассматривали картинки. Это был очень продолжительный и интересный урок. [...]

Итак, за нами - Финляндия. Кто знает, может быть никогда уже больше ее не увидим. Но “чем дальше от предмета, тем он красивее. Надо непременно отойти на расстояние”, говорил мне на Валленкоски мой спутник, смотревший, рядом со мною, как пенились волны и как взлетал на воздух гребень водопада. Вот теперь от нас тоже на расстоянии целая страна. Правда, мы ее очень мало видели, но и того, что видели, достаточно, чтобы навсегда сохранить о ней самое лучшее воспоминание. Финляндия - уютный уголок, на каждой пяди земли которого заметна любящая рука земледельца. Хорошо живется здесь старым соснам: их не вырубают с хищническими целями; хорошо здесь почве - каменистой и неплодородной - ее удобряют и не истощают до основания. Хорошо рыбе здешних озер: ее не вылавливают еще в зародыше. Хорошо здесь и путнику: его взор ласкает приветливая постройка однодворца-крестьянина, скромная, небогатая, но уютная и чистая; внимателен к путнику и сам хозяин, - не смотрит на него, как на предмет эксплуатации. Сама природа, здесь, кажется, идет на встречу туристу своим здоровым и бодрым очарованием: лесные озера, полноводные реки, водопады, которые заставляют по целым часам смотреть на них, не отрывая глаз, и эти длинные, белые ночи с светлыми до утра не потухающими зорями...

Мы не имели случая заглянуть во внутреннюю жизнь Финляндии. Но по чистоте внешней, по трудолюбию, по культурности чисто европейской, которая сказывается на каждом шагу, можно безошибочно сказать доброе слово и о будущем Финляндии. Не без основания жалуется русский солдат, что “водки не сыщешь”, что “напиться не дают”, что “вместо пива угощают кофе”. Что это все значит, как не то, что нация не отравляет себя алкоголем. Это значит, что ей долго жить на свете, что потомство будет здоровое. Что значит, что, по статистике, в Финляндии так много школ? Это значит, что как бы ни скудна была природа,

финн найдет для себя средства сытно прокормить себя и семью и жить в добре и довольстве. И дай Бог! Мы шлем привет и желание счастья гостеприимной стране!.. "

Доброе и уважительное отношение к национальным особенностям финнов, сквозящее в каждой строчке дневниковых записей 1903 г., весьма показательно. Архимандрит Вениамин возил своих питомцев в Финляндию в драматический период ее истории. В 1898-1905 гг. царское правительство вело политику подрыва конституционного строя и автономии Великого Княжества. Многие правые газеты, восхваляя "обрусительные реформы", не брезгли прямой клеветой на финский народ. Святитель Вениамин и словом, и собственным примером всегда учил относиться к окружающим "мирно и без неприязни"⁸²². Включив в маршрут экскурсии семинаристов уголок Финляндии, подарив им дорогой альбом с видами этой страны, о. ректор преподавал им еще один "продолжительный и интересный урок" добра и благорасположения к людям.

Театральные связи Скандинавских стран и Ленинграда в 20 – 30-е гг.

Развитие международного культурного обмена в период между двумя мировыми войнами впервые приобрело настолько широкий размах, что стало атрибутом международной политики. Эта черта нашла отражение и в советско-скандинавских отношениях. Примером тому могут служить театральные связи нашего города с северными соседями.

На их развитие оказали влияние как события в России, так и довольно широкое распространение «левых» настроений в среде творческой интеллигенции скандинавских стран в 20-е гг. Революция в России и революционный кризис в ряде европейских стран вызвали к жизни новые формы общественной деятельности, повлияли на содержание международного сотрудничества. Сторонники развития культурных связей с Россией на Скандинавском полуострове видели в революции не только политическое явление, но и раскрепощение творческих сил народов, проявление человеческой сущности и стремились найти новые формы его художественного воплощения, увлекались новаторскими методами реализации художественно-эстетических идеалов. Широкое распространение получило представление о том, что революционный процесс является началом нового типа человеческой цивилизации, свободной от пороков прошлого, что ей будет соответствовать новая интернациональная культура. Вместе с тем лидеры революционного движения рассматривали процесс формирования будущей цивилизации как интернациональное движение, как мировую революцию. Развитие культуры в СССР и самостоятельного художественного творчества трудящихся в зарубежных странах рассматривалось в 20-е гг. как единый процесс формирования новой культуры и нового человека. Поэтому возникла идея о необходимости международного сотрудничества под эгидой Коминтерна в различных областях творчества.

В 1929 г. было образовано Международное рабочее театральное объединение (МРТО). В программном манифесте объединения отмечалось желание учредителей наладить международные связи рабочих театров.⁸²³ В июне 1930 г. состоялась первая международная конференция рабочего театра, на которой присутствовали представители 7 стран. Основными направлениями своей деятельности они считали превращение театральных кружков в боевые агитационно-пропагандистские группы, активно участвующие в политической борьбе.⁸²⁴ Примыкавшие к МРТО рабочие театры были созданы к февралю 1932 г. в 22 странах, в том числе в

Норвегии и Дании.⁸²⁵ Одной из форм международного сотрудничества стало проведение декад интернационального рабочего театра, в рамках которых проходили выступления театральных трупп из разных стран мира. Они были увлечены новаторскими приемами, формами «синтетического театра», включавшие элементы мюзиклов, сатирических скетчей, массовых действий с участием зрителей, фольклорных праздников. В новых драматургических формах и режиссерских приемах руководители этих групп видели новое искусство, которое, по их мнению, принципиально отличалось от буржуазного тем, что создавалось непосредственно трудящимися, которые на подсознательном уровне воспроизводили в нем свою социальную сущность. Нельзя не сказать, что они игнорировали достижения профессионального театра, делая исключение для новаторских направлений в советском театральном искусстве. Этим во многом определялось, и содержание творческих дискуссий, проводимых на страницах журнала «Интернациональный театр», издававшегося МРТО.⁸²⁶ Как видим, в международном театральном движении идеи Пролеткульта оказались достаточно живучими и имели большое число сторонников.

Под определенным давлением советских представителей в июне 1931 г. расширенный пленум МРТО все же принял решение о возможности привлечении профессиональных деятелей театра к деятельности рабочих театральных коллективов. Многие видные представители московских и ленинградских театров были привлечены к работе МРТО.⁸²⁷ Второй расширенный пленум МРТО (ноябрь 1932 г.) обратился с воззванием к деятелям культуры всего мира с призывом помочь рабочим театрам и принять участие в деятельности международного объединения. Объединительное движение профессиональных театров с организациями МРТО привело в 1933 г. к образованию Международного объединения революционных театров (МОРТ). Оно стремилось наладить тесное интернациональное сотрудничество советских и зарубежных деятелей театра.⁸²⁸

Крупным мероприятием, организованным МОРТ, явилась международная олимпиада рабочих и революционных театров. На заседании оргкомитета олимпиады.⁸²⁹ Подготовка к олимпиаде была использована для вовлечения рабочих и профессиональных деятелей театра в организации МОРТ и активизации работы левых театральных коллективов, придание ей характера массовой кампании в поддержку СССР. 26 мая 1933 г. в Москве открылась Международная олимпиада революционных театров. В ней приняли участие театральные коллективы из СССР, Норвегии и Дании, других стран. Олимпиада проходила под лозунгами «Против империалистической войны и угрозы интервенции!», «Против фашизма в культурной жизни, за единый фронт революционного театрального движения!». В рамках олимпиады была про-

ведена Первая международная творческая конференция «левого» театра. На ней обсуждались проблемы творческого поиска в драматургии, режиссуре и исполнительском искусстве. Подводя итоги дискуссии, секретарь президиума МОРТ Г. Диамант подчеркнул, что большинство выступавших высказалось за расширение проблематики, затрагиваемой «левыми» театрами, за создание полнокровных художественных образов на сцене, широкое обсуждение средствами театрального искусства экономических, этических, бытовых, исторических и философских вопросов. Важным условием решения этой задачи считалось достижение единства и взаимосвязи самостоятельных рабочих групп и «левых» профессиональных театров.⁸³⁰ Жюри олимпиады, в которое входили видные деятели театра Э. Пискатор, Л. Мусси-нак, А.П. Антуан, Секи Сано, Ф. Шпитцер, определяя значение международного форума левых театров, отметило огромное значение обмена опытом работы советских и зарубежных театров, который способствовал повышению мастерства и театральной культуры. Выполняя свои политические задачи, они находили новые формы театрального искусства. Жюри отметило успешную работу театров Франции, Бельгии, Голландии и рабочего театра Дании.⁸³¹ Участники Международной олимпиады на заключительном заседании приняли декларацию с призывом ко всем трудящимся мира бороться против угрозы войны. Скандинавские участники Олимпиады познакомились со спектаклями профессиональных и самостоятельных театров Ленинграда, участвовали в творческих дискуссиях с ленинградскими драматургами, артистами и режиссерами.⁸³²

Руководство МРТО считало, что общение с советскими деятелями театральной культуры способствовало росту мастерства, творческому совершенствованию и освоению богатства мировой культуры революционными театрами.⁸³³ Советские театры оказывали большую помощь в повышении профессионального мастерства зарубежных артистов и режиссеров революционных театров.⁸³⁴ Видные деятели отечественного театра выступали с творческими докладами на пленумах МОРТ, делились опытом работы на страницах периодической печати объединения.

Значительное влияние на революционный театр зарубежных стран оказала советская драматургия. Спектакль рабочего театра Дании по пьесе С. Третьякова «Рычи Китай», например, имел успех в Копенгагене. А на сцене Королевского театра в Копенгагене шла пьеса советского автора В. Киршона «Хлеб» (1934г.).

В середине 30-х гг. наблюдался устойчивый интерес в скандинавских странах к театральному искусству в СССР. Он свидетельствовал о сохранении высокой репутации в мире отечественного театра, завоеванной в начале XX века и в ходе триумфальных гастролей в 20-

е гг. МХТ, а затем Московского Камерного театра в Европе. В начале 30-х гг. европейский театр пережил катастрофу. Театральная антреприза в большинстве стран мира в условиях жесточайшего экономического кризиса оказалась в тяжелом финансовом положении. Организация театральных гастролей практически прекратилась, театральная жизнь замерла. Поэтому исключительное значение приобрели театральные фестивали в СССР. Они вызвали огромный интерес среди театралов скандинавских стран.

Инициатором их проведения выступил «Интурист», который летом 1933 г. организовал поездки туристических групп для просмотра спектаклей в театрах Москвы. Норвежско-советское общество организовало поездку представителей скандинавского искусства на театральную неделю в Москву. В состав группы вошли театральный критик Хенрик Серенсен, режиссер и актриса Агнес Мовинкель, поставившая на норвежской сцене «Ингу» Глебова, директор Центрального театра Отто, редактора ряда журналов, а также известные шведские актрисы Паулина Бруниус и Молли Фаустман.⁸³⁵ По пути в Москву делегация посетила театральные постановки в Ленинграде.

Однако первый опыт оказался не совсем удачным - летом театры в Москве почти все отправлялись в отпуск или на гастроли. На следующий год «Интурист» совместно с Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС) и руководителями московских театров организовали Второй театральный фестиваль в начале сентября 1934 г. К его открытию были выпущены монографии о советском театре и два альбома, гидам «Интуриста» читались лекции о театре. Кроме показа спектаклей, проводились дискуссии о проблемах современного театрального искусства. Интерес зарубежных участников фестиваля вызвала современная советская драматургия, деятельность театров других городов страны. На фестиваль приехали преимущественно деятели зарубежного театра и западные журналисты, благодаря чему он получил большой резонанс за границей. Со вниманием были встречены в Норвегии статьи известного норвежского писателя Нурдаля Грига о театральной жизни в СССР и журналиста Арне Эстведта о советской музыке, написанные под впечатлением от посещения ими Москвы и Ленинграда.

Театральный фестиваль 1935 г. был организован в июне в Ленинграде и в сентябре в Москве. В его программу были включены симфонические концерты в Ленинградской филармонии из произведений С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мясковского, выступления Д. Ойстраха, спектакли Кировского театра «Лебединое озеро» П. Чайковского и «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева, Малого оперного театра и ТЮЗа.⁸³⁶ В Москве иностранным гостям были показаны спектакли ГАБТ СССР «Три толстяка» В. Рубина и «Садко» Н. Римско-

го-Корсакова, ЦТЮЗа - «Вольные фламандцы» по Ш. де Костеру, Музыкального театра им. В. Немировича-Данченко - «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича, во МХАТ-I - «Гроза» А. Островского, в филиале МХАТа - «Платон Кречет» А. Корнейчука, в Цыганском театре - «Жизнь на колесах», в МХАТ-II - «Испанский священник» и др. Участники фестиваля впервые широко представили не только драматическое, но и музыкальное советское театральное искусство.

Особенность IV театрального фестиваля (1936 г.) состояла в том, что на нем можно было познакомиться с театрами не только из Москвы и Ленинграда, но и Украины, и Грузии. В этот раз на фестиваль прибыли более 500 любителей театра из США, Франции, Чехословакии, Голландии и Скандинавских стран. Среди них был известный актер Скандинавии Г. Экман.⁸³⁷

Шестой театральный фестиваль проходил в сентябре 1936 г. в Москве и Ленинграде. В Москве гостям были представлены спектакли театра им Е. Вахтангова - «Аристократы» Н. Погодина, театра Революции «Умка - белый медведь» И. Сельвинского, театра Вс. Мейерхольда «Горе уму» по А. Грибоедову с М. Царевым в роли Чацкого, ЦГЮЗ а - «Сказки Андерсена», МХАТа - «Воскресенье» по роману Л. Толстого, ГАБТа - «Евгений Онегин» П. Чайковского. В Москве можно было посмотреть спектакль грузинского театра им. Ш. Руставели «Арсен». Были организованы посещения репетиций во МХАТе и театре Вс. Мейерхольда. В Ленинграде шли спектакли Государственного украинского театра им. Т. Шевченко «Гибель эскадры» А. Корнейчука, ТЮЗа - «Тимошкин рудник» Л. Макарьева, Малого оперного театра «Тихий Дон» И. Дзержинского и в Кировском театре - балет «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева.⁸³⁸

Таким образом, организованные ВОКС и «Интуристом» театральные фестивали оказывались едва ли ни единственной формой международного обмена в сфере театрального искусства в середине и второй половине 30-х годов. Привилегированное положение и выдающиеся достижения советского театрального искусства, его вклад в мировую культуру были высоко оценены на Международном театральном конгрессе, созванном в Вене Всемирным театральным союзом в 1937 г.⁸³⁹ Театральные связи Ленинграда и скандинавских стран внесли заметный вклад в развитие международного театрального сотрудничества тех лет, способствовали утверждению как новаторских, так и классических направлений в театральном искусстве стран Северной Европы.

К вопросу практики изучения финского языка на современном этапе с использованием мультимедийных учебников

Овладение финским языком является важной предпосылкой в изучении Финляндии, всего процесса ее развития. В этом отношении необходимо использовать передовые методы обучения.

Суествует такое определение: "Учебник - книга, предназначенная для обучения определенному учебному предмету, содержащая систематическое изложение знаний, подлежащих обязательному усвоению учащимся"⁸⁴⁰. В свою очередь под термином *мультимедиа* понимается следующее: это «электронный носитель информации, включающий несколько ее видов (текст, изображение, анимацию, звук и др.)». ⁸⁴¹

Исходя из этих формулировок можно сказать, что мультимедийный (электронный) учебник - а у большинства интернет-пользователей словосочетания электронный учебник, мультимедийный курс, обучающая программа, дистанционный курс используются в качестве синонимов – представляет собой такое, при создании которого используется компьютерная технология мультимедиа, т. е. технология передачи цвета, звука, графики и т.д. в любой комбинации. ⁸⁴²

Мультимедийный учебник должен действовать так, чтобы автоматизировать все этапы обучения, от изложения учебного материала до контроля знаний и выставления итоговых оценок. При этом весь обязательный учебный материал должен быть переведен в яркую, увлекательную мультимедийную форму, способствующую его глубокому усвоению.

Методическая сила мультимедиа как раз и состоит в том, что ученика легче заинтересовать и обучить, когда он воспринимает согласованный поток звуковых и зрительных образов, причем на него оказывается не только информационное, но и эмоциональное воздействие. В этом смысле заслуживает внимания мнения специалистов об электронных учебных изданиях, содержащихся в газете "Книжное обозрение"⁸⁴³: "Электронные учебные пособия, – гласит одно из них, - это сочетание видео, мультипликации, карт и диаграмм... Важным преимуществом электронных пособий является их интерактивность и тот факт, что они развивают визуальную и моторную память" (генеральный директор издательства "Просвещение" А. Кондаков). Другое мнение сводится к тому, что электронный учебник «дает возможность раз-

нообразить средства и методы обучения. А всякий новый метод более привлекателен, чем учитель с мелом в руках у доски» (учитель химии Т. Мурзина).

Важно различать при всем этом понятия "учебник" и "учебное пособие". Большинство обучающих программ (тестирующие программы, компьютерные задачки, гипертекстовые справочники) являются учебными пособиями, т.е. лишь вспомогательными инструментами обучения, принципиально неспособными заменить традиционный учебник (не говоря уже о замене учителя). При их рекламе на этом факте часто не акцентируют внимание, вводя потребителя в заблуждение⁸⁴⁴.

Согласно классификации, приведенной С.Ю. Агафоновой и Д.В. Смолиным⁸⁴⁵, на сегодняшний день различают следующие виды программ:

Электронный урок – короткая компьютерная программа, посвященная изучению какой-либо минимальной темы, которую в силу малого объема или значимости для практического использования нецелесообразно или невозможно разделить на более мелкие составляющие.

Электронный учебник – более крупная информационная единица, интегрирующая в себе несколько электронных уроков, обеспечивает достижение тактических целей обучения.

Электронный курс – функционально законченная крупная информационная единица, обеспечивающая достижение стратегических целей обучения.

Требования к мультимедийному учебнику хорошо сформулированы в статье В. В. Алейникова и В. Н. Алдушонкова.⁸⁴⁶ Они сводятся к следующему:

- информация по курсу должна быть хорошо структурирована;
- текстовая информация должна дублировать видео-лекции, что позволит копировать, редактировать и распечатывать выбранную информацию;
- в мультимедийном учебнике необходимо использовать многооконный интерфейс, когда в каждом окне представлена связанная информация, или выделены определенные информационные зоны на одном экране;
- текстовая часть должна сопровождаться многочисленными перекрестными ссылками, позволяющими сократить время поиска необходимой информации;
- видеосюжеты или анимации должны сопровождать разделы, которые трудно понять в обычном изложении. В этом случае затраты времени для студентов в пять – десять раз меньше по сравнению с традиционным учебником. Большинство имеющихся в настоящее

время мультимедийных учебников не отвечают пока всем требованиям, предъявляемым к ним.

Вместе с тем, новые информационные технологии, на мой взгляд, открывают большие возможности расширения образовательных рамок по каждому предмету, особенно это касается изучения иностранных языков. Включение компьютера как помощника учителя в учебный процесс позволяет передать компьютеру рутинную работу по обучению как грамматическим, так и лексическим языковыми навыкам, оставив преподавателю главную задачу - организацию личностного общения на уроке. При этом время, сэкономленное за счет использования новых возможностей, позволяет, например, увеличить объем тренировочных упражнений, что дает возможность повысить эффективность обучения иностранным языкам.

В качестве примера рассмотрим два, из существующих в настоящее время, мультимедийных курса изучения финского языка.

1. Комплект из двух CD: Финский. Начните говорить прямо сейчас. EuroTalk и «Финский. Улучшите свои разговорные навыки. World Talk, Продолжение курса Talk Now. Уровень Intermediate для любого возраста.

2. Курс "Suomea ole hyvä"⁸⁴⁷ - начальный и курс финского языка для продолжающих, разработанный министерством образования Финляндии для взрослых эмигрантов.

К сожалению, выбор обучающих финскому языку программ невелик и насчитывает не более десятка вариантов. Выбор именно этих двух вышеупомянутых курсов обусловлен их сравнительно легкой доступностью: первый легко купить в магазинах и он доступен по цене, а второй размещен в сети Интернет и бесплатно предлагается всем пользователям.

Вначале обратимся к комплекту из 2 дисков.

Диск 1 предназначен для тех, кому необходимо овладеть основами языка в короткий период и без систематического обучения. Курс идеален не только для начинающих, но и для тех, кто испытывает сложности в преодолении "языкового барьера". Вы начнете говорить уже после нескольких обращений к этому курсу.

Диск включает базовый набор слов и устойчивые словосочетания, встречающиеся в ситуациях повседневной жизни: знакомство, покупки, еда, числа, время, транспорт и другие. Программой предусмотрена возможность самоконтроля: викторины различных уровней сложности и игры, ориентированные на тренировку памяти, покажут, насколько вы усвоили материал. Записав свой голос и сравнив свое произношение с произношением носителей языка, вы имеете возможность заняться отработкой произношения. Программа располагает возможностью мониторинга ваших достижений. Вы можете зафиксировать свои успехи и даже

напечатать себе поощрительный диплом. В программе предусмотрена система помощи. Вы можете получать подсказки и инструкции на более чем 20 языках, помимо русского. Словарь программы снабжен иллюстрациями. Кроме того, вы можете распечатать свой собственный словарь, чтобы иметь его всегда под рукой.

Состав диска: «основные слова», «покупки», «еда», «время», «числа», «части тела», «выражения».

Диск 2 сориентирован в первую очередь на понимание на слух речи диктора - носителя языка. Диктор произносит не отдельные слова, а целые фразы, причем в естественном темпе, и ученик должен уловить смысл сказанного. К примеру, вам объясняют дорогу, а вы показываете маршрут "мышкой" на схеме. Компьютер живо и непосредственно реагирует на ваш успех или неудачу. Все результаты он запоминает и по окончании игры "выдает статистику".

В курсе есть упражнения на числа, даты, названия предметов, обиходные фразы и так далее.

Состав диска: телевикторина Quiz; десять языковых игр; студия звукозаписи; шесть рассказов; возможность распечатать листы с упражнениями.

Данная программа идеальна для самостоятельного обучения при наличии минимального комплекта оборудования: Процессор: IBM PC 486 SX или выше Память: 8 Мб Видеокарта: 256 цветов (или выше), разрешение 640x480 Версия ОС: Win 3.x/Win 95, Звуковая карта: стандарта MPC Место на жестком диске: 2 Мб CD-ROM: 2x ,мышь, наушники с микрофоном.

К недостаткам данного курса следует отнести ограниченный лексический запас и малое количество грамматических упражнений. Поэтому даже овладев лексикой и грамматическими конструкциями, представленными во второй части учебника, пользователь способен ориентироваться лишь в минимальном количестве отобранных ситуаций и уровень его знаний никак нельзя отнести к Intermediate, как того обещает реклама.

Курс "Suomea ole hyvä", представляет собой мультимедийную версию одноименного учебника финского языка Анны Лиисы Салмела и Юсси Куянсуу, которые являются также авторами электронной версии. Этот курс размещен во всемирной сети Интернет и доступен всем пользователям сети. В отличие от традиционного учебника на бумажном носителе данная обучающая программа построена с использованием гипертекстовых технологий как и большинство мультимедийных учебников. Гипертекстовые технологии – это технологии, обеспечивающие поиск заданных тем в текстовых массивах, где поиск обеспечивается включением в тексты специальных указателей, называемых гипертекстовыми ссылками,— это

слова или фразы в документе, которые, будучи выбраны читающим, вызывают переход в другой документ и вывод его на экран⁸⁴⁸.

Применение технологии гипертекста дает этому учебнику целый ряд преимуществ:

1. Использование мультимедийных возможностей: музыкального оформления, анимации, графических вставок, видеоклипов.
2. Наличие разветвленной структуры гиперссылок (на определения, термины, пояснения). Гиперссылки позволяют получить пояснение, определение, дополнительную информацию по ходу прочтения учебного материала, при этом быстро вернуться к основному тексту.
3. Наличие системы контроля знаний и подсказок, интегрированной в электронный учебник, которая позволяет осуществить контроль с мгновенным результатом в виде исправлений и готовой оценки за выполненное упражнение.

Поскольку курс размещен в сети Интернет, то авторы регулярно корректируют учебник, исправляя и дополняя его.

К достоинствам учебника следует отнести и то, что информация хорошо структурирована, имеется возможность распечатывать нужную информацию, Три части этого курса охватывают практически всю грамматику и некоторые разделы синтаксиса финского языка, имеется достаточное количество грамматических и синтаксических упражнений, также упражнений на овладение лексикой, представленных в виде тематических кроссвордов или логических игр.

Из недостатков необходимо отметить отсутствие грамматических текстов, аудиоматериалов и упражнений на понимание устной речи.

Исходя из вышесказанного, Курс "Suomea ole hyvä" можно отнести скорее к электронным грамматическим справочникам с комплексом упражнений, который можно рекомендовать в качестве дополнительного учебного материала на уроках грамматики финского языка, так как грамматические упражнения увлекательными не назовешь, да и подбор таких заданий в учебнике не всегда достаточен. Именно поэтому, курс "Suomea ole hyvä" можно использовать в РХГИ на уроках грамматики финского языка с 1 по 3 курс в качестве дополнительного учебного пособия, а комплект из двух дисков "финский язык" рекомендуется в качестве пособия для самостоятельной, внеклассной работы студентов.

Подводя итоги сравнительного анализа двух мультимедийных курсов финского языка, можно сделать следующие выводы:

1. Оба рассмотренные выше мультимедийные учебника не отвечают пока всем требованиям, предъявляемым к ним.

2. Вместе с этим нельзя не отметить положительные аспекты при использовании данных курсов. Использование средств компьютерных технологий активизирует самостоятельную деятельность студентов в учебном процессе, позволяет повысить эффективность усвоения ими знаний, предоставляет преподавателю возможность использовать больше времени на занятии для индивидуальной работы.

3. Рассмотренные выше электронные курсы финского языка рекомендуется использовать в качестве дополнительного учебного материала, как на курсах финского языка для взрослых, так и при обучении студентов гуманитарных вузов финскому языку на начальном этапе.

Кириленко И.В., Папаскири Т.В.

Некоторые современные направления в искусстве и дизайне Финляндии.
Посвящается памяти М.И. Безруковой-Долматовской

Финское искусство и дизайн стоят на мощных китах: национальный эпос “Калевала”; созданное в 1846 г. финское художественное общество, оказавшее влияние на развитие финского искусства и дизайна; всемирная выставка 1900 г. в Париже. Все эти факторы сыграли такую роль, что период XIX-XX вв. вошел в историю финского искусства как “Золотой век”. Зрительные образы героев Акселли Галлен-Каллелы и в настоящее время ассоциируются с созданными им типажам. Акварельно-живописные романтические интерьеры Эмиэля Сааринена всегда современны. Творения Алвара Аалто от пепельницы до дворца республики не перестают удивлять. До настоящего времени так пополнился перечень творческих личностей, что невозможно его охватить⁸⁴⁹.

Кроме того, у художников и дизайнеров Финляндии велико чувство родины. Где бы они ни учились и ни трудились, в большинстве своем они возвращаются в свои родные финские глубинки творить. Для творческого успеха в Финляндии имеет значение талант, трудолюбие, но не происхождение или национальность.

О тканях фирмы “Маримекко” широко известно во всем мире. Их узнают по особым рисункам и цвету – колорит и графика в виде красочных линий, полос, крупных цветов и оттенков финской природы – серебристых глубинных вод множества озер.

Основала эту фирму Арми Ратиа (1912-1979) в 1951 г. Она нарушила своими проектами традиционные понятия о цветовых сочетаниях. Молодые художницы в тот период Майя Исола и Вуоккр Эсколин – Нурмесниemi превратили фирму “Маримекко” в именитую. Эту традицию продолжают дети А. Ратиа: Армер Групп, Кирсти Пааканен и другие молодые художники.

25 лет создает ткани для фирмы “Маримекко” художник Ф. Ишимото с мотивами финской весны, лета, осени и так далее. Его выставки прошли в музеях искусств “Амос Андерсон” 1970, 1980, 1990 гг. В росписях тканей он использовал также свои графические изыскания как художник и применил разные техники.

Финское авангардное и абстрактное искусство привлекает внимание своей смелостью, самодостаточностью, не оглядываясь на дерзкую критику общественности. В авангардном и абстрактном искусстве сама форма становится содержанием. Это искусство считается эли-

тарным, так как оно направлено не на удовлетворение культурных запросов большей части всего человечества и воздерживается от суждений о жизни человека. Поэтому такой художник-дизайнер как Маркку Сало может позволить себе создание в авангардно-графической манере – стекло в бежевых тонах с включениями на пьедестале, что символизирует образ женщины.

Туула Лехтинен выдвинула такой лозунг: “ничего маленького и черно-белого” - так она выразила протест против устоявшей традиции по отношению к графике. Её работы искусно выполнены в разных цветах, она сумела идее подчинить материал, с которым работает. Ею используются техники из XIX в. и придуманные, современные. При этом она написала учебное пособие о графике по металлу. Она усиленно убеждает, что копирование дешевой продукции и создание оригинальных графических работ различаются. Туула сожалеет, что в графике остается печать, как средство тиражирования. Листы ее работ огромны, красочны и выполнены в различной технике. Например, ее работа 100 x 70 см в сине-бежевых тонах “Ирене”, 1999, каучуко-бихроматный оттиск или “Декоративное панно” 120 x 100 см, 1998, вышивка, лак.

После посещения графических мастерских в Италии и Франции, где царила прекрасная атмосфера, возникла идея создания в Финляндии мастерской “Химмелблау”. И очень скоро в этой мастерской, которая явилась воплощением мечты, побывали самые известные графики Финляндии и стран Северной Европы. По словам Туулы: “Когда много народу работает, возникают новые идеи, которых в одиночку не придумаешь”.

Среди большого числа современных творческих личностей глубокий интерес вызывают полярные личности, которые достойно несут финский дух современности – это художник Ханну Вайсянен и Стефан Линдфорс.

Каждый из них, помимо талантов, разносторонней направленности, обладает огромной трудоспособностью, энергией и умением преодолевать высокие жизненные планки.

По мнению Ханну Вайсянена, все эпохи в искусстве переплетены и говорить о новой эре бесполезно. Он считает, что на сознание людей, особенно в Европе, сильно повлияли античные мифы, а христианство, несмотря на 2000-летнее его существование, не смогло их вытеснить. Эти мифы оказали влияние на этические представления, мышление и на культуру в целом.

Ханну Вайсянен рано вышел на художественную стезю и в 19 лет участвовал в выставке, создав алтарь из 6 частей. Много лет создавал графические работы и, даже когда отошел от них, влияние этого направления отражалось в его творениях.

Ханну Вайсянен углубляется в тему цветов и считает себя “цветочным” художником, при этом сравнивая себя с цветком, который целеустремленно, эстетично и доверчиво раскрывается миру.

Он очень серьезно увлечен среднеазиатской культурой – священным искусством Востока, вкладывая во всё глубокий смысл, в том числе, повседневные формы скромных деревянных крестьянских домов.

В начале 1990-х гг. Вайсянен переселился в Париж и главная причина в том, что это не Мекка современного искусства, где человек следует последним тенденциям, а город, в котором доминирует многообразие культур, уживаются понимание и интерес к неевропейскому искусству, а разным многонациональным направлениям и течениям в искусстве. По его словам: “Париж – это простор, пустыня, где на тебя не давят ожидания. Здесь я не побоялся начать всё с нуля”⁸⁵⁰. Причина еще состояла в том, что в Финляндии существует разделение художников на графиков, живописцев и скульпторов. И если художнику захотелось из графиков выбрать стезю живописца, то возникают трудности...

Он – остро чувствующий жизнь, перемены, наверно, сказывается огромная тяга к музыке: “музыка проникла под самую кожу”. Вопрос стоял очень серьезно – или, или... И художественное начало победило. “Я не смог полностью бросить искусство, побоялся огромной перемены. Это означало бы не более чем порисовывать и попевать. Я думаю, тогда я подсознательно понимал, что пение это в большей степени сопереживание, в нем нет такого чувства обособленности, как в творчестве художника”⁸⁵¹.

Его день начинается с Баха, слушая сложные хоралы, он пытается в живописи добиться многоплановости. С родиной его связь не прерывается, он в Хельсинки имеет самых лучших друзей в мире.

Ханну Вайсянен очень серьезно подошел к теме “Калевала”, участвуя в работах, посвященных юбилею национального эпоса. Он преобразил повторение изобразительных символов, объединив современное искусство со старыми традициями. В древнем искусстве предметы повседневного использования полны особого значения, например, щипцы кузнеца в “Калевале” не просто инструмент для работы, а символ – значение что-то очень крепко удерживать.

Ханну Вайсянен изучил влияние искусства на процессы медитации, разные духовные упражнения, характерные для азиатских культур. Его интересуют священные криптограммы и орнаменты, тексты Тантры и Янтры; он делал примечания к индийским мантрам, не просто копируя их, а внося при этом свое понимание и толкование их.

Восточная тема уже давно привлекает художников разных стран не только через Кандинского, Мондреана, Кляйна и других.

Почему его привлекает и вдохновляет эта тема? Потому что Восток умеет издавна естественно связывать искусство и духовность с жизнью человека через религиозные обряды и т.д. Ведь художник является органической частью общества и всей его духовной жизни.

Ханну Вайсянен философски мыслит и считает, что художник не просто видит картину, а сливается с ней через медитацию. Изучив психологию Запада, он выражает мнение, что западное искусство – бездуховное. Его привлекает прошлое время, когда искусство, жизнь имели теснейшую связь.

В 2000-м г. у него была выставка, на которой были представлены работы азиатской направленности и современные натюрморты. Например, тема лотоса, используемая в медитации, сопровождается знакомыми абстрактными рисунками из Пита Мондреана, а в глазах Ханну Вайсянена решетка Мондреана, которая была упрощением трех ветвей, снова расцвела. На концах решетки снова появились цветы и листья, и священный индуистский текст Тантры преобразуется в минималистскую картину.

Кроме восточных тем у него также написаны натюрморты в стиле XVIII в., при этом он создает иллюзию пространства, располагая предметы как на полке. По его мнению, натюрморты в стиле барокко не хватает пространства, так как предметы находятся слишком близко друг к другу. Его привлекают нарушение стилей, смешение стилей Востока и Запада, абстрактных и живых, существующих и несуществующих. Например, картиной о мыле он выразительно заявляет, как кусок мыла уходит в небытие.

Ханну цитирует японского художника Утамаро: “Художник не в состоянии ничего создать, пока ему не исполнится 73 года. Истинный период творчества продолжается недолго”. Сам Утамаро стал настоящим творцом в 73 года, проработав после этого еще десять лет. Поэтому Ханну Вайсянен считает, что надо дожить до благодатной старости, чтобы многое стало понятным.

Другой популярной личностью в Финляндии является дизайнер, фотограф Стефан Линдфорс, которого называли “рациональным животным”. О его работах и о нем самом разными искусствоведами и дизайнерами из США, Испании, Финляндии и т.д., написано много интересного. Его творчеству за последние 15 лет посвящена книга “Lindfors “Rational Animal”⁸⁵².

Внешне его сравнивают с Дэвидом Боуи и даже находят что-то цыганское, хотя он родился в 1952 г. в Финляндии. Линдфорс полон удивительной энергии и трудолюбия и знает,

что после 30 лет новых идей не бывает, но необходимо развить и претворить те, которые он накопил. Линдфорс хочет всегда большего, вдохнуть жизнь во все, что создает и передать своим творчеством послание миру, хочет быть другом каждого, обнять, укрывать, одевать, освещать своими лампами, усаживать на свои кресла, спасти экологию.

Он представляет собой сложный клубок мыслей, под влиянием которого его мозг отдает приказы творить свои создания смешанного характера из холода.

Для финских художников имеют значение выставки, которые часто проходят в Финляндии и других странах.

В Москве прошли юбилейные выставки Международного художественного фонда, в которых было предложено принять участие авторам этой публикации. Экспонировались их росписи по шелку, посвященные финской природе и скандинавскому искусству.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Е.А., Санкт-Петербургский государственный университет.

аф Форселлес-Риска С. (af Forselles-Riska С.) д.н., Хельсинкский университет

Балашов Е. А., ИКО «Карелия».

Барышников В. Н. д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Барышников Н. И., д.и.н., профессор, Санкт-Петербургская Академия государственной службы.

Белкина Н. В., Русский христианский гуманитарный институт.

Бовкало А. А. Санкт-Петербургская Духовная академия.

Бурков В.Г., д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Галкин А. К., ЗИН РАН.

Дубровская Е.Ю., к.и.н., Карельский научный центр РАН.

Дунаева Ю.Г., к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.

Дуров И.Г., к.в.н., Нижегородский государственный университет.

Журавлев Д. А., Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга.

Иванов М. В., Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. Герцена.

Ивлева С.Е., Государственный Русский музей.

Кащенко Е. С., к.и., Санкт-Петербургский государственный университет.

Кириленко И. В., член Союза дизайнеров России.

Кобчиков Е. Ю., к.в.н., Военно-морской институт радиоэлектроники.

Кононенко В. Санкт-Петербургский государственный университет.

Кривдина О.А., к.и., Государственный Русский музей.

Кротов П. А., д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Куропятник А.И., д.с.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Куропятник М.С., к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

Кушеверский И. А., Центр международных истерика-архивных исследований и образовательных программ.

Лукошков А. В., к.т. н., АО «Морские технологии».

- Межевич Н.М., к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.
- Михалкова Т. К. Государственная академия театрального искусства.
- Мусаев В.И. д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.
- Нетужилов К. Е. к.и.н., Русский христианский гуманитарный институт.
- Нилиц А.В.
- Пааскоски Ю. (Paaskoski J.) д.н., Хельсинкский университет.
- Папаскари Т. В. к. экон. и сел. хоз. наук, Государственный университет по земле-
устройству.
- Пересадило Р. В., Поморский государственный университет.
- Петров П.В., к.и.н., Российский государственный архив Военно-Морского флота.
- Портала М. А., к.т. н., Военно-морской институт радиоэлектроники.
- Рейман А. Л., Государственная инспекция по охране памятников.
- Репневский А. В., д.и.н., профессор, Поморский государственный университет.
- Садова Л. А., Санкт-Петербургский государственный университет.
- Семенцов С. В. к.арх., директор Института исследований Санкт-Петербурга и северо-
западного региона.
- Смирнов В. Г., к.и.н., Центральное картографическое производство ВМФ.
- Стерликова А. А., Санкт-Петербургский государственный университет.
- Терюков А. И., к.и.н., Музей антропологии и этнографии РАН.
- Трохачев С. Ю. к.филол.н., Русский христианский гуманитарный институт.
- Усыскин Г. С., д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский университет профсоюзов.
- Фокин В.И. д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- Цоффка В.В. к.филол.н., Государственный музей заповедник Пушкино.
- Шрадер Т.А. к.и.н., Музей антропологии и этнографии РАН.
- Яковлев О. А. к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.

- ¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431-490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002.
 - ² См: Морская газета, 25.5.2002.
 - ³ [Чистович Я.А.] Первый докторский диплом, полученный по экзамену в России // Медицинский вестник. 1862. № 17. С. 171.
 - ⁴ Ястребцов Е. Орреус Густав // Русский биографический словарь. СПб., 1905. [Т. 11], С. 307.
 - ⁵ Там же.
 - ⁶ Там же. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. CCXLIII,
 - ⁷ Цит. по: [Чистович Я.А.] Первый докторский диплом... С. 171.
 - ⁸ Чистович Я.А. История первых медицинских школ... СПб., 1883. Указатель.
 - ⁹ [Чистович Я.А.] Первый докторский диплом... С. 170. Протокол заседаний Общества русских врачей в Санкт-Петербурге. СПб., 1861. С. 82–89..
 - ¹⁰ [Чистович Я.А.] Первый докторский диплом, полученный по экзамену в России // Медицинский вестник. 1862. № 16. С. 157.
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² При жизни Петра Великого было учреждено 10 госпиталей и свыше 500 лазаретов. См.: Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С.52.
 - ¹³ Чистович Я.А. Учебные экзамены в Медико-хирургической академии // Медицинский вестник. 1861. №13. С.121. Естественно, имеется в виду интриги Лестока в пользу Елизаветы Петровны.
 - ¹⁴ См. также: Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М., 1996; Протоколы заседаний Общества русских врачей в Санкт-Петербурге. СПб., 1861. С. 82–89.
 - ¹⁵ Чистович Я.А. История первых медицинских школ... С. CCXLV.
 - ¹⁶ Там же.
 - ¹⁷ Там же.
 - ¹⁸ Ястребцов Е. Орреус Густав // Русский биографический словарь. СПб., 1905. [Т. 11]. С. 307–308.
 - ¹⁹ Цит. по: Мирский М.Б. Медицина России... С. 127.
 - ²⁰ Там же. См. также: Всеобщий журнал врачебной науки. 1811. № 4. С. 112–115.
 - ²¹ Чистович Я.А. История первых медицинских школ... С. LXIX.
 - ²² Там же. С. LXX–LXXI.
 - ²³ Там же. С. LXXI–LXXII.
 - ²⁴ Там же. С. LXXIII.
 - ²⁵ О его деятельности в России см.: Мирский М.Б. Медицина России... С.67–84. Глава "Первый архиастр России"; Трохачев С.Ю. Роберт Эрскин, придворный врач и дипломатический агент Петра Великого // Дни медицины и биологии в Санкт-Петербурге. СПб., 1998. С.229–241.
 - ²⁶ История первых медицинских школ... С. LXVI–CCCLXVI.
 - ²⁷ Там же. С. CCVII.
 - ²⁸ Грекова Т.И., Голиков Ю.П. Медицинский Петербург. СПб., 2001. С.285–286.
 - ²⁹ Чистович Я.А. История первых медицинских школ... С. CCXLVIII–CCLIX.
 - ³⁰ Клинге М. Очерк истории Финляндии : Пер. с финск. Хельсинки, 1995. С. 51.
 - ³¹ Мирский М.Б. Медицина России... С. 127.
 - ³² Трохачев С.Ю. Врачебная корпорация как феномен истории медицины // Мир медицины. 1999. №9–10. С.2–3.
 - ³³ [Чистович Я.А.] Первый докторский диплом... // Медицинский вестник. 1862. № 8. С. 179–180.
 - ³⁴ Медицина России... С. 126.
-
- ¹ Ogg D. Europe in the Seventeenth Century. L., 1948. P.471.
 - ² Murray J.J. Robert Jackson's mission to Sweden (1709-1717)//Journal of modern history. 1949..№1.P.12-13.
 - ³ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С.169.
 - ⁴ Nordmann C.J. La crise du Nord au débute du XVIII sieclé. Paris, 1956.P.77.
 - ⁵ Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый...к начатию войны опротив короля Карола XII шведского 1700 году имел...СПб., 1717 г. С.46-49.
 - ⁶ Архив кн. Ф.А. Куракина.1902. Т.10.М. С.199-200.
 - ⁷ Фейгина С.А. Указ. соч. С. 127-128.
 - ⁸ Любименко И.И. Россия и Англия во второй половине XVIII в.Диссертация...канд. ист. наук.Л.,1950.С.339.
 - ⁹ Русский резидент в Лондоне Ф.П.Веселовский оценил это случай как «очень полезный интересам царского ... величества». Цит. по: Брикнер А.Г. История Петра Великого.М.,1996. С.153. Из писем Петра I и его сподвижников видно, что русская дипломатия была неплохо информирована о намерениях Карла XII вторгнуться на английскую территорию и ждала начала войны между Англией и Швецией. Об этом см.:МИРФ.С.135, а также письма в Архиве СПбИИ РАН. Ф.115. Оп.1.Д.501.Л.151;Д.7389.Л.1.
 - ¹⁰ Брикнер А.Г. История Петра Великого.Т.2.М.,1996. С.153.
 - ¹¹ Копия официального меморандума русской стороны храниться в РГАДА. Ф.35.Оп.1.1717.Д.445.Л.1-7.

¹² Об этом см.: И.И. Любименко. Указ. соч.

¹³ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. С.164.

¹⁴ РГАДА. Ф.35.1717 г.Д.445.Л.266-267.

¹⁵ Фейгина С.А. Указ. соч. С.176.

¹⁶ Там же. С.177.

¹⁷ Normdamm C.J. Op. cit. P.119.

¹⁸ [Ormond, d',duc,J.B.] Memoires de la vie de mylord duc d'Ormond... La Haye,1737. Vol.2. P. 200.

¹⁹ Nordmann C.J. Op. cit. P.104-105.

²⁰ Брикнер А.Г. Путешествие Петра Великого за границу в 1716-1717 г. //Русский вестник. 1880. №11. С.654.

³⁵ Бородкин М.М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб. 1912.

³⁶ Густав Мориц Армфельт, 1757-1814, барон, генерал от инфантерии. Один из самых ярких финских политиков в Петербурге. Его иногда называли «Северный Алкивиад», не только за храбрость, ум и красоту, но и за полную приключений жизнь сначала при шведском, а затем и при русском дворе. Он родился в Финляндии в семье шведского военного. После окончания военного училища служил в королевской гвардии. Стал любимцем короля Густава III, принял самое активное участие в русско-шведской войне 1780 года. Но после смерти Густава III Г. Армфельт в опале, его отправляют послом в Неаполь. Из его переписки были выявлены слова недовольства деятельностью регента Швеции герцога Карла и Г. Армфельт вынужден бежать в Россию. Но Екатерина встретила его холодно, так как стремилась уладить отношения с Стокгольмом мирным путем. Потом были Австрия, Германия, Пруссия. В эти годы Г. Армфельт убеждается в бесперспективности шведского правления в Финляндии. Его время настало при Александре I. Он вновь у дел как дипломат и государственный деятель. В 1811 г. Г. Армфельт возглавляет Комитет по финским делам в Петербурге. Именно ему обязана Финляндия развитием местного самоуправления. Он сумел убедить Александра I в необходимости воссоединения Старой и Новой Финляндии, а так же переносе столицы в Хельсинки из Турку. Был участником Бородинского сражения. В 1812-1813 гг. исполнял обязанности генерал-губернатора Финляндии. Умер в Царском селе.

³⁷ Бородкин М.М. История Финляндии. Время Александра I. СПб., 1909. С. 538-539.

³⁸ Там же. С. 539.

³⁹ Ивановский А.Д. Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев. Биографический очерк. СПб., 1871. С. 13-14; Вестник Европы. 1816. Ч. 87. № 11.

⁴⁰ Schybergson M.G. Ur Årkebiscop Jakob Tengströms franska brefkonspekt // Finsk Tiedkrift. Vol. 40. 1896. P. 3-20.

⁴¹ В числе первых финских студентов был направлен учиться в Московский университет. В 1814 г. совместно с К. Оттелиным опубликовал первый в Финляндии учебник русского языка, русскую грамматику, а потом и «Российскую хрестоматию» со словарем. Был доцентом русской истории и языка в Академии Або, в то же время был одним из сторонников придания финскому языку статуса государственного на территории Великого княжества, пропагандировал его употребление в науке и преподавании. В 1826 г. был назначен пастором шведской церкви св. Екатерины в Петербурге. По прибытию в Петербург реанимировал деятельность общины прихода Святой Екатерины, которая постепенно превратилась в скандинавский культурный центр. Как истинный ученый, он и здесь успевал заниматься наукой, опубликовав «Историческое описание общин Святой Екатерины и Святой Марии в Петербурге», которое является ценнейшим источником по истории финской и шведской общин. Причем здесь он стал адептом чистоты шведского языка среди своих земляков, как был до этого страстным пропагандистом финского языка в Финляндии. Э.Г. Эрстрем первым ввел в употребление термин «финляндец», объединявший всех выходцев из Великого княжества вне зависимости от языковой принадлежности.

Branch M. A.J.Sjören. Studies of the Nort // Memories de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1978. Vol. 152. P. 26-29.

⁴² Branch M. A.J.Sjören. Studies of the Nort. P. 30-31.

⁴³ Козлов В. П. Указ. соч. С. 40, 97; Барсов Е.В. Указ. соч. 18; Suomalainen Sana-Kirja. Legicon linguae fennicae. Auctore Gustalo Rennwall. Aboae. Vol. I-II. 1823-1826.

⁴⁴ О Портане см.: Г.А. Некрасов. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX-XVIII вв. С.167-177; Карху Э.Г. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX века. Л. 1979. С. 86-93; Palander G. Henrik Gabriel Porthan historifntutkijana. Helsinki; Idem. Henrik Gabriel Porthan. Helsinki, 1904; Schyberg A.R. Henrik Gabriel Porthan. Helsingfors. 1908-1911;

⁴⁵ Porthan H.G. Grund-strek til Ryska Historien // Opera omnia. Vol. 3. Turku. 1966; Русский перевод: Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в.. Портан Х.Г. Основные черты русской истории. Пер. с швед. Е.А. Мельниковой. Вступ. ст. и общ. ред. Г.А. Некрасова.

⁴⁶ Иконников. В.С. Опыт русской историографии. т.I. кн. I. Киев, 1891. С. 203. «Известие о посольстве в Московию» Юстена, написанное на латыни было впервые опубликовано Портаном в 1775 г., а на русском только в 2000 г. С.Н. Богатыревым и Г.М. Коваленко в кн.: Павел Юстен. Посольство в Московию. 1569-1572 гг.. СПб., 2000. Правда, они не упоминают наличие этой рукописи в Румянцевском собрании.

⁴⁷ Переписка митрополита Евгения с Н. П. Румянцевым. Воронеж, 1865. С. 37.

⁴⁸ Hipping A.J. Försök till Svenska och Ryska Samtal. SPb, 1810.

⁴⁹ Hipping A.J. Bemerkungen über einen in den Russischen Chroniken erwähnten Krigzug der Russen nach Finland. SPb. 1820. Русский перевод К. Гака опубликован в журнале «Соревнователь Просвещения и Благотворения». 1820. № 4, 5.

⁵⁰ Hipping A.J. Neva och Nytnskans intill St. Petersburg Anägging. Helsingfors. 1836.

⁵¹ О жизни и деятельности А.И. Гиппинга см.: Лаппо-Данилевский А.С. Андрей Иоганн Гиппинг и судьба его исторического труда о Неве и Ниеншанце // Нева и Ниеншанц. Составил А.И. Гиппинг. СПб. 1909. т. 1. С. I-XIV.

⁵² Терюков А.И. А.И. Шегрен и граф Н. П. Румянцев // Румянцевские чтения. часть 2. М. 1996. С. 256-262; он же. А.И. Шегрен и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX-XX вв. СПб. 1998. С. 3-15; он же Санкт-Петербургская императорская академия наук и становление современного финно-угроведения // Петербургская Академия наук в истории академий мира. СПб. 1999. С. 227-233. Зарубежные публикации о Шегрене см.: Branch M. A.J.Sjören. Studies of the Nort.

⁵³ Барсов Е.В. Государственный канцлер, граф Румянцев. // Древняя и новая Россия. 1877. т. II. С. 14. В.С. Иконников называет эту серию несколько иначе «Scriptores rerum Rossicarum exotici, in corpus pro cujusque idiomatic congesti et adannorum ordinem redacti», исполнение которого предполагалось возложить на Ф. Аделунга // Иконников. В.С. Опыт русской историографии. т.I. кн. I. С. 157.

⁵⁴ Российская государственная библиотека. ф. 255. картон 12. д. 41; об этом см. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М. 1981. С. 53.

⁵⁵ Козлов В.П. указ. соч. С. 53; Г.А. Некрасов. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX-XVIII вв. С.85-89, 136-138.

* Княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная графиня Чернышёва (1741 – 1837) - внучка основателя рода графа Г.П. Чернышёва. Она была статс-дамой императорского двора, фрейлиной при «пяти императорах». Послужила А.С. Пушкину прототипом графини в повести «Пиковая дама». В 1766 году вышла замуж за князя Владимира Борисовича Голицына, впоследствии бригадира, человека богатого, красивого, но простоватого. Благодаря своему твердому, деятельному характеру Наталья Петровна быстро привела в порядок имения, принадлежавшие мужу, и сделала их доходными. Дети ее, Борис, Дмитрий, Екатерина и Софья, получили прекрасное воспитание и образование и стали незаурядными личностями своего времени. В своей семье и в обществе кн. Н.П. Голицына пользовалась непрекращаемым авторитетом и властью.

⁵⁶ Николай Михайлович, Великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774-1817). Историческое исследование эпохи Императора Александра I. СПб, 1903. С. 192.

* Железнодорожники делают различие между станцией, платформой и остановочным пунктом: станция предполагает разветвление железнодорожных путей. В данном случае в перечень включены только станции.

⁵⁷ Степаков В., Балашов Е. В «новых районах». СПб, 2001. С. 77-78.

* Аллодиальный – свободный от налогов, наследственный, т.е. наследственная индивидуально-семейная земельная собственность, находившаяся в свободном распоряжении ее владельца (противоп. ленный).

⁵⁸ Книпович Н. Выборгская губерния. // Энциклопедический Словарь. Том VII. Волапоукъ –Выговские. СПб, 1892. С.463-466.

** Мантал – единица меры, соответствующая древней русской сохе и исчисленная по посеву и получаемому урожаю.

Геймат – хозяйство, усадьба или двор, обложенный повинностью.

Соха предполагала пространство пашни, требующее для обработки поля человека с тремя лошадьми, или сам третей. Соха содержала 30 обж, обжа – 10 четвертей в поле. С сохи брали в казну ежегодно 10 рублей, а с обжи 33½ копейки, кроме других повинностей. В современных единицах измерения площадь сохи составляет приблизительно 400-600 га.

*** Происходил и обратный процесс. Известно, что на протяжении веков Карелия переходила от шведов к русским и обратно. Смотря по обстоятельствам карелы помогали то тем, то другим. Переселение карел во внутреннюю Россию началось еще при Иване Грозном, сначала в Тверской край, где число жителей сильно сократилось из-за моровой язвы, а также в Ярославский край. Переселение шло медленно и продолжалось до 1678 г. Впоследствии многие карелы попали в крепостную зависимость (...). В 1698 году за помещиками были закреплены те карелы, которые числились за ними по переписным книгам 1678 г. Большинство карел было приписано к дворцовому ведомству. Последние переселения карел в русские губернии были произведены в после Ништадского мира (1721 г.), когда вся Карелия была присоединена к России. (...) Карелы жили в Олонецкой, Архангельской, Новгородской, Тверской, Смоленской, Вологодской, Калужской, Ярославской губерниях. (В бывшем Моложском уезде по реке Сити они известны под названием «сицкари». Своим искусством домовой резьбы сицкари придали Костромскому краю оригинальный художественный облик.) Цит. по статье Д. Рихтера «Карелы». Энциклопедический словарь. Т. XVI, СПб., 1895, с. 226-228.

- ⁵⁹ Петров Л. Историко-статистический очерк православной церкви в Финляндии. // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1875. Вып IV. С. 3-271.
- ⁶⁰ Akiander M. Om donationerna i Wiborg Län. Helsingfors, 1864. Цит. по: Ордин К. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Том I, СПб, 1889. Приложение № 8. Сведения о некоторых имениях в Выборгской губернии, пожалованных разным лицам со времени покорения её в 1710. С. 42-43.
- ⁶¹ Ленинградский обласной архив. Ф. I. Оп. 21. Д. 176. Л. 70
- ⁶² Торпаль, правильнее, торпарь (по-фински «torppari») – арендатор земель в Швеции и Финляндии.
- ⁶³ Там же. Ф. 268. Оп. I. Д. 5615. Л. 42-42 об.
- ⁶⁴ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 62-63.
- * Фрельсы – от шведского «frelse», что значит «свободный»; речь идет о неподатном меньшинстве «фрельсе» (рыцарство), несшем конную ратную службу.
- ** «Старой Финляндией» издавна называлась Выборгская губерния.
- ⁶⁵ Кепсу С. Петербург до Петербурга: история устья Невы до основания города Петра. - СПб., 2000. С.15 (Фрагмент плана Ньюенскантс (Ниеншанц), 1650, Aspergreen, Военный архив, Стокгольм).
- ⁶⁶ Семенцов С. Система поселений шведского времени и планировка Санкт-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 133.
- ⁶⁷ Баранов П.А. Ботаника в Аптекарском огороде и в Академии наук (XVIII в.) // От Аптекарского огорода до Ботанического института: очерки по истории Ботанического института Академии Наук СССР. 1957. С.14.
- ⁶⁸ Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях одного с планом. СПб., 1794.
- ⁶⁹ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725 год. Перев. с немецкого И. Аммон, ч.I, М., 1859. С. 46. См. также С.П.Луппов. История строительства Петербурга в первой четверти века. М.-Л., 1957. С. 118-119.
- ⁷⁰ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М.. 1839. Т.11. С.449.
- ⁷¹ Шилков В.Ф. Выписки из архивных дел к работе «Петровский Петергоф» (рукопись). КГИОП, Н-303, Л. 40.
- * Здесь и далее написание фамилий латиницей соответствует личным подписям садовых мастеров.
- ⁷² Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: Ораниенбаумский историко-ландшафтный комплекс. СПб., 2001. С.293, прим. №39.
- ⁷³ РГИА. Ф.467. Оп.2. Кн.60б. Л.521.
- ⁷⁴ СПбИИ РАН. Ф.84. Оп.1. Д.30. Л.216об.
- ⁷⁵ См.: Раскин А.Г.Город Ломоносов: садово-парковые ансамбли XVIII века. Л., 1979. С.21. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога: Ораниенбаумский историко-ландшафтный комплекс. СПб., 2001. С.173.
- ⁷⁶ РГИА. Ф.467. Оп.2. Кн.60б. Л.521.
- ⁷⁷ Там же. Л.504об.
- ⁷⁸ Там же. Л.505.
- ⁷⁹ Там же. Л.505об.
- ⁸⁰ Там же. Кн.32а, Л.330.
- ⁸¹ РГИА. Ф.467. Оп.2. Кн.32а. Л.330.
- ⁸² Там же. Л.247-248.
- ⁸³ Там же. Кн.39а. Л.136.
- ⁸⁴ Там же. Кн. 38а. Д.73. Л.379. 380.
- ⁸⁵ Книга приходно-расходная комнатных денег императрицы Екатерины Первой (за 1723-1725 годы) // Русский архив. Кн. Первая. М., 1874. Столб. 518.
- ⁸⁶ Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 327, прим. №185.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 38б. Д.139. Л. 638, 639-об.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 9. От. I. Кн. 57, Л. 326-об.
- ⁸⁹ РГИА, Ф. 467, Оп. 2, Кн. 42а. Л.121-122.
- ⁹⁰ Дубяго Т.Б. Русское садово-парковое искусство первой половины XVIII века: диссертация (рукопись). Л.,1951. КГИОП. Н-1317.
- ⁹¹ РГИА. Ф.467. Оп.2. Кн.60б. Л.334.
- ⁹² РГАДА. Ф.9. От.1. Кн.57. Л.412.
- ⁹³ РГИА. Ф.467. Оп.2. Кн.32а. Л.260.
- ⁹⁴ Там же. Л.283об.
- ⁹⁵ Там же. Кн.39а. Л.11.
- ⁹⁶ Там же. Л.6.
- ⁹⁷ Там же. Л.22.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 9. От. I. Кн. 5., Л.315 (Сообщила А.А.Аронова).
- ¹⁰⁰ Книга..., столб.559.

¹⁰⁰ Сборник РИО, Т.62, С. 682.

¹⁰¹

¹⁰² РГИА. Ф.467. Оп. 11. Д. 56. Л. 67 (Дубяго Т.Б.. Русское садово-парковое искусство первой половины XVIII века: диссертация /рукопись/, Т.П. Л., 1951. КГИОП. Н-1317. Л. 628).

¹⁰³ Собственноручные записки императрицы Екатерины II // Екатерина II: сочинения. М., 1990. С. 391-392.

¹⁰⁴ РГИА. Ф.492. Оп.1. Д.29. Л. 9.

¹⁰⁵ Дубяго Т.Б. Указ. соч. КГИОП. Н-1317. Л. 628.

¹⁰⁶ Там же. Л.614.

¹⁰⁷ Внутренний путь русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года: по документам, хранящемуся в московском Архиве Министерства Юстиции. Книга первая: Верховная власть и императорский дом. М., 1880 С. 164.

¹⁰⁸ Там же. Ф.487. Оп. 21. Д.1101. Л.5об-6.

¹⁰⁹ РГИА. Ф.51., Оп.29. Д.858. Л.5.

¹¹⁰ Там же. Ф.487. Оп. 21. Д.1137. Л.11.

¹¹¹ Там же. Д. 1134. Л.27.

¹¹² Там же. Ф. 472. Оп.23(266/1283). Д.92. Л.167,180-181.

¹¹³ РГИА. Ф.472. Оп.11. Д.635. Л.2.

¹¹⁴ Там же. Ф.469. Оп.12. Д.731. Л.43.

¹¹⁵ Там же. Л.6-об.

¹¹⁶ Там же. Ф. 472. Оп.11. Д.124. Л.2. 19-об., 26.

¹¹⁷ Там же. Ф. 469. Оп. 12. Д.1147. Л.2-об.

¹¹⁸ Там же. Д.813. Л. 3.

¹¹⁹ Рейман А.Л. Зимний сад Аничкова дворца // Краеведческие записки: исследования и материалы. 1997. Вып.5. С.105.

¹²⁰ РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Д.795. Л.8.

¹²¹ Там же. Ф.472. Оп.23(270/1287). Д.41. Л.269об.-270.

¹²² Там же. Л.187.

¹²³ Юссила О., Хентилиа С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии: 1809 – 1995. М., 1998 С. 32.

¹²⁴ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX века: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 200.

¹²⁵ Пресняков А.Е. Николай I: Апогей самодержавия // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 268.

¹²⁶ Разговор Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 38. М., 1892. С. 274.

¹²⁷ Высочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 283 – 285.

¹²⁸ Цит. по: Тальберг Н. «Человек вполне русский» (Император Николай I в свете исторической правды) // Николай Первый и его время / Сост Б.Н. Тарасова. В 2. т. Т. 1. М., 2000. С. 306.

¹²⁹ Юссила О., Хентилиа С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809 – 1995. С. 36.

¹³⁰ Цит. по: Хартанович М. . Ученое сословие России: Императорская академия наук во второй четверти XIX в. СПб., 1999. С.148 – 149.

¹³¹ Хякли Э. Научные и библиотечные связи Финляндии и Санкт-Петербурга до 1840 г. // Библиотеки Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 147 – 148.

¹³² Записки сенатора К.И. Фишера // Исторический вестник. 1908.Т. 113. № 7. С. 51.

¹³³ Бородин М. История Финляндии: Время императора Николая I. Пг., 1915. С. 170.

¹³⁴ Юссила О., Хентилиа С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. С. 32 – 33.

¹³⁵ Выборгская губерния в XVIII столетии и отделение ее от империи в 1811 году // Финляндская газета. 1904. № 194 (12 декабря).

¹³⁶ Восстание декабристов Документы. Журналы и докладные записки Следственного комитета. Т. 20. М., 2001. С. 47.

¹³⁷ Портфель графа А.Х. Бенкендорфа: Мемуары шефа жандармов // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 345.

¹³⁸ Там же. С. 346.

¹³⁹ Цит. по: Шильдер Н.К. император Николай I и Польша. 1825 – 1831 гг. // Русская старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 242.

¹⁴⁰ Подробнее см.: Новоселова З.А. Русские учебные заведения в Выборге XIX – начала XX в. // Страницы Выборгской истории: Краеведческие записки. Выборг, 2000. С. 264; Шлыгина Н.В. История формирования двух государственных языков Финляндии // Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства. М., 2000. С. 109 – 160.

¹⁴¹ Там же. С. 156.

¹⁴² Воспоминания Константина Карловича Жерве // Исторический вестник. 1898. № 6. С. 770.

¹⁴³ Ребиндер Роберт Иванович – министр, секретарь Великого княжества Финляндского.

- ¹⁴⁴ Николай I – И.Ф. Паскевичу, 12 (24) июня 1833 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 465.
- ¹⁴⁵ Российской государственной архив Военно-Морского Флота. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16. Шестаков А.И. Полвека обыкновенной жизни... Л. 192.
- ¹⁴⁶ Цит. по: Бородин М. История Финляндии: Время императора Николая I. С. 624.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 627.
- ¹⁴⁸ Юссила О., Хентилиа С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. С. 49.
- ¹⁴⁹ Полонский Л. Несколько дней в Финляндии. // Вестник Европы, 1872. Кн. 3. С. 787.
- ¹⁵⁰ Джаншиев Г. Среди баловней и пасынков природы. Впечатления и мысли туриста. М., 1890. С. 169.
- ¹⁵¹ Мошин В. Год в Финляндии. // Наблюдатель. Февраль, 1896. С. 316.
- ¹⁵² Там же. С. 312.
- ¹⁵³ Там же. С. 314.
- ¹⁵⁴ Васюков С. Месяц в Гельсингфорсе. Заметки туриста. // Вестник Европы, 1897. Т. V. Кн. 10. С.
- ¹⁵⁵ Куприн А.И. Немножко Финляндии. Собр. соч. М., 1975. С. 59.
- ¹⁵⁶ Ш – в В.В. Финляндские впечатления (записки туриста). СПб., 1901. С. 19 (отдельный оттиск из газеты „Новости“, 1901. №№ 135, 145).
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Куприн А.И. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁶⁰ Березин Н. Географические экскурсии Тенишевского училища. СПб., 1906. С. 91.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Куприн А.И. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Генкель А. Поездка в Иматру. СПб., 1913. С. 4.
- ¹⁶⁵ Березин Н. Указ. соч. С. 87.
- ¹⁶⁶ Ш – в В.В. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 25.
- ¹⁶⁸ Мошин В. Указ. соч. С. 320.
- ¹⁶⁹ Куприн А.И. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁷⁰ Васюков С. Указ. соч. С. 690.

¹⁷¹ Впервые Карл Энкель занимал должность министра иностранных дел в 1918-1919 гг., когда Густав Маннергейм стоял во главе государства, и затем пару раз в двадцатых годах прошлого века. Тогда он в промежутках между своими сроками в качестве министра иностранных дел служил дипломатическим представителем Финляндии в Париже. Однако в 1927 г. он снова вернулся к занятиям бизнесом. В 1944 г. он еще раз взял на себя обязанности министра иностранных дел. В 1944-1946 гг. он занимал должность министра иностранных дел при Маршале Финляндии президенте Маннергейме и продолжал быть в этой должности и в правительстве Ю.К. Паасикиви в 1946-1950 гг. Энкель таким образом участвовал в мирных переговорах после обеих мировых войн.

¹⁷² Как хельсинкские, так и петербургские руководители промышленности действовали в частично сходных условиях. Как и в Финляндии, очевидно, и в России опубликовано лишь немного исследований, касающихся отдельных руководителей промышленности или подробных сведений о металлообрабатывающей промышленности начала XX в. См.: Grant J. A. Big Business in Russia. The Putilov Company in Late Imperial Russia 1868-1917. Pittsburgh, 1999. P. 2-3, 9, 167.

¹⁷³ af Forselles-Riska C. Brobyggaren. Carl Enckells liv och verksamhet fram till slutet av 1917. [Мостостроитель, жизнь и деятельность Карла Энкеля до конца 1917 года]. // Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland. N 628. Helsingfors, 2001.

В данной книге я также рассматривала, в частности, историю семьи Энкеля, его офицерские годы в Петербурге, учебу в Дрездене, экономическую деятельность в качестве политика, представляющего предпринимателей, финско-русские торговые переговоры и его политическую деятельность в 1917 г.

¹⁷⁴ Детство, военная служба, образование и карьера молодого Карла Энкеля знакомят также с кругами офицеров и промышленников в многонациональном Петербурге начала XX в. Петербург привлекал к себе финнов, прибалтов, немцев и других граждан северной Европы, а из Петербурга такие молодые люди как, Энкель ездили учиться за границу. См.: Glad J. Russia Abroad. Washington, 1999.

¹⁷⁵ О жизни отца, генерала Карла Энкеля, см.: af Forselles-Riska C. Op. cit. S. 25; Screen J.E.O. 'Carl Enckell och Finska kadettkåren', Carl Enckell, Finska kadettkåren 1887-1903 // Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland. N. 567. Helsingfors. 1990; об участии финнов в войне с Турцией, см.: Schulman

Н. Minnen från fälttåget i Turkiet åren 1877-1878 // Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland. N. 352. Borgå 1955.

¹⁷⁶ Гвардейским офицерам было свойственно бережное отношение к истории и репутации своего полка. Это было основой спаянности и чувства локтя в гвардейских войсках см: Gorokhoff G., de Gmeline P. La Garde Imperiale Russe 1896 - 1914. Paris, 1986. S. 10 - 13, 43 - 45.

¹⁷⁷ Enckell C. Poliittiset muistelmani. I. Porvoo, 1956. S. 16.

¹⁷⁸ Ibid. S. 14; см.: Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863-1914. DeKalb, 1996. S. 11-12. В администрации и армии русского государства служили люди многих национальностей северной Европы. Финнов, очевидно, также как и прибалтов, относили к т.н. «лояльным национальностям». Хотя национализм и проявлялся в России, Российская Империя гораздо меньше обращала внимание на «национальность», чем многие другие страны. Даже цари женились на иностранках, а тот факт, что Николай II дома говорил по-английски, не вызывал ропота в народе.

¹⁷⁹ Engman M. Petersburgska vägar. Lovisa, 1995. S. 170.

¹⁸⁰ Polvinen T. J. K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö I 1870 – 1918. Juva, 1989. S. 21 (начиная).

¹⁸¹ Оскар Энкель Карлу Энкелю, 25.10. года нет, а также другие письма // Gerald Enckellin kirjekoelma, Tukholma; Jägerskiöld S. Nuori Mannerheim. Keuruu, 1964. S. 146 (начиная).

¹⁸² Часть металлообрабатывающей промышленности в Хельсинки и в Петербурге была создана офицерами. В XIX в. как русские, так и финские офицеры стали производить железнодорожный инвентарь для растущей сети железных дорог. af Forselles-Riska C. Op. cit. S. 83 (начиная); Gripenberg L. Maskin och Brobyggnads Aktiebolaget 1892 - 1932 samt dess föregångare. Helsingfors, 1932. S. 11 (начиная); Grant J. A. Op. cit. S. 4.

¹⁸³ Кроме Дрезденского технического института русские юноши учились в технических вузах Берлина, Дармштадта, Карлсруэ и Мюнхена. Geschichte der Technischen Universität Dresden 1828 - 1978. Berlin, 1978. S. 114 - 115; см.: Klinge M. Euroopassa, Pietarissa. Keuruu, 1993. S. 253, 265-267.

¹⁸⁴ См.: af Forselles-Riska C. Op. cit. S. 102 (начиная), 133 (начиная); Grant J. A. Op. cit. S. 2, 8-9, 16-17; 136, 149-150 (начиная).

¹⁸⁵ См.: af Forselles-Riska C. Op. cit. S. 115(начиная), Grant J. A. Op. cit. S. 113, 124, 132. Металлообрабатывающая промышленность в Хельсинки должна была так же как и петербургский Путиловский завод (теперь Кировский завод) планировать свое производство заново в связи с огромными заказами военной продукции. Вместе с тем приходилось торговаться за более ранние долгосрочные производственные заказы. На всех предприятиях металлообрабатывающей промышленности участвующих во второй мировой войне стран ощущалась гонка производства амуниции и прочей военной продукции.

¹⁸⁶ Однако многие отличия в политике, экономике и администрации Финляндии и России влияли на возможность и деятельность предприятий. Предпосылки деятельности не всегда были одинаковыми. По приказу военных властей Путиловский завод во время мировой войны в качестве исключения подвергся конфискации. Члены правления были заменены представителями Военного министерства. Помимо прочих причин, приведших к конфискации. Грант, однако, упоминает и плохие личностные отношения правления фирмы и Военного министерства, а также плохие связи руководства предприятия с политиками и властями. Grant J. A. Op. cit. S. 126-127, 150.

¹⁸⁷ Kansallisarkisto (далее: KA). Carl Enckellin arkisto, kansio 20. Carl Enckell. Utlåtande till industristyrelsen 12.11.1915.

¹⁸⁸ af Forselles-Riska C. Op. cit. S. 166(начиная); Luntinen P. F. A. Seyn 1862 - 1918. // A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Studia Historica 19. Helsinki, 1985. S. 220.

¹⁸⁹ KA. Carl Enckellin arkisto, kansio 19, Suomen yleisen työnantajyhdistyksen pöytäkirjanote 28.11. 1911; af Forselles-Riska C. Op. cit. S. 153 (начиная).

¹⁹⁰ Tanner V. Kuinka se oikein tapahtui. Vuosi 1918 esivaiheineen ja jälkiselvittelyineen. Hels., 1957. S. 53.

¹⁹¹ Clementsin B. E. Bolshevik Feminist; The Life of Aleksandra Kollontai. 1979; Farnsworth B. Aleksandra Kollontai // Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution. 1980; Schejnisin S. Alexandra Kollontai // Das Leben einer ungewöhnlichen Frau. 1984.

¹⁹² Vaksbergin A. Aleksandra Kollontai. 1996 (пер. на русск. яз.: Ваксберг А. Валькирия революции. 1997); Itzelevin L. Madame Kollontai – vallankumouksen seireeni. 1997.

¹⁹³ Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Porvoo, 1955.

¹⁹⁴ Ibid. P. 145.

¹⁹⁵ Ibid. P. 145-146.

¹⁹⁶ Ibid. P. 145.

¹⁹⁷ Синицын Е.Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 43, 186.

¹⁹⁸ Vladimirov V. Kohti talvisotaa. Hels.-Keuruu, 1995. S. 188.

¹⁹⁹ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 135.

²⁰⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 194. Л. 8-13; Д. 194. Л. 36-40; Барышников Н.И., Барышников В.Н. Правительство в Терийоки // Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 177.

- ²⁰¹ Российский государственный архив современной политической истории (далее: РГАСПИ). ф.77. Оп. 3. Д. 163. Л. 5.
- ²⁰² Там же. Оп. 1. Д. 887. Л. 1-5.
- ²⁰³ Там же. Л. 7-8.
- ²⁰⁴ Там же. Оп. 3. Д. 163. Л. 312-313.
- ²⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 894. Л. 5.
- ²⁰⁶ Там же. Д. 765. Л. 20-21.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 22.
- ²⁰⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов в Санкт-Петербурге (далее: ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4598. Л. 1.
- ²⁰⁹ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 1.
- ²¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3929. Л. 83, 53.
- ²¹¹ Там же. Д. 1. Л. 25.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ Веригин С.Г. Финская народная армия в зимней войне 1939-1940 гг. // Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 102.
- ²¹⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1384. Л. 2.
- ²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 163. Л. 120.
- ²¹⁶ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1. Л. 2.
- ²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 163. Л. 312-313.
- ²¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 891. Л. 1.
- ²¹⁹ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Республики Карелия (далее: ГАОПДФ РК). Ф. 3. Оп. 5. Д. 272. Л. 43.
- ²²⁰ РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 23.
- ²²¹ Rentola K. Rentola K. Kenen joukoissa seisot? Porvoo-Hels.-Juva, 1994. S. 174.
- ²²² РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 34; Ф. 77. Оп. 1. Д. 889. Л. 19-25
- ²²³ ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 9.
- ²²⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 238. Л. 18.
- ²²⁵ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив, 1996, № 2. С. 10.
- ²²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4020. Л. 125-128.
- ²²⁷ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 12.
- ²²⁸ Шаскольский И.П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со шведским государством. М., 1964; Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994; Шаскольский И.П. Экономические отношения России и шведского государства в XVII в. СПб., 1998 и др.
- ²²⁹ Полное собрание законов Российской Империи. СПб; 1830 г. т. 1, № 19-1.
- ²³⁰ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сборник документов. М.-Л., 1960. № 76-77, 95-97, 103, 156, 162, 169, 182, 272 и др.
- ²³¹ Бахрушин С.В. Торги новгородцев Кошкиных. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т.2 М., 1954. С. 177.
- ²³² Шаскольский И.П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. // Бескровный Л.Г. Международные связи России в XVII-XVIII вв. М., 1966. С. 13-14.
- ²³³ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 174, 205, 222, 237, 244, 269, 275, 286, 298, 301, 314, 331 и др.
- ²³⁴ Шаскольский И.П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. С. 17-18; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Сборник документов. М., -Стокгольм, 1981. № 40.
- ²³⁵ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 185, Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. № 40.
- ²³⁶ Шаскольский И.П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. С. 20.
- ²³⁷ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 86, 96, 156-157, 165-166, 180, 200 и др.
- ²³⁸ Шаскольский И.П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. С. 25-27.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 103.
- ²⁴² Там же, № 132, 135-4, 6, 156, 158, 180 и др.
- ²⁴³ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 314, 315-317, 324; Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 190; Шаскольский И.П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. С. 28, 60.
- ²⁴⁴ Шаскольский И.П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. С. 31; Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 158, 259, 285-286, 311, 324, 328 и др.
- ²⁴⁵ Бахрушин С.В. Агенты русских торговых людей. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 137.
- ²⁴⁶ Шаскольский И.П. Экономические отношения России и шведского государства в XVII в. С. 78; Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 28, 30, 201, 236, 278, 295; Бахрушин С.В. Торги новгородцев Кошкиных. С. 188, 196.
- ²⁴⁷ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. № 236, 278, 295.

- ²⁴⁸ Там же. № 225.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Там же; Шаскольский И.П. Экономические отношения России и шведского государства в XVII в. С. 78.
- ²⁵¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в № 255; Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. С. 112.
- ²⁵² Русско-шведские экономические отношения в XVII в № 255.
- ²⁵³ Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. С. 185.
- ²⁵⁴ Бахрушин С.В. Торги новгородцев Кошкиных. С. 206.
- ²⁵⁵ Русско-шведские экономические отношения в XVII в № 330; Бахрушин С.В. Торги новгородцев Кошкиных. С. 191-192.
- ²⁵⁶ Русско-шведские экономические отношения в XVII в № 330.
- ²⁵⁷ Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». М.-Л., 1927. С. 366.
- ²⁵⁸ Военная энциклопедия. Т 4. СПб., 1910. С 508.
- ²⁵⁹ Берендс Э. Государственное хозяйство Швеции. Обзор политико-социального и экономического развития в 19-м столетии. Ярославль, 1894. С 6.
- ²⁶⁰ Там же. С 76.
- ²⁶¹ Внешняя политика России XIX – нач. XX вв. Сер II. Т 6 (14).М., 1960. С 739.
- ²⁶² Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964. С 324-325.
- ²⁶³ Берендс Э. Указ. соч. С 78.
- ²⁶⁴ Казанский П. Всеобщие административные союзы государств. Т.2. Одесса, 1897.
- ²⁶⁵ Швеция // Энциклопедический словарь. Т. 77. СПб., 1903. С.325.
- ²⁶⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф.ДВ, 7-д-во, 1888. Оп.178. Д.94
- ²⁶⁷ Там же. Ф. ДН, 5 д-во. Д.3891. Ч.1-3, 1892 г.
- ²⁶⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.12. Оп.1. Д. 46. Л.127-157.
- ²⁶⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. Министерства юстиции, д-во 2 уголов. отд. СПб., № 1682, 1883 г.
- ²⁷⁰ Kansallinen Arkisto. (далее: КА). «Русские военные бумаги». 342 :1. Д. 6064. О бегстве нижних чинов за границу в 1917 г.
- ²⁷¹ Ibidem.
- ²⁷² Ibid. Д.11970.
- ²⁷³ Sota Arkisto. Pikku kokoelma. Там же. Выдержки из писем Дмитрия Дарагана за 1915 г.
- ²⁷⁴ Ibidem.
- ²⁷⁵ Подробнее об этом см.: Дубровская Е.Ю. Российские войска в Финляндии и население Великого княжества в годы Первой мировой войны //Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII- XX веках. Самара,2001. С.77 –85; Дубровская Е.Ю.. Русские войска и Великое княжество Финляндское в XIX – начале XX в.// Новый часовой. 2001. № 11 – 12. С.23 – 35; Дубровская Е.Ю.. Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // АВ Imperio. Казань. 2001. № 4. С.169 – 194.
- ²⁷⁶ Heikkinen S. Den Ryska soldatsken och Österbottningarna // Blod på drivan : Händelserna 1917 – 1918 ur ett östrbottniskt perspektiv. Vasa, 1999. S.28.
- ²⁷⁷ Ibidem. S.27.
- ²⁷⁸ Ibid.
- ²⁷⁹ Korkama E., Roudasmaa S. Tapparasta tankkeihin. Hämeenlinnan varuskunnan historia. Joensuu,1988. S.256.
- ²⁸⁰ Аранович А.В. Интендантство русской армии накануне и в годы первой мировой войны. А.к.д... ист.нук.СПб.,2000. С. 17 – 18.
- ²⁸¹ Korkama E., Roudasmaa S. Op. cit. S.256.
- ²⁸² Nykvist N.E. Aktivism och passivt måtstand i södra Svenskösterbotten 1899 – 1918. Vasa,1988. S.115.
- ²⁸³ Heikkinen S. Op. cit. S.27, 29- 30; Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland (1808 – 1918). Helsinki,1997. P.407.
- ²⁸⁴ Б.Л-ий. Обыкновенная история // Финляндская газета.1914. 8 марта
- ²⁸⁵ Heikinen S. Op. cit. S.30.
- ²⁸⁶ Ibidem. S.28.
- ²⁸⁷ Булдаков В.П. «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П.В.Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.,2000. С.253 – 254.
- ²⁸⁸ Дипломатическая переписка (1871). СПб.,1912.
- ²⁸⁹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 565. Оп.8. Д. 29377. Л. 2-3.

- ²⁹⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее: СПб фил.Арх.РАН). Ф.13. Оп.1. Д. 12. Л 1.
- ²⁹¹ РГИА Ф.733. Оп.143. Д. 89. Л.1.
- ²⁹² Там же. Л 18.
- ²⁹³ Там же. Л 22.
- ²⁹⁴ СПб фил. Арх.РАН. Ф.13. Оп.1. Д. 3. Л. 441-443,456.
- ²⁹⁵ Там же. Д. 2. Л. 156-158.
- ²⁹⁶ Алимова (Шрадер Т.А). Сотрудничество ученых России и Скандинавии в исследовании Северных районов Европы (конец XIX-начало XX вв.) // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С.139.
- ²⁹⁷ СПб фил.Арх РАН. Ф. 13. Оп.1. Д. 4. Л 313.
- ²⁹⁸ Riksarkivet (далее: RA.) К. 1261/14. HD. Handelskontoret. Handelsavdelingen 1903 – 1972. Hillenummer 3 A 200/15. № 206. Gruppe K 2. Sak 4. Handelen med Russland under Krigen. Bind 1 (1918 – 1920). Копия депеши Г.Конради из Лондона в Департамент иностранных дел Осло от 25 февраля 1920 г.
- ²⁹⁹ Ibid. HD. № 206. Gr. K 2. Sak 4. Handelen med Russland under Krigen. Bind 1 (1918 – 1920). Копия депеши Хольмбо из Копенгагена в Департамент иностранных дел от 4 марта 1920 г.
- ³⁰⁰ Ibid. RA. Frederik Prytz. Del II. Russisk Skogindustri A/S.
- ³⁰¹ Подробнее о личности Ф.Прютца см. А.В.Репневский. Норвежский дипломат Фредерик Прютц в революционном Петрограде 1918 г. // Петербургские чтения 1998 - 1999. СПб. С.464 – 468.
- ³⁰² RA. RA. Frederik Pritz. Del. II. Frederik Prytz. Privat 1918 fra Petrograd. 1919 –20 fra Kristiania. Dok. fra 22 august 1918.
- ³⁰³ Ibid. Handelsavtalen mellom Norge og Russland. Dok. fra 14 januar 1919.
- ³⁰⁴ 1 стандарт = 4, 672 кубометра.
- ³⁰⁵ RA. К. 1261/14. HD. № 206. Gr. K 2. Sak 4. Handelen med Russland under Krigen. Bind 1 (1918 – 1920). Письмо Ассерсону в Берген с уведомлением о создании комиссии от 4 мая 1920 г.
- ³⁰⁶ Ibid. Доклад комиссии Департаменту торговли от 20 мая 1920 г.
- ³⁰⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. Док. № 27. С. 68.
- ³⁰⁸ Там же. Док. № 99. С. 194.
- ³⁰⁹ RA. К. 1261/14. HD. № 207, Gr. K 2. Sak. 4. Gjenopptagelse av handelen med Russland. 1920 - 1921. Bind II. Письмо из Центральной конторы норвежских интересов в России от 7 сент. 1920 г.
- ³¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 3. Док. № 99. С. 197
- ³¹¹ Там же.
- ³¹² Документы внешней политики СССР. Т. 3. Док. № 99. С. 197 .198.
- ³¹³ RA. К. 1261/14. HD. № 207. Gr. K. 2. Sak 4. Gjenopptagelse av handelen med Russland. 1920 - 1921. Bind II. Заявление ЦК НРП по поводу торговых переговоров с Россией.
- ³¹⁴ Forhandlinger i Stortinget 1920. № 246. S. 1962-968; № 247. S. 1969-1976; № 248. S. 1977-1984; №249. S.1985-1990.
- ³¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 3. Док. № 330. С. 587.
- ³¹⁶ RA. К. 1261/14. HD. № 208. K. 2. Sak 4. Gjenopptagelse av handelen med Russland.1921. Bind III ,2. См. например, документы от 1 и 4 апреля, направленные от имени этих организаций в адрес правительства.
- ³¹⁷ Ibid. Текст советского проекта торгового соглашения с Норвегией, переданный П.М.Керженцевым Г.Хансену в Стокгольме 6 апреля 1921 г.
- ³¹⁸ Архив Внешней политики РФ (далее: АВП РФ). Ф. 04. Оп. 30. Д. 52317. Л. 3.
- ³¹⁹ Norwegian claims agaigst Russia. // Norges Handel og Sjøfartstidende. 1921. 6 April.
- ³²⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 30. Д. 52329. Л. 6-7.
- ³²¹ Sveriges, Danmarks og Norges erstatningskrav paa Rusland.// Norges Handel og Sjøfartstidende. 1921.5 April.
- ³²² АВП РФ. Ф. 04. Д. 12. Л. 11.
- ³²³ Там же.
- ³²⁴ Там же.
- ³²⁵ Там же. Л. 11 – 12.
- ³²⁶ Там же.
- ³²⁷ Там же.
- ³²⁸ RA. К.1261/14. HD. № 208. Gr. K. 2. Sak 4. Gjenopptagelse av handelen med Russland. 1921. Bind IV, 1. Письма Г.Хансена в Стокгольм П.М.Керженцеву от 12 мая и 14 июня 1921 г.
- ³²⁹ Ibid. Письмо П.М.Керженцева в Христианию Г.Хансену от 4 июня 1921 г.
- ³³⁰ Ibid. Письмо Г.Хансена в Стокгольм П.М.Керженцеву от 22 июля и ответное письмо от 26 июля 1921 г., а так же телеграмма Г.Хансена П.М.Керженцеву от 26 июля 1921 г.
- ³³¹ Ibid. Письмо Г.Хансена в Стокгольм П.М.Керженцеву от 4 августа 1921 г.
- ³³² Временное соглашение между Россией и Норвегией // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Выпуск II. М., 1921. С. 32-35.
- ³³³ АВП РФ. Ф. 116. Оп. 04. Д. 4. П. 3. Л. 30 - 31.

- ³³⁴ RA. K. 1261/14. HD. № 208. Gr. K. 2. Sak 4. Gjenopptagelse av handelen med Russland. 1921. Bind IV, 2. Innstilling fra konstitutionskomiteen om ratifikation av handelsoverenskomsten mellem Norge og Rusland av 2den september 1921 (St. prp. nr. 139) / Indst. S. LXXIII (1921).
- ³³⁵ АВП РФ. Ф. 116. Оп. 04. Д. 4. П. 3. Л. 38 – 39.
- ³³⁶ Там же.
- ³³⁷ Den norsk-russiske handelsoverenskomst har direkte skadet de norske interesser i Rusland // Handels og Sjøfartstidende. 1921. 22 september.
- ³³⁸ Ibidem.
- ³³⁹ Ibidem.
- ³⁴⁰ Far varlig! // Morgenbladet. 1921. 26 og 27 september.
- ³⁴¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 30. Д. 52326. Л. 97.
- ³⁴² Документы внешней политики СССР. Т. 4. Д. 203. С. 298.
- ³⁴³ Den norsk-russiske handels-overenskomst // Social-Demokraten. 1921. 19 september.
- ³⁴⁴ Handelstraktaten og erstatningskravene // Social-Demokraten. 1921. 22 september.
- ³⁴⁵ Ibidem.
- ³⁴⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 30. П. 199. Д. 52326. Л. 36, 95 – 96.
- ³⁴⁷ Там же. Л. 95
- ³⁴⁸ Там же. Л. 96
- ³⁴⁹ Там же. Л. 97
- ¹ Хромов Б.М., Свешников А.В. Здравоохранение Ленинграда. Л., 1969; Город великого Ленина. Л., 1967; Очерки истории Ленинграда. Т. IV. М.-Л., 1964.
- ³⁵⁰ Колесников С.А. Основные задачи здравоохранения в 1940 году // Советская медицина. 1940. № 1. С. 6.
- ³⁵¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб) Ф. 9156. Оп. 18. Д. 862. Л. 16.
- ³⁵² Там же. Оп. 4. Д. 44. Л. 29.
- ³⁵³ Там же. Л. 43.
- ³⁵⁴ Там же. Д. 81. Л. 3.
- ³⁵⁵ Там же. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 18. Л. 5.
- ³⁵⁶ Там же. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 81. Л. 2.
- ³⁵⁷ Там же. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 18. Л. 5.
- ³⁵⁸ Анализ работы госпиталей за 1939 год. М., 1940. С. 1.
- ³⁵⁹ Там же. С. 2.
- ³⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 42. Л. 62.
- ³⁶¹ Там же. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 849. Л. 44.
- ³⁶² Там же. Ф. 9156. Оп. 18. Д. 862. Л. 7.
- ³⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 6.
- ³⁶⁴ Там же. Д. 931. Л. 32.
- ³⁶⁵ Там же. Д. 61. Л. 59.
- ³⁶⁶ Там же. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 44. Л. 29.
- ³⁶⁷ Митерев Г.А. Поднять выше качество медицинского обслуживания // Советский врачебный журнал. 1939. № 22. С. 1059.
- ³⁶⁸ Архив Военно-медицинского музея. Ф. 21. Оп. 46177. Д. 1. Л. 102 об.
- ³⁶⁹ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984. S. 180.
- ³⁷⁰ Uusi Maailma, 1963. N 9.
- ³⁷¹ Цит. по: Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. Porvoo-Hels.-Juva, 179. S.100.
- ³⁷² Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 12L. Kivimäen sähkö Berliinista, 24.6.1941.
- ³⁷³ Rusi A. Lehdissänsuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941-1944. Hels., 1982. S. 144.
- ³⁷⁴ Halsti W. Suomen sota 1939-1945. II. Kesäsota. 1941. Keuruu, 1956. S. 72.
- ³⁷⁵ Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa 1. Jyväskylä, 1976. S.269.
- ³⁷⁶ UM. 12L. Kivimäen sähkö.
- ³⁷⁷ Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 295-296.
- ³⁷⁸ Manninen O. Suur-Suomen ääriiivat kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. 1941. Hels., 1980. S. 175.
- ³⁷⁹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн. 2. М., 1971. С. 101.
- ³⁸⁰ 900 Tage Blockade Leningrad. Leiden und Widerstand der Zivilbevölkerung im Krieg. 2. Berlin, 1991. S. 68.
- ³⁸¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. М., 1986. С. 5; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. Т.1. М., 1984. С. 98.
- ³⁸² Palm T. Moskova, 1944. Jyväskylä, 1973. S. 21.
- ³⁸³ См.: Manninen O. Op. cit. S. 259-260.

- ³⁸⁴ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В шести томах. Т. 2. М., 1963, с. 91; Фролов М. И. Ленинград сравнять с землей (Планы политического и военного руководства Германии) // Ленинградская эпопея – феномен мировой истории. СПб., 1998. С. 10.
- ³⁸⁵ Kansallisarkisto, Risto Rytin kokoelma. Suomen lähetystö Berliinissä, 26.09.1941: R. Wittingelle luottamuksellinen T.M. Kivimäki.
- ³⁸⁶ См.: Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.-Хельсинки, 2002. С. 118–119.
- ³⁸⁷ Войонмаа В. Дипломатическая почта. М., 1984. С. 71
- ³⁸⁸ Цит. по: O. Manninen O. Op. cit. S. 247–248.
- ³⁸⁹ Войонмаа В. Указ. соч. С. 71
- ³⁹⁰ Polvinen T. Op. cit. S. 133.
- ³⁹¹ Anderson M.S. Eighteenth-century Europe. 1713–1783. L., 1970. P. 14; Heckscher E.F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm, 1936. D. 1, bok. 2. S. 412.
- ³⁹² Axelson G.E. Bidrag till kännedom om Sveriges tillstånd på Karl XII:s tid: Akad. avhandling. Visby, 1888. S. 113; Lundqvist S. The experience of empire: Sweden as a great power // Sweden's age of greatness. 1632–1718. L.; Basinstoke, 1973. P. 23.
- ³⁹³ Garde H.G. Efterretninger om den danske og norske Søemagt. København, 1832. Bd. 1. S. 349.
- ³⁹⁴ Svenska flottans historia: Örlogsflottan i ord och bild från dess grundläggning under Gustav Vasa fram till våra dagar. Malmö, 1943. Bd. 2. S. 546–547.
- ³⁹⁵ Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 84–86.
- ³⁹⁶ Там же. С. 18–19.
- ³⁹⁷ Brefvexling mellan konung Carl XII och Rådet // Historiska handlingar. Stockholm, 1862. D. 2. S. 222.
- ³⁹⁸ Кротов П.А. Рождение Балтийского военно-морского флота // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 210.
- ³⁹⁹ Кротов П.А. Начало строительства галерного флота на Балтике // История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. Гл. 10. С. 109–110, 117–121.
- ⁴⁰⁰ Tornquist C.G. Utkast till swenska flottans sjötåg. Stockholm, 1788. D. 2. S. 30.
- ⁴⁰¹ Brefvexling mellan konung och Rådet // Historiska handlingar. Stockholm, 1864. D. 4. S. 6.
- ⁴⁰² Кротов П.А. 1. Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 314–316; 2. Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // История отечественного судостроения. Т. 1. Гл. 11. С. 121–125.
- ⁴⁰³ Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБПВ). М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 302.
- ⁴⁰⁴ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. С. 241.
- ⁴⁰⁵ Brefvexling mellan konung Carl XII och Rådet // Historiska handlingar. Stockholm, 1866. D. 5. S. 73.
- ⁴⁰⁶ Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1865. Ч. 1. С. 298, 306.
- ⁴⁰⁷ Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 216–217; ПБПВ. М., 1977. Т. 12, вып. 2. С. 34.
- ⁴⁰⁸ Отдел рукописей Библиотеки РАН. П. I. Б. 32. Л. 97–97 об.
- ⁴⁰⁹ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914. Вып. 1, ч. 2. С. 2, 3.
- ⁴¹⁰ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 18.
- ⁴¹¹ Tornquist C.G. Utkast till swenska flottans sjötåg. S. 71–74; Garde H.G. Den dansk-norske Sømagte historie 1700–1814. København, 1852. S. 55–57.
- ⁴¹² МИРФ. Ч. 1. С. 618–619, 632, 633, 639.
- ⁴¹³ Anderson R.C. Naval wars in the Baltic during the sailingship epoch 1522–1850. L., 1910. P. 175–176.
- ⁴¹⁴ Motraye A. de la. Travels through Europe, Asia and into Africa. [...]. L., 1723. Vol. 2. P. 255.
- ⁴¹⁵ Ibid. P. 246.
- ⁴¹⁶ Sörensson P. Sverige och Frankrike. 1715–1718: Et bidrag till kännedom om sveriges utrikespolitik efter Karl XII:s återkomst från Turkiet. Lund, 1909. S. 38.
- ⁴¹⁷ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Д. 23. Л. 193–194 об.
- ⁴¹⁸ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 136–137 об. – Список объединенного флота на 13 августа 1716 г. на голландском языке.
- ⁴¹⁹ Anderson R.C. Naval wars... P. 174, 175.
- ⁴²⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–4.
- ⁴²¹ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 187–197.
- ⁴²² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 88, 95; МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 229.
- ⁴²³ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 70–71.
- ⁴²⁴ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 120. Л. 118–191 об.
- ⁴²⁵ Anderson R.C. Naval wars... P. 177–178; Garde H.G. Den dansk-norske Sømagte historie 1700–1814. S. 95.
- ⁴²⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 34. Л. 419–419 об.
- ⁴²⁷ Там же. Д. 39. Л. 454; Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 164–166; МИРФ. Ч. 2. С. 293–294.
- ⁴²⁸ Anderson R.C. Naval wars... P. 185; Garde H.G. Den dansk-norske Sømagte historie 1700–1814. S. 96; Tornquist C.G. Utkast till swenska flottans sjötåg. S. 93.

- ⁴²⁹ МИРФ. Ч. 2. С. 377, 365–366.
- ⁴³⁰ *Wrangel H.* Kriget i Osternsjön 1719–1721. Stockholm, 1906. D. 1. S. 138–139, 15.
- ⁴³¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 23. Л. 39–46 об.; Д. 44. Л. 546–550 об.
- ⁴³² *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 497–501.
- ⁴³³ Архив С.-Петербургского Института истории Российской Академии наук Ф. 83. Оп. 1. Д. 7685. Л. 1–1 об.
- ⁴³⁴ МИРФ. Ч. 2. С. 380.
- ⁴³⁵ *Anderson R.C.* Naval wars... P. 195, 197–198; *Wrangel H.* Kriget i Osternsjön 1719–1721. S. 142.
- ⁴³⁶ *Lediard T.* The naval history of England. L., 1735. Vol. 2. P. 884.
- ⁴³⁷ *Anderson R.C.* Naval wars... P. 200.
- ⁴³⁸ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 169, 174 об.–175; МИРФ. СПб., 1867. Ч. 4. С. 191–192; *Anderson R.C.* Naval wars... P. 200; *Wrangel H.* Kriget i Osternsjön 1719–1721. Stockholm, 1907. D. 2. S. 276; *Lediard T.* The naval history of England. P. 887. Сличение списков балтийской эскадры Англии 1720 г. показало, что в перечне Т. Ледиарда есть неточности. Корабль «Глочестер» имел 50 пушек и 280 чел. экипажа (а не 80 пуш. и 365 чел.), а «Кингстон» 365, а не 265 чел.
- ⁴³⁹ *Gyllengranat C.A.* Sveriges sjökrigs-historia i sammandrag. Carlskrona, 1840. D. 2. S. 12–13.
- ⁴⁴⁰ *Lediard T.* The naval history of England. P. 887.
- ⁴⁴¹ МИРФ. Ч. 2. С. 484, 488, 498; Журнал, или Поденная записка... Петра Великого... СПб., 1772. Ч. 2. С. 130–132.
- ⁴⁴² Полное собрание законов. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 44, ч. 1, отд. 2. С. 3. В документе назван и 26-й линейный корабль «Леферм», но он нами исключен, поскольку не позднее чем с июля 1720 по 1723 г. проходил тимберовку в Петербурге.
- ⁴⁴³ МИРФ. Ч. 2. С. 478, 480, 487–488.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 506–510.
- ⁴⁴⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 22. Л. 415–417. Роспись датирована нами так потому, что в ней показан спущенным на воду линейный корабль «Св. Петр», что произошло 5 октября 1720 г., а «Св. Андрей», как достраивавшийся, назван по имени строившего его мастера Г. Рамза «Рамзов» (он сошел на воду 3 февраля 1721 г.). На подлиннике росписи имеется помета канцеляриста: «1720 г.», но на ее копии проставлена дата – «1721 г.» (*Некрасов Г.А.* Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. М., 1969. С. 244).
- ⁴⁴⁶ В росписи неточность в подсчете: 1898.
- ⁴⁴⁷ *Anderson R.C.* Naval wars... P. 204, 206; *Lediard T.* The naval history of England. P. 888–889.
- ⁴⁴⁸ *Gyllengranat C.A.* Sveriges sjökrigs-historia i sammandrag. D. 2. S. 22; *Wrangel H.* Kriget i Osternsjön 1719–1721. D. 2. Bil. V.
- ⁴⁴⁹ *Кротов П.А.* Создание линейного флота... С. 325, 330; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 247, ч. 1. Л. 181; МИРФ. Ч. 2. С. 548–549.
- ⁴⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–57.
- ⁴⁵¹ МИРФ. Ч. 2. С. 558, 569, 593–596, 598–599.
- ⁴⁵² *Lodge R.* Great Britain and Prussia in the eighteenth century. L., 1923. P. 16.
- ⁴⁵³ Официальный отчет о походе к Азову 1696 г. // ОР РНБ. Ф. 550. F. IV. 38. Л. 59 об. – 69 об.
- ⁴⁵⁴ *Дуров И. Г.* Из истории развития продовольственного обеспечения личного состава русского военного флота // Страницы военно-морской славы Отечества. Нижний Новгород, 1996. С. 141–143.
- ⁴⁵⁵ *Елагин С. И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. Прилож. Ч. I. С. 46–50.
- ⁴⁵⁶ *Дуров И. Г.* Некоторые аспекты истории становления и развития продовольственного обеспечения личного состава морской пехоты и сухопутных войск, подчинённых Адмиралтейств-коллегии в первой четверти XVIII в. Нижний Новгород, 1998. С. 32–34.
- ⁴⁵⁷ Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 104–105.
- ⁴⁵⁸ *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 90. РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 12–14; Ф. 233. Оп. 1. Д. 77. Л. 107.
- ⁴⁵⁹ *Ден Д.* История... С. 90.
- ⁴⁶¹ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.-Л., 1945. Т. I. С. 42–43, 54, 57–58, 74–77, 115.
- ⁴⁶² *Хуссен А. Х.* Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 326–340.
- ⁴⁶³ Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 107.
- ⁴⁶⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 32. Л. 177; Книга Устав Морской. С. 104. Подсчёты наши.
- ⁴⁶⁵ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1703 г. Д. 1. Л. 1–13; *Сергеев А.* „Состояние народа турецкого” в 1703 году, написанное графом П. А. Толстым // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1914. Т. 51. С. 51, 56, 57, 63, 64, 79, 89; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 11. Л. 173.
- ⁴⁶⁶ РГАДА. Ф. 233 Оп. 1. Д. 84. Л. 1–3.
- ⁴⁶⁷ *Bain N.* Charles XII and the Collapse the Swedish Empire. 1682–1719. L., 1895. P. 304–305.
- ⁴⁶⁸ *Брикнер А.* Медные деньги в России 1656–1663 и денежные знаки в Швеции 1716–1719 годов. СПб., 1864.

- С. 111, 112.
- ⁴⁶⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-3; ОР БРАН. П. I. Б. 32. Л. 106-106 об.
- ⁴⁷⁰ *Morineau M.* Rations de marine (Angleterre, Hollande, Suède et Russie) // *Annales. Economies sociétés civilisations.* 1965. N° 6. P. 1154.
- ⁴⁷¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 44. Л. 548 об.
- ⁴⁷² Там же. Л. 547.
- ⁴⁷³ Там же. Отд. II. Д. 51. Л. 336 об.
- ⁴⁷⁴ *Barfod I.* Niels Juels flåde. (Den danske flådes historie, 1660-1720). København, 1997. P. 254.
- ⁴⁷⁵ Инструкция о морских артикулах и кригесрехтах, или воинских правах, королевского величества дацкого. СПб., 1715. С. 86.
- ⁴⁷⁶ *Возгрин В. Е.* Русско-датский союз в Великой Северной войне (1697-1716 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1973. С. 23, 145.
- ⁴⁷⁷ *Алярд К.* Новое карабельное строение, глашающее совершенно чинение карабля, со всеми его внешними частями... М., 1709.
- ⁴⁷⁸ *Мельницкий В. С.* Голландское морское законодательство // *Морской сборник.* 1855. № 9. Отд. 2. С. 189.
- ⁴⁷⁹ *Morineau M.* Rations de marine... P. 1150; Книга Устав Морской. С. 104-105. Подсчёты наши.
- ⁴⁸⁰ Книга Устав Морской. С. 104; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 102, 103, 128, 129; Ф. 233. Оп. 1. Д. 156. Л. 78-79 об., 90 об.; Д. 166. Л. 157 об. Подсчёты наши.
- ⁴⁸¹ *Крымкевич Н. И.* Развитие пищевой гигиены и санитарии в русском военно-морском флоте с начала XVIII столетия до 1917 года. Дисс. ... канд. мед. наук. Томск, 1950. С. 6.
- ⁴⁸² Книга Устав Морской. С. 104 -106. Подсчёты наши.
- ⁴⁸³ *Morineau M.* Rations de marine... P. 1150-1151; *Brewer J.* The sinews of power. War, money and the English state. 1688–1783. Cambridge (Mass.), 1990. P. 37. Подсчёты наши.
- ⁴⁸⁴ Устав о войсках морских и о их арсеналах Людовика Четвертогонадесять, короля французского и наварского. СПб., 1715. Кн. 9. Об окладах, о столе, о слугах офицерских и жалованье корабельных служителей. С. 210-211. Подсчёты наши.
- ⁴⁸⁵ ОР БАН. П. I. Б. 32. Л. 106-106 об. Подсчёты наши.
- ⁴⁸⁶ *Allard C.* Nieuwe Hollandse Scheepsbouwe... Amsterdam, 1705. 2-е partie. P. 55. Подсчёты наши.
- ⁴⁸⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 22. Л. 372; *Barfod I. H., Flåde N. I.* Den danske flådes historie... P. 254. Подсчёты наши.
- ⁴⁸⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 11. Л. 173. Подсчёты наши.
- ⁴⁸⁹ *Сергеев А.* „Состояние народа турецкого”... С. 51.
- ⁴⁹⁰ *Альфред Бессе де.* Турецкая империя, ея история, статистика, география, политическое состояние, нравы и обычаи. М., 1860. С. 212-214; *Гарлинский Д. Н.* Реформа питания армии и флота. СПб., 1906. Ч. I. С. 60; *Монархия турецкая, описанная через Рикота бывшего инглинского секретаря посольства при Оттоманской порте.* СПб., 1741. С. 274.
- ⁴⁹¹ *Brewester F.* Essays on Trade and Navigation. L., 1965. P. 5.
- ⁴⁹² ОР БАН. П. I. Б. 34. Л. 2.
- ⁴⁹³ *Фонсагив Ж. Б.* Морская гигиена. СПб., 1860. С. 571.
- ⁴⁹⁴ *Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб., 1997; *Рыбина Е.Л.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.
- ⁴⁹⁵ *Сорокин П.Е.* Указ. соч.; *Хорошкевич А.Л.* Торговля Новгорода Великого с Прибалтикой и Западной Европой в XIV- XV в.в. М., 1963.
- ⁴⁹⁶ *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982.
- ⁴⁹⁷ *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период. М., 1991.
- ¹ Хронометрическая экспедиция, произведённая по Высочайшему Его Императорского Величества повелению в 1833 году под начальством генерал-лейтенанта Шуберта // *Записки Гидрографического депо.* Ч. III. СПб. 1836. С. 3.
- ² Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 1335. Л. 4-4 об, 8-8 об.
- ³ Хронометрическая экспедиция... С. 4-5.
- ⁴ ПФА РАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 94. Л. 119 об.
- ⁵ РГА ВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 310. Лл. 13-14. Журнал хронометрической экспедиции генерал-лейтенанта Шуберта
- ⁶ Там же. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1335. Лл. 9-11.
- ⁷ Хронометрическая экспедиция... С. 5.
- ⁸ Там же. С. 6.
- ⁹ Там же. С. 23.
- ¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 310. Лл. 23, 25 об, 27 об. Журнал хронометрической экспедиции...
- ¹¹ Хронометрическая экспедиция... С. 9.

- ¹² Там же. С. 10, 12-16.
- ¹³ Там же. С. 21-25.
- ¹⁴ Там же С. 211-212.
- ¹⁵ Там же. С. 103.
- ¹⁶ Там же. С. 211-212.
- ¹⁷ Там же. С. 164, 172-176.
- ¹⁸ *Гнучева В.Ф.* Экспедиции Академии Наук XVIII-XIX веков. Краткие обзоры и описание архивных материалов. М.-Л. 1940. С. 186.
- ¹⁹ *Болгурицев Б.Н., Грибанов О.Л., Ермоленко К.В. и др.* История Гидрографической службы Российского флота. Т. 4. СПб. 1997. С. 77.
- ²⁰ РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 534. Л. 3.
- ²¹ Там же. Д. 626. Лл. 7-7 об.
- ²² ПФА РАН. Ф. 139. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.
- ⁴⁹⁸ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л.23.
- ⁴⁹⁹ Попов А.С. Сборник документов. К 50-летию изобретения радио. Л., 1945. С.201.
- ⁵⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 19.
- ⁵⁰¹ Там же. Л. 26.
- ⁵⁰² Там же. Л. 51.
- ⁵⁰³ Там же. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1165. Л. 10.
- ⁵⁰⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 174, 192.
- ⁵⁰⁵ Там же. Л. 203.
- ⁵⁰⁶ Там же. Ф. 421. Оп. 4. Д. 872. Л. 193.
- ⁵⁰⁷ Там же. Л. 232.
- ⁵⁰⁸ Там же. Л. 295.
- ⁵⁰⁹ Там же. Л. 385.
- ⁵¹⁰ Центральный Военно-Морской архив (далее: ЦВМА). Ф.2. Оп.1. Д.546. Лист пользования документов дела.
- 1.
 - 2.
 - 3.
 - 4.
 - 5.
 - 6.
 - 7.
 - 8.
 - 9.
 - 10.
 - 11.
 - 12.
 - 13.
 - 14.
- ⁵¹¹ Скрытая правда войны: 1941 год. Известные документы. М., 1992. С.140.
- ⁵¹² Там же. С.145.
- ⁵¹³ ЦВМА. Ф.2. Оп.1. Д.546. Л.1-2.
- ⁵¹⁴ Там же. Л.4.
- ⁵¹⁵ Там же. Л.29.
- ⁵¹⁶ Там же Л.26-27.
- ⁵¹⁷ *Платонов А.В., Апрелев С.В., Синяев Д.Н.* Советские боевые корабли. 1941–1945 гг. Ч.4. Вооружение. СПб., 1997. С.62.
- ⁵¹⁸ ЦВМА. Ф.2. Оп.1. Д.546. Л.26.
- ⁵¹⁹ Там же. Л.24.
- ⁵²⁰ Там же. Л. 31-36.
- ⁵²¹ *Правдюк В.В.* Морские дороги. Либава – Кронштадт – Вашингтон. 1933-1960. Выборг, 1994. С.63-64.
- ⁵²² *Платонов А.В.* Советские боевые корабли. 1941–1945 гг. Ч.3. Подводные лодки. СПб., 1996. С.72.
- ⁵²³ *Совещания германского Главного командования по военно-морским вопросам с 1939 по 1945 г.* Т.1. Л., 1948. С.446-447.
- ⁵²⁴ *Hummelchen G., Rohwer J.* Vor zwanzig jahren // *Marine Rundschau*. X. 1961.Н.5. S.299.

⁵²⁵ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С.382.

⁵²⁶ Во время Северной войны (после сражения при Напуэ в 1714 г.) территория Финляндии была занята русскими войсками и по Ништадтскому миру 1721 России были переданы юго-западная Карелия и Выборг. По Або-скому миру 1743 г. к России отошла юго-восточная часть Финляндии (в том числе Фридрихсгам, Вильманstrand и Неишлот). Этим событиям были посвящены специальные российские наградные медали "В память Ништадтского мира 1721 г." и "В память мира со Швецией 1743 г."

⁵²⁷ Такое название Финляндия получила еще в 1581 г. будучи автономной губернией Швеции.

⁵²⁸ Это воззвание было составлено главнокомандующим русской армией генералом от инфантерии, графом Ф.Ф.Буксгевденом и начальником его дипломатической канцелярии Ю.М.Спренгпортером.

⁵²⁹ Або (шведское название финского города Турку) - центр Великого княжества Финляндского в 1809-1812 гг. (фактически до 1819 г.).

⁵³⁰ Ныне это финский город Оулу.

⁵³¹ Подпись медальера Ивана Алексеевича Шилова.

⁵³² Абоский университет был основан в 1640 г. по инициативе генерал-губернатора Финляндии Пера Браге шведской королевой Кристиной Августой как академия в г.Або. Первый статут был утвержден в 1655 г. После присоединения Финляндии к Российской империи академия пользовалась покровительством императора Александра I. В 1827 г. академия была переведена в Гельсингфорс переименована в императорский Александровский университет. С 1917 г. - Хельсинкский университет.

⁵³³ Эта медаль более известна, как медаль на празднование в Финляндии 300-летия Аугсбургского исповедания. ("Аугсбургское исповедание" - важнейший документ лютеранства, изложение основ его вероучения, составленное Ф.Меланхтоном под наблюдением М.Лютера и на основе выдвинутых им положений. В 1530 г. в Аугсбурге, этот документ был зачитан рейхстагу и императору, а в 1555 г. получил официально-правовое признание).

⁵³⁴ В отличие от "финской" медали на ее лицевой стороне был дан погрудный портрет императрицы Екатерины II.

⁵³⁵ Подобная же медаль была установлена "От Её Императорского Величества Великой Княгини Елены Павловны в память милосердного служения страждущей братии во время Крымской кампании". Деятельность сестер милосердия крестовоздвиженской общины, основанной на личные средства вдовы великого князя Михаила Павловича - Елены Павловны, имела особое значение. Впервые за всю мировую историю сестры этой общины были посланы на театр военных действий для помощи раненым воинам.

⁵³⁶ На подобной же медали для награждения сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, работавших в Крыму, стояла другая надпись: "Севастополь Перекопъ Бельбекъ = Бакчисарай Херсонъ Николаевъ Симферополь".

⁵³⁷ Давыдов Д. Воспоминания о Куль Неве в Финляндии // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 15. №59. СПб., 1838. С.355.

⁵³⁸ Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С.52.

⁵³⁹ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2000. С.205.

⁵⁴⁰ Давыдов Д. Указ. соч. С. 356.

⁵⁴¹ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Кн. 1. М., 1995. С.268.

⁵⁴² Вейбуль И. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1997. С. 101.

⁵⁴³ Бородин М.М. Указ. соч. С. 222.

⁵⁴⁴ Балязин В. Верность и терпение. Исторический роман хроника о жизни Баркляя де Толли. М. 1996. С.237.

⁵⁴⁵ Бородин М.М. Указ. соч. С. 198.

⁵⁴⁶ По мнению автора, наиболее объективным является исследование работ российских, финских и шведских авторов, проведенное в 1965 г. И. Кяйвярайненом. (См: Кяйвярайнен И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965).

⁵⁴⁷ А.В. Головин в большей степени известен у нас как реформатор системы российского образования середины XIX в. Но мало известно, что всю свою жизнь он увлекался историей Финляндии и даже написал брошюру «Очерки по истории и современному положению городов Финляндии». (Примечание автора).

⁵⁴⁸ Сухтелен П. К. картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией. СПб., 1832. С.52-53.

⁵⁴⁹ Окулич-Кудрина Н. Псковский ветеран наполеоновских войн./ Труды Псковского Археологического общества. Вып. №8. Псков, 1911. С.57.

⁵⁵⁰ Описание Финляндской войны на сухом пути и на море 1808-1809 гг., составленном по Высочайшему повелению с 20 картами и схемами. СПб., 1843. С. 49.

⁵⁵¹ Сухтелен П.К. Указ. соч. С.54.

- ⁵⁵² Полное собрание законов Российской империи. Т. XXX. СПб., 1832. С. 129-130.
- ⁵⁵³ Давыдов Д. Указ соч. С.356.
- ⁵⁵⁴ Копийный фонд Архива МАИВВС, том №22.
- ⁵⁵⁵ См. Дипломатический словарь. М. 1948, т.1
- ⁵⁵⁶ Пересадило Р.В. Швеция-Норвегия: экономическая деятельность на Европейском Севере на рубеже XIX - XX вв. // Ломоносовские студенческие научные чтения. Выпуск 1. Архангельск, 1999. С. 43-47.
- ⁵⁵⁷ Российский государственный Исторический архив (далее:РГИА). Ф. 95. Оп. 7. Д. 25. Л. 278.
- ⁵⁵⁸ Там же. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 89. Л. 2.
- ⁵⁵⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 3. Д. 886. Л. 71.
- ⁵⁶⁰ Там же.
- ⁵⁶¹ Там же. Ф. 20. Оп. 6. Д. 991. Л. 12.
- ⁵⁶² Попов Г.П., Давыдов Р.А.. Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX веков. Мурманск, 1999.
- ⁵⁶³ РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 146. Л. 66.
- ⁵⁶⁴ Там же. Л. 67 об.
- ⁵⁶⁵ Там же. Л. 69 – 70.
- ⁵⁶⁶ Там же. Ф. 20. Оп. 5. Д. 44. Л. 5.
- ⁵⁶⁷ Там же. Л. 5.
- ⁵⁶⁸ Там же. Л. 12.
- ⁵⁶⁹ Там же.
- ⁵⁷⁰ Там же. Л. 13 об.
- ⁵⁷¹ Там же. Л. 14.
- ⁵⁷² Там же. Л. 15.
- ⁵⁷³ Там же. Оп. 6. Д. 991. Л. 15.
- ⁵⁷⁴ Statsarkiv av Tromsø. Privatarkiv № 27. Box № 299.
- ⁵⁷⁵ Ibid. Box № 297.
- ⁵⁷⁶ Суслов В.В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 32.
- ⁵⁷⁷ Государственный архив Архангельской области (далее: ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1922.
- ⁵⁷⁸ Там же. Д. 1954. Л. 35.
- ⁵⁷⁹ Там же. Д. 1977.
- ⁵⁸⁰ Там же. Д. 1954. Л. 31.
- ⁵⁸¹ Там же. Д. 2031. Л. 3-4об.
- ⁵⁸² Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3928. Л. 5.
- ⁵⁸³ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 44. Л. 17.
- ⁵⁸⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3945. Л. 1.
- ⁵⁸⁵ Там же. Д. 3944. Л. 5.
- ⁵⁸⁶ Там же. Д. 3947. Л. 33.
- ⁵⁸⁷ Там же.

¹ После публикации в газете «Киевская мысль» (1910) статья А.В.Луначарского «Торвальдсен» появилась в посмертном сборнике статей и речей критика по вопросам изобразительного искусства («Статьи об искусстве» М., 1941). Сборник этот был составлен И.А.Санцем, являвшимся литературным секретарем наркома и сделавшим многое для издания трудов А.В. Луначарского. Сборник «Статьи об искусстве» был отпечатан в Ленинграде незадолго до начала войны, и почти весь его тираж (3000 экземпляров) сгорел на складе. Впоследствии были выпущены еще два аналогичных издания – А.В.Луначарский «Об изобразительном искусстве», М., 1967 (в 2-х томах), и А.В.Луначарский «Об искусстве», М., 1982 (в 2-х томах), в обоих имеется статья «Торвальдсен». Издания эти также были подготовлены к печати И.А.Санцем и содержат вступительную статью и комментарии составителя. Таким образом, со времени первой публикации статья «Торвальдсен» выдержала уже три издания, что лишний раз свидетельствует об ее ценности для историков искусства (Однако, данная статья не включена в собрание сочинений А.В.Луначарского в 8-ми томах (М., 1963-1964)).

² Григорович Д.В. Корабль «Ретвизан» // Нива. 1896. № 9 (сентябрь). С.107.

³ Подробнее о данной работе см. в статье: Михалкова Т.К. Работа А.М.Матушинского «Торвальдсен и его произведения» – первое фундаментальное исследование о датском скульпторе на русском языке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С 199-204.

⁴ Луначарский А.В. Об искусстве. Т.1. М., 1982. С. 165

⁵ Матушинский А.М. Торвальдсен и его произведения. // Русский вестник. 1865. № 6. С. 493; № 7. С.114.

⁶ Луначарский А.В. Об искусстве. Т.1. М., 1982. С.163. Ср.: Матушинский А.М. Торвальдсен и его произведения, Русский вестник. 1865. № 8. С. 511-512.

⁷ Луначарский А.В. Об искусстве. Т.1. М., 1982. С.163.

⁸ Там же. С.166.

⁵⁸⁸ Йокиппи М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 81–82, 86–90, 111, 164–165. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 132, 135, 145–147, 149. Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940–21.6.1941). М., 1969. С. 293, 306, 343.

⁵⁸⁹ Йокиппи М. Указ. соч. С. 87.

⁵⁹⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 347.

⁵⁹¹ Там же. С. 347.

⁵⁹² Там же. Т. 3. Кн. 1. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941–24.09.1942). М., 1971. С. 71.

⁵⁹³ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГАВМФ). Ф. Р-2209. Оп. 1.

Д. 154. Л. 1.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 1.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 1–2.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 2–3.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 3.

⁶⁰¹ Там же. Л. 3.

⁶⁰² Там же. Л. 4.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 4–5.

⁶⁰⁶ Там же. Л. 5–6.

⁶⁰⁷ Там же. Л. 6.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 6–7.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 7.

⁶¹⁰ Там же. Л. 7–8.

⁶¹¹ Там же. Л. 8.

⁶¹² Там же. Л. 13.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 319.

⁶¹⁵ Там же. С. 282.

⁶¹⁶ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 264.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Сборник документов. Т. 2, М. 1964. С. 215

² Ю.К.Паасикиви. Дневники (1944 – 1956 гг.) Ч. I, вып. I. М. 1987. С. 152

³ Ленинградская правда. 1946. 2 июня, 14 августа.

⁴ Ю.К.Паасикиви. Указ. соч. С. 229

⁵ Ленинградская правда. 1946. 31 декабря.

⁶ Правда. 1947. 15 января.

⁷ Ленинградская правда. 1947. 5 марта.

⁸ Там же. 1947. 29 марта.

⁹ На страже Родины. 1947. 19 июня; Правда. 1947. 19 июня.

¹⁰ Ленинградская правда. 1947. 19 апреля; Вечерний Ленинград. 1947. 29 апреля; Правда. 1947. 17 мая, 1947. 19 июня.

¹¹ Правда. 1947. 20 мая; Ленинградская правда. 1947. 10 июня.

¹² Ленинградская правда. 1947. 10 мая; Правда. 1947. 20 мая.

¹³ Ленинградская правда. 1947. 10 июня.

¹⁴ Вечерний Ленинград. 1947. 24 апреля; Ленинградская правда. 1947. 1 июня; На страже Родины. 1947. 21 июня.

¹⁵ На страже Родины. 1947. 13 июля; Ленинградская правда. 1947. 5 декабря.

¹⁶ Ленинградская правда. 1947. 13 июля.

¹⁷ Там же. 1947. 3 июля; 1948. 15 января; Правда. 1947. 15 августа; На страже Родины. 1947. 16 августа.

¹⁸ Ленинградская правда. 1947. 6 апреля.

¹⁹ Там же. 1947. 5 декабря.

²⁰ На страже Родины. 1948. 13 марта.

⁶¹⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (далее: СПб Ф АРАН). Ф. 135. Оп. 2. № 653. Л. 35, 97, 108, 141–143.

- ⁶¹⁸ Там же. Оп. 3. №1. Поселенные карточки 560 – 571.
- ⁶¹⁹ Там же. Оп. 2. № 653. Л. 35, 97, 108 - 110, 112, 119, 120.
- ⁶²⁰ Там же. Л. 105, 108, 110.
- ⁶²¹ Там же. Л. 155-156.
- ⁶²² Там же. Л. 149 – 150; Оп. 3. № 90. Поселенные карточки 440, 491, 493.
- ⁶²³ Куропятник А.И. Особенности этноконтактного поведения сельского населения Ленинградской области (по материалам переписей 1920 и 1926 гг.) // Вестник СПбГУ, Сер. 6. 1994. Вып. 4. № 2. С. 156 – 159.
- ⁶²⁴ Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. СПб. 1997. С.5
- ⁶²⁵ Smith A. National Identity. L., 1991. P.8.
- ⁶²⁶ Мунтян М.А. Интернационализация, интеграция и регионализация мира (постановка проблемы) // Проблемы глобальных и региональных процессов. М., 1996. С. 125.
- ⁶²⁷ Klinge M. Let us be Finns. Helsinki, 1999. P. 56
- ⁶²⁸ Pekonen K. Center-Periphery Relations in the Cycles of Political Symbols: the Problem of Modernity // Transformation of Ideas on a Periphery. Tampere, 1987. P. 51.
- ⁶²⁹ Kosonen K. Interpreting Maps in the Press- the Finnish Historical Experience // Russia and Finland in the 18th-20th century. Specifics of the Border. St. Petersburg. 1999 P. 162-163
- ⁶³⁰ Wuorinen J. H. A History of Finland. New York; London, 1965. P. 233
- ⁶³¹ Paasi A. Territories, boundaries and consciousness, the changing geographies of the Finnish-Russian border. 1996. P.97
- ⁶³² Alapuro R. State and Revolution in Finland. University of California Press, 1988. P.45
- ⁶³³ Paasi A. Op. cit. P.99
- ⁶³⁴ Kosonen K. Op. cit. P. 162-163
- ⁶³⁵ Hakkapeliitta 18.10. 1932. Цит. по: Ibid. P. 165
- ⁶³⁶ The questions of East Karelia and Petchenga. Hels., 1920. P. 6
- ⁶³⁷ Deudney D. Ground Identity: Nature, Place and Space in Nationalism in Lapid // The Return of Culture and Identity in IR Theory. London, 1996. P.132
- ⁶³⁸ Joenniemi P. Finland in the new Europe: A Herderian or Hegelian project? 1999. P.199.
- ⁶³⁹ Jakobson M. The Foreign Policy of Independent Finland in Finnish Foreign policy. Hels., 1965. P. 35.
- ⁶⁴⁰ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С.175.
- ⁶⁴¹ Там же. С.76.
- ⁶⁴² Tägil S. Ethnic and National Minorities in the Nordic Nation-building Process: Theoretical and Conceptual Premises // Ethnicity and Nation Building in the Nordic World. London, 1995. P.27 –28.
- ⁶⁴³ Kymlicka W. Multicultural citizenship. Oxford, 1995. P.2.
- ⁶⁴⁴ Eriksen T.H. Ethnicity & Nationalism: Anthropological Perspectives. London, 1993. P.68.
- ⁶⁴⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С.294.
- ⁶⁴⁶ Münkler H. Reich, Nation, Europa. Modelle Politischer Ordnung. Weinheim, 1996. S.68.
- ⁶⁴⁷ Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С.24.
- ⁶⁴⁸ Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С.17.
- ⁶⁴⁹ Геллнер Э. Нации и национализм // Вопросы философии. 1989. № 7. С.120.
- ⁶⁵⁰ Eriksen T.H. Op. cit. P.102; Tägil S. Op. cit. P.4 – 6; Thuen T. Quest for Equity. Norway and the Saami Challenge. Newfoundland, 1995. P. 56 – 65.
- ⁶⁵¹ Anderson B. Imagined Communities. London; New York, 1996.
- ⁶⁵² Thuen T. Op. cit.. P. 77.
- ⁶⁵³ Niemi E. Ethnonyms and Minority Policies in Norway. A Comparative Perspective on the Interwar period Fin de Siecle // Государство, религия и этносы на Севере. 700 – 1990. Архангельск, 1998. С.81- 85.
- ⁶⁵⁴ Tägil S. Op. cit. P.17.
- ⁶⁵⁵ Engman M. Finns and Swedes in Finland // Ethnicity and Nation Building in the Nordic World. London, 1995. P.182 – 184.
- ⁶⁵⁶ Шлыгина Н.В. Финляндские шведы // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С.195.
- ⁶⁵⁷ Horn F. Guaranteeing Linguistic Rights of Minorities: The Finnish Case // Changes in Contemporary Northern Societies. Diedut. 1997. No.7. P.63 – 81.
- ⁶⁵⁸ Минц Х., Степан А. «Государственность», национализм и демократизация // Полис. 1997. № 5. С.17.
- ⁶⁵⁹ Engman M. Op. cit. P.201 – 202.
- ⁶⁶⁰
- Kivennapa. Kylästä kylään. Hämeenlinna, 1989. S. 21-23.
- ⁶⁶¹ Российский государственный Исторический архив. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 200. Алфавитный реестр всем селениям в Выборгской губернии, состоящим по кирхшпилям и дачам.
- ⁶⁶² Там же.
- ⁶⁶³ Там же.

- ⁶⁶⁴ Шитов Д.И. Карельский перешеек - земля неизведанная. Часть 4. Восточный сектор: Рауту - Саккола (Сосново-Громово). СПб., 2000. С. 21.
- ⁶⁶⁵ Там же. С. 147-148.
- ⁶⁶⁶ Там же. С. 148.
- ⁶⁶⁷ Столица и усадьба. 1914, № 23. С. 38.
- ⁶⁶⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1234. Л. 24.
- ¹ Страна полуночного солнца и грамотных поселян // Отечественные записки. СПб., 1883. Т. 261(266). № 2. С. 505-506.
- ² Мечь С. Швеция и Норвегия. М., 1904. С. 40.
- ³ Ганзен П. Генрих Вергеланд (поэт и общественный деятель) // Русская мысль. СПб., 1897. №1. С. 98.
- ⁴ Цит. по: Чернышева О. В. Образ шведа в русском восприятии (XIX-XX) // Северная Европа: проблемы истории. М., 1999. С. 136.
- ⁵ Венюков М. И. По берегам Норвегии // Русская мысль. СПб., 1898. № 11. С. 45.
- ⁶ Водовозова Е. Н. Как люди на белом свете живут. Швеция и Норвегия. СПб., 1907. С. 19.
- ⁷ Русова С. Ф. В стране вольного крестьянства. Ростов-на Дону; СПб., 1905. С. 26.
- ⁸ За рубежом. Крестьянское царство // Жизнь. СПб., 1897. № 20; Страна полуночного солнца и грамотных поселян // Отечественные записки. СПб., 1883. Т. 267. № 3. С. 236, 218-219.
- ⁹ Орловский С. Путешествие по Норвегии. М., 1903.
- ¹⁰ Реклю Э. Швеция и Норвегия. СПб., 1896. С. 85-86; Коптев А. Путевые заметки по Швеции и Норвегии до Норд-Капа в 1892 г. СПб., 1893. С. 112-113.
- ¹¹ Водовозова Е. Н. Указ. соч. С. 23.
- ¹² Орловский С. Указ. соч. С. 227.
- ¹³ Там же. С. 220.
- ¹⁴ Коптев А. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁵ Марков Е. Л. На родине норманнов // Русский вестник. СПб., 1900. № 9. С. 183.
- ¹⁶ Новинский Н. З. У северных соседей (очерки Швеции и Норвегии). Харьков, 1913. С. 44-45.
- ¹⁷ Кулакова-Грот Е. Я. Норвегия. СПб., 1909. С. 40.
- ¹⁸ Водовозова Е. Н. указ. соч. С. 23.
- ¹⁹ За рубежом. Крестьянское царство. С. 237.
- ²⁰ Орловский С. Указ. соч. С. 224.
- ²¹ Новинский Н. З. Указ. соч. С. 68.
- ²² Кулакова-Грот Е. Я. Указ. соч. С. 34-35.
- ²³ Орловский С. Указ. соч. С. 221; Крюков Н. А. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899. С. 215; Страна полуночного солнца и грамотных поселян // Отечественные записки. 1883. Т. 267. № 3. С. 233.
- ²⁴ Кулакова-Грот Е. Я. Указ. соч. С. 39.
- ²⁵ Орловский С. Указ. соч. С. 229.
- ²⁶ За рубежом. Крестьянское царство. С. 232.
- ²⁷ Страна полуночного солнца и грамотных поселян // Отечественные записки. 1883. Т. 267. № 3. С. 235.
- ²⁸ Крюков Н. А. Указ. соч. С. 215; Мечь С. Указ. соч. С. 41; Водовозова Е. Н. указ. соч. С. 32.
- ²⁹ Кулакова-Грот Е. Я. Указ. соч. С. 36.
- ³⁰ Энкель. Швеция и Норвегия. СПб., 1880. С. 120; Кулакова-Грот Е. Я. Указ. соч. С. 40.
- ³¹ Новинский Н. З. Указ. соч. С. 75.
- ³² Там же. С. 87-88.
- ⁶⁶⁹ Правда. 1944. 21 сентября.
- ⁶⁷⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.9526. Оп.1. Д.1118. Л.19.
- ⁶⁷¹ Berge A. Flyktingpolitik i stormakts skugga. Sverige och de sovjetryska flyktingarna under andra världskriget. Uppsala, 1992. S.33. Всего в Швеции к концу войны насчитывалось до 100 000 беженцев из различных европейских стран: Норвегии, Дании, Голландии, Франции, Польши.
- ⁶⁷² Ibid. S.79.
- ⁶⁷³ ГАРФ. Ф.9526. Оп.1. Д.1119. Л.40, 118.
- ⁶⁷⁴ Там же. Д.1118. Л.25.
- ⁶⁷⁵ Hammarström U. Ingermanländerna som flydde till Sverige. Västerås, 1985. S.29.
- ⁶⁷⁶ ГАРФ. Ф.9526. Оп.1. Д.1118. Л.105.
- ⁶⁷⁷ В состав финской армии в 1943–1944 гг. входили два батальона, сформированные из советских уроженцев, принадлежавших к прибалтийско-финским народностям: 6-й отдельный батальон (Erillinen pataljoona 6) и 3-й соплеменный батальон (Heimopataljoona 3). В Швецию перебралось около 300 бывших служащих этих батальонов (Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki, 1989. S.310-311.).
- ⁶⁷⁸ Berge A. Op. cit. S.76.
- ⁶⁷⁹ Ibid. S.77, 79, 83.

- ⁶⁸⁰ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С.38. Всего на тот момент не вернулось в СССР, составив так называемую «вторую эмиграцию», свыше 450 тысяч советских выходцев, около 75 % которых составляли «западники», т.е. уроженцы Прибалтики, Западных Белоруссии и Украины и Бессарабии.
- ⁶⁸¹ В этом отношении показательна судьба одного из лидеров Кронштадтского восстания 1921 г. И. Петриченко, депортированного из Финляндии в СССР в 1945 г. и затем репрессированного.
- ⁶⁸² Врангель Н.Н. Скульпторы XVIII века в России. // Старые годы, 1907, июль-сентябрь. С.278; Врангель Н.Н. История скульптуры. Т. V. М., б.г. С. 143.
- ⁶⁸³ Мюллер А.П. Иностранные живописцы и скульпторы в России. М., 1924. С. 51-52.
- ⁶⁸⁴ Там же. С. 94.
- ⁶⁸⁵ Русский биографический словарь. Пг., 1916. Т. //Жабокритский – Зяловский//. С. 351; Петров В.Н. Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за сто лет ее существования. В 3-х ч. Ч. 1. С.392, 412, 451.
- ⁶⁸⁶ Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь в шести томах. Т. 4. Кн. 1. С. 295.
- ⁶⁸⁷ Врангель Н.Н. История скульптуры. С. 143.
- ⁶⁸⁸ Там же.
- ⁶⁸⁹ Врангель Н.Н. Скульпторы XVIII века в России. С.278.
- ⁶⁹⁰ Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI – начала XX в. М., 1978. С. 72-73.
- ⁶⁹¹ Там же. С. 144. Авторы называют Я.И. Земельгака «обрусевшим шведом». См.: Коваленская Н.Н. Ф.И. Шубин. История русского искусства. Т. VI. М., 1961. С. 348.
- ⁶⁹² Мюллер А.П. Указ. соч. С. 94-95; Пирютко Ю.М. Надгробные памятники: стиль, мастера, заказчики. – Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С.71.
- ⁶⁹³ Исаков С.К. Русская скульптура.// Императорская Академия художеств. Музей. Пг., 1915. С. 54.
- ⁶⁹⁴ Ряд данных о творчестве Я.И. Земельгака опубликован Кривдиной О.А.: 1). Скандинавская скульптура XIX века в Санкт-Петербурге. // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.- Архангельск, 2001. С. 265-267; 2). Скандинавская скульптура XIX века в Санкт-Петербурге. //Искусство и дизайн стран северной Европы. М., 2001. С.102-104.
- ⁶⁹⁵ Цит. по: Исаков С.К. Федот Шубин. М., 1938. С. 124; документ вновь процитирован: Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI – начала XX в.М., 1978. С.71. См.: РГАДА, ф. 1263, Голицыны.
- ⁶⁹⁶ Надгробие находилось на Лазаревском некрополе, откуда в 1954 г. перенесено в экспозицию Благовещенской усыпальницы Государственного музея городской скульптуры.
- ⁶⁹⁷ Пирютко Ю.М. Указ. соч. С.71.
- ⁶⁹⁸ Эпитафия напечатана в кн.: Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.Указ. соч. С.72.
- ⁶⁹⁹ Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996. С.579.
- ⁷⁰⁰ Исторические кладбища Петербурга. С.149, № 244.
- ⁷⁰¹ Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Указ. соч. С.145; Исторические кладбища Петербурга. С.157, № 403, 404.
- ⁷⁰² Пирютко Ю.М. Указ. соч. С.71.
- ⁷⁰³ Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Указ. соч. С. 73.
- ⁷⁰⁴ Пирютко Ю.М. Указ.соч. С.73. Обратим внимание, что этим автором принято написание фамилии «Земмель-гак».
- ⁷⁰⁵ Русский скульптурный портрет XVIII – начала XX века. Каталог выставки. ГРМ., Л., 1979. С.34-35, № 39.
- ⁷⁰⁶ Российский государственный Исторический архив. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1480. Л. 1, 2.
- ⁷⁰⁷ Скульптура XVIII – XIX веков. ГТГ. Каталог собрания. Т.1. М., 2000. С.155.
- ⁷⁰⁸ Там же. Цит. по: Там же. С.155.
- ⁷⁰⁹ Северный вестник. СПб., 1804. Ч. 3, № 8. С. 219, 220, 222, 229, 231.
- ⁷¹⁰ Русский скульптурный портрет XVIII – начала XX века. Каталог выставки. ГРМ., Л., 1979. С.34, № 38. В этом каталоге, так же как и в кн.: Скульптура XVIII – XIX веков. С.155 приведены сведения о вариантах и повторениях бюста И.И. Бецкого.
- ⁷¹¹ Кобеко Д.Ф. Скульптор Ж.Д. Рашетт и его произведения // Вестник изящных искусств. Т.1. Вып. IV, СПб., 1883. С.636-646.
- ⁷¹² Врангель Н.Н. История скульптуры.С. 134.
- ⁷¹³ Там же. С. 134.
- ⁷¹⁴ Мюллер А.П. Указ. соч. С. 58.
- ⁷¹⁵ В ряде источников местом рождения Ж.-Д. Рашетта ошибочно назван Копенгаген: Д.Ф. Кобеко. Указ. соч. С.636; Императорский фарфоровый завод. 1744-1904. СПб., 1906. С.390; Исаков С.К. Указ. соч. С. 122; Ф. Вайльбах указал город Valençay: Weilbach Ph. Nyt dansk Kunstnerlexikon. Т. 11, Kobenhavn. S.607.
- ⁷¹⁶ Сёренсен Б. Некоторые сведения о Ж.-Д. Рашетте до его приезда в Россию // Жак-Доминик Рашетт /1744-1809/. Каталог. ГРМ. Palace Editions. 1999. С. 19.

- ⁷¹⁷ Там же. С.20, 26; эти же данные приведены: Скульптура XVIII – XIX веков. ГТГ. Каталог собрания. Т.1. М., 2000. С. 234.
- ⁷¹⁸ В 1770 г. у Ж.-Д. Рашетта родился третий ребенок. См.: Сёренсен Б. Указ. соч. С.24.
- ⁷¹⁹ Статуя «Юпитер-громовержец» в 1786 г. была отправлена из Петербургской Академии художеств в Берлин на выставку прусской Королевской Академии художеств, членом которой Рашетт был избран в 1784 г. До 1925 года находилась в музее Академии художеств в Петербурге, откуда поступила в ГРМ.
- ⁷²⁰ Жак-Доминик Рашетт /1744-1809/. Каталог. С.21-25, 27.
- ⁷²¹ Там же. С.21.
- ⁷²² Исаков С.К. Указ. соч. С. 122-123, № 1077, № 1082, № 1139, № 1313, № 1410.
- ⁷²³ О приглашении Ж.-Д. Рашетта в Петербург князем А.А. Вяземским см.: Скульптура XVIII – XIX веков. ГТГ. Каталог собрания. Т.1. М., 2000. С. 234.
- ⁷²⁴ Шурыгин Я.И. Скульптура Казанского собора. – Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – Вып. IV. М.-Л., 1960. С. 371-392.
- ⁷²⁵ О надгробии А.А. Безбородко см.: Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Указ. соч. С.88; Пириютко Ю.М. Указ. соч. С. 74-75; Карпова Е.В. Жак-Доминик Рашетт в России. // Жак-Доминик Рашетт /1744-1809/. Каталог. С.6-8.
- ⁷²⁶ Сёренсен Б. Указ. соч. С. 26.
- ⁷²⁷ Жак-Доминик Рашетт /1744-1809/. Каталог.
- ⁷²⁸ Скульптура XVIII – начало XX века. Каталог. ГРМ., Л., 1988. С. 130-132, № 1034-1063.
- ⁷²⁹ Скульптура XVIII – XIX веков. ГТГ. Каталог собрания. Т.1. М., 2000. С. 234-237, № 296-301.
- ⁷³⁰ Aron Andersson Collection. European XVIIIth Century Porcelain. Nationalmuseum Stockholm. 1984. P.9.
- ⁷³¹ Ibid. P.10.
- ⁷³² Ibid. P.114. NM 186/1984.
- ⁷³³ Ibid. P.114. NM 187-188/1984.
- ⁷³⁴ Ibid. P.115. NM 189/1984.
- ⁷³⁵ Ibid. P.123-125. NM 214-218/1984.
- ⁷³⁶ Ibid. P.128. NM 223-224/1984.
- ⁷³⁷ Ibid. P.128-129. NM 225/1984, 227-229/1984.
- ⁷³⁸ Ibid. P.133. NM 238-239/1984.
- ⁷³⁹ Ibid. P.131. NM 230-233/1984.
- ⁷⁴⁰ Ibid. P.134. NM 240-242/1984.
- ⁷⁴¹ Ibid. P.136. NM 247/1984.
- ⁷⁴² Ibid. P.137. NM 248/1984.
- ⁷⁴³ Ibid. P.138. NM 249-250/1984.
- ⁷⁴⁴
- ⁷⁴⁵ Кузьминский К. Забытый гравер. //Среди коллекционеров. № 11-12. 1923. С.54.
- ⁷⁴⁶ Список типографий, литографий...словолитен и т.п. заведений в Петербурге. //Обзор графических искусств. № 14-15. 1879. С.93.
- ⁷⁴⁷ Российский государственный Исторический архив (далее: РГИА). Ф.789. Оп. 14. Д. 98-Г. Л. 4.
- ⁷⁴⁸ Гассельблат Ю.Г. Гравирование на дереве в России.//Вестник изящных искусств. Вып. 6. СПб.: 1887. с. 505.
- ⁷⁴⁹ С А.П. Боголюбовым Гогенфельдена связывали давние дружеские отношения. Еще в 1854 году для «Сборника известий, относящихся до настоящей войны» Н.Путилова Гогенфельден сделал несколько ксилографий с картин А. Боголюбова о Крымской войне. В 1862 г. в типографии Гогенфельдена была напечатана книга «Волга от Твери до Астрахани». Текст Н.П. Боголюбова, рисунки А.П. Боголюбова, гравировал Г. Гогенфельден.
- ⁷⁵⁰ РГИА. Ф.789. Оп.14. Д. 98-Г. Л. 8.
- ⁷⁵¹ Там же. Л. 9.
- ⁷⁵² Подробнее об этом: Белов С.В. Издатель Пушкина Я.А. Исаков //Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21.
- ⁷⁵³ Либрович С.Ф. Дело о рыбаке и рыбке: История одного пушкинского издания. // Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольфа. 1915. № 12. С. 282-288.
- ⁷⁵⁴ Чистяков Михаил Борисович (1809-1885)- известный детский писатель-педагог. Соученик В.Г. Белинского и А.И. Герцена по Московскому университету. С 1851 по 1865 г. издавал «Журнал для детей».
- ⁷⁵⁵ Кириков Б.М., Федоров С.Г. Городок Нобелей на Выборгской стороне // Историко-культурный семинар "Стокгольм - Петербург". Л., 1989. С. 11-15; Кириков Б.М. Ф.И.Лидваль и шведская колония в Петербурге // Заповедная зона Ленинграда: вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции. Л. 1989. С. 49-53; Кириков Б.М. Петербургский архитектор Карл Андерсон // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 160-167. Лисовский В.Г. Федор Лидваль и его петербургские сотрудники // Шведы на берегах Невы. С. 169 – 176; Мешкунов В.С. Русские Нобели // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 4. С. 92-116; Мешкунов В.С. Благотворительная деятельность семьи Нобель // Шведы на берегах Невы. С. 277 – 279; Семенов С.В. Семья Нобель. Династия первооткрывателей //Конкуренция и рынок. №2 (9). 2001. С.152-157; Семенов

С.В. Династия шведских промышленников и общественных деятелей Нобель в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002. С. 28-40; Семенов С.В. Санкт-Петербургская семья Нобель – династия промышленников, ученых, меценатов (по архивным данным) // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 306-337; Фритц М. Шведские промышленники в Петербурге на рубеже XX века // Шведы на берегах Невы. С. 268 - 270.

⁷⁵⁶ Атлас столичного города Санкт-Петербурга, состоящий из одиннадцати частей и 51го квартала. Сочинень въ Санкт-Петербурге при Сенате 1798. Планъ Выборгской части. 2го Квартала. Планъ CL11. Участок № 221.

⁷⁵⁷ Подробный план Столичного города Ст.Петербурга снятый по масштабу 1/4200 под начальством Генерал-Майора Шуберга. Гравирован при Военно-Топографическом депо. 1828. СПб., 1828.

⁷⁵⁸ Центральный государственный Исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб). Ф. 513. Оп. 102. Д. 2837. Л. 31-32.

⁷⁵⁹ Атлас 13 частей Санкт-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов. Составил Н. Цылов. 1849 г.-., 1849. СПб.

⁷⁶⁰ ЦГИА СПб., Ф. 513. оп. 102. Д. 2858. Л. 1-14, 21-22.

⁷⁶¹ Там же. Л. 16-20.

⁷⁶² Там же. Л. 44-44об.

⁷⁶³ Там же. Л. 23-26,

⁷⁶⁴ Там же. Л. 33-40.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 52-68.

⁷⁶⁶ Там же. Л. 72-74.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 384-394.

⁷⁶⁸ Там же. Л. 75-86.

⁷⁶⁹ Там же. Д. 2858; 2859.

⁷⁷⁰ ПСЗРИ. 2-е собр. Т. XXXVI. Отд. I. -СПб. 1863. С. 866. № 37110. 1861 г.; 16 (28) июня "Высочайше утвержденный план 1 и 2 кварталов Выбогской части, с показанием вновь предполагаемого урегулирования улиц".

⁷⁷¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 170. Д. 37. Л. 7. "Всепоподаннейший " доклад Министра Внутренних Дел (по Техническо-Строительному Комитету) рассмотренный Александром II 13 марта 1870 года, об изменении плана урегулирования местности Выборгской части.

⁷⁷² ЦГИА СПб., Ф.513. Оп. 102. Д. 2858. Л. 81-86.

⁷⁷³ Там же. Ф. 256. Оп. 2. Д. 846. Л. 1-3.

⁷⁷⁴ Там же. Ф.513. Оп. 102. Д. 2858. Л. 178-186.

⁷⁷⁵ Там же. Л. 79об.

⁷⁷⁶ Там же. Л. 93-114, 115-142.

⁷⁷⁷ Там же. Л. 157-167.

⁷⁷⁸ Там же. Л. 87об-92, 168-169.

⁷⁷⁹ Там же. Л. 188-200.

⁷⁸⁰ Там же. Л. 201-241.

⁷⁸¹ Там же. Л. 265-270.

⁷⁸² Там же. Л. 271-294, 295-310, 311-313.

⁷⁸³ Там же. Л. 338-344, 345-350.

⁷⁸⁴ Там же. Л. 370-377; Д.2859. Л. 1-4, 9-20.

⁷⁸⁵ Там же. Д. 2859. Л. 25-42.

⁷⁸⁶ Там же. Л. 43-53, 54-63.

⁷⁸⁷ Там же. Л. 103-106.

⁷⁸⁸ Там же. Л. 143-168.

⁷⁸⁹ Там же. Л. 169-190.

⁷⁹⁰ Там же. Л. 191-198.

⁷⁹¹ Там же. Л. 199-202.

⁷⁹² Там же. Л. 218-227.

⁷⁹³ Там же. Л. 238-246.

⁷⁹⁴ Там же. Л. 288-294.

⁷⁹⁵ Там же. Л. 302-309.

⁷⁹⁶ Там же. Д. 2858. Л. 384-394;Ф. 1258. Оп. 4. Д. 39. Л. 8-10, 99об, 103об, 112.

⁷⁹⁷ Там же. Оп. 102. Д. 2858. Л. 61-63.

⁷⁹⁸ Там же. Л. 142-156.

⁷⁹⁹ Там же. Л. 170-187.

⁸⁰⁰ Там же. Л. 201-229.

⁸⁰¹ Там же. Л. 295-310, 311-328.

⁸⁰² Там же. Л. 351-369.

⁸⁰³ Там же. Д. 2859. Л. 21-25.

⁸⁰⁴ Там же. Л. 90-102, 113-127, 133-142.

⁸⁰⁵ Там же. Л. 113-116, 169-190.

⁸⁰⁶ Там же. Л. 113-116.

⁸⁰⁷ Там же. Л. 133-136.

⁸⁰⁸ Там же. Л. 1-4.

⁸⁰⁹ Б-вв. Преосвященный Вениамин – архиепископ Петроградский // Русский паломник. 1917, № 24. С.287.

⁸¹⁰ Там же.

⁸¹¹ Панормов И., протоиерей. Проводы бывшего ректора Самарской духовной семинарии, протоиерея Н.И.Боголюбского // Самарские епархиальные ведомости [СЕВ]. 1902, № 8. С. 372 - 382; № 9. С. 399 - 412 (на С. 406).

⁸¹² Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 796. Оп. 184. Д. 265.

⁸¹³ СЕВ. 1903, № 21, 22, 24; 1904, № 1, 3 - 8. Описание путешествия по Финляндии см.: 1904, № 4. С. 263-281; № 5. С. 315-319.

⁸¹⁴ О.А.М. Очерк жизни бывшего Коневского строителя и Тихвинского архимандрита отца Илариона, с его портретом. СПб., 1861. С.5.

⁸¹⁵ Ныне г. Сортавала. Город основан в 1617; по Ништадтскому миру (1721) отошел к России; в 1809-1917 входил в состав Великого Княжества Финляндского, в 1917-1940 - Финляндской республики. Ныне районный центр Республики Карелия (Российская Федерация).

⁸¹⁶ Сердобольский Никольский погост Новгородской епархии существовал уже в XIV в. Его церковь находилась на острове Ладожского озера, в 2 км от нынешнего города Сортавала. В 1785 г. в самом городе была построена деревянная Петропавловская церковь. Строительство каменного храма на том же месте оказалось невозможным из-за свойств грунта, и он был сооружен в 1869-1873 гг. на северной окраине Сердоболя. См.: Сердобольская Петропавловская церковь. - Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 4. СПб., 1875. I. С. 138-149.

⁸¹⁷ Окулов Сергей Николаевич (25 сентября 1853 г. - 8 февраля 1940 г.), протоиерей. Окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию (1875). С 1876 г. священствовал в Сердоболе. С 1884 г. одновременно законоучитель православных воспитанников Ювесьюльской учительской семинарии близ Сердоболя. Знаток финского языка и один из главных деятелей братства свв. Сергия и Германа Валаамских по переводу духовной литературы с русского языка на финский. Под его редакцией братство выпустило более 10 брошюр. Перевел на финский язык литургию св. Иоанна Златоуста (1881 г., совместно со свящ. М.С.Скородумовым и учителем К.И.Якубовым), "Начальное наставление в православной христианской вере" прот. Д.Соколова. Совместно с одним из местных учителей им составлена и напечатана "Азбука для православных финнов" (1889), совместно со священниками М.С. и К.С.Скородумовыми - "Пространный катехизис" (1892), совместно с протоиереем М.Н.Казанским - Календари на 1893, 1894, 1895 гг. Первый ректор (1918-1930) духовной семинарии в Сортавале, организованной при его активном участии. См.: Partukoski Helvi. Sergei Okulov. - Ortodoksia. Kuopio. 1981, № 31. С. 88-115.

⁸¹⁸ Гостиница "Cascade d'Imatra" (ныне Imatran Valtionhotell) построена за счет финляндской казны по проекту архитектора У.Нюстрема (1861-1925).

⁸¹⁹ Покровская церковь (каменная, 1785). См. о ней: Соловьев Н., свящ. Вильманstrandская Покровская церковь. - Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 4. СПб., 1875. I. С. 122-126.

⁸²⁰ Спасо-Преображенский собор г. Выборга, освященный в 1787 г., в 1892 г. стал кафедральным собором новоучрежденной Финляндской епархии. С 1948 г. – приходской храм Ленинградской (ныне С.-Петербургской) митрополии. См.: Китнер Ю.И. Новое о Преображенском соборе в Выборге. - Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987. М., 1988. С. 421-434.

⁸²¹ Главная улица древнего Выборга. В XVII в. носила название Королевской, с конца XVIII в. - Екатерининская, ныне - Крепостная.

⁸²² -чъ. У архиеп[ископа] Вениамина // Петроградский листок. 1917. № 128 (28.V/10.VI). С. 9.

⁸²³ Фибих И. Советское театральное искусство и пролетарско-революционный театр Веймарской республики // Записки о театре. Сб. Трудов Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Л., 1968. С. 280-282.

⁸²⁴ РГАСПИ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-2.

⁸²⁵ Там же. Л. 54-56.

⁸²⁶ Театр и драматургия. 1933. № 2-3. С. 17.

⁸²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.540. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-6.

⁸²⁸ Там же. Л. 29.

⁸²⁹ Там же. Д.52. Л. 6.

⁸³⁰ Театр и драматургия. 1933. № 2-3. С. 15-17.

⁸³¹ Известия. 1933. 4 июня.

⁸³² Там же. 1 июня.

⁸³³ Das internationale Theater. 1934. N 1. S. 6.

⁸³⁴ Ibid. S. 62.

⁸³⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 219. Л. 46; Оп. 5. Д. 418. Л. 1-2; Д. 517. Л. 17.

⁸³⁶ Там же. Л. 24, 70.

- ⁸³⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 1. Д. 40. Л. 3. 22; Театр и драматургия. 1937. № 5. С. 124.
- ⁸³⁸ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 7. Д. 6. Л. 4, 10-23.
- ⁸³⁹ Театр и драматургия. 1937. № 10. С. 4.
- ⁸⁴⁰ Большая советская энциклопедия. Т.44. М., 1953. С.449
- ⁸⁴¹ Электронная энциклопедия Кирилла и Мефодия // <http://mega.km.ru/>.
- ⁸⁴² Бухаркина М.Ю. Мультимедийный учебник: что это? // Иностранные языки в школе. № 4, 2001.
- ⁸⁴³ Книжное обозрение. 2002. №6.
- ⁸⁴⁴ Антонова Т. С., Харитонов А. Л. Мультимедийный учебник. Поиски жанра // Компьютер Пресс. 1998. №9.
- ⁸⁴⁵ Агафонова С.Ю., Смолин Д.В. Методологические основы качества электронных учебников европейских иностранных языков. // http://www.vc.secna.ru/Books/Files/1999-02/HTML/09/pap_09.html.
- ⁸⁴⁶ Алейников В. В, Алдушонков В. Н. Использование мультимедийного учебника, как средства компьютерных технологий при обучении студентов. // <http://ito.bitro.ru/1999/II-5/5119.html>.
- ⁸⁴⁷ Suomea ole hyvä // <http://cc.oulu.fi/~mkarjala/soh2/>
- ⁸⁴⁸ Бухаркина М.Ю. Указ. соч.
- ⁸⁴⁹ По вопросам данной темы авторами был опубликован ряд статей: Кириленко И.В., Папаскири Т.В. Скандинавский лизайн. Традиции и современность. М., 1996; Кириленко И.В., Папаскири Т.В. Символы и эзотерика в скандинавском искусстве. // Русско-скандинавские культурные и художественные связи: Тезисы докладов международной научной конференции. М., ГМИИ им. А.С. Пушкина. 2001. С.61-63; Кириленко И.В., Папаскири Т.В. Духовное в искусстве и связь времен. // Искусство и дизайн стран северной Европы. М., 2001. С.90-101.
- ⁸⁵⁰ Hautamäki I. Hanny Väisänen`s Cult of contemporary art. Form. Function-Finland, №78. 2/2000. P. 48-50.
- ⁸⁵¹ Ibidem.
- ⁸⁵² Juli Capella Samper, Roberta Lord, Paola Antonelli, Jörn Donner. Lindfors. Rational animal. Media center Lume at the University of art and Design. Helsinki (UIAN), 2000.